Виктору Соколову
Великому Владимирцу
Калашу

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

БОГОЛѢПОВЪ.

ЗАПИСКИ
Е. Б.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П Яковлева“, Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1912.

Николай Павловичъ

Боголѣповъ.

Записки
Е. Б.

Москва.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1912.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3350

Худож. фотот. К.

Николай Павловичъ Боголѣповъ.

Дѣтство и юность.

I.

Николай Павловичъ Боголѣповъ родился въ 1846 г., въ уѣздномъ городѣ Серпуховѣ. Отецъ его, Павелъ Андреевичъ Боголѣповъ, былъ тамъ квартальнымъ надзирателемъ. О немъ я много слышала отъ сестеръ его—Елпаниды Андреевны Аркадьевой и Татьяны Андреевны Виноградовой. Обѣ онѣ были уже старушками, когда я съ ними познакомилась. Съ большимъ интересомъ слушала я ихъ разсказы; онѣ съ большой простотой описывали характеръ брата и разные факты его жизни. Когда я выслушала ихъ передо мною вырастала личность съ мощнымъ характеромъ, съ высокой чистой душой, съ отзывчивымъ сердцемъ и съ нѣкоторою суровостью во внѣшнихъ пріемахъ. Всѣ эти свойства рѣзко выдѣляли Павла Андреевича изъ окружающей среды уѣздной глуши сороковыхъ годовъ XIX-го столѣтія. Крайне строгій къ себѣ, онъ былъ требователенъ и къ другимъ. Отъ сестеръ и въ особенности отъ дѣтей онъ требовалъ вездѣ и во всемъ исполненія долга и при этомъ поощрялъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, до своей женитьбы, когда сестры жили еще

съ нимъ, онъ всегда съ необыкновенною сердечностью относился къ ихъ нуждамъ и даже охотно доставлялъ имъ удовольствія, насколько это позволяли ему его скудныя средства. Своею безукоризненною честностью, благородствомъ и взглядами на исполненіе долга, онъ создавалъ себѣ много враговъ въ тѣ времена, когда взятки и всякаго рода злоупотребленія такъ были распространены на высшихъ и низшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы.

Въ 1845 году Павелъ Андреевичъ женился на Эмиліи Карловнѣ Фильгаберъ, нѣмкѣ по происхожденію. Дѣтей у нихъ было восемь человѣкъ. Первая была дочь Анна, а второй сынъ Николай. При такой семьѣ и при небольшомъ жалованіи можно было назвать Боголѣповыхъ бѣдными, но, при скромныхъ требованіяхъ Павла Андреевича, при его аккуратности и при рѣдкомъ умѣніи его жены вести хозяйство, они не только сводили концы съ концами, но еще помогали болѣе бѣднымъ, чѣмъ они, родственникамъ. Подъ ихъ крылышко пріѣзжали и тѣ изъ нихъ, которые были безъ мѣста, и тѣ, которые нуждались въ деньгахъ: первые гащивали подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ, вторые получали посильную денежную помощь. Такъ, по оставшимся отъ Павла Андреевича записямъ, видно, что онъ ежемѣсячно выдавалъ сестрѣ своей, Варипсавѣ Андреевнѣ по десяти рублей; я могла бы назвать много другихъ лицъ, пользовавшихся благодѣяніями Павла Андреевича.

Вся эта большая семья, съ постоянными гостями, помѣщалась въ небольшомъ деревянномъ домѣ съ обширнымъ садомъ. Этотъ домъ былъ достояніемъ Павла Андреевича. Тамъ и провелъ свое раннее дѣство до одиннадцати лѣтъ Николай Павловичъ. Несмотря на довольно суровую строгость родителей, дѣтямъ ихъ

жилось хорошо и привольно. Отъ нихъ требовалось строгое исполненіе ихъ дѣтскихъ обязанностей, т.-е. безусловное повиновеніе, правдивость и самопомощь; ихъ пріучали постоянно обходиться безъ посторонней помощи, одѣваться и содержать свою одежду и вещи въ чистотѣ и опрятности; вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ давали много свободы и развивали въ нихъ мужественную самостоятельность. Зимой и лѣтомъ, долгими часами дѣти играли одни въ саду, который былъ совершенно ихъ дѣтскимъ царствомъ; но далѣе сада было запрещено ходить, и непослушаніе влекло за собою строгое наказаніе. Конечно, при этомъ наиболѣе шаловливые изъ нихъ иногда попадали въ бѣду, но и тогда, когда они ушибались и бѣжали съ жалобными криками къ старшимъ, ихъ учили терпѣливо сносить послѣдствія собственной неосторожности. Воспитаніемъ дѣтей занимались родители сами. Особенное сильное вліяніе имѣлъ на дѣтей отецъ. Своимъ недюжиннымъ характеромъ онъ производилъ и на нихъ обаятельное впечатлѣніе. Постоянно дѣятельный и требовательный къ себѣ, къ дѣтямъ и къ подчиненнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ такъ добръ и отзывчивъ на всякую чужую бѣду, что невольно внушалъ окружавшимъ его любовь и уваженіе. Къ тому же, несмотря на суровый видъ, пріемы и сосредоточенную молчаливость въ работѣ и дѣлѣ, его нельзя было назвать скучнымъ и тяжелымъ, потому что онъ охотно и благодушно поощрялъ чужое веселье и принималъ въ немъ участіе. По отзывамъ сына, Павелъ Андреевичъ не былъ образованъ, но черпалъ силу и поддержку для своихъ благородныхъ стремленій и высокихъ поступковъ въ глубокомъ благочестіи, которымъ было проникнуто все его существо. Онъ могъ выстаивать цѣлыми часами продолжительныя церковныя службы,

при чемъ весь уходилъ въ себя и сосредоточенно молился. Къ этому внушительному, сильно выраженному религіозному настроенію присоединялось и внѣшнее благоговѣйное почитаніе церковныхъ обрядовъ; въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящимъ православнымъ и не только самъ съ большою точностью исполнялъ всѣ церковные обряды и правила, но и принуждалъ къ тому всю семью. Хоть разъ въ недѣлю онъ отправлялся съ женою и дѣтьми на богомолье въ сосѣднюю пустынь; нерѣдко также стояли они обѣдню въ Серпуховскомъ женскомъ монастырѣ; почти каждое воскресенье дѣти вмѣстѣ съ родителями бывали у обѣдни; всенощныя иногда служились у нихъ на дому; посты соблюдались въ точности, и на страстной недѣлѣ дѣти присутствовали на всѣхъ службахъ.

Первоначальнымъ обученіемъ дѣтей занималась мать; но дальнѣйшее ихъ образованіе было поручено лучшему въ городѣ учителю, Митрофанову, кончившему курсъ на филологическомъ факультетѣ московскаго университета въ Уваровское время. Николай Павловичъ въ своей автобіографіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Митрофанова: «Помню, что уроки его были и интересны и серьезны. Онъ систематически возставалъ противъ неосмысленнаго зубренія уроковъ, которое тогда было въ большомъ ходу. Я считаю себя очень обязаннымъ этому почтенному и доброму, хотя и строгому, учителю. Я оцѣнилъ его манеру преподаванія позже, въ гимназіи, когда сравнилъ свою подготовку съ подготовкой другихъ товарищей». Какъ видно, учитель былъ строгъ и требователенъ, какъ и родители. Эмилія Карловна Боголѣпова разсказывала впослѣдствіи о томъ, какъ болѣло у нея сердце, когда сыновья, въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ должны были тщательно готовить

большое количество уроковъ, заданныхъ Митрофановымъ. Дѣтямъ она объ этомъ не говорила, чтобы не подорвать авторитетъ учителя и не зародить въ нихъ мысли объ утомленіи, которая, могла бы оправдывать ихъ лѣнь, — тѣмъ болѣе, что оба мальчика въ ранніе годы были лѣнивы. Причины лѣни были не одинаковы у того и удругого: старшій былъ худой, малокровный мальчикъ; очень можетъ быть, что продолжительная работа утомляла его, когда становилась слишкомъ напряженной; второй, Леонидъ, былъ здоровымъ, краснощекимъ крѣпышомъ: при избыткѣ силъ и здоровья, его больше манили движеніе, воля и просторъ, нежели сидѣніе дома за уроками. Но лѣнь у нихъ продолжалась не долго. По поступленіи въ гимназію она пропала у обоихъ. Когда старшему, Колѣ, минуло 11 лѣтъ, въ 1857 году родители рѣшили отдать его въ Московскую I-ю гимназію пансіонеромъ. Много горя причинило это рѣшеніе и матери и сыну. Почти одновременно Эмилія Карловна должна была отдать и старшую дочь свою Анну въ Московскій Елизаветинскій институтъ, а между тѣмъ Анна и Николай, по причинѣ ихъ большой кротости, были ея любимцами. Послѣдній, не по лѣтамъ сдержанный, былъ трогательно почтителенъ и внимателенъ къ матери. Не разъ я слышала отъ нея, что этотъ ея сынъ никогда не былъ грубъ съ нею. А надо замѣтить, что сама Эмилія Карловна была очень вспыльчива и несдержана, такъ что въ минуту гнѣва ея дѣтямъ должно было сильно отъ нея доставаться. Понятно поэтому, какъ тяжела была разлука съ такимъ сыномъ: но что дѣлало ее еще болѣе горькой, это—отдаленность гимназіи и черезчуръ суровыя, подчасъ даже жестокія, условія школьной жизни того времени. А оставить сына дома, при горячемъ и настойчи-

вомъ желаніи родителей дать дѣтямъ образованіе, было немыслимо.

Въ Серпуховѣ въ то время не было ни гимназіи, ни прогимназіи. Дальнѣйшее домашнее подготовленіе, по мѣрѣ подрастанія дѣтей, становилось невозможнымъ по недостатку средствъ. При описанныхъ выше условіяхъ — скудномъ жалованіи (около 1000р. ассигнаціями въ годъ), большой семьѣ и массѣ родственниковъ, пользовавшихся добротою Павла Андреевича, — даже плата въ гимназію (100р. въ годъ за пансіонера) сильно отзывалась на благосостояніи всей семьи и требовала всякаго рода жертвъ и лишеній.

Дѣтское сердце будущаго гимназиста также болѣло и тосковало при мысли о предстоящей разлукѣ и о новой невѣдомой жизни, но примѣръ отца, его строгость и боязнь разогорчить мать, вызывали въ немъ рѣдкое въ ребенкѣ мужество и самообладаніе. Отецъ не счелъ даже нужнымъ ободрять или утѣшать сына; своею сдержанностью онъ внушалъ ему, что надо смиряться передъ необходимостью и безропотно исполнять долгъ, какъ нѣчто совершенно естественное и неизбѣжное. Послѣднее мальчикъ слышалъ постоянно съ ранняго дѣтства, и оно глубоко запало ему въ сердце; къ тому же, слышанное подтверждалось блестящимъ примѣромъ отца. Послѣдній, вмѣсто утѣшенія, напутствовалъ маленькаго сына наставленіями вести себя въ гимназіи безукоризненно, возвращаться домой съ одними только пятерками. Не удивительно поэтому, что прирожденная мальчику сила воли крѣпла и росла. То же самообладаніе помогло ему перетерпѣть и первое тяжелое время въ гимназіи. Несмотря на сильно развитую волю, въ этомъ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ была нѣжная и впечатлительная душа. Описывая первые годы своего пребыванія

въ гимназіи, Николай Павловичъ говоритъ въ своей автобіографіи: «Долгое время, года три, я не могъ примириться съ казарменной холодной обстановкой тогдашней пансіонной жизни. Мои товарищи, какъ цыплята, клевали другъ друга и особенно болѣе слабыхъ. и мнѣ досталась та же доля — правда, не худшая, чѣмъ другимъ. Хотя мнѣ подчасъ было очень горько, и особенно первое время, послѣ полной участія и безпечности семейной жизни, однако благоразумная суровость отцовскаго режима и строгость учителя Митрофанова помогли мнѣ перенести это время безъ отчаянія». Значитъ, мальчикъ такъ сильно страдалъ нравственно отъ новой обстановки, что былъ близокъ къ отчаянію. Такая чувствительность и впечатлительность вполнѣ понятны при тогдашней, крайне суровой, скажу даже, жестокой гимназической педагогіи.

То было время, когда провинившихся воспитанниковъ не только надолго сажали въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, но и сѣкли по субботамъ. Долго по выходѣ изъ гимназіи Николай Павловичъ вспоминалъ, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ тогда на него и его маленькихъ товарищей одинъ возмутительный фактъ, случившійся въ стѣнахъ гимназіи: въ одну изъ субботъ одинъ несчастный, слабый и хилый, мальчикъ былъ засѣченъ до смерти. Можно себѣ. представить, какой ужасъ долженъ былъ овладѣть дѣтской душой и воображеніемъ при извѣстіи о смерти высѣченнаго товарища. Но не говоря уже о такихъ грубыхъ и возмутительныхъ проявленіяхъ тогдашней гимназической жизни, и самая казарменная холодная обстановка ея тяжело отзывалась на мальчикѣ, съ тоскою вспоминавшемъ привѣтливый серпуховской домъ и дорогихъ, любящихъ лицъ. Малень-

кіе товарищи его, какъ водится, не только больно дрались, но и всячески старались запугать его страшными разсказами о небывалыхъ появленіяхъ духовъ и привидѣній въ темныхъ коридорахъ и въ другихъ плохо освѣщенныхъ мѣстахъ гимназіи. Наконецъ, его пугали и смущали и новые наставники и приувеличенные, а иногда и заслуженные разсказы гимназистовъ объ ихъ строгости и несправедливости; но, несмотря на страхъ и тоску, мальчикъ вышелъ побѣдителемъ надъ грозившимъ ему отчаяніемъ, не палъ духомъ, а напротивъ того — подтянулся, сосредоточился и уже спустя два мѣсяца по вступленіи въ гимназію былъ посаженъ въ классѣ вторымъ ученикомъ. Когда онъ пріѣхалъ домой въ первый разъ на рождественскія каникулы, отецъ остался доволенъ его успѣхами и поведеніемъ, и только съ нѣкоторымъ упрекомъ спросилъ, прочитавъ его отмѣтки: «А зачѣмъ тутъ стоятъ двѣ четверки?» Съ этихъ поръ мальчикъ сталъ учиться еще прилежнѣе и съ каждымъ годомъ давалъ все рѣже поводъ отцу дѣлать подобный упрекъ. Насколько успѣхи его были блестящи и поведеніе безупречно, можно видѣть изъ того, что, при поступленіи Леонида Боголѣпова въ гимназію, гимназическое начальство радостно привѣтствовало его, какъ брата ученика, слывущаго «красой гимназіи». Переходя въ высшіе классы, Николай крѣпъ физически и нравственно и, по его собственному выраженію, сталъ переходить въ отношеніяхъ къ товарищамъ изъ положенія обижаемаго въ положеніе обороняющагося. Занятія его шли такъ успѣшно, что уже съ 3-го класса у него оставалось достаточно времени, чтобы давать уроки отсталымъ ученикамъ, нуждавшимся въ помощи и объясненіяхъ. Въ первые годы своего учительства 13-лѣтній мальчикъ

получалъ только 30 коп. въ мѣсяцъ. Заработанныя деньги онъ тратилъ не на себя, а копилъ свои гроши, чтобы покупать гостинцы своей сестрѣ Аннѣ, учившейся въ Елизаветинскомъ институтѣ. Гостинцы относились сестрѣ въ праздничные дни. Эта сестра, нѣжная, кроткая и несмѣлая, еще болѣе его страдала среди чужихъ въ холодной институтской обстановкѣ. Доброе и отзывчивое сердце мужественнаго маленькаго покровителя забывало свою собственную тоску по дому, чтобы развлечь и утѣшить сестру.

Въ послѣдующихъ классахъ плата за уроки увеличалась, и мальчику стало хватать заработка на расходы по каникулярнымъ поѣздкамъ домой. Эти поѣздки доставляли ему неописанную радость. Кромѣ радостнаго ожиданія близкаго свиданія съ родными, само путешествіе на почтовыхъ въ возкѣ или въ телѣгѣ, воля и просторъ, долгія остановки на постоялыхъ дворахъ — все это, въ соединеніи иногда съ приключеніями, имѣли особенную прелесть для гимназиста, тяготившагося стѣсненіями школьной жизни. Первые годы онъ ѣздилъ домой одинъ, а спустя нѣсколько времени, съ братомъ Леонидомъ, поступившимъ въ гимназію тремя годами позже его; иногда къ нимъ присоединялся ихъ товарищъ Геннертъ. Всѣми ими овладѣвало неудержимое веселье, лишь только они чувствовали себя на свободѣ. Они пѣли, болтали, шалили, въ особенности всю дорогу смѣшилъ ихъ и проказничалъ подвижной и шаловливый Геннертъ. Приключенія и неожиданности одинаково радовали всѣхъ троихъ. Однажды они ѣхали на пасхальные праздники домой; ямщикъ у нихъ оказался такимъ же мальчикомъ, какъ они сами. Гимназисты обрадовались этому и начали подстрекать лошадей. Молодой возница, зараженный весельемъ своихъ сѣдоковъ,

охотно повиновался: кони помчали и бѣшено неслись до тѣхъ поръ, пока одно изъ колесъ телѣги не наѣхало на камень и не отскочило; сильный толчокъ остановилъ лошадей: ѣхать дальше было невозможно, мальчики выскочили изъ телѣги, чтобы лошадямъ было легче тащить трехколесный экипажъ; потомъ, схвативъ колесо, съ пѣніемъ понесли его за поврежденной телѣгой въ сосѣднюю деревню, гдѣ ее и исправили. Въ этой деревнѣ, какъ и на постоялыхъ дворахъ, на которыхъ мальчики обыкновенно останавливались, они входили въ сношенія съ народомъ, помогали ямщику запрягать лошадей, вступали съ нимъ и мужиками въ длинные разговоры и знакомились такимъ образомъ съ русскимъ народомъ, его бытомъ и рѣчью.

Дома пріѣздъ мальчиковъ вызывалъ всеобщую радость. Забавно описываетъ второй сынъ Боголѣповыхъ, Леонидъ, свое первое свиданіе со старшимъ братомъ, когда онъ самъ еще не учился въ гимназіи. Къ чувству удовольствія примѣшалось любопытство. Ему хотѣлось знать, какъ дерутся мальчики въ гимназіи, въ какія игры они играютъ, много ли силъ набрался братъ, научился ли онъ у товарищей бороться. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, въ первый же день, лишь только они остались одни, онъ бросился на него съ кулаками, но сейчасъ же получилъ отъ старшаго брата такой сильный ударъ кулака, что съ расквашеннымъ носомъ отлетѣлъ на другой конецъ комнаты. Хотя эта энергическая расправа и вызвала у нападавшаго въ первые минуты слезы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушала ему и необыкновенное уваженіе къ силѣ брата; до сихъ поръ онъ относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ тихой сдержанности старшаго брата, считая его чуть не дѣвочкой и во всякомъ слу-

чаѣ не сильнымъ мужчиной. Дѣйствительно, въ этомъ слабомъ мальчикѣ совершилась крупная перемѣна. Оставаясь попрежнему нѣжнымъ и заботливымъ къ матери и сестрамъ, онъ научился въ суровой школѣ жизни давать отпоръ нападающимъ и внушать къ себѣ уваженіе. Такой мужественности и увѣренности не соотвѣтствовали, однако, его внѣшній видъ и здоровье. Насколько послѣднее у него было слабо, свидѣтельствуетъ другой разсказъ того же Леонида. По его словамъ, Николаіі въ первые годы своего ученія въ гимназіи не только былъ крайне блѣденъ и худъ, но иногда харкалъ кровью; случалось ему въ каникулярное время, бѣгая и рѣзвясь въ саду съ братьями и сестрами, внезапно остановиться, закашляться и притомъ обильно выплевывать кровь. Младшимъ дѣтямъ и въ голову не приходило сказать объ этомъ родителямъ, а самъ Коля въ дѣтствѣ, какъ и во всю послѣдующую жизнь, не любилъ жаловаться на свое здоровье.

Подобныя серьезныя черты характера дѣлали изъ 13-лѣтняго мальчика почти мужчину. Шалилъ онъ по словамъ брата, рѣдко. Пользуясь полною самостоятельностью, мальчики Боголѣповы предавались всѣмъ удовольствіямъ, которыя доставляютъ природа, воля и просторъ: такъ, лѣтомъ они бѣгали на рѣку удить рыбу или отправлялись надолго въ лѣсъ, за грибами и ягодами. Зимою удовольствія были другого рода. Начитавшись въ гимназіи Гоголя, они очень увлеклись имъ и, запомнивъ многія мѣста нѣкоторыхъ его произведеній наизусть, дома, на каникулахъ, представляли передъ братьями и сестрами разныя Гоголевскія сцены; только дѣйствующими лицами были не они сами, а бумажныя куклы, которыхъ мальчики водили на ниточкахъ и за которыхъ сами го-

ворили. Для этого ими былъ склеенъ картонный театръ. Дѣйствующія фигуры разрисовывались и раскрашивались Колей, отличавшимся съ дѣтства хорошими способностями къ рисованію. Сколько смѣха и веселья было на этихъ дѣтскихъ представленіяхъ. «Ночь передъ Рождествомъ» имѣла особенный успѣхъ у дѣтей Боголѣповыхъ. Чортъ и его продѣлки производили необыкновенное впечатлѣніе; фигуры Солохи, Чуба, и дьяка, удачно исполненныя, смѣшили ихъ до слезъ, а приключенія Вакулы сильно волновали маленькихъ зрителей.

Всѣ увеселенія дѣтей Боголѣповыхъ, какъ видно, изобрѣтались и придумывались ими самими. Тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ скромнымъ вкусамъ и потребностямъ, они любили домашнюю жизнь, которая казалась и веселою и привольною. Родители не заботились объ ихъ удовольствіяхъ; они только не стѣсняли ихъ свободы ни излишнимъ страхомъ за ихъ безопасность, ни условными правилами приличія. Сами родители любили общество, и домъ ихъ былъ оживленъ. Благодаря гостепріимству хозяевъ, въ праздничные дни къ нимъ охотно съѣзжались гости для дружеской бесѣды. Частымъ развлеченіемъ на этихъ вечерахъ была музыка. Мать Николая Павловича была очень музыкальна и сама недурно играла. Она развила въ дѣтяхъ интересъ и любовь къ музыкѣ; многія изъ нихъ унаслѣдовали отъ нея музыкальный слухъ и хорошія способности. На боголѣповскихъ вечеринкахъ часто игралъ на роялѣ искусный піанистъ, мировой судья Мантейфель, близкій знакомый извѣстнаго Николая Рубинштейна. Забавный юмористъ — онъ прекрасно переводилъ Гейне. Къ музыкѣ иногда присоединялось и пѣніе. Такимъ образомъ дѣти Боголѣпова имѣли возможность слышать хорошую

музыку и рано научились любить, понимать и цѣнить ее. Другихъ серьезныхъ интересовъ, кромѣ музыки, общество, собиравшееся у Боголѣповыхъ, не знало: научные и культурные вопросы не занимали его. Хотя въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія русское общество уже значительно бродило, однако провинціальная жизнь въ Серпуховѣ попрежнему замыкалась въ кругѣ личныхъ отношеній весьма однообразнаго характера. Умственное развитіе Николай и Леонидъ могли получить главнымъ образомъ въ гимназіи. Тамъ, кромѣ ученія, они могли пользоваться книгами гимназической библіотеки, правда, не особенно богатой; дома же, кромѣ журнала «Современникъ» и какой-то газеты, другого чтенія не имѣлось. Съ необыкновеннымъ рвеніемъ учился Коля въ старшихъ классахъ; въ младшихъ подстрекали его къ прилежанію требованія отца, а въ старшихъ—собственное желаніе и интересъ. Къ его счастію, въ то время въ I Московск. гимназіи былъ особенный хорошій подборъ учителей. Въ своей краткой автобіографіи Ник. Павл. вспоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ о хорошихъ преподавателяхъ: напримѣръ, по его словамъ, учитель исторіи Собчаковъ развивалъ въ ученикахъ охоту къ серьезному чтенію; учитель русской словесности своими логическими разборами научилъ ихъ, какъ надо читать серьезныя сочиненія; наконецъ, Григорьевъ и Вейнбергъ, преподаватели естественной исторіи, будили въ мальчикахъ интересъ къ изученію природы. Свободное отъ ученія время молодой Боголѣповъ давалъ уроки и упивался чтеніемъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ благонравнымъ воспитанникамъ старшихъ классовъ разрѣшалось посѣщать родныхъ и знакомыхъ. Ник. Павловичъ имѣлъ нѣкоторыхъ род-

ственниковъ въ Москвѣ и, слѣдовательно, могъ ихъ навѣщать; но онъ ходилъ къ нимъ неохотно, — только отъ скуки. Общество ихъ не удовлетворяло его и даже тяготило. Люди, собиравшіеся тамъ, къ полному отсутствію умственныхъ интересовъ присоединяли и довольно легкомысленные и грубые нравы, которые претили юношѣ съ чистой душой. Хотя родственники, по отзыву самого Боголѣпова, были добрые люди, старавшіеся по-своему сдѣлать пріятнымъ праздничный отдыхъ учащагося юноши, но они представляли для него примѣры, недостойные подражанія. Большею частію гости собирались у нихъ для попоекъ и для игры въ карты, при чемъ пѣлись нескромныя пѣсни, и говорилось много пошлаго вздора. «Вѣроятно», пишетъ Ник. Павловичъ въ своей автобіографіи, «чистота и строгость жизни моей родительской семьи спасли меня отъ увлеченія такимъ примѣромъ».

Обращеніе съ учениками въ старшихъ классахъ продолжало быть суровымъ, какъ и въ младшихъ; вмѣстѣ съ казенщиной, оно попрежнему сжимало ему сердце, но онъ продолжалъ мужественно выносить то и другое и не допускалъ въ себѣ угнетеннаго настроенія духа. Лучшими годами въ гимназіи были два послѣдніе, и это благодаря хорошему отношенію къ нему вновь поступившаго директора Малиновскаго, человѣка добраго и умнаго. Послѣдній сумѣлъ оцѣнить хорошія способности и порядочность обоихъ братьевъ Боголѣповыхъ. Свое расположеніе къ нимъ Малиновскій выражалъ тѣмъ, что познакомилъ ихъ со своей семьей и не разъ приглашалъ въ свой семейный кругъ.

Вотъ какъ Малиновскій отзывался о Николаѣ Павловичѣ десять лѣтъ спустя по выходѣ его изъ гимназіи. Въ письмѣ къ Сергѣю Михайловичу

Соловьеву[1]) отъ 25 Ноября 1874-го года, Малиновскій пишетъ: «Самымъ дорогимъ изъ дорогихъ воспоминаній является памятованіе о свѣтлыхъ личностяхъ, вышедшихъ изъ гимназіи, подобныхъ г. г. Боголѣпову, Соловьеву, [2]) Писемскому и другихъ» [3]).

II.

Въ концѣ своего гимназическаго ученія Боголѣповъ потерялъ отца, и на плечи 17-ти лѣтняго юноши обрушились всѣ заботы человѣка, обремененнаго многочисленной семьей. Отнынѣ онъ долженъ былъ работать на себя, на мать, на трехъ младшихъ сестеръ и брата Михаила. Гимназическій курсъ онъ окончилъ съ золотою медалью, и его имя было записано на золотой доскѣ. Въ 1864 году онъ поступилъ въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ.

Несмотря на энергическую рѣшимость поддержать свою осиротѣвшую семью, неопытному и одинокому юношѣ было бы очень трудно найти себѣ работу въ большомъ незнакомомъ городѣ, если бы не помощь, оказанная ему единственнымъ его покровителемъ и другомъ, упомянутымъ директоромъ Малиновскимъ. Этотъ добрый и сердечный человѣкъ на первое же лѣто по окончаніи Боголѣповымъ гимназическаго курса, нашелъ ему уроки въ семьѣ генерала Бельгарда, а немного позднѣе — и въ нашей семьѣ. Дальнѣйшая судьба Ник. Павл. была такъ тѣсно связана съ жизнью нашей семьи, что я считаю необходимымъ

---

1) Профессоръ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, извѣстный ученый.

2) Сынъ Сергѣя Михайловича—Владиміръ, впослѣдствіи извѣстный философъ.

3) Письмо это помѣщено въ журналѣ «*Книжка недѣли*» за 1900 г., ноябрь, въ статьѣ Величко: «*Вселенскій христіанинъ*»

привести изъ его автобіографіи собственный его отзывъ о первомъ знакомствѣ съ нами:

«По окончаніи курса въ гимназіи 1864 г. я вступилъ въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ. Я былъ одинокъ въ Москвѣ и потому легко могъ поддаться тѣмъ вреднымъ для ума и сердца искушеніямъ, которымъ и донынѣ подвергаются молодые люди, попадающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ знакомыхъ хорошихъ домовъ. Но судьба была очень благосклонна ко мнѣ. Мих. Аѳанас. Малиновскій въ самомъ началѣ моей студенческой жизни рекомендовалъ меня въ качествѣ учителя въ домъ князя Александра Карловича Ливенъ, въ то время сенатора въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената.

Въ этой семьѣ я встрѣтилъ такіе образцы благородства и нравственной силы, что я надолго былъ застрахованъ отъ всякаго дурного вліянія, не говоря о другихъ дорогихъ для меня связяхъ съ этой семьи; я думаю, что мой нравственный складъ былъ бы иной безъ ея вліянія».

Семья наша въ то время сотояла изъ старика отца, матери, шести дочерей и одного сына. Съ перваго же года нашего знакомства Боголѣповъ сталъ всеобщимъ любимцемъ и плѣнилъ не только старика отца и мать, но и всѣхъ насъ. Помню, старшія сестры ожидали встрѣтить въ репетиторѣ брата неотесаннаго студента съ шероховатыми манерами, но вмѣсто того Николай Павловичъ вызвалъ всеобщую симпатію своимъ умѣніемъ держать себя со спокойнымъ достоинствомъ, своею привѣтливостью и вѣжливостью безъ суетливой угодливости. Съ братомъ Никитой у него съ самаго начала нашего знакомства завязалась самая искренная дружба. Между ними было только два го-

да разницы. Ихъ сблизило необыкновенное сходство основныхъ чертъ ихъ характеровъ. У обоихъ воля и чувства долга были сильно развиты; къ этому присоединялись большая сердечность съ рѣдкою прямотою и искренностью; оставаясь всегда вѣрными себѣ, они изъ самолюбія никогда не старались казаться лучшими, чѣмъ они были въ дѣйствительности. «Быть, а не казаться» — была любимой поговоркой Николая Павловича.

Складъ ума ихъ былъ серьезный и объективно трезвый. Но эта серьезность не мѣшала имъ при случаѣ въ симпатичномъ имъ обществѣ всей душой отдаваться веселому настроенію духа, при чемъ они всегда вносили оживленіе, — одинъ — своимъ умѣніемъ забавно дразнить и передразнивать, другой — неисчерпаемымъ остроуміемъ. Конечно, у каждаго изъ нихъ были свои особенности, происходившія отчасти отъ различія условій и обстановки, въ которыхъ они росли. Боголѣповъ, привыкшій съ дѣтства къ лишеніямъ и бѣдности, вынесшій суровый режимъ пансіонской гимназической педагогіи, ничего отъ жизни не требовалъ и разсчитывалъ только на свои силы. Комфортъ и красота обстановки казались ему тогда совершенно лишними, а роскоши онъ гнушался и рѣшительно протестовалъ противъ нея, считая ее вредною для нравственнаго совершенствованія человѣка. Когда, по выходѣ его изъ университета, онъ сталъ зарабатывать больше денегъ, и родственники уговаривали его купить выигрышный билетъ внутренняго займа, онъ рѣшительно отказался отъ этого, потому что не хотѣлъ пріобрѣтать деньги иначе, какъ путемъ труда. Это нисколько не мѣшало ему, однако, чрезвычайно дорожить чистотой и приличіемъ своей одежды и своего скромнаго помѣщенія.

Насъ всегда удивляло, какъ, несмотря на большое количество занятій, даже у насъ въ домѣ, полномъ прислугъ, онъ не любилъ утруждать послѣднихъ и обходился безъ нихъ. Отношенія Ник. Павловича къ намъ, сестрамъ, были самыя дружескія. На меня, четырнадцатилѣтнюю свою ученицу, онъ тогда обращалъ мало вниманія и относился ко мнѣ въ то время только какъ добросовѣстный учитель; но мною овладѣло благоговѣйное чувство любви и уваженія къ моему учителю, несмотря на то, что, какъ преподаватель, онъ былъ скупъ на похвалы и заставлялъ много работать.

Въ студенческіе годы Ник. Павл. проводилъ лѣтнія каникулы у насъ, въ нашемъ имѣніи, но не для отдыха; ему приходилось давать много уроковъ: съ братомъ Никитой, гимназистомъ старшихъ классовъ, онъ ежедневно занимался по нѣсколько часовъ, ежедневно давалъ онъ также уроки жившимъ у насъ двоюроднымъ братьямъ и, кромѣ того, преподавалъ мнѣ ариѳметику и русскую словесность.

Кромѣ уроковъ, онъ очень много читалъ. Въ свободное отъ занятій время все наше молодое общество собиралось для веселыхъ бесѣдъ и для развлеченія самаго скромнаго характера, какъ напр. мы дѣлали длинныя прогулки пѣшкомъ и устраивали подвижныя игры. Иногда на самодѣльной сценѣ мы разыгрывали пьесы Островскаго, при чемъ лучшими актерами оказались двѣ сестры мои и Ник. Павловичъ. Комизмъ ихъ былъ достоинъ лучшихъ цѣнителей. Они такъ смѣшили публику, состоявшую изъ родственниковъ, сосѣднихъ помѣщиковъ и прислуги, что смѣхъ зрителей порой покрывалъ голосъ актеровъ. Устройство сцены и заучиваніе ролей сопровождались всегда забавными шутками и веселыми затѣями. Въ

жизнерадостной атмосферѣ, среди людей, съ теплымъ участіемъ къ нему относящихся, Ник. Павловичъ расцвѣталъ душой. Его обычная серьезность совершенно пропадала, и онъ становился однимъ изъ первыхъ затѣйниковъ забавныхъ шутокъ.

Такъ, Боголѣповъ съ братомъ моимъ придумали издавать журналъ, и Ник. Павл. очень удачно его иллюстрировалъ. Всѣ мы, не исключая самого Николая Павловича, были изображены въ этомъ журналѣ въ карикатурномъ видѣ. Вечеромъ, когда къ чайному столу собиралась вся семья, и прочитывался вышедшій днемъ номеръ, помню, не мы одни, но даже наши старики отъ души хохотали. Это было въ лѣтнія каникулы. Зимою университетская жизнь Боголѣпова протекала, какъ и гимназическая — въ неустанномъ трудѣ, съ тою только разницею, что теперь его занятія, какъ и сама жизнь, стали самостоятельными. Слушаніе въ университетѣ лекцій, даваніе многочисленныхъ уроковъ наполняли весь его день до поздней ночи. На развлеченія или на какія-нибудь удовольствія у него не хватало ни времени, ни средствъ. Тѣмъ не менѣе Боголѣповъ признается въ своей автобіографіи, что для научнаго образованія университетскіе годы принесли меньше пользы, чѣмъ можно было ожидать. Несмотря на то, что въ эти годы было не мало ученыхъ даровитыхъ профессоровъ въ Московскомъ университетѣ, тогдашнее преподаваніе давало много свѣдѣній, но не пріучало студентовъ къ самостоятельной работѣ. «Нашъ курсъ», пишетъ онъ въ упомянутой автобіографіи, «былъ такъ многолюденъ, что профессора должны были ограничиваться чтеніемъ лекцій, бѣглымъ пересмотромъ студенческихъ сочиненій и поверхностными экзаменами». Между тѣмъ, по собственному признанію Ник. Павловича,

прирожденная робость мѣшала ему обращаться къ профессорамъ съ прямою просьбою провѣрить его работы и систематически руководить имъ, а поверхностное знаніе не удовлетворяло его пытливаго ума, который съ молодыхъ лѣтъ всегда добивался всесторонняго изученія предмета. Больше всего привлекали Боголѣпова лекціи Бориса Николаевича Чичерина, — частью спокойной объективной оцѣнкой различныхъ вопросовъ государственнаго права, частью личностью самого профессора, который представлялся ему идеаломъ ученаго и джентльмена.

По указаніямъ Чичерина онъ прочелъ нѣсколько сочиненій по исторіи политическихъ ученій и по общему государственному праву. Читалъ онъ въ эти годы очень много, всего болѣе книги юридическаго содержанія, а также и сочиненія по вопросамъ соціальнымъ и по логикѣ. Чтеніе Бокля и другихъ позитивистовъ сдѣлали его на время послѣдователемъ ихъ ученія. Прочитаннымъ любилъ онъ дѣлиться съ братомъ своимъ Леонидомъ, доканчивавшимъ курсъ гимназіи; ему онъ носилъ прочитанныя книги. Другими повѣренными его думъ и сомнѣній были братъ мой Никита и студентъ однокурсникъ Тихай [1]), съ которымъ онъ сошелся въ университетскіе годы. Къ сожалѣнію, друзья и товарищи Боголѣпова того времени сошли въ могилу, и мнѣ не у кого узнать названія читанныхъ имъ книгъ и предметы ихъ постоянныхъ бесѣдъ.

Но, несмотря на оживленную работу и на увлекавшіе Николая Павловича научные вопросы, думы о близкихъ не покидали его. Молодой человѣкъ заботил-

---

1) Молодой человѣкъ, бессарабецъ, по окончаніи университетскаго курса оставленный вмѣстѣ съ Николаемъ Павловичемъ при университетѣ по каѳедрѣ римскаго права

ся не только о насущныхъ потребностяхъ послѣднихъ, но зорко слѣдилъ за ученіемъ и развитіемъ младшихъ сестеръ и брата Михаила. Въ письмахъ къ нимъ онъ указывалъ имъ, по какимъ учебникамъ учиться и какія книги читать. Когда же наступило время для нихъ поступать въ учебныя заведенія, онъ перевезъ всю семью въ Москву, при чемъ жизнь большой семьи вызвала больше прежняго расходовъ и, слѣдовательно, требовала отъ него больше прежняго труда; но житейскія невзгоды встрѣчались имъ мужественно. Я знала Ник. Павловича съ его восемнадцатилѣтняго возраста и никогда не видѣла, чтобы онъ падалъ духомъ. Сила его характера и спокойная разсудительность, вмѣстѣ съ чарующей простотой и искренностью, уже въ молодости неотразимо дѣйствовали на окружавшихъ его родныхъ и знакомыхъ. Ему было едва 19 лѣтъ, когда одна знакомая ему барыня, госпожа Смирнова, вдова и мать трехъ избалованныхъ мальчиковъ, подъ впечатлѣніемъ мужества и уравновѣшенности Ник. Павловича, назначила его въ своемъ завѣщаніи опекуномъ своихъ дѣтей.

Даже въ старикахъ онъ вызывалъ довѣріе: напримѣръ, мой отецъ любилъ подолгу бесѣдовать съ нимъ и всегда со вниманіемъ выслушивалъ его неторопливыя замѣчанія.

Мать Ник. Павловича не разъ говорила мнѣ, что, со смерти мужа своего, она имѣла въ старшемъ сынѣ лучшаго совѣтника и покровителя.

Молодыхъ еще болѣе привлекали его нравственная мощь и сердечная участливость. Не говоря ужъ объ его сестрахъ, которыя во всѣхъ начинаніяхъ и недоразумѣніяхъ обращались къ нему за совѣтомъ, то же самое можно сказать про всѣхъ насъ, молодыхъ его друзей въ семьѣ Ливенъ. Не разъ въ затруднитель-

ныхъ обстоятельствахъ жизни мы спѣшили сообщить ему наши огорченія или недоразумѣнія. Даже въ случаѣ споровъ и вздорныхъ вспышекъ между нами, сестрами, онъ не разъ являлся миротворителемъ. Обыкновенно молодежь не любитъ слушать совѣтовъ и еще меньше терпитъ умниковъ между сверстниками; но Ник. Павловичъ не имѣлъ ни тѣни самоувѣренности и самомнѣнія и никогда не напрашивался на роль ментора, и поэтому его авторитету покорялись легко.

Высказывая въ иныхъ случаяхъ сердечную участливость, онъ, однако, при вздорныхъ вспышкахъ, дѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ своими мѣткими и шутливыми замѣчаніями, а иногда и насмѣшками. Помню, какъ однажды онъ предложилъ двумъ моимъ сестрамъ разобрать ихъ ссору и при этомъ очень комично разыгралъ роль судьи и насмѣшилъ всѣхъ разбирательствомъ ихъ ссоры.

Въ 1868 году Боголѣповъ окончилъ университетскій курсъ. Выпускные экзамены онъ выдержалъ съ однѣми пятерками, но его сочиненіе на медаль было забраковано. Причина этой неудачи лежала въ неисполнимости задачи, поставленной себѣ молодымъ человѣкомъ. Разрѣшеніе ея требовало слишкомъ много времени и слишкомъ обширныхъ знаній отъ студента. «Не говоря уже о непосильной для студентовъ темѣ [1]), я работалъ», пишетъ Ник. Павловичъ, «не спросивъ ни у кого совѣта, руководясь только проспектомъ, даннымъ профессоромъ, и спискомъ указанныхъ сочиненій. Я обратилъ все свое вниманіе на разрѣшеніе вопроса о происхожденіи права, безъ котораго ученіе объ обычномъ правѣ казалось мнѣ не-

1) «Объ обычномъ правѣ».

возможнымъ и, разумѣется, этого вопроса не разрѣшилъ».

Здоровье Ник. Павловича послѣ выпускныхъ экзаменовъ настоятельно требовало отдыха. Научныя занятія и большое количество даваемыхъ уроковъ расшатали и безъ того слабыя силы неутомимаго юноши. Разстроенное пищевареніе и горловая боль, сопровождавшіяся иногда кровохарканіемъ, заставили его даже обратиться къ доктору, который сказалъ, что истощеніе — причина его нездоровья. Но отдыхъ былъ въ это время немыслимъ. Увеличившіеся расходы отъ переѣзда всей семьи Николая Павловича въ Москву требовали болѣе напряженной работы. Лѣтомъ онъ долженъ былъ опять ѣхать на урокъ, который, какъ нарочно, на этотъ разъ оказался очень утомительнымъ. Трехмѣсячная возня съ невоспитаннымъ буйнымъ ученикомъ подточили еще болѣе его силы. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи въ Москву, онъ энергично принялся искать себѣ службы. Завѣтной мечтой Боголѣпова была ученая дѣятельность, но изъ скромности онъ не сталъ ея добиваться. Скрѣпя сердце поступилъ онъ, по совѣту моего отца и по его рекомендаціи, въ канцелярію уголовнаго департамента Московскаго Сената. По собственному признанію Ник.Павловича, канцелярская атмосфера была ему крайне несимпатична. Къ тому же, его возмущали вздорныя выходки нѣкоторыхъ сенаторовъ, въ особенности одного изъ нихъ, барона Ховенъ, который часто, не разобравъ дѣла, безъ причины,неистово кричалъ на молодыхъ чиновниковъ канцеляріи и при этомъ бѣшено топалъ на нихъ ногами и говорилъ имъ большія дерзости.

По словамъ моего отца, Боголѣповъ не подвергался такому роду оскорбленій, благодаря точному и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей,

а также благодаря умѣнію держать себя со спокойнымъ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе даже самодурамъ. Тѣмъ не менѣе, выходки барона волновали Боголѣпова.

Къ несчастію, съ самаго начала осени 1868 года на молодого человѣка обрушилась новая бѣда, которая, конечно, способствовала еще болѣе разстройству его здоровья. Всѣ члены его семьи стали другъ за другомъ заболѣвать тифомъ; онъ остался одинъ здоровымъ и принужденъ былъ, безъ всякой помощи, исполнять обязанности сидѣлки при пяти больныхъ. Единственная ихъ прислуга, старая кухарка, заболѣла тифомъ первая.

Трое больныхъ были въ очень опасномъ положеніи, при чемъ буйствовали и бредили въ жару.

Денегъ было мало, вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно требовались доктора и лѣкарства; квартира была убогая, отовсюда дуло; стѣны и оконныя рамы были ветхи; дровъ требовалось много, чстобы согрѣть комнаты, гдѣ лежали больные, а денегъ, съ прекращеніемъ уроковъ, стало еще меньше. Больные въ горячечномъ бреду вскакивали, порывались бѣжать и дико кричали; ночь и день переходилъ онъ отъ одного больного къ другому, подавая лѣкарства, уговаривая жалующихся и даже вступая въ борьбу съ буйными. Ненавидя долги, Ник. Павл. принужденъ былъ заложить свою гимназическую золотую медаль и серебро матери. Гордость мѣшала ему обратиться къ намъ за помощью; онъ даже не далъ намъ знать о случившемся съ нимъ несчастіи. Мы узнали объ этомъ совершенно случайно, когда братъ мой Никита, соскучившись по Ник. Павловичѣ, пошелъ его навѣстить. Наружное спокойствіе послѣдняго удивило брата. Безропотно ухаживалъ онъ за больными, только глаза его

казались очень утомленными и грустными. Удивительно, какъ этотъ молодой и слабый физически юноша, утомленный предшествующей мозговой работой, вынесъ такое непосильное напряженіе!

По выздоровленіи семьи, Боголѣповъ бросилъ службу въ Сенатѣ.

Въ это самое время, зимою 1869 года профессора М. Н. Капустинъ и Никольскій, узнавъ, что Ник. Павловичъ сталъ заниматься римск. гражд. правомъ, предложили ему остаться при университетѣ по каѳедрѣ гражданскаго права. Молодой человѣкъ съ радостью принялъ это предложеніе и съ весны 1869 года съ удвоеннымъ рвеніемъ продолжалъ изучать право.

Но его расшатанное здоровье на этотъ разъ не вынесло напряженныхъ занятій; къ концу весны болѣзнь его настолько усилилась, что онъ принужденъ былъ послѣдовать совѣту доктора и уѣхать въ Самару лѣчиться кумысомъ.

Отдыхъ и леченіе оказали желанную пользу. Къ осени онъ настолько поправился, что могъ съ новой энергіей приняться за прерванныя занятія. Такъ какъ проф. Н. И. Крыловъ, занимавшій каѳедру римскаго права, вышелъ въ то время въ отставку, то занятіями молодого юриста руководилъ проф. Никольскій. О характерѣ этихъ занятій Ник. Павл. пишетъ слѣдующее въ своей автобіографіи: «Профессоръ Никольскій потребовалъ, чтобы я изучилъ пандекты «corpus juris civilis». Несмотря на то, что работа эта по моей неподготовленности была очень трудна, я очень благодаренъ покойному профессору за его требованіе знакомиться прежде всего съ самымъ предметомъ, а потомъ уже съ объясненіями его. Профессоръ Крыловъ далъ совершенно обратный совѣтъ, а именно: съ начала изучить лучшія современныя сочиненія по римскому праву, а

потомъ уже обратиться къ источникамъ, какъ онъ выразился, «разбросать цвѣтки по распаханному полю».

«Въ другихъ отношеніяхъ», продолжаетъ Ник. Павловичъ, «какъ я вижу теперь, профессоръ Никольскій былъ плохимъ руководителемъ, потому что онъ совсѣмъ не настаивалъ на изученіи исторіи римскаго права и даже не указалъ, какими пособіями и источниками я могъ бы пользоваться».

Одновременно съ приготовленіемъ къ магистерскому экзамену Боголѣповъ былъ приглашенъ репетиторомъ въ Александровское Военное Училище по курсу законовѣдѣнія, который читалъ юнкерамъ профессоръ Капустинъ. Года два спустя, когда проф. Капустинъ былъ назначенъ директоромъ Ярославскаго юридическаго лицея, Боголѣповъ взялъ на себя и чтеніе лекцій законовѣдѣнія, для чего ему пришлось заняться и общими вопросами науки права, и уголовнымъ правомъ, и военноуголовными законами.

Съ оставленіемъ при университетѣ, съ весны 1869 года, ему жилось легче. Матеріально онъ и его семья были обезпечены.

Кромѣ денегъ, получаемыхъ изъ университета (въ качествѣ готовившагося къ магистерской степени), онъ получалъ еще вознагражденіе изъ военнаго училища. Къ тому же, братъ его Леонидъ, по выходѣ изъ гимназіи, сталъ постепенно пріобрѣтать знакомыхъ, а черезъ нихъ и уроки; также и сестра его Софья, учившаяся въ консерваторіи, стала понемногу помогать братьямъ въ увеличеніи домашнихъ доходовъ. Николаю Павловичу и нравственно теперь жилось теплѣе и веселѣе среди семьи, собравшейся въ Москвѣ.

Хотя всѣ члены его семьи съ утра расходились по своимъ занятіямъ, но зато къ обѣду всѣ были въ сборѣ.

Утромъ дома оставалась одна мать, которая вела хозяйство и, нахлопотавшись вдоволь за день, поджидала молодежь къ скромному обѣду, состоявшему обыкновенно изъ двухъ самыхъ простыхъ блюдъ. Молодое общество, наработавшись въ продолженіе многихъ часовъ, возвращалось домой съ такимъ здоровымъ аппетитомъ и съ такимъ запасомъ жизнерадостности, что не замѣчало однообразія незатѣйливыхъ блюдъ.

Теперь Ник. Павл. могъ разрѣшить себѣ свое любимое развлеченіе—посѣщеніе концертовъ. Съ раннихъ лѣтъ музыка была для Николая Павловича высшимъ наслажденіемъ; слушая ее, онъ забывалъ все окружающее и весь уходилъ въ звуки. Разговоры и нарушеніе тишины во время музыкальныхъ исполненій казались ему святотатствомъ, и приводили его въ негодованіе. Благодаря музыкальности матери и его собственной, благодаря рано пробужденному въ немъ интересу къ музыкѣ, въ немъ легко развилось тонкое пониманіе лучшихъ произведеній музыкальныхъ классиковъ, изъ которыхъ Бетховенъ былъ его любимцемъ. Величавая простота, мощь и красота, выражаемыя его музыкой, какъ нельзя болѣе, подходили къ характеру Николая Павловича.

Другимъ развлеченіемъ Боголѣпова было посѣщеніе друзей. По природѣ очень общительный, онъ любилъ по вечерамъ, послѣ напряженныхъ занятій, ходить въ гости или принимать у себя. Разъ или два въ недѣлю у него собирались его товарищи по университету. Изъ нихъ самыми частыми посѣтителями были П. А. Астафьевъ, мистикъ, увлекавшійся философіей, С. А. Муромцевъ, оставленный также по каѳедрѣ римскаго права (по догмѣ, а Ник. Павловичъ по исторіи), С. А. Петровскій, готовившійся къ каѳедрѣ русскаго

права, и князь Ник. Ал. Ливенъ, кандидатъ на судебную должность. Это маленькое общество просиживало долгіе часы до глубокой ночи въ оживленныхъ преніяхъ и бесѣдахъ, постоянными темами которыхъ были не только вопросы юридическіе, но главнымъ образомъ политическіе, философскіе и религіозные, причемъ ясно выступалъ позитивизмъ Боголѣпова и мистицизмъ Астафьева. Что касается ихъ политическихъ взглядовъ, всѣ они были въ то время конституціоналисты.

Начало преподавательской дѣятельности и поѣздка заграницу.

По окончаніи магистерскихъ экзаменовъ работа Боголѣпова была очень напряженна. Осенью 1873 г. онъ былъ приглашенъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета читать со студентами 1-го курса институцій Юстиніана. Этому чтенію онъ предпослалъ историческій очеркъ источниковъ римскаго права. Въ томъ же году, не оставляя курса институціи, онъ долженъ былъ дочитать студентамъ 4-го курса то, что не успѣлъ докончить профессоръ Крыловъ по системѣ римскаго права. Одновременно онъ писалъ свою магистерскую диссертацію, которая была готова къ 1876 году.

Знакомство съ сочиненіемъ Voigt'a «Das jus naturalis aequum et bonum und jus gentium der Römer» навело его на мысль ознакомиться съ состояніемъ «jus gentium» во времена классическихъ юристовъ. Это изслѣдованіе и было предметомъ его магистерской диссертаціи: «Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus getium) въ римской классической юриспруденціи, которую онъ защитилъ въ 1876. Основной выводъ его былъ слѣдующій: классическіе юристы старались подъ названіемъ «jusgentium» провести въ жизнь нѣкоторыя требованія классическаго права. Далѣе я приведу мнѣнія извѣстныхъ цивилистовъ о достоинствахъ этой дис-

сертаціи Николая Павловича. Въ томъ же 1876-мъ г. онъ былъ избранъ доцентомъ. Усиленная работа, однако, не столько утомляла его, какъ сердечное горе, измучившее его въ эти годы.

Бывая часто въ нашемъ домѣ, Боголѣповъ подружился со всей нашей семьей. Когда же изъ подростка я превратилась въ молодую дѣвушку, его дружескія чувства ко мнѣ перешли въ любовь. Семейныя обстоятельства и мой колеблющійся характеръ долго препятствовали нашему браку. Постоянная смѣна надеждъ и сомнѣній измучила Николая Павловича, и потому онъ обрадовался, когда былъ командированъ за-границу, гдѣ надѣялся съ помощью новыхъ впечатлѣній разсѣять горе и смягчить сердечную боль. Послѣ короткаго пребыванія въ Спеціи, гдѣ онъ лечился морскими купаніями, Боголѣповъ направился въ Гейдельбергъ, гдѣ слушалъ Карлову (исторію римскаго права) и Куно Фишера (исторію философіи). Но первое время новыя впечатлѣнія и интересы мало ему помогли. Пережитыя мученія сильно отразились на ходѣ его занятій.

Въ запискахъ, которыя онъ велъ за-границею, ясно выразилось это тяжелое настроеніе. «Несомнѣнно», пишетъ онъ, «треволненія прошлогоднія, кончившіяся въ февралѣ нынѣшняго года, имѣли большое вліяніе на состояніе духа и, слѣдовательно, на здоровье. Голова моя безпрестанно переходитъ отъ чрезмѣрнаго изобилія мысли къ крайней разсѣянности. Это очень мѣшаетъ мнѣ работать». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «Опять этотъ весенній воздухъ и запахъ цвѣтовъ всколыхнули всю мою душу. Такая тоска и такое чувство одиночества!.»—Однако и тутъ Ник. Павловичъ постепенно совладалъ съ своимъ мрачнымъ настроеніемъ Нѣсколько далѣе, изъ тѣхъ же записокъ, видно, что

путемъ борьбы съ собой онъ достигъ болѣе спокойнаго настроенія духа, хотя его тихая, безропотная грусть производитъ впечатлѣніе еще болѣе тягостное. «Иногда мнѣ кажется, что я могу даже довольно свѣтло взглянуть на жизнь. Иногда же вдругъ опять заноетъ, но я безъ особеннаго труда не даю тоскѣ дойти до высшихъ предѣловъ. Мнѣ кажется, что я похожъ на человѣка, который послѣ того, какъ онъ провелъ много дней около умирающаго въ жестокихъ страданіяхъ близкаго человѣка, теперь, похоронивши его, возвращается съ кладбища въ теплый солнечный день въ опустѣлый домъ, гдѣ еще живо воспоминаніе о тяжеломъ прошломъ, но гдѣ уже все подмыто, прибрано и тихо, мертвенно тихо, но все-таки, если не лучше, то какъ-то спокойнѣе: не слышно раздирающихъ стоновъ; ничего не слышно, правда, потому что человѣка совсѣмъ не стало. Мнѣ кажется, что я похоронилъ себя, свои идеалы, свое здоровье, свои надежды жить полной жизнью. Теперь, какъ бы оставшись одинъ послѣ своихъ похоронъ въ опустѣломъ домѣ, задумываюсь надъ тѣмъ, что мнѣ изъ себя сдѣлать; нельзя-ли какъ-нибудь заключить сдѣлку съ жизнью, предложить ей меньшія требованія»...Въ такомъ тяжеломъ состояніи трудно было работать умственно: мысли, какъ видно, подчасъ отказывались ему служить. Къ счастію, интересъ къ изучаемымъ юридическимъ наукамъ и къ другимъ предметамъ сталъ мало-по-малу отвлекать его отъ гнетущихъ думъ и тяжелыхъ впечатлѣній.

Въ Гейдельбергѣ его заинтересовалъ на время Куно Фишеръ своимъ разборомъ Фауста. Вотъ какъ онъ отзывается о лекціяхъ этого профессора въ своихъ заграничныхъ запискахъ: «Сегодня Фишеръ кончилъ лекціи о Фаустѣ. Послѣдняя лекція произвела на ме-

ня глубокое впечатлѣніе — думаю, потому, что она отчасти совпадала съ моими собственными мыслями, отчасти разъяснила и продолжала ихъ». Далѣе Ник. Павл. говоритъ о различіи между Фаустомъ и «Божественною комедіей» Данте, о необходимости глубоко и всесторонне изучать произведенія искусства, т.-е. знакомиться не только съ самымъ произведеніемъ и духовнымъ строемъ его автора, но и со всею жизнью послѣдняго и съ исторіей его времени. «Тогда мы переживемъ», пишетъ онъ, «то, что пережилъ самъ авторъ и вмѣстѣ съ нимъ подойдемъ къ тѣмъ стремленіямъ, которыя вызвали въ немъ идеалъ, переливши́йся въ форму художественнаго произведенія. Но мы не только поймемъ тогда это произведеніе, мы будемъ вполнѣ наслаждаться имъ и вынесемъ изъ этого наслажденія практическіе результаты для своей жизни. Этотъ результатъ всегда состоитъ въ томъ, что мы на время живемъ тою полной, совершенной жизнью, которой обыкновенно не имѣемъ и не можемъ имѣть».

Въ общемъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ по своей элементарности представляли мало интереса для магистранта Московскаго университета. То же самое было и въ Геттингенѣ, гдѣ послѣдній слушалъ Іеринга (пандекты). Больше пользы принесли ему библіотеки университетскихъ городовъ. Въ нихъ онъ черпалъ матеріалъ для своей докторской диссертаціи и для своего курса, который онъ готовилъ для чтенія студентамъ по возвращеніи на родину. Кромѣ юридическихъ сочиненій Боголѣповъ читалъ много по исторіи культуры римлянъ и другихъ народовъ. Съ большимъ также интересомъ углублялся онъ въ сочиненія Стюарта Милля и Спенсера. Онъ занимался и философіей, въ особенности сочиненіями Канта и Фихте, но безъ увлеченія и недолго.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ пишетъ: «Занятія философіей мнѣ стали претить: мнѣ кажется, что я только напрасно терзаю свой мозгъ и въ концѣ концовъ все-таки приду къ отрицательному заключенію». Въ тѣхъ же запискахъ, въ его разсужденіяхъ о смерти, проглядываетъ точка зрѣнія позитивиста; но этотъ его юношескій позитивизмъ проникнутъ тѣмъ благороднымъ самоотверженнымъ стремленіемъ работать на общую пользу, которыя вдохновляли его всю его жизнь: «Я спрашиваю себя», пишетъ Ник. Павл., «какъ избавиться отъ тягостной мысли, что моя жизнь каждую минуту можетъ обратиться въ ничто. И у меня на это готовъ отвѣтъ, подсказываемый живымъ чувствомъ: будь неутомимо дѣятеленъ и старайся, чтобы и другіе люди прониклись этимъ стремленіемъ къ дѣятельности, направленной къ общему благу. Чѣмъ единодушнѣе люди стремятся къ лучшему устройству своей земной жизни, и чѣмъ лучше они организуются для этой работы на общую пользу, тѣмъ счастливѣе жизнь ихъ, тѣмъ меньше страданій».

Исключительно умственная, созерцательная жизнь не привлекала его; наука интересовала его въ ея примѣненіи къ жизни: «Я думаю», пишетъ онъ своему брату, «что твоя дѣятельность будетъ только тогда плодотворна, когда ты будешь непрестнно поддерживать связь съ окружающей жизнью, слѣдовательно, сталкиваться со всѣми неудобствами и безпокойствами практической жизни. Кто изолируется отъ окружающей дѣйствительности, тотъ рискуетъ произвести плодъ мертворожденный, потому что, какъ ни говори, а въ концѣ концовъ—наука только тогда жива и вдохновенна, когда она имѣетъ въ виду практическіе результаты для современной жизни». — Та

же жажда активной пользы и дѣятельности между людьми еще ярче сказалось въ слѣдующихъ строкахъ упомянутыхъ записокъ, написанныхъ въ минуту большой грусти по поводу его разбитыхъ надеждъ: «Нѣтъ, я прогоню свое отчаяніе, прогоню его въ самую глубь души и буду интересоваться всѣмъ, что волнуетъ людей, и буду самъ дѣятельно участвовать въ жизни, если не въ радостяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ облегченіи участи людей».

Просиживая долгіе часы за научной работой, онъ тѣмъ не менѣе находилъ время присматриваться къ нравамъ, обычаямъ и общественнымъ порядкамъ нѣмцевъ, при чемъ сравненіе послѣднихъ съ русскою жизнью и русскими порядками вызывали въ немъ глубокую скорбь. Въ особенности огорчало его въ русскихъ отсутствіе воли и характера. Скорбью о родинѣ и желаніемъ притти ей на помощь проникнуты многія его письма къ братьямъ и друзьямъ. В. А. Гольцеву Боголѣповъ пишетъ о своей рѣшимости употребить всѣ свои силы на воспитаніе воли въ русскомъ обществѣ. Горячо также принималъ онъ къ сердцу ходъ нашей освободительной войны на Балканскомъ полуостровѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нею. Пораженія, претерпѣвавшіяся русскими въ началѣ этой войны, сильно огорчали его, а антипатріотическія заявленія нѣкоторыхъ его товарищей, встрѣтившихся съ нимъ за-границей, сильно раздражали и приводили къ крупнымъ разговорамъ съ ними. Прочитавъ въ газетахъ о недостаткѣ перевязочнаго матеріала въ нашихъ санитарныхъ отрядахъ, онъ написалъ своей матери, чтобы она задержала третью часть получаемыхъ ею отъ министерства денегъ и отправила бы эти деньги въ «Красный Крестъ», на перевязочный матеріалъ. Это была по-

истинѣ лепта вдовицы, потому что самъ Боголѣповъ очень нуждался въ деньгахъ, въ особенности за-границей, и постоянно отказывалъ себѣ не только въ удовольствіяхъ и удобствахъ, но и подчасъ въ очень нужномъ, напр. въ сытномъ столѣ; послѣдній въ Германіи и въ особенности во Франціи часто не удовлетворялъ его юношескому аппетиту.

Въ письмахъ къ матери онъ не рѣдко жаловался на скудный завтракъ и обѣдъ, который онъ получалъ въ нѣмецкихъ и французскихъ молочныхъ и ресторанахъ. Точно также онъ стѣснялъ себя въ пищѣ и въ хорошемъ помѣщеніи для того, чтобы имѣть возможность помогать семьѣ. Попрежнему слѣдя съ зоркимъ вниманіемъ за судьбою и интересами родныхъ, онъ при первой представившейся необходимости приходилъ на помощь каждому изъ нихъ не только совѣтами и утѣшеніями, но и деньгами. За-границей, какъ и въ Россіи, единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ себѣ разрѣшалъ, были концерты и посѣщеніе картинныхъ галлерей.

Къ его счастью, въ Германіи часто давались концерты, при чемъ выборъ и исполненіе музыкальныхъ произведеній очень нравились ему; такъ, ему удалось слышать знаменитаго Листа.

Изъ Геттингена Ник. Павл. ѣздилъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ и познакомился тамъ съ знаменитой картинной галлерей. Послѣ посѣщенія послѣдней онъ пишетъ своей матери, что Мадонна Рафаэля съ перваго взгляда не произвела впечатлѣнія на него, какъ на большинство людей, но что, вглядѣвшись въ нее внимательно и продолжительно, онъ не могъ болѣе оторваться отъ нея, при чемъ чудное мирное настроеніе, навѣянное ею, благотворно подѣйствовало на его душу.

Въ промежутокъ между Гейдельбергомъ и Геттингеномъ Боголѣповъ съѣздилъ въ Англію, которая его манила не своими учеными силами, а національнымъ характеромъ. «Непосредственное знакомство съ этимъ характеромъ», пишетъ онъ, «помогло мнѣ уяснить нѣкоторые факты изъ древнѣйшей исторіи Рима».

Конецъ своей заграничной командировки Боголѣповъ провелъ въ Парижѣ слушая лекціи въ «Ecole des droits» и «Collège de France». Сюда, какъ и въ нѣмецкіе университеты, онъ ходилъ только, чтобы познакомиться съ пріемами преподаванія французскихъ профессоровъ. «Bibliothéque nationale» какъ и нѣмецкія библіотеки, представляли для него больше интереса и большую пользу: тамъ онъ читалъ юридическія сочиненія французскихъ писателей. Одновременно дома Николай Павловичъ занимался разработкой для своего курса нѣкоторыхъ вопросовъ по древнѣйшей исторіи римскаго права, частью же по преторскому наслѣдственному праву, которое онъ сначала думалъ сдѣлать предметомъ своей докторской диссертаціи.

Подъ конецъ своего пребыванія за-границей Боголѣповъ значительно меньше жаловался на угнетавшую его при выѣздѣ изъ Россіи тоску. Сила воли въ борьбѣ съ сердечнымъ горемъ много этому способствовала, при чемъ увлекавшія его научныя занятія и новыя заграничныя впечатлѣнія все болѣе и болѣе захватывали его вниманіе. Парижъ, оживленіемъ своихъ улицъ, веселостью національнаго характера, разнообразіемъ театровъ и концертовъ, еще болѣе развлекъ его. Но роскошная столица Франціи, несмотря на свое оживленіе, на изобиліе красивыхъ зданій и интересныхъ историческихъ памятниковъ, не была симпатична ему. Онъ пишетъ своей матери, что Парижъ производитъ на него непріятное впечатлѣніе чрезмѣр-

нымъ богатствомъ зажиточныхъ классовъ и бьющею на эффектъ роскошью, купленною цѣною страданій и нищеты многихъ несчастныхъ. Еще болѣе тяжелое чувство, чувство отвращенія, вызывали въ немъ легкіе нравы, выставляющіеся напоказъ на шумныхъ бульварахъ Парижа. Изъ того же письма къ матери видно, что онъ убѣгалъ отъ нихъ въ болѣе тихій Люксембургскій садъ. «Здѣсь», пишетъ Боголѣповъ, «гуляютъ матери съ дѣтьми и нянъками. Это порядочныя, чистыя женщины и, правду сказать, онѣ привлекательной наружности».

Изъ Парижа Боголѣповъ намѣревался отправиться въ Виши на предписанное ему врачами леченіе, но по недостатку денегъ долженъ былъ отказаться отъ этой поѣздки и, такъ какъ срокъ его заграничной командировки близился къ концу, онъ съ радостнымъ чувствомъ направился въ Россію, по которой за послѣднее время соскучился.

Его неудержимо влекло на родину, въ семью, къ товарищамъ по университету и къ знакомымъ.

Въ Италію онъ не попалъ, несмотря на страстное желаніе побывать въ этомъ волшебномъ краѣ. Въ одномъ письмѣ къ матери изъ Франціи онъ пишетъ, что его мучитъ близость Италіи и соблазнъ съѣздить туда.

Профессорская и ректорская дѣятельность.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таитъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы
Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

Графъ А. К. Толстой

I.

Въ іюлѣ 1878 года Боголѣповъ вернулся въ Россію, а осенью того же года приступилъ къ чтенію курса исторіи римскаго права, который онъ значительно измѣнилъ сравнительно съ прежнимъ. На это измѣненіе повліяли занятія и размышленія во время пребыванія за-границей. «За это время», пишетъ онъ, «для меня совершенно выяснилась необходимость не ограничиваться изложеніемъ исторіи однихъ юридическихъ правилъ и институтовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывать на ихъ связь съ требованіями римской жизни».

Принимаясь вновь за свои профессорскія обязанности, Николай Павловичъ снова вступалъ въ тотъ кругъ дѣятельности, который ему всего болѣе былъ по сердцу, а именно, когда онъ могъ трудиться не только для собственнаго самосовершенствованія, но и для блага другихъ людей. Вся жизнь его была направлена на такую работу. Въ своей профессорской дѣятельности, кромѣ научныхъ цѣлей, онъ имѣлъ въ виду ея педагогическое значеніе, при чемъ очень серьезно смотрѣлъ на свои обязанности преподаванія и старался трудный курсъ римскаго права сдѣлать,

какъ можно больше доступнымъ для своихъ слушателей. Его лекціи отличались не только всесторонним освѣщеніемъ и разработкой изучаемаго предмета, но и большою ясностью и опредѣленностью изложенія.

Студенты слушали его въ большомъ количествѣ, несмотря на то, что Николай Павловичъ гнушался заискиванія и дешеваго либерализма для привлеченія вниманія слушателей и для пріобрѣтенія популярности между ними. Отдаваясь съ живымъ интересамъ своей ученой дѣятельности, Боголѣповъ между тѣмъ попрежнему искалъ общенія съ людьми и обмѣна съ ними мыслей.

По вечерамъ онъ часто собирался съ товарищами и друзьями—С. А. Муромцевымъ, С. А. Петровскимъ, П. А. Астафьевымъ и другими. Съ Муромцевымъ онъ задумалъ издавать журналъ, чтобы распространять въ обществѣ большее количество знаній и тѣмъ способствовать развитію послѣдняго. Къ сожалѣнію, Николай Павловичъ только вкратцѣ упоминаетъ въ одномъ своемъ письмѣ къ матери объ этомъ намѣреніи; о предполагавшемся характерѣ журнала и названіи его онъ ничего не пишетъ. Изданіе его не было приведено въ исполненіе потому, что у желавшихъ участвовать въ немъ не хватило на это средствъ. Такъ какъ всѣ они въ это время были поклонниками конституціоннаго образа правленія и послѣдователями ученія позитивистовъ, то надо полагать, что и журналъ носилъ бы характеръ ихъ воззрѣній. Но узкій позитивизмъ, съ безпощадною жестокостью лишающій человѣка надеждъ и утѣшеній, плохо мирился съ его пытливою, ищущею высшихъ надеждъ и идеаловъ душой. Это видно изъ слѣдующаго мѣста его заграничныхъ записокъ. Размышляя о неумолимости

смерти и о томъ, что онъ обратится въ ничто, онъ хочетъ искать забвенія въ полезной для общества дѣятельности и внезапно кончаетъ слѣдующими словами: «Я смутился духомъ; не то, чтобы у меня вдругъ ослабѣла рѣшимость дѣйствовать, но мнѣ въ сотый разъ пришелъ въ голову вопросъ: загляни глубже въ свою душу и скажи, будешь-ли ты счастливъ, хотя и вполнѣ исполнишь предписанный идеалъ, — и я въ сотый же разъ сознался, что нѣтъ». Очевидно, только въ самоотреченіи, въ постоянной неутомимой дѣятельности въ пользу другихъ—онъ надѣялся найти утѣшеніе въ безотрадности міровоззрѣнія позитивистовъ.

Однако, кружокъ товарищей не удовлетворялъ уже Боголѣпова по возвращеніи изъ за-границы. Онъ искалъ и другихъ развлеченій. Съ какимъ-то радостнымъ увлеченіемъ, какъ бы утомившись долгой работой вдали отъ родины, онъ отдается разнообразной шумной жизни. «Мы ведемъ совершенно бурную жизнь», пишетъ онъ своей матери, уѣхавшей на время въ Польшу. Но эта бурная жизнь состояла только въ ежедневномъ посѣщеніи многочисленныхъ концертовъ, профессорскихъ вечеринокъ и изрѣдка оперъ.

Несмотря на серьезный складъ ума, онъ любилъ веселье и смѣхъ, любилъ и общество дамъ, и былъ любимъ ими за непринужденность въ обхожденіи и за умѣніе забавно шутить и дразнить.

Въ упомянутомъ письмѣ къ матери онъ изъ скромности приписываетъ свой успѣхъ среди женщинъ своему положенію и годамъ.

На одной вечеринкѣ, а затѣмъ въ одномъ концертѣ Николай Павловичъ, послѣ двухлѣтней разлуки, встрѣтился со мной. При свиданіи наше чувство взаимной любви сказалось съ прежней силой. Послѣ нѣ-

сколькихъ встрѣчъ наша свадьба была рѣшена и состоялась 11-го апрѣля 1879-го года.

Счастіе нашей взаимной любви въ первые годы послѣ свадьбы было такъ же безоблачно, какъ и въ послѣдующіе. Когда послѣ вѣнчанія я подошла къ моей свекрови, она сказала мнѣ: «Вы отняли у меня мой солнечный лучъ».

Такимъ же лучомъ вошелъ онъ въ мою жизнь: свѣтилъ онъ своимъ высокимъ примѣромъ, грѣлъ своей неизмѣнной, преданной любовью. Не преувеличивая, я могу сказать, что съ каждымъ годомъ нашей супружеской жизни моя любовь и уваженіе къ мужу росли, а это случается рѣдко. Всего чаще самыя пламенныя чувства влюбленныхъ людей при большей близости теряютъ силу, а иногда даже совсѣмъ изчезаютъ.

Нашъ образъ жизни въ первые годы послѣ брака былъ очень скроменъ. Единственной статьей дохода было университетское жалованье мужа въ 1200 руб. изъ котораго 200 руб. онъ отдавалъ своей матери.

Чтобы доставить себѣ какое-либо удовольствіе, въ видѣ посѣщенія концертовъ, надо было экономить на ежедневныхъ тратахъ; но долговъ не дѣлалось, несмотря на то, что въ концѣ перваго года у насъ родился сынъ, а черезъ два года дочь. Николай Павловичъ не допускалъ тратъ выше средствъ. Еще будучи женихомъ, онъ рисовалъ мнѣ картину той скромной жизни, въ которую онъ меня поведетъ, и притомъ просилъ никогда не дѣлать долговъ, какъ бы тяжелы ни показались мнѣ нѣкоторыя неудобства и лишенія. Въ этомъ отношеніи онъ служилъ самъ лучшимъ примѣромъ, потому что готовъ былъ всегда во всемъ отказывать себѣ, чтобы доставить мнѣ и дѣтямъ какое-нибудь удобство или удовольствіе. Стоило иногда боль-

шихъ трудовъ уговорить его купить что-нибудь лично себѣ, даже нужное. И не для насъ однихъ былъ онъ готовъ забывать себя, но и для своей матери и для близкихъ родныхъ. Съ большимъ участіемъ приходилъ онъ также на помощь бѣднымъ; такъ, до своей смерти Николай Павловичъ содержалъ одну старушку изъ крестьянъ и помогалъ одной вдовѣ съ большой семьей, изъ того же сословія. Впослѣдствіи, когда его жалованье стало увеличиваться, ему представилась возможность оказывать болѣе щедрую помощь: всякое народное бѣдствіе встрѣчало горячій откликъ въ его сердцѣ, и въ такихъ случаяхъ Николай Павловичъ, не жалѣя, удѣлялъ изъ своего жалованья посильную помощь голодавшимъ крестьянамъ и пострадавшимъ отъ эпидеміи. Но, отзывчивый на всякую чужую бѣду, Николай Павловичъ наотрѣзъ отказывался помогать людямъ, бѣдствовавшимъ вслѣдствіе растраты своего имущества или неумѣвшимъ справляться со своими средствами. Точно также возставалъ онъ противъ слишкомъ обильной раздачи стипендій студентамъ и частаго устройства вечеринокъ и концертовъ въ ихъ пользу. Постоянная надежда на общественную благотворительность, по его мнѣнію, поощряла лѣнь молодежи и отучала ее жить собственными трудами. Боголѣповъ считалъ цѣлесообразнѣе заботиться о пріисканіи студентамъ работы въ видѣ уроковъ или переводовъ и охотно самъ имъ доставлялъ ихъ. Николая Павловича часто обвиняли въ томъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ и требователенъ къ другимъ, въ особенности къ молодежи; но онъ былъ еще строже къ себѣ. Мы видѣли, какъ въ юные годы, при скудости средствъ, онъ пробивалъ себѣ дорогу и еще поддерживалъ большую семью. И не только въ юности, всю свою жизнь Боголѣповъ неутомимо трудился и

при этомъ велъ самый скромный образъ жизни. Послѣ женитьбы, какъ и до нея, его единственными развлеченіями были концерты и профессорскія вечеринки. Разъ въ недѣлю попрежнему у него собирались его товарищи, единомыслящіе профессора и ученики. Большею частью, предметомъ оживленныхъ разговоровъ на этихъ собраніяхъ были вопросы научные и университетскіе. Роскоши, какъ и въ молодые годы, онъ гнушался и не любилъ погони за красивой внѣшностью. Въ особенности мужъ считалъ ее вредной для дѣтей, которыхъ, по его мнѣнію, надо воспитывать въ простотѣ; такъ, онъ всегда возставалъ противъ богатыхъ подарковъ нашимъ дѣтямъ и требовалъ, чтобы одежда ихъ была недорогою и непритязательною. Даже родственниковъ и знакомыхъ Николай Павловичъ просилъ не дарить имъ дорого стоющихъ игрушекъ и нарядовъ. Онъ былъ рѣдкимъ отцомъ и отличался врожденнымъ педагогическимъ тактомъ, соединяя въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ твердость и доброту. Требуя отъ дѣтей безпрекословнаго послушанія, Николай Павловичъ умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ завлекательно съ ними играть, что они въ играхъ съ нимъ забывали его годы и видѣли въ немъ только забавнаго товарища. Мужъ не любилъ наказаній, но считалъ ихъ необходимыми, въ особенности въ раннемъ возрастѣ, когда дѣти еще мало страдаютъ отъ чувства униженія и стыда.

Послѣ женитьбы дѣятельность Николая Павловича отличалась тою же неутомимою энергіей, какъ и до нея. На ряду съ чтеніемъ лекцій по исторіи римскаго права, онъ еще читалъ за одного отсутствовавшаго товарища курсъ гражданскаго судопроизводства и писалъ свою докторскую диссертацію. Каждое изъ упомянутыхъ занятій требовало много времени и

напряженнаго труда и вниманія. Тѣмъ не менѣе, разсчитывыя на свои молодыя силы, онъ взялъ на себя еще одно занятіе, а именно—въ 1880 г. принялъ предложенное ему мѣсто инспектора въ Ермоло-Маріинскомъ женскомъ институтѣ. Должность эта была безвозмездна и симпатична Николаю Павловичу, потому что воспитаніе юношества, какъ женское, такъ и мужское, горячо интересовала его.

Учебная часть въ институтѣ до этого времени была въ большомъ упадкѣ. Боголѣповъ дѣятельно занялся преобразованіемъ ея: онъ улучшилъ учительскій персоналъ и обсуждалъ на конференціяхъ методы преподаванія. Начальница, учителя и воспитанницы очень любили Николая Павловича за его участливое отношеніе къ нимъ, хотя онъ требовалъ отъ нихъ строгаго исполненія ихъ обязанностей. Доказательствомъ того, какую любовь онъ въ нихъ вызвалъ, могутъ служить слѣдующія слова, взятыя изъ письма начальницы института А.А. Ливенцевой по уходѣ его изъ училища: «Дѣвочки сами пришли сегодня просить меня позволить имъ вамъ писать, и я была этому очень рада. Не знаю какъ, но вы умѣли всегда сильно привязывать къ себѣ нашихъ дѣтей». Въ годовомъ отчетѣ, вышедшемъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея института (уже по смерти мужа), мы находимъ еще лучшій о немъ отзывъ: «Дѣятельность Николая Павловича не ограничивалась только стараніемъ упорядочить самое преподаваніе въ училищѣ; онъ заботился также объ упроченіи положенія преподавателей Маріинскаго училища. Его усиліями въ 80-хъ годахъ было нѣсколько поднято вознагражденіе по нѣкоторымъ важнымъ предметамъ. Его цѣнныя личныя качества: спокойствіе, разсудительность, педагогическій тактъ, твердость и то-

варищеское отношеніе къ своимъ сотрудникамъ внушали каждому изъ нихъ спокойную увѣренность въ работѣ. Полное довѣріе къ преподавателю и естественно вытекающая отсюда свобода преподаванія давали полную возможность каждому вносить въ преподаваніе нѣчто свое, оригинальное, и отдаваться своему дѣлу съ любовью. «Дѣло преподаванія», говорилъ Боголѣповъ,—«дѣло живое: обставлять его различными мелочными правилами по своему усмотрѣнію и вкусу значитъ губить его. Всеобщія любовь и уваженіе къ нравственной личности инспектора въ извѣстной мѣрѣ объединяли и скрѣпляли даже разнородные элементы, принимавшіе участіе въ воспитательномъ дѣлѣ училища. Николай Павловичъ Боголѣповъ обладалъ особенною способностью приводить къ согласію несогласныя стороны и склонять ту или другую къ благопріятнымъ уступкамъ. Достигалъ онъ этого очень легко, благодаря своему умѣнію обращаться съ людьми и спокойному, неуклоному слѣдованію разъ выработаннымъ постановленіямъ педагогическаго совѣта или существующимъ общимъ законамъ, защищающимъ общіе интересы просвѣщенія».

А. Д. Алферовъ, преподававшій въ институтѣ во время инспекторства Боголѣпова, также лестно отзывается о немъ: «У насъ, преподавателей, были съ Николаемъ Павловичемъ самыя лучшія отношенія; онъ былъ для насъ старшимъ товарищемъ, и самымъ сердечнымъ образомъ относился къ учебному дѣлу и интересамъ воспитанницъ. Его уходъ въ попечители былъ большою печалью для насъ. Помня его интересъ къ нашему общему дѣлу, педагогическій совѣтъ на свои средства устроилъ коллекцію учебныхъ пособій имени Николая Павловича, чтобы

память о немъ не изгладилась въ учрежденіи, которое онъ любилъ».

Съ еще большимъ интересомъ относился Боголѣповъ къ университетскому преподаванію. Убѣдившись, что одно слушаніе лекцій въ теченіе зимы и затѣмъ спѣшное зазубриваніе пройденнаго предмета передъ самымъ экзаменомъ влекутъ за собою плохо усвоенное знаніе и неумѣніе самостоятельно работать, онъ нашелъ необходимымъ, на ряду съ чтеніемъ лекцій, ввести практическія занятія со студентами. Первыя попытки такихъ занятій Николай Павловичъ сдѣлалъ въ обширной аудиторіи. Приступилъ онъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ. Задана была тема, матеріалы для которой (мѣста изъ юридическихъ и неюридическихъ писателей и остатки римскихъ законовъ) изучались частью въ аудиторіи, частью дома, самостоятельно. Послѣ того слушатели писали рефераты. Одинъ или два изъ этихъ послѣднихъ читались въ присутствіи всего курса; затѣмъ начинались пренія, въ которыхъ прежде всего допускались авторы прочихъ, нечитанныхъ еще рефератовъ, а иногда и остальные участники практическихъ занятій. Большое количество слушателей на курсѣ римскаго права не дозволяло сдѣлать обязательнымъ дѣятельное участіе всѣхъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ. Несмотря, однако, на строго соблюдавшееся требованіе, чтобы рефераты и пренія велись въ чисто дѣловомъ тонѣ, охотниковъ участвовать активно на рефератахъ было много.

Придавая большое значеніе практическимъ занятіямъ, Боголѣповъ охотно удѣлялъ имъ свободные часы, несмотря на то, что работы въ то время у него было много. Спѣша доканчивать въ то время свою докторскую диссертацію, онъ посвящалъ ей позднія

часы вечера, при чемъ работа чаще всего продолжалась до трехъ часовъ ночи. Въ этотъ годъ я сильно хворала, и часть ночи онъ проводилъ у моей постели.

II.

Въ 1881 г. Боголѣповъ защитилъ свою докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Формулы ограниченія свободы завѣщанія въ римской классической юриспруденціи. Москва, 1881.» Въ этомъ трудѣ Боголѣповъ сдѣлалъ попытку разработать догму классическаго римскаго права въ связи съ изученіемъ потребностей римской жизни.

Оппоненты, послѣ обычныхъ возраженій, очень лестно отзывались объ этомъ ученомъ трудѣ, признавая въ немъ цѣнныя для науки новыя точки зрѣнія, основанныя на точныхъ и вѣрныхъ изслѣдованіяхъ. Въ этомъ же году Боголѣповъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Съ этихъ поръ онъ принималъ еще болѣе дѣятельное участіе въ университетской жизни: послѣдняя все болѣе и болѣе захватывала его вниманіе и интересъ. Въ качествѣ ординарнаго профессора онъ сдѣлался членомъ Совѣта университета и, какъ таковой, имѣлъ право голоса въ дѣлахъ управленія.

Тогда дѣйствовалъ еще уставъ 1863 года,—слѣдовательно, Совѣтъ имѣлъ большую силу.

Члены Совѣта, при поступленіи въ него Боголѣпова, раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи—старыхъ и молодыхъ. Въ главѣ первой стоялъ ректоръ университета Н. С. Тихонравовъ. Пріобрѣтенные раньше имъ послѣднимъ среди товарищей авторитетъ и значеніе въ описываемые годы стали ослабѣвать

благодаря его двоедушію; по мѣрѣ упроченія его положенія этотъ его недостатокъ усиливался. Такъ, напримѣръ, во время студенческихъ волненій Тихонравовъ заигрывалъ съ ними и любезно разрѣшалъ имъ запрещенныя закономъ сходки; но однажды, испугавшись ихъ возрастающихъ претензій, устроилъ имъ ловушку: когда студенты собрались въ большомъ количествѣ на сходку во дворъ университета, Николай Саввичъ велѣлъ запереть всѣ выходы двора и затѣмъ предалъ ихъ скрытой въ университетѣ полиціи. Такое двоедушіе вызвало недовѣріе къ нему многихъ профессоровъ. Однако его пріятели, старые профессора, остались ему вѣрными. Особенное негодованіе въ молодыхъ членахъ Совѣта вызывалъ отказъ Тихонравова отдавать отчетъ въ университетскомъ бюджетѣ. По закону онъ обязанъ былъ это дѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открывалъ своимъ пріятелямъ широкій кредитъ изъ университетскихъ суммъ на покупку нужныхъ для ихъ курсовъ книгъ и пособій, а молодымъ своимъ коллегамъ удѣлялъ на тѣ же расходы лишь очень скромныя средства; вслѣдствіе этого, послѣдніе не могли выписывать многія необходимыя для курса пособія и сочиненія. Выведенные изъ терпѣнія, молодые преподаватели рѣшились наконецъ выразить протестъ ректору и добиться отъ него отчета и выдачи имъ болѣе крупныхъ суммъ. Послѣ этого рѣшенія, на первомъ же засѣданіи Совѣта, Николай Павловичъ безстрашно выступилъ съ требованіемъ, чтобы всѣ расходы и доходы университета были извѣстны всѣмъ его членамъ. Такое смѣлое требованіе вызвало взрывъ негодованія со стороны Тихонравова и его приверженцевъ. До тѣхъ поръ ректоръ и его партія были всемогущими вершителями университетскихъ дѣлъ, благодаря пассивному и равнодушному отно-

шенію къ нимъ большинства профессоровъ. Боголѣповъ рѣшился на смѣлую атаку, разсчитывая на обѣщанную поддержку товарищей, но въ рѣшительную минуту, въ самый разгаръ сраженія, они упорно молчали и не сдѣлали даже попытокъ воспрепятствовать полному пораженію Николая Павловича. Зато, послѣ засѣданія, они, каждый порознь, подходили къ нему и поздравляли съ отважно произведенною атакою; нѣкоторые даже обнимали и цѣловали его.

Это поведеніе товарищей и другіе подобные случаи въ дѣлѣ университетскаго управленія сильно огарчали Боголѣпова; мало-по-малу они привели его къ убѣжденію, что русскіе въ дѣлахъ самоуправленія не умѣютъ дѣйствовать единодушно, что у нихъ недостаетъ энергіи и настойчивости, чтобы твердо стоять за правое дѣло, и что въ большинствѣ случаевъ верхъ берутъ дерзость и наглость. Совершенно неожиданно для мужа, его открытый образъ дѣйствія, его неуклонная энергія и настойчивость въ описанномъ случаѣ привлекли къ нему явныхъ и тайныхъ доброжелателей; къ послѣднимъ принадлежали тѣ, которые изъ страха къ ректору не смѣли высказывать Николаю Павловичу свое расположеніе. Какъ бы то ни было, въ 1883 году, когда кончилось второе четырехлѣтіе правленія Тихонравова, и наступило время выборовъ ректора, мужъ былъ избранъ на эту должность. Предварительно молодые товарищи предупреждали его, что они выдвинутъ его кандидатуру, и что многіе профессора собираются положить ему бѣлые шары. Николаю Павловичу не улыбалась такая перспектива. Неувѣренный въ себѣ, сначала онъ энергично протестовалъ противъ намѣренія товарищей избрать его въ ректоры, но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ ихъ увѣщаній, согласился, надѣясь, по мѣрѣ силъ, самоотвер-

женною дѣятельностью способствовать правильному развитію академической жизни въ университетѣ.

Такимъ путемъ и частными общеніями профессоровъ со студентами, по его мнѣнію, легче было бы отвлекать университетскую молодежь отъ безплодныхъ и вредныхъ имъ увлеченій политикою, и подготовлять новое поколѣніе молодыхъ людей, настойчиво работающихъ на пользу родины. Какъ мы видѣли, для этой цѣли онъ ввелъ на своемъ курсѣ практическія занятія со студентами; затѣмъ, въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ ними, Николай Павловичъ при каждомъ удобномъ случаѣ наставлялъ ихъ, какъ надо работать; наконецъ, уже будучи ректоромъ, въ 1886 г., онъ сказалъ вновь поступившимъ студентамъ рѣчь, въ которой еще болѣе обстоятельно подавалъ имъ тотъ же совѣтъ. Эта рѣчь [1])доказываетъ, какъ горячо Боголѣповъ принималъ къ сердцу интересы университетской молодежи. Онъ началъ ее такъ: «Когда я вспоминаю свои студенческіе годы, проведенные въ этомъ университетѣ, я очень сожалѣю, что въ то время не было у меня человѣка, который бы съ отеческимъ благоволеніемъ и твердостью сказалъ мнѣ: «Вотъ путь, по которому ты долженъ итти, и вотъ чего ты долженъ избѣгать!

Вслѣдствіе этого много силъ было потрачено напрасно, много сдѣлано было ошибокъ, которыя пришлось поправлять позже. Всѣ вы находитесь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились нѣкогда мои товарищи и я. Какъ ректоръ, я считаю своимъ долгомъ не оставить васъ безъ указаній тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ вамъ исполнить въ теченіе университетской жизни».

Въ концѣ рѣчи, описавъ безполезность и вредъ

1) Смотрите прил. № 1.

пассивнаго, почти равнодушнаго слушанія лекцій въ теченіе зимы и безсмысленнаго зубренія прочитаннаго курса передъ экзаменами, Боголѣповъ говорилъ: «Ни заботы о личномъ счастіи, ни долгъ передъ своимъ народомъ не дозволяетъ продолжать такую дѣятельность. Вы не должны забывать, что университетскій дипломъ вводитъ васъ формально въ ряды образованныхъ людей, которые, въ силу своего образованія, по необходимости дѣлаются руководителями остальныхъ классовъ народа».

Какъ часто теперь, въ наши тревожные дни, вспоминаешь трезвые взгляды мужа на ходъ университетскихъ занятій и на поведеніе университетской молодежи! Во все время своей профессорской и ректорской дѣятельности онъ увѣщевалъ товарищей-профессоровъ и университетское начальство дружными усиліями положить конецъ преждевременнымъ политическимъ увлеченіямъ студентовъ. Потакать ихъ стремленію принимать участіе въ рѣшеніи государственнымъ вопросовъ онъ считалъ преступнымъ. Не разъ мужъ мой смѣло высказывалъ профессорамъ свое рѣшительное мнѣніе, что содержаніемъ лекцій должны быть одни научные предметы, и что въ нихъ не слѣдуетъ касаться современныхъ политическихъ вопросовъ. Тогда никто его не слушалъ: одни считали его опасенія неосновательными и видѣли въ студенческихъ волненіяхъ однѣ ребяческія выходки; другіе считали его требованія отсталыми. А теперь, когда плотина прорвалась, когда въ университетѣ наука упразднена, и послѣдніе стали мѣстами сборища многотысячной дикой уличной толпы, когда два или три поколѣнія учащейся молодежи испорчены,—со всѣхъ сторонъ раздаются голоса (часто профессорскіе), что университетъ и среднеучебныя заведенія не должны

быть очагами революціоннаго движенія. Бывшій московскій профессоръ М. М. Ковалевскій высказываетъ теперь одинаковое съ мужемъ мнѣніе насчетъ содержанія лекцій; а было время, когда онъ и другіе профессора намеками и даже прямыми указаніями пробуждали въ студентахъ слишкомъ горячій интересъ къ политическимъ вопросамъ.

Годъ спустя по назначеніи Боголѣпова ректоромъ, эта и безъ того трудная обязанность значительно осложнилась введеніемъ новаго устава.

Уставъ былъ встрѣченъ враждебно почти всѣми профессорами и студентами; слѣдовательно, на каждомъ шагу предстояла борьба. Но Николай Павловичъ главнымъ образомъ опасался, что самое дорогое для него правильное развитіе академической жизни будетъ пріостановлено. Желая воспитать въ студентахъ будущихъ плодотворныхъ ученыхъ, государственныхъ дѣятелей и педагоговъ, онъ разсчитывалъ не только на научное, но и на воспитательное значеніе университета и потому находилъ необходимымъ нравственное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ. Однако, съ введеніемъ новаго устава, профессора считали себя устраненными отъ участія въ университетской жизни, выходившей за рамки чтенія лекцій и полукурсовыхъ зачетовъ. Дѣйствительно, самыя правила министерства указывали на такую ограниченную роль профессоровъ, отводя имъ лишь учебную часть и передавъ всѣ остальныя функціи академической жизни инспекціи и попечителю округа. Даже ректоръ, хотя и не выбиравшійся, какъ по уставу 1863 г., находился въ положеніи лица, которому правительство мало довѣряетъ, и котораго держатъ подъ негласнымъ надзоромъ инспектора, при чемъ послѣдній имѣлъ право прямо докладывать попечителю, минуя ректора.

Можетъ быть, покажется страннымъ, почему при такихъ условіяхъ мой мужъ не сложилъ съ себя должности ректора. Но такой поступокъ не былъ бы согласенъ съ его характеромъ. Затрудненія его никогда не запугивали. Напротивъ того, они только вызывали еще болѣе настойчивыя усилія его могучей энергіи. Ему казалось, что именно при возникновеніи большихъ затрудненій надо притти на помощь погибающему благому дѣлу. И дѣйствительно, благодаря его неутомимымъ усиліямъ, переходъ отъ устава 1863 г. къ новому совершился въ Московскомъ университетѣ такъ спокойно, что, казалось, въ жизни послѣдняго не произошло особенныхъ перемѣнъ. При возникавшихъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ Боголѣповъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, чтобы вникать въ каждое дѣло и удовлетворять справедливымъ требованіямъ профессоровъ и студентовъ, при чемъ свою роль посредника между попечителемъ и университетомъ онъ исполнялъ съ большимъ безпристрастіемъ и съ неизмѣннымъ желаніемъ притти на помощь нуждамъ университета. Только незаконныя притязанія заставляли его отвѣчать отказомъ, но спокойная твердость не покидала его. Во все время его перваго ректорства не было ни профессорскихъ исторій, ни студенческихъ безпорядковъ.

Трудныя обязанности ректора въ соединеніи съ усиленной преподавательской и ученой работой значительно истощили силы Николая Павловича. Съ 1885 года онъ долженъ былъ, кромѣ исторіи римскаго права, приступить къ чтенію догмы римскаго права (которую до того читалъ профессоръ Муромцевъ). Этотъ курсъ ему пришлось составлять вновь. Кромѣ усиленной работы и сопряженныхъ съ ректорскими обязанностями заботъ и волненій, Николаю Павлови-

чу пришлось въ концѣ 1886 года перенести большія семейныя огорченія и даже тяжелое горе. Осенью этого года я была опасна больна. Въ началѣ моей болѣзни умеръ нашъ новорожденный ребенокъ, а по моемъ выздоровленіи скончались двое другихъ дѣтей, въ возрастѣ семи и восьми лѣтъ. Другихъ дѣтей въ это время у насъ не было. Много безсонныхъ ночей провелъ мужъ около моей постели, ухаживая за мной, какъ самая заботливая сидѣлка. Во время болѣзни моей и нашихъ дѣтей Николай Павловичъ не обнаруживалъ въ моемъ присутствіи ни страха, ни волненія, а между тѣмъ онъ сильно безпокоился. Помню, въ одну изъ ночей, когда жизнь моя была въ опасности, послѣ долгаго забытья, я пришла въ себя и при яркомъ свѣтѣ пылающаго камина увидѣла моего мужа горько плачущимъ. Какое глубокое горе ему причинила смерть нашихъ дѣтей, видно изъ одного мѣста его записокъ отъ 1888 года, написаннаго на другой день рожденія нашей послѣдней дочки: «Вчера у насъ родилась дочь. Ее назвали Маріей. Это былъ для меня особенный день; я какъ будто начиналъ новый періодъ своей жизни. Смерть нашихъ первыхъ дѣтей провела рѣзкую грань между прошлымъ годомъ [1]) и предшествовавшими годами. Весь 1887 годъ мы съ Катей не жили, а только страдали нравственно. Третьяго февраля снова у насъ ребенокъ, и снова какъ будто надежда видѣть подлѣ себя молодое поколѣніе. Въ день рожденія Маши, когда пришелъ священникъ и сталъ читать молитвы тихимъ голосомъ среди тишины въ домѣ, меня охватило совсѣмъ новое чувство, котораго я не испытывалъ очень давно: мнѣ такъ хотѣлось вѣрить, что я могу надѣяться на Бога, и хотѣлось сказать себѣ, что Онъ все сдѣлаетъ, какъ нуж-

[1]) Годъ смерти первыхъ дѣтей

но, а потому нечего тревожиться. Еслибъ я могъ съ прежнею дѣтскою вѣрою предаться волѣ Божіей, какое бремя тоски по умершимъ дѣтямъ и страха за здоровье Кати свалилось бы съ моей души! Но я не могъ молиться. Можетъ быть, это начало вѣры».

И это было начало или скорѣе — возрожденіе вѣры. Во время моихъ болѣзней я не разъ видѣла его горячо молящимся. Затѣмъ, въ минуты тяжелой борьбы, среди его общественной дѣятельности онъ черпалъ силу и утѣшеніе въ божественномъ ученіи Спасителя. Понемногу онъ сталъ ходить въ церковь и тамъ такъ сосредоточенно молился и вслушивался въ церковное чтеніе и пѣнье, какъ рѣдко это дѣлаютъ даже люди, никогда не сомнѣвавшіеся. Съ помощью возродившейся вѣры его мужество возросло до степени геройства, которое дало ему силу, безъ страха и упрека, работать на пользу родины въ трагическіе годы его министерства.

Къ дочкѣ, упомянутой выше, Николай Павловичъ привязался еще горячѣе, чѣмъ къ первымъ дѣтямъ, но онъ не позволялъ себѣ ее баловать. Несмотря на строгость, дѣвочка сильно любила отца. Да и нельзя было не любить такого отца. Лѣтомъ, въ каникулярное время, и зимою, въ рѣдкіе часы отдыха, когда дѣти были умны и послушны, мужъ разсказывалъ имъ сказки и повѣсти своего собственнаго сочиненія, или же бѣгалъ съ ними взапуски и игралъ въ дикіе звѣри, при чемъ приводилъ дѣтей въ восторгъ своимъ рычаньемъ и огромными прыжками.

III.

Весной 1887 г., послѣ описанныхъ скорбныхъ событій, онъ самъ заболѣлъ и, не дождавшись окончанія четырехлѣтія своего ректорства, отказался отъ

этой должности. Описанная дѣятельность Боголѣпова, какъ профессора и ректора, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ объ его постоянномъ заботливомъ участіи и интересѣ къ студентамъ. Между тѣмъ онъ навлекъ на себя нареканія въ жестокости и безсердечіи, въ немъ отрицали всякую любовь и состраданіе къ учащейся молодежи. Такое ошибочное мнѣніе возникло отъ различія во взглядахъ на доброту и любовь. Современное большинство людей видитъ ихъ въ чрезмѣрной мягкости къ молодежи и въ извиненіяхъ всѣхъ ея недостатковъ и неблаговидныхъ поступковъ. Николай Павловичъ иначе смотрѣлъ на любовь къ молодежи, или, лучше сказать, иначе любилъ. Онъ готовъ былъ самоотверженно работать на пользу ея, имѣя передъ собой одну цѣль — ея нравственное совершенствованіе; для этого онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ и даже пренебрегалъ мнѣніемъ людей, не понимавшихъ его и обвинявшихъ въ безсердечіи. Признавая весьма труднымъ примѣнять одну мягкость при веденіи ребенка съ колыбели, онъ считалъ такой пріемъ немыслимымъ съ четырехтысячной толпой студентовъ, большинство которыхъ получило дома плохое воспитаніе или его совсѣмъ не получило. Отзывчивымъ и участливымъ былъ онъ всегда, когда былъ увѣренъ, что его помощь и участіе окажутъ пользу, а не вредъ. Только пустые разговоры, обманъ и недобросовѣстность были ему противны, и въ такихъ случаяхъ онъ принималъ суровый видъ и казался недоступнымъ. Сентиментальности или изнѣживающей мягкости онъ также не терпѣлъ. Когда являлись къ нему маменьки, требовавшія отъ него необыкновенной снисходительности для своихъ плохо учившихся сыновей, онъ принималъ суровый видъ и неохотно слушалъ ихъ сѣтованія на строгія требованія профессоровъ и учителей.

Точно также возмутительныя выходки студентовъ и недобросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ не только учащихся и учащихъ, но и всякаго общественнаго дѣятеля возмущали его до глубины души и вызывали его рѣзкія сужденія. Въ такихъ случаяхъ его обычное спокойствіе уступало мѣсто нескрываемому негодованію. Примѣромъ отзывчивости Николая Павловича могутъ служить слѣдующія извлеченія изъ воспоминаній А. Д. Алферова [1]), написанныхъ къ 40-му дню по смерти Боголѣпова. Алферовъ учился на юридическомъ факультетѣ и, слѣдовательно, былъ ученикомъ Николая Павловича. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ скоро убѣдился, что у него нѣтъ склонности къ юридическимъ наукамъ и сдалъ экзаменъ при историко-филологическомъ факультетѣ. «Разъ», пишетъ Алферовъ, «когда я сидѣлъ въ своей болѣе, чѣмъ скромной, комнатѣ, швейцаръ мнѣ доложилъ, что меня спрашиваетъ какой-то г. Боголѣповъ и въ то время, когда я еще не могъ себѣ отдать отчета, кто бы это могъ быть, въ мою комнату вошелъ Николай Павловичъ и очень скромно, извиняясь за безпокойство, сказалъ, что помнитъ меня, какъ студента, слышалъ о моей перемѣнѣ дороги и хотѣлъ повидаться со мной, чтобы переговорить объ этой перемѣнѣ, которая казалась ему серьезнымъ шагомъ въ жизни». Затѣмъ далѣе Алферовъ пишетъ: «Вспоминаю слѣдующій эпизодъ передъ моимъ экзаменомъ по римскому праву. Экзаменъ намъ предстоялъ въ началѣ Ѳоминой недѣли. Я и мой товарищъ Д. К. готовились къ нему, живя за городомъ. Вчитываясь въ литографированные листы нашего курса, мы тамъ не-

1) Эти воспоминанія не были напечатаны, даже выдержки изъ нихъ тогдашнія газеты, исключая «Московскихъ Вѣдомостей», отказывались напечатать.

ожиданно наткнулись на такія противорѣчія, которыхъ помирить никакъ не могли. Не очень отличая, что здѣсь было виною издателя, что виною профессора, и что нашей собственной виной, мы, ни мало не медля, рѣшили ѣхать къ Боголѣпову и заявить ему о встрѣтившихся намъ несообразностяхъ въ его курсѣ. Заложивъ деревенскую таратайку, въ случайныхъ деревенскихъ костюмахъ, мы поѣхали въ Москву и часовъ въ 7 вечера позвонились у крыльца Николая Павловича, со свертками лекцій въ рукахъ. Николай Павловичъ насъ встрѣтилъ такими словами: «Видите ли, моя жена очень больна, мнѣ трудно удѣлить вамъ много времени». Видя его озабоченнымъ, мы готовы были сейчасъ же уѣхать, но онъ съ обычной простотой удержалъ насъ, сказавъ, что наше дѣло онъ считаетъ также серьезнымъ. При этомъ Боголѣповъ далъ намъ необходимыя указанія, разъяснивъ наши недоразумѣнія, которыя оказались послѣдствіемъ обычныхъ ошибокъ издателя. Послѣ этого мы ожидали, что профессоръ, убѣдившись въ запоздалости нашей работы, будетъ къ намъ особенно требователенъ. Ничуть не бывало. Онъ попрежнему былъ простъ и серьезенъ, и наши экзамены сошли вполнѣ благополучно».

Интересны также воспоминанія Алферова о Николаѣ Павловичѣ, какъ о профессорѣ и экзаменаторѣ. «Вступая въ университетскія аудиторіи», пишетъ онъ, «я уже слышалъ, что есть среди профессоровъ нѣкто Боголѣповъ, который безжалостно рѣжетъ студентовъ на экзаменѣ, и не безъ интереса, пожалуй — не безъ тревоги, всматривался на первой лекціи въ нѣсколько блѣдное лицо высокаго и худого человѣка, который спокойно, серьезно и очень понятно излагалъ свой предметъ. Никакихъ фразъ, никакой погони за

внѣшнимъ блескомъ въ его лекціяхъ никогда не было; но забота о ясности и послѣдовательности изложенія, эта добросовѣстная педагогическая обработка всегда въ нихъ чувствовалась. Я увидалъ его скоро руководителемъ нашихъ практическихъ занятій, которымъ онъ придавалъ большое значеніе; я убѣдился въ томъ, какъ его искренній собственный интересъ къ этому дѣлу будилъ интересъ слушателей. Помню его умѣніе спокойно руководить преніями».

Часто обвиняли Николая Павловича за его мнимую строгость на экзаменахъ, но это обвиненіе было клеветой. Всячески стараясь, какъ мы видѣли, облегчить студентамъ усвоеніе труднаго предмета (исторіи римскаго права), онъ, кромѣ того, не упускалъ случая съ каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ увѣщевать ихъ заниматься въ теченіе зимы, а не только передъ экзаменомъ. Несомнѣнно, его увѣщанія не остались бы безплодными, если бы его товарищи-профессора дѣйствовали заодно съ нимъ. Но, вмѣсто того, чтобы заинтересовывать студентовъ исключительно научными предметами и научать ихъ самостоятельно работать на практическихъ занятіяхъ, многіе профессора разжигали преждевременно въ нихъ политическія страсти неумѣстными намеками на недостатки русскаго государственнаго строя. Большинство изъ нихъ льстило самолюбію студентовъ, касаясь вопросовъ, до которыхъ они еще не доросли; Боголѣповъ же напоминалъ имъ ихъ прямую обязанность учиться и работать; когда же, несмотря на всѣ эти усилія студенты обнаруживали на экзаменахъ полное незнаніе предмета и даже круглое невѣжество, онъ ставилъ имъ плохія отмѣтки. Но при этомъ Николай Павловичъ давалъ всегда право экзаменующимся вынимать два-три билета и, только удостовѣрившись, что сту-

дентъ не знаетъ болѣе половины курса, ставилъ ему плохой баллъ. Дѣлалъ онъ это безъ раздраженія и не съ безсердечнымъ равнодушіемъ, а съ болью въ сердцѣ. Всякій разъ съ экзаменовъ онъ возвращался домой разогорченный и взволнованный. По его собственному признанію, экзамены были для него каторгою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ставить удовлетворительную отмѣтку невѣждѣ — возмущало его честную, правдивую натуру. Крайняя снисходительность на экзаменахъ, по его мнѣнію, была поощреніемъ невѣжества и дарила обществу безполезныхъ и даже вредныхъ дѣятелей. Справедливыя отмѣтки Боголѣпова опять-таки не возмущали бы такъ, если всѣ профессора дѣйствовали бы съ нимъ заодно; но бильшинство изъ нихъ, изъ популярности и изъ страха предъ студентами, не скупилось на хорошіе баллы. Однако, Боголѣповъ былъ всегда готовъ выслушать справедливые доводы студента, доказывавшаго, что независящія отъ него обстоятельства были причиной его плохихъ отмѣтокъ; въ такихъ случаяхъ Боголѣповъ разрѣшалъ переэкзаменовку на послѣдній день и давалъ возможность студенту собраться съ мыслями и повторить плохо пройденное. Такъ, однажды, когда онъ экзаменовалъ въ университетѣ, къ нему на домъ пришелъ студентъ съ требованіемъ, чтобы его пустили къ профессору. Прислуга, отворявшая дверь, отвѣчала, что послѣдній не возвращался еще съ экзаменовъ. Тогда молодой человѣкъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ подъѣздомъ квартиры Боголѣпова. Проходивъ такъ до 11 ч. вечера, онъ наконецъ ушелъ, чтобы вернуться на другое утро, въ 9 час. Этотъ разъ онъ засталъ Николая Павловича и былъ имъ принятъ. На вопросъ, что ему нужно, студентъ со слезами откровенно разсказалъ, что у него плохія способности, что

отецъ его человѣкъ необразованный, грубый и жестокій, не понимаетъ, что надо сообразоваться въ ученіи съ силами учащагося, и требуетъ, во что бы то ни стало, успѣховъ отъ сына, какъ вознагражденія за потраченныя деньги. Притомъ, по словамъ юноши, отецъ за плохой баллъ грозилъ побоями, а за неокончаніе курса изгнаніемъ изъ дома. Боголѣповъ, замѣтивъ волненіе и искренній тонъ молодого человѣка, успокоилъ его, разрѣшилъ ему переэкзаменовку и на экзаменѣ поставилъ переходный баллъ. О Николаѣ Павловичѣ, какъ объ экзаменаторѣ, Алферовъ говоритъ слѣдующее: «Весь тонъ экзаменовъ былъ всегда ровенъ, простъ и дѣловитъ. Сохраняя полное уваженіе къ личности студента, Боголѣповъ ставилъ неудовлетворительныя отмѣтки только дѣйствительно не знавшимъ курса».

Въ общемъ мужъ считалъ невозможнымъ пропускать въ университетъ людей вполнѣ неспособныхъ. Онъ всегда порицалъ родителей, тянувшихъ въ высшія учебныя заведенія своихъ дѣтей, едва окончившихъ, по неспособности, среднюю школу. По его мнѣнію, лучше было бы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ ремесленниковъ, нежели безполезныхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Къ тому же, неудачники въ университетѣ всегда образуютъ нежелательный элементъ. Раздраженные своими неудачами и неувѣренные въ успѣшномъ окончаніи курса, они легко примыкаютъ къ бунтующей молодежи, въ особенности если они еще принадлежатъ къ неимущему классу. Помимо всего этого Боголѣповъ имѣлъ случай наблюдать нѣсколько примѣровъ, когда непосильная работа доводила молодыхъ людей до полнаго разстройства нервной системы.

Другимъ доказательствомъ добраго отношенія его

къ студентамъ могутъ служить снисходительность и спокойствіе, съ которыми онъ встрѣчалъ ихъ дерзкія выходки, вызывавшіяся всегда его заботливыми мѣрами на ихъ же пользу. Такъ однажды, въ 1890 году, студентамъ вздумалось протестовать противъ практическихъ занятій, введенныхъ, какъ извѣстно, Николаемъ Павловичемъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Почему-то имъ представилось, что практическія занятія, на которыхъ ихъ заставляютъ самостоятельно работать, принижаютъ студентовъ до степени гимназистовъ. Весьма возможно, что революціонные элементы Союзнаго Совѣта студенческихъ землячествъ возбуждали молодежь къ такому протесту изъ-за своихъ цѣлей. Въ отчетахъ Союзнаго Совѣта ярко выступаетъ враждебное отношеніе руководителей къ Боголѣпову. Оно и понятно: они всячески старались увлечь молодежь по пути политическихъ протестовъ, а Николай Павловичъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ правильнаго хода студенческихъ занятій. Какъ бы то ни было, недовольные студенты (слушатели римскаго права) подбросили на каѳедру Николая Павловича записку, въ которой на ряду съ дерзостями грозили ему публичнымъ оскорбленіемъ въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать съ ними практическія занятія. На слѣдующей затѣмъ лекціи, Боголѣповъ показалъ собравшимся слушателямъ записку и съ обычнымъ ему спокойствіемъ обратился къ нимъ со словами: «Сейчасъ прочту вамъ записку, найденную мною на послѣднихъ занятіяхъ на каѳедрѣ». Прочитавъ ее, Николай Павловичъ сказалъ: «Въ чемъ дѣло, господа? Вы должны знать, что введенныя мною практическія занятія для меня лично кромѣ лишней траты времени ничего не представляютъ. Я ввелъ ихъ въ виду большой пользы, которой я ожидаю отъ нихъ для васъ.

Вы знаете также, что эти занятія не обязательны. Я предлагаю ими помощь и услугу желающимъ усовершенствоваться въ изученіи римскаго права. Не желающіе могутъ не ходить; для этого угрозъ не требуется. Впрочемъ я послѣднихъ не испугался и буду попрежнему продолжать практическія занятія съ желающими; но я долженъ замѣтить, что участіе въ практическихъ занятіяхъ будетъ вліять на весенніе экзамены». Николай Павловичъ хотѣлъ этимъ сказать, что прилежное занятіе студентовъ подъ его руководствомъ въ теченіе зимы не только познакомитъ ихъ ближе съ римскимъ правомъ, но и его съ ихъ знаніемъ, и потому онъ будетъ экзаменовать ихъ легче. Результатомъ этого разговора было посѣщеніе практическихъ занятій одной частью студентовъ, а объ исполненіи угрозъ не было болѣе и рѣчи.

Для болѣе успѣшнаго усвоенія студентами римскаго права Боголѣповъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть еще къ новой мѣрѣ. Оправившись отъ большого горя и отдохнувъ немного отъ ректорскихъ трудовъ, онъ приступилъ къ обработкѣ учебника исторіи римскаго права. Многолѣтній преподавательскій опытъ убѣдилъ его, что, при существованіи дурной и трудно искоренимой привычки литографировать лекціи, обычная въ университетѣ система чтенія оказывается почти безполезной тратою времени: профессоръ болѣе или менѣе пространно прочитываетъ тотъ самый учебникъ, который студенты получаютъ потомъ въ литографіи. Огромное большинство ихъ не видитъ никакой нужды въ посѣщеніи лекціи[1]). Боголѣповъ

[1]) Покойный Н П Гиляровъ прямо говорилъ въ своихъ «Современныхъ Извѣстіяхъ», что хорошій студентъ тотъ, кто не ходитъ на лекціи. П. Б.

полагалъ, что на лекціяхъ профессора должны давать то, чего студенты не могутъ найти въ книгѣ, то-есть учить ихъ, какъ нужно пріобрѣтать знанія, а элементарныя свѣдѣнія должны быть даны въ учебникѣ. Для достиженія этой цѣли онъ сталъ съ 1890 года печатать «пособіе къ лекціямъ по исторіи римскаго права», но изданіе это предназначалось только для его слушателей.

Годы составленія курса протекли тихо и мирно. Николай Павловичъ могъ всецѣло предаваться своимъ научнымъ занятіямъ и профессорской дѣятельности. Часы отдыха онъ удѣлялъ семьѣ, друзьямъ и ученикамъ. Горячо заботясь объ успѣхахъ преподаванія въ университетѣ, онъ съ радостью шелъ навстрѣчу молодымъ людямъ, желавшимъ занять послѣ него каѳедру римскаго права. Его учениками были К. Н. Доробецъ и В. М. Хвостовъ. Эти молодые люди имѣли всегда доступъ къ нему и проводили съ нимъ долгіе часы въ оживленныхъ бесѣдахъ, предметами которыхъ большею частію были вопросы права и способы университетскаго преподаванія.

Въ описываемое время Николай Павловичъ продолжалъ свои дружескія отношенія съ нѣкоторыми своими прежними товарищами, съ другими же прекратилъ ихъ, потому что разошелся съ ними во взглядахъ; между послѣдними были Сергѣй Анд. Мурамцевъ, В. А. Гольцевъ, А. И. Чупровъ и другіе.

Предшествующая административная дѣятельность Боголѣпова, болѣе близкое знакомство его съ условіями русской общественной жизни и съ національнымъ характеромъ разрушили его юношескія мечты о возможности близкихъ крупныхъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ Россіи. Теперь Боголѣповъ былъ убѣжденъ, что для этого нужна долгая под-

готовительная работа; надо, чтобы постепенно историческихъ путемъ сама жизнь вылилась въ другія формы. Прежде всего успѣшному ходу русской жизни могло способствовать, по его мнѣнію, воспитаніе въ молодомъ поколѣніи стойкости, энергіи, чувства долга и широкое распространеніе просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества, въ особенности въ низшихъ. Считая самодержавіе лучшей формой правленія для современной Россіи, онъ былъ убѣжденъ, что только постепенно можно воспитать въ обществѣ способность къ самоуправленію. Съ этой цѣлью надо предоставлять больше самостоятельности мѣстному устройству. Только когда народъ научится вѣдать и править своими мѣстными дѣлами, онъ станетъ способнымъ принимать участіе въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Этимъ взглядамъ Николая Павловича не сочувствовали его упомянутые товарищи.

Всего ближе сошелся Николай Павловичъ съ Н. А. Звѣревымъ, В. А. Легонинымъ, П. А. Некрасовымъ, А. С. Алексѣевымъ и И. И. Янжуломъ. Первые четыре всегда были готовы притти на помощь его усиліямъ водворить спокойствіе въ университетѣ и тѣмъ способствовать успѣшному ходу студенческихъ занятій. Интересы университета были ему такъ дороги, что онъ не разъ бросалъ свою мирную научную работу, чтобы попытаться предотвратить надвигавшуюся на университетъ бѣду.

Вскорѣ по уходѣ Боголѣпова изъ ректорства разыгралась знаменитая Брызгаловская исторія[1]), и онъ

---

[1]) Брызгаловъ занималъ должность инспектора. Какъ извѣстно, эта должность пріобрѣла при новомъ уставѣ 1884 г. большое значеніе, которое было враждебно встрѣчено большинствомъ профессоровъ и всѣми студентами. Брызгаловъ своими душевными свойствами могъ только усугубить эти враждебныя чувства. Онъ былъ ограниченъ, грубъ и безтактенъ.

не менѣе, если не болѣе ректора Иванова, хлопоталъ о прекращеніи безпорядковъ. Къ нему, по старой памяти, какъ въ бытность его ректоромъ, заходили студенты за разъясненіями различныхъ недоразумѣній и за совѣтами. Боголѣповъ убѣдительно совѣтовалъ имъ съ каѳедры и у себя дома не вѣрить преувеличеннымъ разсказамъ товарищей, напротивъ того, сдерживать послѣднихъ и самимъ не поддаваться охватившей всѣхъ ненависти къ Брызгалову. Однажды даже онъ попытался говорить съ разбушевавшейся толпою студентовъ въ университетѣ. Начавъ съ увѣщаній, онъ напоминалъ имъ о грозившемъ имъ наказаніи, въ случаѣ, еесли они не успокоятся; но крики и шумъ расходившейся молодежи не дали ему договорить. Онъ долженъ былъ уйти. Старанія Боголѣпова ни къ чему не привели, потому что студенческія волненія происходятъ всегда отъ сложныхъ причинъ, которыя могутъ быть удалены только единодушными усиліями профессоровъ и высшаго начальства; но этихъ единодушныхъ усилій никогда не бывало.

Послѣ Брызгаловской исторіи значительно участились студенческіе безпорядки, которые стали повторяться чуть ли не каждый годъ. Они вызывали полную растерянность въ образѣ дѣйствій инспекціи,

---

Впрочемъ, уже въ то время, всякій, требовавшій отъ студентовъ исполненія ихъ обязанностей, вызывалъ ихъ ненависть, но его грубое обращеніе особенно раздражало и безъ того обидчивыхъ студентовъ, избалованныхъ угодливостію профессоровъ. Встрѣчая сочувствіе послѣднихъ къ своей ненависти къ инспектору, большинство университетской молодежи рѣшило отомстить Брызгалову неслыханною дотолѣ въ Московскомъ университетѣ дерзостью, а именно нанести ему публичное оскорбленіе въ видѣ пощечины. Задуманное было приведено въ исполненіе предназначеннымъ къ этому по жребію студентомъ Обидчикъ былъ наказанъ ссылкою въ дисциплинарный батальонъ, его товарищи продолжали еще нѣкоторое время волноваться, требуя возвращенія наказаннаго обидчика и удаленія инспектора Брызгаловъ былъ удаленъ, но виновный не былъ помилованъ

попечителя и министерства, при торжествѣ и злорадствѣ большинства профессоровъ: послѣдніе видѣли во всемъ случившемся доказательство, что безъ нихъ академическая жизнь невозможна. Министерство вмѣстѣ съ попечителемъ дѣйствовали близоруко. Рѣшивъ прислушиваться къ голосу профессоровъ, они стали слушать не голоса болѣе благоразумныхъ, а соображеній и мнѣнія болѣе настойчивыхъ. Наступилъ періодъ безпокойныхъ уступокъ профессорамъ и студентамъ. Ректоръ Г. А. Ивановъ, человѣкъ безхарактерный, настоящій типъ кабинетнаго ученаго, съ трудомъ разбирался въ путаницѣ новыхъ отношеній и исполнялъ всѣ придирчивыя, неумѣстныя требованія какъ профессоровъ, такъ и студентовъ; также и инспекторъ Добровъ, гонявшійся за популярностью, всячески угождалъ несправедливымъ притязаніямъ недовольныхъ студентовъ. Пользуясь своимъ правомъ частнаго доклада попечителю помимо ректора, онъ придавалъ дѣлу желаемую окраску и успѣшно добивался своихъ цѣлей. Скромные, но добросовѣстные университетскіе дѣятели, жаждавшіе успокоенія университета, оставались въ сторонѣ.

IV.

На другой годъ послѣ Брызгаловской исторіи возобновились студенческія волненія. На этотъ разъ студенты требовали уничтоженія полугодовыхъ испытаній и зачетовъ, какъ и другихъ перемѣнъ въ уставѣ 1884 года, открытія студенческихъ кухмистерскихъ и читаленъ.

На одномъ изъ засѣданій юридическаго факультета профессора согласились обратиться къ своимъ слушателямъ съ увѣщаніемъ отказаться отъ своихъ

требованій и вернуться къ мирнымъ занятіямъ. По поводу этихъ безпорядковъ Николай Павловичъ пишетъ въ своей записной книжкѣ: «Есть ли надежда, что мы скоро освободимся отъ этого безпокойнаго состоянія, которое не даетъ возможности вести правильное преподаваніе и даже лишаетъ спокойствія, необходимаго для собственныхъ занятій?» Отвѣтъ его отрицательный: онъ не вѣрилъ въ возможность скораго наступленія спокойнаго теченія университетской жизни. Разбирая главныя причины студенческихъ безпорядковъ, онъ видитъ ихъ три: первая—расшатанность и распущенность русскаго общества, отразившіяся и на учащейся молодежи, которая отодвинула на задній планъ главную цѣль своего пребыванія въ университетѣ. Вмѣсто того, чтобы больше всего думать объ ученіи, она занимается вопросами о переустройствѣ университета и даже государства. Она потеряла всякую скромность и самоувѣренно толкуетъ о томъ, какіе предметы должны читать профессора и въ какомъ размѣрѣ. Вторая причина университетскихъ смутъ, по его мнѣнію, былъ новый уставъ, который представляетъ чрезвычайно сложную запутанную систему, совершенно неприноровленную ни къ количеству профессоровъ, ни къ нравамъ русской молодежи, и который рождаетъ массу недоразумѣній. Наконецъ, третью причину студенческихъ волненій онъ видѣлъ въ пропагандѣ революціонной партіи, пользующейся университетскими неурядицами, чтобы возбуждать студентовъ къ безпорядкамъ. Правъ былъ Боголѣповъ, когда сомнѣвался въ возможности увѣщаніями остановить разбушевавшіяся претензіи университетской молодежи. Точно также справедливой оказалась его увѣренность во вліяніи революціонныхъ агитаторовъ на студентовъ.

Притязанія послѣднихъ росли по мѣрѣ успѣшнаго роста студенческихъ кружковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ землячествъ. При своемъ возникновеніи въ концѣ 70-хъ годовъ земляческіе кружки имѣли благую цѣль оказывать матеріальную и нравственную взаимопомощь. Въ случаѣ нужды кружокъ помогалъ земляку-студенту изъ общей кассы деньгами, а также пріисканіемъ уроковъ. Нравственная помощь выражалась въ нравственной поддержкѣ и въ устройствѣ общихъ занятій и чтеній между земляками. Но не долго землячества ограничивались скромною задачею взаимопомощи: уже съ 80-хъ годовъ на нихъ начинаютъ вліять революціонные кружки. Въ статьѣ, предназначенной для Женевскаго журнала «Съ родины на родину» членъ одного изъ петербургскихъ землячествъ въ началѣ 80-хъ годовъ пишетъ: «Задачи Союза состояли въ слѣдующемъ: содѣйствовать и помогать общественному политическому развитію молодежи, стараясь внести среди нея пропаганду и поднимать такимъ образомъ среднюю массу до высшей степени развитія». Въ 1884 году землячества значительно увеличились въ числѣ и вскорѣ по введеніи новаго университетскаго устава составили организацію «Соединенныхъ землячествъ». Это соединеніе первоначально совершилось также съ цѣлью сліянія всѣхъ земляческихъ кассъ въ одну и оказанія помощи землякамъ въ большихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію только, Союзъ землячествъ послужилъ еще болѣе благопріятною средою для революціонной пропаганды: здѣсь установился болѣе постоянный и прочный обмѣнъ мнѣній и взглядовъ между студентами. Когда же соединенныя землячества создали Союзный Совѣтъ и при немъ Судебную Коммиссію, революціонная партія возликова-

ла, потому что она могла пользоваться этими двумя органами для своихъ цѣлей [1]).

Первоначальной задачей Союзнаго Совѣта было содѣйствовать болѣе успѣшной хозяйственной дѣятельности землячествъ, т. е. устройство студенческихъ столовыхъ, библіотекъ и кружковъ саморазвитія. Что касается судебной коммиссіи, то она при своемъ возникновеніи вѣдала только предосудительныя дѣла товарищей-студентовъ. Революціонные руководители предвидѣли, что, благодаря мирнымъ программамъ этихъ двухъ органовъ, всѣ земляческіе кружки отнесутся къ нимъ сочувственно, при чемъ разсчитывали устранить постепенно всѣхъ благонамѣренныхъ членовъ, враговъ безпорядковъ. И дѣйствительно, Союзный Совѣтъ расширилъ мало-по-малу кругъ своей дѣятельности: онъ собиралъ деньги на политическихъ преступниковъ и издавалъ прокламаціи съ явно революціонными программами.

Выше было сказано, какъ враждебно отнеслась большая часть профессоровъ къ университетскому уставу 1884 года. Мы также знаемъ, съ какимъ злорадствомъ одни изъ нихъ встрѣчали студенческіе без-

---

[1]) Вѣрнѣе всего, что они и были созданы подъ ея вліяніемъ Доказательствомъ такой искусной политики руководителей землячествъ можетъ служить слѣдующая выдержка изъ протокола собранія землячествъ 20 марта 1885 года «Депутатами отъ Смоленскаго и Сибирскаго землячествъ было заявлено, что ихъ земляки не ясно представляютъ себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ «нравственными» потребностями землячествъ Они опасаются, что Союзный Совѣтъ, забравшій въ свои руки власть, воспользуется этимъ словомъ, чтобы толкнуть дѣятельность Союза на революціонный путь Принимая все это во вниманіе, депутаты рѣшили замѣнить слово «нравственный» — «духовнымъ» А между тѣмъ, въ приведенной выше статьѣ «Съ родины на родину» ясно видно, къ чему стремились руководители землячествъ Въ другомъ мѣстѣ той же статьи говорится «Землячества какъ бы сортировали матеріалъ не только для себя, но и для дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ, скажу попросту, «политическихъ» организацій».

порядки, возникшіе вскорѣ по введеніи этого устава. Ихъ враждебныя чувства выражались въ дѣйствіяхъ и словахъ; ихъ сочувствіе бунтующимъ студентамъ было очевидно. Такое настроеніе и поведеніе большинства профессоровъ, вмѣстѣ съ описанною дѣятельностью соединенныхъ землячествъ, довели университетъ до полной дезорганизаціи въ какія-нибудь шесть, семь лѣтъ.

Въ 1891 году Г. А. Ивановъ, по истеченіи своего четырехлѣтняго ректорства, сложилъ съ себя эту должность. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, разочарованный въ политикѣ уступокъ и колебаній, обратился за помощью къ человѣку, направленіе котораго было совершенно противоложно тому, которому слѣдовало университетское начальство за послѣдніе годы: онъ настойчиво сталъ приглашать Боголѣпова занять мѣсто Иванова, горячо обѣщая ему свою постоянную поддержку. При этомъ попечитель высказывалъ твердую надежду, что дѣятельность Николая Павловича будетъ успѣшна. По его мнѣнію, послѣдній былъ способенъ водворить въ университетѣ спокойствіе, столь необходимое для успѣшныхъ занятій. Боголѣповъ колебался: онъ отлично зналъ состояніе университета и предвидѣлъ предстоявшую ему тяжелую борьбу. Въ это время онъ еще надѣялся что можно умиротворить университетъ, но былъ увѣренъ, что для этого потребуются продолжительное время и усиленная борьба, и рѣшился на нее въ виду обѣщанной со стороны попечителя безусловной поддержки. Кромѣ того, Боголѣповъ разсчитывалъ и на содѣйствіе благонамѣренныхъ профессоровъ. Хотя онъ не сочувствовалъ нововведеніямъ устава 1884 г., но думалъ, что при дружныхъ усиліяхъ преподавателей и университетскаго начальства можно

сгладить недостатки устава; во всякомъ случаѣ, послѣдніе, по его мнѣнію, не могли мѣшать студентамъ интересоваться наукой и съ успѣхомъ пріобрѣтать знанія. При подобныхъ взглядахъ и упомянутой надеждѣ на поддержку высшаго начальства чувство долга взяло верхъ. Однако его надежды не оправдались. Попустительство со стороны университетскаго начальства въ ректорство Иванова и вызванная имъ распущенность профессоровъ и студентовъ такъ развратили и тѣхъ и другихъ, что водвореніе порядка въ университетѣ стало немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что попечитель дѣйствовалъ недостаточно твердо и опредѣленно. На первыхъ шагахъ своей ректорскоій дѣятельности Николай Павловичъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Союзнымъ Совѣтомъ. Ему хорошо были извѣстны цѣли послѣдняго: многіе документы Союзнаго Совѣта и Революціоннаго Комитета находились у него въ рукахъ. Къ этому времени Союзный Совѣтъ пріобрѣлъ уже больше силы и вліянія: онъ разрѣшалъ студенческіе бунты и безпорядки и обращался, не скрываясь, съ разнаго рода вопросами и требованіями къ профессорамъ. Въ такихъ случаяхъ къ профессорамъ являлась отъ него депутація. Однажды подобная депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ студентовъ, явилась и къ Николаю Павловичу. Когда депутаты объявили ему, что явились отъ Союзнаго Совѣта, мужъ отказался съ ними разговаривать, рѣшительно заявивъ, что сушествованіе Союзнаго Совѣта противозаконно, что его дѣятельность нарушаетъ порядокъ университетской жизни и отвлекаетъ студентовъ отъ научныхъ занятій. Депутація удалилась молча. Конечно, такое заявленіе Боголѣпова, повторявшееся и въ другихъ случаяхъ, вызывало въ студентахъ все возрастающее негодованіе,

тѣмъ болѣе, что нѣкоторые профессора терпѣливо выслушивали требованія подсылаемыхъ къ нимъ депутатовъ. Студенты возомнили себя политическими дѣятелями, способными и предназначенными добиваться крупныхъ реформъ въ Россіи, а между тѣмъ большинство этихъ мнимыхъ дѣятелей не только обнаруживали полное невѣжество на университетскихъ экзаменахъ, но даже писали безграмотно. Многія курсовыя сочиненія, подаваемыя Николаю Павловичу, грѣшили грубыми грамматическими ошибками и, что еще хуже, безсмысленнымъ содержаніемъ. Послѣдній попрежнему обращался къ студентамъ не только съ протестами, но и съ увѣщаніями, но они его не слушали. Подстрекаемые революціонными вожаками и находя поддержку въ протестующихъ профессорахъ, студенты не только не слушали ректора, но подсылали ему анонимныя письма съ угрозами и дерзостями. Такъ, передъ студенческимъ концертомъ, Боголѣповъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему угрожали нанесеніемъ пощечины въ концертѣ. Несмотря на угрозу, Николай Павловичъ рѣшилъ ѣхать. Неизвѣстно, какимъ образомъ профессоръ Чупровъ узналъ о готовившемся оскорбленіи ректору. Онъ явился къ послѣднему съ просьбою не ѣхать въ концертъ. Боголѣповъ наотрѣзъ отказался исполнить его просьбу: онъ отвѣтилъ, что считаетъ въ этомъ дѣлѣ задѣтою его честь и не желаетъ показать страха передъ студентами, тѣмъ болѣе, что онъ его не испытываетъ. Когда же Чупровъ сталъ возражать ему, что онъ хлопочетъ о студентахъ, что оскорбленіе ректора повлечетъ за собою строгое наказаніе не одного виновнаго, но и всѣхъ его сообщниковъ, Николай Павловичъ спокойно замѣтилъ, что онъ оскорбленія не вызывалъ, что страхъ передъ студентами можетъ оказать больше

вреда всей университетской молодежи, чѣмъ заслуженное наказаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Такой страхъ», говорилъ онъ, «утвердилъ бы въ студентахъ увѣренность, что они въ правѣ терроризовать профессоровъ и ректора и тѣмъ заставлять послѣднихъ починяться ихъ капризамъ». Чупровъ уѣхалъ недовольный, а Боголѣповъ, конечно, отправился въ концертъ. Подымаясь на лѣстницу Дворянскаго Собранія, гдѣ давался концертъ, онъ былъ встрѣченъ группой студентовъ, которые неожиданно окружили его тѣснымъ кольцомъ такъ, что никто не могъ до него дотронуться, и довели его до мѣста. По окончаніи концерта тѣ же студенты, съ помощью того же маневра, довели его невредимымъ до выходныхъ дверей. Но нѣсколько дней спустя на одной изъ лекцій Николая Павловича эти самозванные защитники дерзко заявили ему, что они защищали не Боголѣпова, которому они не сочувствуютъ, а ректора. «Кара виновныхъ», прибавили они, «повлекла бы за собою безпорядки». Позднѣе Николай Павловичъ слышалъ, что въ этомъ дѣлѣ студенты повиновались велѣнію Союзнаго Совѣта. Весьма возможно, что послѣдній находилъ нужнымъ попугать ректора, но считалъ безпорядки нецѣлесообразными и преждевременными. Въ описываемое время студенты были уже сильно наэлектризованы. Даже благожелательное увѣщаніе, съ которымъ Боголѣповъ обратился на одной изъ своихъ лекцій къ первокурсникамъ-юристамъ, вызвало взрывъ негодованія студентовъ медицинскаго и естественнаго факультетовъ. Между тѣмъ тема этого увѣщанія была самая безобидная. Боголѣповъ въ сотый разъ съ искреннимъ участіемъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ не увлекаться разрѣшеніемъ вопросовъ, находящихся внѣ ихъ компетенціи и отвлекающихъ ихъ

отъ научныхъ занятій. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ сочувствовавшихъ Николаю Павловичу студентовъ написалъ ему письмо, въ которомъ предупреждалъ, что ему опять готовится оскорбленіе.«Извѣстіе о вашей рѣчи», писалъ онъ, «встрѣчено было на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ дерзкими выходками и возгласами: мы бы ему по-своему отвѣтили!» Къ счастью, и на этотъ разъ угроза не была приведена въ исполненіе.

Особенное негодованіе университетской молодежи возбуждали мѣры Боголѣпова, принимавшіяся имъ противъ студенческихъ безпорядковъ. Несмотря на то, что сходки въ то время правительствомъ не дозволялись, случалось и тогда студентамъ собираться въ большомъ количествѣ въ университетѣ. На сходкахъ рѣшались слѣдующаго рода вопросы: освистать ли профессора, нанести ли ему оскорбленіе, потребовать ли отъ начальства освобожденія политически неблагонадежныхъ товарищей, устроить ли безпорядки въ случаѣ неисполненія студенческихъ требованій. Когда университетское начальство долгое время не препятствовало собиранію сходокъ, революціонные агитаторы пользовались приподнятымъ настроеніемъ студентовъ, чтобы склонить ихъ къ болѣе дерзкимъ требованіямъ уже политическаго характера. Чтобы не давать начавшемуся волненію разростаться до массоваго возстанія студентовъ, Николай Павловичъ спѣшилъ всегда положить конецъ сходкамъ. Сперва онъ прибѣгалъ къ увѣщаніямъ, съ которыми обращались къ собравшимся на сходкѣ инспекторъ студентовъ и его помощники. Послѣдніе исполняли свои обязанности, но первый—никогда. Онъ постоянно заигрывалъ со студентами, расшаркивался передъ ними и даже, говорятъ, выражалъ сочувствіе

ихъ желанію рѣшать интересующіе ихъ вопросы, при чемъ осуждалъ строгія распоряженія ректора. Конечно, такимъ поведеніемъ Добровъ пріобрѣталъ большую популярность между студентами и возбуждалъ ненависть къ Боголѣпову. Послѣдній узналъ о подобныхъ разговорахъ инспектора съ молодежью отъ сочувствовавшихъ ему учениковъ, профессоровъ и студентовъ. Между послѣдними у него были и друзья, хотя, конечно, немного. Къ нимъ принадлежали болѣе серьезные люди, интересовавшіеся наукой и способные понять благородныя стремленія Николая Павловича, прозваннаго ими «римскимъ патриціемъ».

Но вернемся къ сходкамъ. Когда студенты отказывались расходиться, Боголѣповъ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи полиціи, при чемъ почти всегда удавалось захватить зачинщиковъ волненій. Удаленіемъ послѣднихъ обыкновенно кончалось возбужденіе студентовъ. Но недовольство Боголѣповымъ среди молодежи росло и выражалось угрозами. Какъ было видно выше, угрозы не пугали Николая Павловича, но усиливающееся вліяніе Союзнаго Совѣта на студентовъ и наглость послѣднихъ при сочувствіи къ нимъ большинства профессоровъ и при бездѣйствіи высшаго начальства ослабили его энергію: онъ не вѣрилъ больше въ возможность успѣшно бороться съ начинающимся разложеніемъ университета. Борьба была не равна. Профессора, сочувствовавшіе ему, были слишкомъ малочисленны. Инспекторъ Добровъ и большинство профессоровъ угождали студентамъ и намѣренно не вѣрили въ революціонный характеръ дѣятельности Союзнаго Совѣта. Они все еще дулись на правительство за новый уставъ. Отсюда ихъ сочувствіе студентамъ. Образъ дѣйствія Николая Павловича раздражалъ ихъ: онъ вѣдь всѣми силами хотѣлъ добиться

мирнаго хода академической жизни, а они стремились доказать, что это дѣло невозможное безъ ихъ непосредственнаго содѣйствія. Какъ извѣстно, уставъ 1884 года устранилъ профессоровъ отъ управленія университетомъ. Боголѣповъ также сожалѣлъ объ этомъ и, въ качествѣ ректора, на себѣ испыталъ невыгодное положеніе созданное ему новымъ уставомъ; но онъ не хотѣлъ, чтобы это неудовольствіе отражалось на настроеніи студентовъ. Какъ бы то ни было, враждебное отношеніе профессоровъ къ ректору привело къ столкновенію между ними. При мелочности нѣкоторыхъ изъ нихъ, достаточно было для этого самаго ничтожнаго повода. Профессоръ математическаго факультета А. Г. Столѣтовъ, человѣкъ раздрожительный и придирчивый, наговорилъ кучу дерзостей Николаю Павловичу изъ-за стирки бѣлья въ подвалахъ университета. Кажется, Столѣтовъ добивался, чтобы ректоръ снялъ запрещеніе стирать грязное бѣлье въ зданіи университета. Другой профессоръ, В. В. Морковниковъ, также наговорилъ непріятностей Боголѣпову изъ-за какихъ-то распоряженій своихъ касательно химической лабораторіи. Чаша терпѣнія переполнилась. Убѣдившись въ безцѣльности нервной борьбы, Николай Павловичъ подалъ въ отставку.

Совершенно неожиданно попечитель настоятельно сталъ уговаривать профессоровъ подать ректору адресъ съ просьбою взять отставку назадъ. Дружественно расположенные къ Боголѣпову товарищи стали дѣйствовать въ томъ же духѣ. Всѣ профессора, исключая Морковникова, согласились. Послѣдній даже написалъ на адресѣ «совершенно несогласенъ». Въ назначенный день профессора всѣхъ факультетовъ, исключая медицинскаго, явились къ ректору на квар-

тиру съ адресомъ [1]). На другой день пріѣхали къ Николаю Павловичу и профессора медицинскаго факультета и подали ему также записку съ просьбою остаться [2]). Попечитель и профессора стали и на словахъ просить ректора взять отставку назадъ. При этомъ ему наговорили много лестнаго, въ особенности профессора медицинскаго факультета. Мужъ счелъ неловкимъ настаивать на отставкѣ въ отвѣтъ на всѣ любезныя заявленія попечителя и товарищей. Поблагодаривъ ихъ, онъ выразилъ согласіе остаться, но мысленно рѣшилъ дождаться лѣта и послать прошеніе объ отставкѣ изъ Швейцаріи, куда онъ намѣревался ѣхать на лѣтнія каникулы. Такъ онъ и сдѣлалъ. На этотъ разъ прошеніе его было принято, и осенью 1893 года Николай Павловичъ сложилъ съ себя должность ректора. Его мѣсто занялъ бывшій помощникъ ректора, профессоръ математики П. А. Некрасовъ, котораго Николай Павловичъ очень цѣнилъ за его высокія душевныя ка-

---

[1]) Вотъ его текстъ «Высокоуважаемый Николай Павловичъ! Узнавъ о намѣреніи вашемъ сложить съ себя обязанность ректора, нижеподписавшіеся выражаютъ горячее сочувствіе вашей дѣятельности и единодушно просятъ васъ не покидать труднаго и отвѣтственнаго поста въ интересахъ дорогого вамъ университета Декабря 3го дня 1892 г.» Затѣмъ слѣдовали подписи 74-хъ профессоровъ

[2]) 4-го декабря члены медицинскаго факультета, узнавъ, что Н. П. Боголѣповъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности ректора московскаго университета, собрались въ полномъ составѣ въ квартирѣ его съ просьбой отказаться отъ принятаго рѣшенія. Просьба эта была мотивирована слѣдующими побужденіями: 1) глубокимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ къ дѣятельности Н. П, какъ ректора, основанной на строгой справедливости и законности, 2) неоцѣнимыми заслугами его въ проведеніи новаго устава въ жизнь университета и строгою принципіальностью, согласно съ лучшими началами и преданіями московскаго университета, 3) высокимъ значеніемъ его дѣятельности въ трудныя минуты университетской жизни, 4) желаніемъ сохранить здоровое и спокойное теченіе жизни университета Послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ и разъясненій, что нижеподписавшіеся вполнѣ готовы оказать всякое содѣйствіе дѣятельности Н П, какъ ректора, Николай Павловичъ наконецъ уступилъ Затѣмъ слѣдовали подписи 38 профессоровъ.

чества и горячую преданность университету. Къ тому же они сходились во взглядахъ на строй университетской жизни.

V.

По уходѣ Боголѣпова изъ ректорства только на одинъ годъ улеглись университетскія бури. Въ это мирное время Николай Павловичъ занялся подробной разработкой своего учебника и вторичнымъ его изданіемъ. Окончивъ эту работу, онъ мечталъ объ изданіи новаго журнала съ направленіемъ, противоположнымъ направленію существовавшаго уже тогда «Юридическаго Вѣстника», но вновь возникшія волненія въ университетѣ не дали осуществиться его мечтѣ. Николай Павловичъ слишкомъ горячо принималъ къ сердцу интересы университета, чтобы оставаться равнодушнымъ зрителемъ событій, грозившихъ постепеннымъ упадкомъ дорогого ему учрежденія. Предшествовавшее спокойствіе, какъ видно, было только кажущимся. На этотъ разъ участниками волненій явились и профессора. До сихъ поръ они никогда еще не выступали явными союзниками студентовъ, учинявшихъ безпорядки. Профессорская и студенческая смута 1894 г. была одна изъ самыхъ крупныхъ предвозвѣстницъ того разложенія университета, которое мы переживаемъ въ настоящее время. Чтобы яснѣе понять характеръ и значеніе описываемаго періода, надо вспомнить одно важное историческое событіе того времени, а именно — неожиданную смѣну царствованія, отразившуюся на ходѣ университетской жизни.

Надежды революціонной и либеральной партіи оживились. Въ обществѣ распространилось убѣжденіе, что молодой Царь либерально настроенъ и скло-

ненъ къ новведеніямъ. Въ университетѣ разбрасывались воззванія, приглашавшія студентовъ подать петицію Царю съ требованіями конституціи [1]). Единовременно въ университетѣ собирались сходки, на которыхъ революціонно настроенная часть молодежи выражала порицаніе благонамѣреннымъ товарищамъ, возложившимъ вѣнокъ на гробъ почившаго Государя Александра III-го. Къ этому времени Союзный Совѣтъ соединенныхъ студенческихъ землячествъ пріобрѣлъ такую силу, что вступалъ въ открытыя сношенія съ нѣкоторыми профессорами, которые обсуждали съ нимъ университетскія дѣла. Что касается судебной коммиссіи, то она стала судить профессоровъ, поступки или направленіе которыхъ не нравились студентамъ. Примѣрами такого суда надъ профессорами служатъ приговоры судебной коммиссіи по дѣлу профессоровъ Л. Е. Владимирова и Ив. Ив. Янжула (1894 г.) Перваго судебная комиссія судила при его поступленіи при-

---

[1]) О сильномъ въ то время броженіи студентовъ и объ ихъ политическихъ мечтаніяхъ краснорѣчиво говоритъ протоколъ 7-го засѣданія Союзнаго Совѣта отъ 24-го октября 1894 года. Въ протоколѣ предсѣдатель предлагаетъ представителямъ землячествъ передать мнѣніе послѣднихъ о томъ, что надо предпринять въ данный моментъ. Затѣмъ слѣдуютъ краткіе отвѣты землячествъ, изъ которыхъ я приведу самые характерные.

Техники: «Настоящій историческій моментъ удобенъ для подачи отъ учащейся молодежи правительству петиціи, *главное* содержаніе которой должны составлять требованія *политическія*, общестуденческія требованія должны вытекать изъ первыхъ, какъ частность».

Тверское землячество. «Петиція съ самыми широкими политическими требованіями должна быть подана единовременно или вслѣдъ за петиціями земствъ. *Безпорядки* нужны лишь въ случаѣ репрессіи за петицію. Желательно привлечь профессоровъ».

Курское землячество находитъ студенчество достаточно организованнымъ, чтобы взять на себя инициативу возбуждать общественное движеніе, готово поддержать безпорядки.

Рязанское землячество: «Петиція со студенческими требованіями должна быть подана. Въ случаѣ отказа должны быть безпорядки до послѣдней крайности. Это землячество ждетъ практическихъ результатовъ отъ петиціи; нѣкоторые не ждутъ ихъ».

ватъ-доцентомъ въ московскій университетъ—за его прошедшую предосудительную дѣятельность въ Харьковѣ, а именно — защиту земскаго начальника Протопопова и ростовщика Кривцова, извѣстнаго грабителя Юга Россіи (какъ говорится въ протоколѣ судебной комиссіи). Въ первомъ случаѣ судебная комиссія обвиняла въ лицѣ Владимирова защитника безправія и насилія, а во второмъ — негодяя, защищавшаго грабителя изъ-за корыстныхъ цѣлей. Результатомъ подробнаго разслѣдованія дѣла было слѣдующее постановленіе; «Не допускать Владимирова въ московскій университетъ». О предосудительной дѣятельности послѣдняго студенты узнали прежде всего отъ профессора Духовского, читавшаго имъ лекцію о земскихъ начальникахъ. Вмѣсто того, чтобы ограничиться объективнымъ очеркомъ, онъ перешелъ къ пламенной филиппикѣ противъ этого учрежденія и особенно подробно разсказалъ о судѣ надъ земскимъ начальникомъ Протопоповымъ, строго осудивъ защиту Владимирова. Студенты сильно аплодировали Духовскому, но затѣмъ рѣшили, что если Духовскому они аплодировали, то послѣдовательность требуетъ Владимирова освистать. Остальныя свѣдѣнія о послѣднемъ студенты получили отъ В. А. Гольцева, который просилъ харьковскаго профессора В. П. Даневскаго доставить ему подробности этого дѣла для студентовъ. Послѣдствіемъ приговора студенческой судебной комиссіи былъ уходъ профессора Владимирова изъ московскаго университета. Онъ испугался наказанія, которое предполагалось осуществить въ слѣдующей послѣдовательности: свистки, брань, побои.

Профессора Янжула судебная комиссія судила за оскорбленіе студентовъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1894-мъ году, накунунѣ 19-го февраля

(день освобожденія крестьянъ), студенты нѣсколько разъ обращались къ профессору Янжулу съ просьбой не читать имъ лекціи на слѣдующій день. Послѣдній всякій разъ отказывался исполнить желаніе студентовъ, находя достойнѣе праздновать освобожденіе крестьянъ прилежными занятіями, нежели проводить его лежа на диванѣ съ сигарой во рту. Профессоръ сравнилъ предлагаемый студентами способъ демонстраціи съ «показываніемъ кукиша въ карманѣ». Возраженіе профессора Янжула привело его слушателей въ негодованіе. Было рѣшено подать жалобу на обидчика въ судебную коммиссію. Къ Ив. Ив. Янжулу явились на квартиру члены слѣдственной комиссіи, которые допрашивали его. О пріѣздѣ этихъ самозванныхъ судей предупреждалъ обвиняемаго профессоръ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ (что заставляетъ предполагать его сношенія съ Союзнымъ Совѣтомъ). Въ свое оправданіе Янжулъ сказалъ, что не призналъ въ явившихся къ нему 18-го февраля студентахъ депутатовъ отъ всего курса и ссылался еще на свою глухоту, благодаря которой онъ многія требованія студентовъ не разслышалъ. Приговоръ слѣдственной коммиссіи по изложенному дѣлу гласилъ: «Профессоръ не имѣетъ нравственнаго права относиться свысока и презрительно въ аудиторіи къ студентамъ, и потому его небрежное оскорбительное поведеніе должно быть предано широкой гласности»[1]).

Описанныя явленія, настроеніе общества при восшествіи на престолъ молодого Царя, усилившееся вліяніе Союзнаго Совѣта на студентовъ

---

[1]) Исторія съ профессоромъ Янжуломъ была описана въ лондонскомъ журналѣ „Russian free press fund“ (25-го іюля 1894-го года), который редактировался Степнякомъ, убійцей Мезенцова. Изъ этого видно, что студенческій союзъ имѣлъ связь съ революціонерами

и отношеніе къ нему одной части профессоровъ объясняютъ разыгравшуяся въ университетѣ въ 1894 г. профессорско-студенческую исторію.

Въ концѣ ноября ознзаченнаго года студенты освистали В. О. Ключевскаго; всѣ знали, что свистки были наказаніемъ профессору за то, что онъ осмѣлился хвалить покойнаго Государя въ своей рѣчи, сказанной въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». Студенты обвиняли Ключевскаго въ лицемѣріи, такъ какъ ранѣе онъ держался, по ихъ мнѣнію, совершенно другихъ взглядовъ на власть. Нѣкоторыхъ свистуновъ судили въ Правленіи и трехъ изъ нихъ исключили изъ университета. Это вызвало на слѣдующій день сходку, собравшуюся въ химической лабораторіи. По обыкновенію, сходка не слушалась увѣщаній университетскихъ властей; была призвана полиція, которая переписала неуспѣвшихъ разбѣжаться студентовъ. Небольшая часть записанныхъ была судима въ Правленіи университета и присуждена къ легкимъ наказаніямъ. Между тѣмъ полицейская власть распорядилась высылкою 48 студентовъ, большею частью— старшихъ курсовъ. По ея словамъ, это были главари землячествъ и всѣ — члены Союзнаго Совѣта. Вслѣдъ за этимъ одна часть профессоровъ собралась у профессора А. А. Остроумова подъ предсѣдательствомъ В. И. Герье съ цѣлью рѣшить вопросъ, какимъ способомъ заступиться за наказанныхъ студентовъ. Герье привезъ даже готовыя положенія которыя должны были послужить основаніемъ петиціи къ Великому Князю Сергію Александровичу, московскому генералъ-губернатору. Положенія были слѣдующія: 1) просить возвращенія высланныхъ студентовъ; 2) просить, чтобы студенты не арестовывались иначе, какъ при депутатахъ отъ университета, т.-е. отъ профес-

соровъ, такъ какъ полиція дѣйствуетъ слишкомъ произвольно; 3) просить, чтобы измѣнено было устройство университетскаго суда, въ виду того, что теперешній судъ находится въ рукахъ администраціи, т.-е. въ рукахъ лицъ, отвѣчающихъ за спокойствіе университета и имѣющихъ, можетъ статься, непосредственныя столкновенія съ отдѣльными студентами или группами ихъ. Въ такомъ случаѣ судъ университетскаго правленія не могъ быть безпристрастнымъ».

Небольшое число присутствовавшихъ профессоровъ возражало противъ послѣдняго пункта, но ихъ доводы никого не убѣдили. Для выслушанія окончательной редакціи петиціи было рѣшено собраться вторично. Въ промежутокъ между обоими собраніями Николай Павловичъ встрѣтился съ двумя петиціонерами, профессорами Чупровымъ и Митропольскимъ. Желая ихъ образумить, Николай Павловичъ намѣренно разсказалъ имъ кое-что о томъ, какъ землячества и ихъ Союзный Совѣтъ образовали изъ себя подпольное правительство, дававшее свои предписанія профессорамъ; при этомъ Николай Павловичъ упомянулъ о запрещеніи Владимирову читать лекціи. На второе засѣданіе къ Остроумову собрались тѣ же тридцать человѣкъ. Въ этотъ разъ профессоръ А. И. Булыгинскій основательно указалъ, что студенты и безъ того не уважаютъ авторитета университетскаго суда, а послѣ проектируемаго заявленія и подавно не станутъ уважать его. Такъ приблизительно высказался и А. А. Бобровъ. Еще рѣшительнѣе возражалъ противъ 3-го пункта М. П. Чериновъ. Онъ даже покинулъ собраніе, не подписавъ петиціи; но всѣ остальные профессора, подписали, даже тѣ, которые возражали противъ просьбы о судѣ. Приведенныя свѣдѣнія о собраніяхъ у Остроумовова были переданы Боголѣпову Черино-

вымъ и двумя петиціонерами. Отъ Чупрова Николай Павловичъ узналъ еще, что приватъ-доцентъ П. Н. Милюковъ (незадолго до этого отставленный отъ должности) служилъ посредникомъ между главою петиціонеровъ Г. и землячествами. По его словамъ, Милюковъ ѣздилъ изъ профессорскаго собранія на засѣданія Союзнаго Совѣта, чтобы передать о случившемся. Другой петиціонеръ, ярый протестантъ, не скрываясь, говорилъ профессору А. С. Алексѣеву, что попечитель округа поручилъ Герье войти въ сношенія съ землячествами и обѣщать имъ, если они будутъ сидѣть тихо, свое содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія высланныхъ студентовъ. Самъ Герье въ собраніи петиціонеровъ выразился такимъ образомъ: «Я былъ у попечителя, потомъ поѣхалъ въ Сюзный Совѣтъ и затѣмъ выработалъ приведенныя положенія».

Когда П. А. Некрасовъ и его помощникъ Н. А. Звѣревъ узнали о петиціи, они рѣшили послать министру прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ пунктъ о судѣ не только выражалъ недовѣріе къ нимъ значительнаго числа профессоровъ, но и подрывалъ ихъ авторитетъ въ глазахъ студентовъ. Слухъ о томъ, что вся исторія съ петиціей затѣяна самимъ попечителемъ, еще болѣе утвердилъ обоихъ въ ихъ намѣреніи. Профессора, не сочувствовавшіе петиціи, стали на сторону ректора. Кромѣ самой петиціи и въ особенности пункта о судѣ, ихъ возмущали еще тайныя сношенія петиціонеровъ съ Союзнымъ Совѣтомъ и ихъ скрытность. То обстоятельство, что защитники студентовъ обратились съ жалобой къ генералъ-губернатору, а не къ министру народнаго просвѣщенія, также раздражало противниковъ петиціи въ виду того, что протестующіе профессора всегда ратовали противъ вмѣшательства администраціи въ университетскія дѣла.

Скрытность свою петиціонеры объясняли случайностью, и только одинъ Ю. С. Гамбаровъ сказалъ правду, а именно, что петиціонеры рѣшили пригласить только единомышленниковъ, такъ какъ надо было дѣйствовать быстро, не задерживая хода дѣла преніями. Это имъ удалось. Къ Великому Князю съ петиціей была послана депутація изъ Герье, Тимирязева и Эрисмана. Профессоръ Чупровъ долженъ былъ также ѣхать, но этотъ новый Остерманъ заболѣлъ наканунѣ или въ самый день поѣздки. Великій Князь принялъ депутацію, сказалъ, что исполнитъ только ту часть петиціи, которая относилась къ его вѣдомству, а именно, — пересмотритъ вопросъ о высланныхъ, а все остальное оставитъ безъ послѣдствій. Николай Павловичъ былъ также противъ петиціи и энергично поддерживалъ ректора. Нѣкоторые дружественно расположенные къ нему профессора приходили совѣтоваться съ нимъ, какого образа дѣйствій держаться. Вмѣстѣ съ деканомъ юридическаго факультета они просили Боголѣпова уговорить ректора и его помощника взять свои отставки назадъ; но Николай Павловичъ отказался исполнить ихъ просьбу, потому что находилъ невозможнымъ управлять университетомъ, когда авторитетъ власти подорванъ.

На одномъ изъ засѣданій университетскаго совѣта ректоръ обратился къ профессорамъ съ рѣчью, въ которой описалъ свое затруднительное положеніе. «Съ одной стороны», говорилъ онъ, «студенческій Союзный Совѣтъ беретъ на себя роль распорядителя въ университетѣ, съ другой 42 профессора заявляютъ, что ректоръ и правленіе при теперешнемъ строѣ не заслуживаютъ довѣрія». Въ концѣ рѣчи Некрасовъ объявилъ, что не можетъ управлять университетомъ при такомъ положеніи дѣлъ и потому подалъ въ от-

ставку, которая уже принята. Въ своихъ «Запискахъ» Николай Павловичъ говоритъ, что эта рѣчь была сказана просто, искренно и кротко и производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Въ отвѣтъ на эту рѣчь присутствовавшіе петиціонеры стали увѣрять П. А. Некрасова, что у нихъ не было намѣренія выражать недовѣріе кому-нибудь изъ университетскихъ властей. Сторонники ректора стали также увѣрять, что большинство профессоровъ не участвовали въ составленіи петиціи. Павелъ Алексѣевичъ просилъ прекратить безполезные разговоры и ушелъ. Тогда поднялись крики и споры, стали звать ректора назадъ. Шумъ стоялъ страшный. Николай Павловичъ все время упорно молчалъ, не смотря на просьбы нѣкоторыхъ его товарищей (профессоровъ графа Л. А. Комаровскаго и Д. Я. Самоквасова) взять на себя предсѣдательство и водворить спокойствіе, чтобы выяснить положеніе дѣла. Но Николай Павловичъ считалъ безполезнымъ говорить при такомъ возбужденіи. Съ этого засѣданія профессора разошлись, ничего не рѣшивъ. Вслѣдъ за этимъ попечитель совершенно неожиданно вызвалъ къ себѣ Николая Павловича и все время говорилъ съ нимъ только о петиціи и порицалъ ее. «Мы идемъ къ страшной университетской катастрофѣ», заявилъ онъ, «и дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось быть участникомъ въ ней». На вопросъ Боголѣпова, отчего онъ раньше не предложилъ вожакамъ петиціонеровъ прекратить свою агитацію, попечитель сталъ увѣрять, что раньше послѣдняго засѣданія профессоровъ онъ ничего не зналъ о содержаніи петиціи. По его мнѣнію, ректоръ можетъ взять отставку назадъ только въ томъ случаѣ, если петиціонеры напишутъ ему письмо, въ которомъ рѣшительно будутъ порицать запрещенныя студенческія

организаціи и обѣщаютъ поддержать правленіе въ его настоящемъ видѣ. На замѣчаніе Николая Павловича, что такимъ заявленіемъ петиціонеры сами себя высѣкутъ и едва ли послѣ этого письма прекратятъ свою агитацію, попечитель отвѣтилъ: «Тогда я буду ихъ бить на-голову и бить на-смерть».

Между тѣмъ Великій Князь Сергій Александровичъ отослалъ подлинную петицію къ попечителю, который въ свою очередь отправилъ ее въ университетъ. Благонамѣренные профессора, съ ректоромъ во главѣ, рѣшили энергично дѣйствовать противъ пагубныхъ послѣдствій поданной петиціи. Нѣсколько профессоровъ-юристовъ, собравшись у ректора, нашли нужнымъ созвать въ назначенный для этого день всѣхъ профессоровъ, чтобы выяснить положеніе дѣлъ и намѣтить образъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ. Тутъ же ректоръ предложилъ прочесть имѣющимъ собраться профессорамъ всѣ добытые документы, характеризующіе Союзный Совѣтъ; затѣмъ кто-нибудь изъ его сторонниковъ долженъ будетъ предложить профессорамъ сдѣлать заявленіе въ томъ смыслѣ, что «они порицаютъ Союзный Совѣтъ, какъ вредный союзъ, и признаютъ сношенія съ нимъ профессоровъ противными долгу службы и нравственности». Петиціонеры, получивъ приглашеніе на общее собраніе, стали совѣщаться отдѣльными группами, чтобы рѣшить вопросъ, какъ имъ отнестись къ предложенію ректора о порицаніи Союзнаго Совѣта. На одно изъ такихъ совѣщаній былъ приглашенъ и Николай Павловичъ. Одинъ изъ колеблющихся петиціонеровъ, профессоръ Митропольскій, пригласилъ его на свой вечеръ въ виду того, что нѣкоторые петиціонеры желаютъ узнать его взгляды на текущія событія. Одновременно П. Г. Виноградовъ долженъ былъ собрать

у себя профессоровъ-филологовъ, чтобы предложить имъ высказаться въ пользу узаконенія землячествъ. Петиціонеры, собравшіеся у Митропольскаго, также защищали ихъ на разные лады. Николай Павловичъ старался доказать имъ невозможность правильной университетской жизни при существованіи подпольнаго студенческаго правительства, претендующаго управлять не только студентами, но и профессорами. «Къ тому же», говорилъ онъ, «къ студенческимъ союзамъ въ Россіи избѣжно прививается политиканство, и занятія дѣлами землячествъ, особенно если они поставлены широко, не оставятъ мѣста для главнаго дѣла студентовъ — ученія». Доводы Николая Павловича петиціонеровъ не убѣдили. Послѣ горячихъ споровъ у Митропольскаго», Боголѣповъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ», «У петиціонеровъ крѣпко засѣла мысль о необходимости допустить студентовъ къ активному участію въ управленіи университетскими дѣлами или, по крайней мѣрѣ, въ веденіи дѣлъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе экономическаго быта студентовъ. Я еще разъ убѣдился, что у нѣкоторыхъ профессоровъ идеалы относительно устройства студенчества очень неопредѣленны. Они желаютъ для студентовъ какой-то свободы, а въ чемъ она должна выразиться, они и сказать не могутъ. Главное—побольше протестовать, побольше прогресса».

Въ назначенный для общаго засѣданія профессоровъ день, 29 декабря 1894 г., ихъ собралось много. Ректоръ началъ съ представленія пяти документовъ. Одинъ изъ нихъ[1]) заключалъ въ себѣ описаніе дѣятельности Союзнаго Совѣта, а именно: удовлетвореніе матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ

[1]) Отъ Союзнаго Совѣта 43-хъ землячествъ. Москва, 28 декабря 1894 г.

требованіямъ студентовъ и противодѣйствіе неправильнымъ распоряженіямъ начальства и профессоровъ. Во второмъ и третьемъ документахъ излагались приговоры судебной коммиссіи надъ профессорами Янжуломъ и Владимировымъ. Четвертый документъ описывалъ административную дѣятельность Союзнаго Совѣта — его распоряженія относительно студенческихъ безпорядковъ (запрещеніе или разрѣшеніе ихъ учинять). Пятый документъ былъ воззваніемъ бывшихъ московскихъ студентовъ къ обществу. Въ немъ они ругаютъ университетское начальство и въ особенности попечителя, «запятнавшаго себя, какъ человѣкъ и какъ администраторъ». Передъ чтеніемъ четвертаго документа профессоръ Герье объяснилъ, что, по просьбѣ студентовъ, его слушателей, онъ ѣздилъ къ попечителю ходатайствовать о возвращеніи высланныхъ ихъ товарищей, а вечеромъ того же дня отправился въ засѣданіе Союзнаго Совѣта, гдѣ засталъ человѣкъ 30, которымъ сообщилъ обѣщаніе попечителя хлопотать о смягченіи участи высланныхъ. Когда всѣ документы были прочитаны, ректоръ предложилъ желающимъ приступить къ возраженіямъ; но всѣ молчали, никто не поднимался... Первый всталъ Боголѣповъ и сказалъ рѣчь, содержаніе которой привожу вкратцѣ: «Существованіе Союзнаго Совѣта грозитъ подорвать въ корнѣ здоровую университетскую жизнь, потому что студенты присвоиваютъ себѣ право судить профессоровъ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за неповиновеніе. Передъ нами пропасть, къ которой мы стремимся и упадемъ, если не примемъ своевременно мѣръ. Дѣло не можетъ ограничиться тѣми случаями суда и наказанія, которые были до сихъ поръ. Разъ студенты организовались и почувствова-

ли силу, они начнутъ увеличивать свои требованія и средства принужденія; въ одинъ два года студенты дойдутъ до такихъ требованій, которыя возмутятъ самаго терпѣливаго профессора, и отъ свистковъ легко перейдутъ къ насиліямъ. Тогда профессора завопятъ, и наступитъ реакція, которая отразится всего болѣе на студентахъ, т.-е. на тѣхъ, которыхъ теперь мы сами развращаемъ своимъ попустительствомъ. Чтобы предупредить это бѣдствіе, профессора должны прежде всего дѣйствительно проникнуться убѣжденіемъ, что теперешній порядокъ ненормаленъ и не долженъ быть терпимъ. Далѣе пусть профессора громко заявятъ обществу и студентамъ, что они считаютъ Союзный Совѣтъ вреднымъ, несовмѣстимымъ съ правильной университетской жизнью. Наконецъ, въ ежедневной будничной жизни, профессора, въ своихъ сношеніяхъ съ студентами, должны постоянно проводить то правило, что въ университетѣ профессора должны только учить, а студенты только учиться».

Послѣ Боголѣпова Виноградовъ сказалъ приблизительно слѣдующее: Высказать только порицаніе Союзному Совѣту будетъ одностороннимъ рѣшеніемъ дѣла, такъ какъ его появленіе было вызвано неудовлетворенными нравственными и матеріальными потребностями студентовъ. Поэтому, если выражать порицаніе Союзному совѣту, надо одновременно выразить желаніе, чтобы землячества были узаконены и организованы.

Въ пользу узаконенія землячествъ говорили еще три профессора, но ихъ доводы были слабы. Профессоръ Чупровъ возражалъ противъ порицанія Союзнаго Совѣта, во-первыхъ, потому, что это отягчило бы участь высланныхъ его членовъ; во-вторыхъ, потому, что происхожденіе документовъ, прочитанныхъ ректо-

ромъ, казалось ему очень сомнительнымъ, такъ же, какъ и существованіе самаго Союзнаго Совѣта,—очевидно, Чупровъ забылъ про высказанное имъ тотчасъ опасеніе за участь членовъ Совѣта и про разсказъ Герье о его поѣздкѣ на засѣданіе этого совѣта.

Послѣ приведенныхъ рѣчей поднялись пренія о томъ, выразить ли только порицаніе Союзному Совѣту, или оговориться относительно землячествъ. Профессора долго не могли притти къ соглашенію. Нѣкоторые стали предлагать отсрочить рѣшеніе; но этому воспротивился ректоръ. Тогда Николай Павловичъ предложилъ слѣдующее заявленіе: «Не касаясь вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для цѣлей благотворительныхъ или образовательныхъ, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основу университетской жизни такъ называемый Союзный Совѣтъ землячествъ, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать за неповиновеніе ему». Это заявленіе стали подписывать всѣ профессора. Вожаки-петиціонеры одно время переговаривались и колебались, но и они поодиночкѣ стали подходить къ подписному листу и въ концѣ концовъ подписались. Съ засѣданія Николай Павловичъ возвратился грустный и удрученный. Шедшему съ нимъ профессору Алексѣеву онъ высказалъ тяготившія его сомнѣнія. «Едва ли наше заявленіе расчиститъ небо. Одни профессора, повидимому, находятъ, что всѣ эти приговоры и т. п. акты Союзнаго Совѣта—мальчишескія выходки; другіе такъ и остались при мысли, что Союзный Совѣтъ есть выраженіе серьезной потребности въ студенческихъ союзахъ».

Вскорѣ послѣ общаго собранія профессоровъ попечитель разослалъ циркулярное письмо съ приложеніемъ копіи краткаго отзыва о петиціи, представленнаго имъ генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ разбирается и строго осуждается петиція; въ немъ говорится, что профессора могли просить Великаго Князя только о разсмотрѣніи дѣла сорока семи высланныхъ студентовъ; все остальное содержаніе петиціи должно подорвать авторитетъ университетской власти. Заканчивается отзывъ заявленіемъ, что въ случаѣ будущихъ безпорядковъ профессора, подписавшіе петицію, понесутъ отчасти на себѣ вину за нихъ.

Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ петиціонеры написали возраженіе, подъ которымъ подписались тридцать три изъ нихъ. Въ этомъ возраженіи они утверждаютъ, что до 25-го декабря (день составленія петиціи) они ничего не знали о Союзномъ Совѣтѣ, и стараются доказать, что единственною цѣлью петиціи было испросить помилованіе высланнымъ студентамъ. Всѣ остальныя разсужденія были приведены, какъ мотивы къ этому ходатайству.

Какъ только подписанное всѣми профессорами порицаніе Союзному Совѣту стало извѣстно всему университету, члены союзной студенческой организаціи заволновались и забѣгали отъ одного петиціонера къ другому, чтобы узнать причину перемѣны отношенія къ нимъ ихъ друзей. Какъ видно изъ документовъ Союзнаго Совѣта (вышедшихъ послѣ появленія порицанія), петиціонеры оправдывались давленіемъ, оказаннымъ на нихъ враждебной партіей. Должно быть, такое объясненіе спасло ихъ отъ студенческой кары; иначе имъ пришлось бы, можетъ быть, испытать на

себѣ непріятное послѣдствіе существованія подпольнаго студенческаго правительства.

Вся эта запутанная исторія съ петиціей кончилась внѣшнимъ образомъ очень просто; но она тѣмъ не менѣе сыграла видную роль въ исторіи университетской жизни и оставила въ ней слѣды. Хотя она и была только звеномъ въ длинной цѣпи профессорскихъ интригъ и студенческихъ волненій, но послужила одною изъ причинъ теперешняго разложенія университета.

Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, узнавъ о петиціи, послалъ ректору и его помощнику оффиціальное письмо, въ которомъ выказалъ много лестнаго по ихъ адресу. Къ тому же онъ передалъ желаніе Государя, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ, при чемъ замѣтилъ, что Его желаніе равносильно приказанію. Одновременно съ письмомъ были присланы двѣ бумаги отъ министра. Въ одной онъ приказывалъ вывѣсить студентамъ объявленіе, что «студенты не должны поддаваться вліянію агитаторовъ, которые приглашаютъ всѣхъ учащихся подписываться подъ ходатайствомъ на Высочайшее имя объ измѣненіи дѣйствующихъ уставовъ». Объявленіе говоритъ, что никакія петиціи приняты не будутъ, такъ какъ законы составляются и измѣняются не по соображенію учащейся молодежи, а лишь по указанію верховной власти. При этомъ министръ возлагаетъ надежду на благоразуміе огромнаго большинства студентовъ, несомнѣнно понимающихъ, что они поступили въ высшее учебное заведеніе не для измѣненія его строя, а для ученія и расширенія своихъ знаній. Нѣсколько времени спустя, изъ министерства былъ присланъ выговоръ всѣмъ петиціонерамъ за то, что они обратились въ чужое вѣдомство и возбудили

щекотливые вопросы въ такое время, когда и безъ того студенты уже были взволнованы. А четыремъ вожакамъ ихъ (Герье, Остроумову, Эрисману и Чупрову) было послано предупрежденіе, что въ случаѣ безпорядковъ они будутъ сочтены виновниками ихъ. По слухамъ, министръ предполагалъ уволить ихъ лѣтомъ, а пока этой участи подвергся одинъ приватъ-доцентъ Милюковъ. Попечитель, уѣхавшій въ Петербургъ по дѣлу петиціи, писалъ Некрасову, что университетскія дѣла идутъ удовлетворительно. По тону письма было видно, что министръ и самъ попечитель не хотѣли принимать рѣшительныхъ мѣръ. Николай Павловичъ былъ недоволенъ такими распоряженіями. Мирный ходъ университетскихъ занятій казался ему немыслимъ при существованіи подпольнаго студенческаго правительства и при сношеніяхъ съ нимъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Предательская и вѣчноколеблющаяся политика высшей власти довела университетъ до бѣдственнаго положенія. Профессоръ Митропольскій, со словъ самихъ студентовъ, передавалъ Боголѣпову, что многіе приватъ-доценты состояли членами Союзнаго Совѣта. Профессору Звѣреву разсказывалъ знакомый ему студентъ, что уже тогда въ дѣятельности землячествъ принимали участіе женщины и гимназисты.

Такимъ образомъ революціонное движеніе, охватившее университетскую молодежь, уже тогда грозило перейти въ средне-учебныя заведенія. Своимъ трезвымъ, яснымъ умомъ Боголѣповъ отлично понималъ, что даже во время революціи учащаяся молодежь должна стоять въ сторонѣ отъ нея, чтобы имѣть возможность во-время воспитать и образовать себя. Страна можетъ отдохнуть отъ всякой революціи; но ей трудно возродиться послѣ нея, когда ея молодыя силы

подкошены. Опредѣленность и неподкупность взглядовъ Николая Павловича, его самоотверженныя и энергичныя усилія притти на помощь университету снискали къ нему уваженіе даже лицъ враждебной ему партіи. Такъ, одна часть петиціонеровъ пригласила его, какъ мы видѣли выше, на свое собраніе, чтобы ознакомиться съ его взглядами. Точно также попечитель счелъ нужнымъ вызвать его и сообщить ему свою точку зрѣнія на петицію. Даже болѣе ярые противники прислушивались къ его мнѣніямъ и считались съ ними, потому что чуяли въ немъ силу. Такъ профессоръ Виноградовъ заходилъ къ Николаю Павловичу, чтобы выслушать (какъ онъ самъ выразился) мнѣніе вліятельнаго члена профессорской коллегіи о признаніи землячествъ. Николай Павловичъ откровенно высказалъ ему свой взглядъ на этотъ вопросъ Виноградовъ указывалъ на необходимость образованія земляческихъ кружковъ въ виду большой потребности у студентовъ къ образованію (въ настоящее время такой взглядъ кажется насмѣшкою). Къ нему обратилось, говорилъ онъ, нѣсколько человѣкъ изъ его слушателей съ просьбой руководить ими въ общемъ образованіи; между тѣмъ, если бы число охотниковъ увеличилось, не было бы возможности удовлетворить ихъ, потому что тогда это вышло бы за предѣлы обычныхъ отношеній между профессоромъ и его слушателями. Николай Павловичъ отвѣтилъ ему, что если бы вопросъ шелъ только объ образовательныхъ студенческихъ кружкахъ, то ихъ было бы легче разрѣшить, такъ какъ такіе кружки могли бы естественно образовываться изъ семинарскихъ занятій профессоровъ, или даже создаваться вновь подъ ихъ руководствомъ. Задачи такихъ союзовъ родственны университетскимъ цѣлямъ.

Гораздо болѣе затрудненій представляетъ общество съ матеріальными цѣлями или съ цѣлями сложными, въ родѣ клубовъ; профессора неопытны въ подобныхъ дѣлахъ, да и надзоръ за студентами потребовалъ бы страшной затраты времени. Предоставить же студентамъ полную свободу и право самимъ указывать цѣли своихъ кружковъ было бы очень опасно, такъ какъ надо было бы разрѣшить студенческія сходки; послѣднія неминуемо вели бы къ безпорядкамъ и отвлекали бы молодежь на долгое время отъ научныхъ занятій. Виноградовъ не соглашался съ мнѣніемъ Боголѣпова, но, уходя, сказалъ, что знаетъ теперь „à quoi s'en tenir“, но, уходя, сказалъ, что знаетъ теперь «à quoi s'en tenir», и радъ услышать откровенно высказанное мнѣніе. Другой петиціонеръ, проф. Д. Н. Анучинъ, также приходилъ къ Николаю Павловичу, чтобы услышать отъ человѣка честнаго, хотя и противоположныхъ съ нимъ убѣжденій, его мнѣніе о попечительскомъ циркулярѣ. Анучинъ считалъ циркуляръ оскорбительнымъ для петиціонеровъ и оправдывался тѣмъ, что цѣлью ихъ петиціи было только испросить помилованіе для высланныхъ студентовъ.

Между прочимъ Анучинъ высказалъ мысль, что многіе петиціонеры обижены замѣчаніемъ Николая Павловича, что въ настоящей студенческой исторіи виноваты профессора. Боголѣповъ пояснилъ ему мысль, высказанную имъ въ собраніи университетскаго совѣта 29 декабря. Профессора, такъ же, какъ и значительная часть образованнаго общества, воспитываютъ въ молодомъ поколѣніи революціонный духъ, но не тѣмъ, что они проповѣдуютъ такъ называемыя либеральныя идеи, а тѣмъ, что къ учрежденіямъ, имъ несимпатичнымъ, относятся не съ объективной критикой, а съ раздраженіемъ; они возбуждаютъ въ молодыхъ людяхъ ненависть къ этимъ учрежденіямъ и побуж-

дають ихъ топтать законы, а не стремиться правильнымъ путемъ къ ихъ преобразованію. Въ примѣръ Николай Павловичъ сослался на лекцію профессора Духовского, возбуждавшую ненависть студентовъ къ учрежденію земскихъ начальниковъ. Анучинъ ушелъ отъ Николая Павловича недовольнымъ.

Послѣ волненія, вызваннаго петиціей, въ университетѣ водворилось на время спокойствіе. Весеннее полугодіе прошло тихо. Союзный Совѣтъ, первое время послѣ разоблаченія своей дѣятельности, боялся ее проявлять. Среди этой тишины и спокойствія у членовъ Союзнаго Совѣта не исчезла, однако, надежда на узаконеніе землячествъ. Имъ сочувствовала и одна часть профессоровъ. Письмо Союзнаго Совѣта къ обществу (отъ 5-го янв. 1895 г.) является какъ бы отвѣтомъ на постановленіе профессоровъ, сдѣланное на совѣщаніи сихъ послѣднихъ 29-го декабря 1894 г., и на рѣчь Боголѣпова, сказанную тамъ же. Въ этомъ письмѣ подробно характеризуется дѣятельность Союзнаго Совѣта, отрицаются политическія цѣли его и претензія судить профессоровъ. Кромѣ этого, письмо хочетъ доказать необходимость существованія союзной организаціи въ виду ея просвѣтительныхъ задачъ, столь плохо исполняемыхъ университетомъ. Часть профессоровъ и самъ попечитель также не переставали высказывать свое сочувствіе этой организаціи. По словамъ попечителя, ему удалось убѣдить министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимости узаконить землячества. Онъ даже предлагалъ ректору собрать профессоровъ для обсужденія этого вопроса; но ректоръ находилъ очень рискованнымъ возбуждать его въ такое время, когда студенты едва успокоились. Совѣщаніе по поводу узаконенія землячествъ могло бы тотчасъ же вызвать студенческіе безпорядки. Рек-

тору, однако, удалось уговорить попечителя отложить предполагаемое совѣщаніе. Между тѣмъ П. А. Некрасовъ обсуждалъ съ Николаемъ Павловичемъ вопросъ о замѣнѣ предполагаемыхъ союзныхъ организацій студенческими общежитіями. Проектъ ихъ былъ слѣдующій. Студенты должны были приниматься въ нихъ за умѣренную плату, а нѣкоторые и совсѣмъ безъ нея. Средства на общежитіе доставлялись бы мѣстными обществами. Во главѣ этого учрежденія должны стоять образованные люди по возможности съ твердымъ характеромъ, уже испытанные—напр., приватъ-доценты, читавшіе раньше лекціи, а также профессора. Такимъ образомъ общежитія удовлетворяли бы потребностямъ учащейся молодежи въ матеріальной и нравственной помощи, которую теперь надѣялись удовлетворить путемъ узаконенія землячествъ. Но проектъ этотъ не былъ одобренъ попечителемъ и осуществился только черезъ нѣсколько лѣтъ, во время попечительства Боголѣпова.

Это профессорско-студенческая исторія увеличила количество враговъ Николая Павловича, злобившихся на него за противодѣйствіе революціоннымъ стремленіямъ студентовъ. Къ сожалѣнію, не одно это противодѣйствіе возбуждало ихъ вражду: часть молодежи и нѣкоторые недоброжелатели обвиняли его еще въ сухости и формализмѣ; но нужно выяснить себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ формализмъ.

Часто русскіе, при извѣстной распущенности и отвращеніи къ порядку, называютъ формалистомъ человѣка, требующаго точности и порядка. Нѣмцы и англичане, напротивъ того, высоко цѣнятъ такихъ людей. Сколько дорогого времени сберегаются точностью и порядкомъ! Еще молодымъ человѣкомъ, Боголѣповъ, въ своихъ заграничныхъ запискахъ, срав-

нивая русскихъ съ нѣмцами, пишетъ о своемъ горячемъ желаніи привить русскимъ любовь нѣмцевъ къ порядку и точности. Весьма понятно, что, сдѣлавшись руководителемъ русской молодежи, онъ считалъ своимъ долгомъ осуществить свое давнишнее желаніе. Студенты сильно роптали на Николая Павловича прежде всего за требованіе аккуратно носить установленную студенческую форму. Многіе студенты приходили въ университетъ въ мундирахъ на распашку, въ неопрятныхъ красныхъ и разноцвѣтныхъ рубашкахъ на выпускъ. Въ этомъ случаѣ Боголѣповъ своимъ требованіемъ надѣялся пріучить молодежь къ порядку и опрятности, такъ необходимымъ всякому человѣку. Къ тому же онъ находилъ, что безпорядочная одежда выражаетъ неуваженіе студента къ университету и профессорамъ. «Не только всякій человѣкъ, живущій въ культурномъ обществѣ», говорилъ онъ, «обязанъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ приличія, но и каждый учащійся долженъ повиноваться постановленіямъ учебнаго заведенія, въ которомъ онъ учится». Другою причиной обвиненія Боголѣпова въ формализмѣ было его требованіе приходить въ назначенный день и часъ къ экзамену. Дѣйствительно, онъ рѣдко соглашался на отстрочку, главнымъ образомъ потому, что считалъ для студента невозможнымъ пріобрѣсти въ нѣсколько дней столько знаній, сколько онъ долженъ былъ ихъ усвоить за цѣлую зиму. Точно такъ же Николай Павловичъ рѣдко разрѣшалъ отстрочку экзаменовъ на осень, потому что считалъ это поощреніемъ лѣни и неточности. Только удостовѣрившись въ уважительности причинъ, онъ разрѣшалъ отстрочку. Отложенные экзамены часто лишали профессора дорогого ему времени, а студента пріучали не дорожить имъ.

Но, какъ видно изъ предыдущаго, Николай Павловичъ имѣлъ и друзей среди занимавшихся серьезныхъ студентовъ. Съ такою же любовью и уваженіемъ относилась къ нему учащаяся молодежь, когда она имѣла дѣло съ нимъ внѣ всякихъ партійныхъ интересовъ. Напримѣръ, онъ пльзовался большимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, когда ему приходилось предсѣдательствовать въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ. Въ особенности въ Кіевѣ студенты высоко цѣнили его доступность, справедливость и участливость. Одинъ изъ нихъ описалъ моей знакомой г-жѣ Шидловской свой экзаменъ въ государственной коммиссіи въ 1895-мъ году въ Кіевѣ. Этотъ студентъ пишетъ, что онъ убѣжалъ изъ московскаго университета въ Кіевскій изъ страха мести со стороны Николая Павловича. Оказывается, что студентъ грубилъ ему на экзаменѣ въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ. Получивъ пятерку, молодой человѣкъ сталъ дожидаться товарища, отвѣчавшаго тотчасъ послѣ него. По его словамъ, послѣдній до того смутился, что наговорилъ много вздору, несмотря на прилежное приготовленіе къ экзамену. Когда Боголѣповъ поставилъ товарищу плохую отмѣтку, студентъ, авторъ письма, сталъ за него заступаться и увѣрять профессора, что экзаменующійся прекрасно знаетъ свой предметъ. Николай Павловичъ ему отвѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ экзаменаторъ лучшій судья, чѣмъ экзаменующійся, на что студентъ ему сказалъ большую дерзость. Судьба, повидимому, преслѣдовала бѣглеца. Спасшись отъ Боголѣпова въ Кіевъ, онъ встрѣтилъ тамъ опять своего воображаемаго мстителя. Послѣ сильной внутренней борьбы молодой человѣкъ рѣшился подойти къ экзаменаціонному столу. Боголѣповъ долго всматривался въ него, узналъ его

и спросилъ: «Вы такой-то?» — «Да», съ трепетомъ отвѣтилъ студентъ, уже увѣренный, что часъ мести насталъ, и что предсѣдатель заставитъ профессора поставить своему обидчику плохую отмѣтку. Каково же было его удивленіе, когда Боголѣповъ, узнавъ его, выждалъ время, пока онъ обдумывалъ билетъ, затѣмъ всталъ, чтобы подойти къ другой группѣ экзаменующихся. Авторъ письма наивно удивляется порядочности Николая Павловича... Характерно то, что Боголѣповъ такъ незлобиво отнесся къ своему обидчику, что никогда не упоминалъ объ этомъ случаѣ. Далѣе, молодой человѣкъ въ своемъ письмѣ пишетъ, какъ кіевскіе студенты полюбили Николая Павлевича за его участливое отношеніе къ нимъ и за его постоянную готовность удѣлять имъ свободные часы своего занятого дня. Въ концѣ письма авторъ описываетъ проводы Боголѣпова. Молодежь собралась въ большомъ количествѣ на вокзалѣ. На привѣтственные возгласы студентовъ Николай Павловичъ отвѣтилъ рѣчью. Упомянувъ о назначеніи университета готовить ученыхъ, докторовъ, судей и т. д., онъ выразилъ надежду, что каждый изъ присутствующихъ молодыхъ людей, основательно изучивъ предметъ, будетъ прежде всего стремиться быть хорошимъ человѣкомъ, не только добросовѣстно, но съ любовью исполняющимъ свои обязанности.

Предсѣдательствомъ въ экзаменаціонной коммиссіи въ Кіевѣ, въ 1895 г., Н. П. Боголѣповъ окончилъ свою профессорскую дѣятельность. Въ самый разгаръ экзаменовъ Николай Павловичъ получилъ изъ Москвы извѣстіе, что попечитель Московскаго Учебнаго Округа, графъ Капнистъ назначается сенаторомъ въ Петербургѣ.

Попечительская дѣятельность [1].

Одновременно въ Москвѣ распространился слухъ, что на мѣсто графа Капниста будетъ назначенъ Николай Павловичъ. Онъ съ большою тревогою отнесся къ этому слуху. Когда же 9-го мая означеннаго года онъ получилъ въ Кіевѣ отъ управляющаго канцеляріей московскаго генералъ-губернатора В. К. Истомина письмо съ предложеніемъ занять мѣсто графа Капниста, онъ долго колебался и медлилъ отвѣтомъ. Онъ считалъ служебныя обязанности попечителя учебнаго округа крайне тяжелыми и отвѣтственными. Со времени своего послѣдняго ректорства онъ сомнѣвался въ возможности, при наличныхъ условіяхъ, улучшить положеніе университета; даже средняя школа, при протестующемъ настроеніи большинства общества, внушала ему опасенія. Съ тѣхъ поръ его болѣе, чѣмъ когда-либо, влекло къ мирнымъ занятіямъ наукою. Въ болѣе молодые годы, когда въ немъ было еще много надеждъ, и тогда, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, разбирая хорошія и дурныя стороны частной и общественной жизни, онъ писалъ: «Если я сумѣю выработать въ себѣ способность спокойно и стойко про-

---

[1]) Считаю долгомъ упомянуть здѣсь съ искреннею благодарностью, что многія свѣдѣнія и указанія для описываемаго періода даны мнѣ П. А. Некрасовымъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ Николая Павловича въ управленіи университетомъ Е Б

водить въ своей дѣятельности справедливое и доброе, то на закатѣ дней душа моя будетъ полнѣе удовлетворена, чѣмъ въ частной жизни». Теперь же, когда ему предлагали широкую общественную дѣятельность, онъ охотно отказался бы отъ нея. Не то, чтобъ онъ сомнѣвался въ своихъ уже испытанныхъ спокойствіи и стойкости, но онъ уже меньше разсчитывалъ на нихъ. Съ другой стороны, ему казалось, что онъ не имѣетъ права отступать передъ борьбой, и онъ считалъ даже неблаговиднымъ отказываться изъ-за личныхъ соображеній отъ общественныхъ дѣлъ, способъ веденія которыхъ онъ не разъ порицалъ. Межу тѣмъ какъ Ник. Павл. колебался и мучительно обсуждалъ рѣшеніе своей участи, его друзья профессора писали ему письмо за письмомъ съ просьбой принять предложенную должность. Деканъ юридическаго факультета В. А. Легонинъ, профессора Некрасовъ, Алексѣевъ, Слудскій, Звѣревъ, Митропольскій и гр. Комаровскій, какъ бы сговорившись, писали ему въ Кіевъ, уговаривая его не отказываться отъ отвѣтственныхъ обязанностей въ виду пользы, которую онъ можетъ принести дорогому имъ университету. Старикъ Легонинъ писалъ ему слѣдующее: «Я думаю, что нѣтъ достаточно основательныхъ причинъ отказываться и, наоборотъ, немало весьма причинъ, по которымъ слѣдуетъ принять предложеніе. Для меня лично выходъ вашъ изъ факультета большая потеря; я лишаюсь самой крупной опоры, не только въ смыслѣ единомыслія и дружескихъ отношеній, но и какъ болѣе активнаго дѣятеля факультета. Но все это должно замолкнуть въ виду крупныхъ общественныхъ интересовъ. Отъ вашего рѣшенія будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть успѣхъ нашего общаго университетскаго дѣла. Серьезность задачи, нравственный долгъ и увѣрен-

ность въ возможности достигнуть цѣли, все это въ совокупности—достойныя причины для того, чтобъ не отказываться отъ предложенія». Проф. Ѳ. А. Слудскій писалъ: «Для весьма желательной, разумѣется, мягкости поворота къ лучшему въ нашемъ университетѣ требуется очень искусный представитель власти, и съ этой точки зрѣнія ваша кандидатура представляется мнѣ въ высшей степени привлекательной. Я слышалъ, что вы колеблетесь, и вижу ясно тому причину. Никто не обязанъ, конечно, приносить жертвы непосильныя. Но если требуемая отъ васъ жертва несовсѣмъ, какъ мнѣ кажется, для васъ непосильна, и если просьба человѣка, искренно вамъ преданнаго, можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ склонить васъ къ этой жертвѣ, то позвольте со сказанной просьбой къ вамъ обратиться».

Остальные профессора писали почти то же, выражая Боголѣпову свою преданность и готовность его поддержать. Бывшій попечитель графъ Капнистъ также написалъ Николаю Павловичу письмо, въ которомъ сообщалъ свой разговоръ съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Деляновымъ. «Оказалось», писалъ онъ, «что мои тайныя мечты совпали съ видами Великаго Князя, московскаго генералъ-губернатора, голосъ котораго въ данномъ случаѣ имѣетъ самое важное значеніе. Графъ Иванъ Давыдовичъ сообщилъ мнѣ объ этомъ и снялъ мнѣ камень съ сердца. Графъ Деляновъ горячо ухватился за предложеніе Великаго Князя. Цѣль моего обращенія къ вамъ—просить, умолять васъ не отказываться отъ дѣлаемаго вамъ предложенія. Я предвижу и понимаю возраженія, которыя вы можете представить, но я прошу васъ взвѣсить и другую сторону дѣла, которое имѣетъ большое значеніе: интересъ дѣла и пользу, которую при-

несетъ ваше назначеніе. Что касается окружного управленія и подвѣдомственныхъ ему одиннадцати губерній, то вы будете желаннымъ попечителемъ. Вы извѣстны въ округѣ гораздо больше и лучше, чѣмъ, быть можетъ, вы думаете. Московскій университетъ связанъ тысячею нитей съ громадной полосой Россіи, и ваше имя, какъ виднаго дѣятеля по университету, хорошо знакомо во всей полосѣ. Васъ знаютъ, какъ человѣка образованнаго, умнаго, справедливаго и твердаго, какъ человѣка, который не сдѣлаетъ легкомысленнаго шага, ничего не станетъ ломать, не сознавая необходимости, и который съ честью поведетъ дѣло просвѣщенія».

Въ то время, какъ мужъ получалъ приведенныя письма, лица, желавшія видѣть его попечителемъ Московскаго учебн. округа, старались даже черезъ меня подѣйствовать на его рѣшеніе. Всѣ знали, что я съ большимъ огорченіемъ встрѣчала выборъ мужа въ ректоры (при уставѣ 1863 г). и позднѣе назначеніе его на эту должность отъ правительства. П. А. Некрасовъ, Н. А. Звѣревъ и А. С. Алексѣевъ, опасаясь, что я и въ этотъ разъ буду противодѣйствовать ихъ уговорамъ, пріѣхали ко мнѣ на дачу съ тѣмъ, чтобы просить меня этого не дѣлать. Я обѣщалась не противодѣйствовать имъ, но отказалась уговаривать мужа въ томъ смыслѣ, какъ они этого желали. Вслѣдъ за этимъ, по порученію Великаго Князя Сергѣя Александровича, ко мнѣ пріѣхалъ графъ Капнистъ и сталъ просить меня о томъ же. Я повторила ему сказанное профессоромъ. Между тѣмъ Н. П. основательно обсуждалъ съ братомъ моимъ Никитой вопросъ о своемъ назначеніи, и въ концѣ-концовъ рѣшился принять предлагаемую ему должность. Въ отвѣтѣ своемъ управляющему канцеляріей генералъ-губернатора

В. К. Истомину онъ прежде всего выразилъ свою глубокую признательность Его Высочеству Великому Князю за оказанное ему высокое довѣріе, тронувшее его до глубины души. Затѣмъ онъ ставилъ три условія для своего поступленія на должность попечителя, а именно: просилъ прежде всего необходимой для себя правительственной поддержки, затѣмъ—содержанія, которое вознаградило бы его за то, что онъ терялъ въ университетѣ и, наконецъ, пенсіи. Въ этомъ письмѣ такъ же, какъ и въ отвѣтѣ его графу Капнисту, видно, какъ ясно онъ представлялъ себѣ положеніе университета, настроеніе молодежи и общества; онъ писалъ, что предвидитъ борьбу не только съ дурными, безпорядочными привычками въ университетѣ, но и съ образовавшимися таѣными союзами, стоящими въ связи съ революціонными кругами.

Отъ нихъ онъ даже ожидалъ личной опасности, но готовъ былъ, по чувству долга передъ царемъ и отечествомъ, принести въ жертву не только здоровье, но и жизнь. Изъ его отвѣта графу Капнисту видно, какъ онъ мало надѣялся на скорое улучшеніе дѣлъ въ университетѣ, хотя считалъ борьбу необходимою. «Если мои условія будутъ приняты», писалъ онъ, «я пойду на дѣло, въ которомъ мнѣ, вѣроятно, не придется видѣть благополучнаго исхода. Мнѣ кажется, что вѣчное броженіе въ университетѣ питается революціонными теченіями. Съ ними должно бороться между прочимъ и путемъ укрѣпленія нормальной жизни въ университетѣ. Борьба эта кончится благополучно только послѣ того, какъ пострадаютъ многіе изъ начальства, изъ гражданства и изъ молодежи. Я думаю, что и я пойду на страданье, отъ возможности котораго не хочу отступать только по чувству гражданскаго долга». Вскорѣ по полученіи писемъ отъ

Истомина и графа Капниста, Н. П. получилъ слѣдующую телеграмму отъ министра народн. просвѣщ. графа Делянова: «Прошу согласиться на поступленіе въ должность, о которой писалъ вамъ графъ Капнистъ». Въ отвѣтъ на эту телеграмму Боголѣповъ просилъ разрѣшенія у министра пріѣхать въ Петербургъ для личнаго объясненія. Послѣ этого послѣдовало свиданіе съ Великимъ Княземъ и графомъ Деляновымъ. Его Высочество обѣщалъ выхлопотать исполненіе всѣхъ условій, поставленныхъ Николаемъ Пав., но гр. Деляновъ не призналъ возможнымъ обезпеченіе пенсіей. Лѣтомъ, 29-го іюня, Боголѣповъ былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Въ іюлѣ онъ представлялся Государю, который обѣщалъ ему свою полную поддержку.

Это было послѣднее вполнѣ спокойное лѣто, проведенное Николаемъ Павловичемъ; тѣмъ не менѣе онъ чаще прежняго казался задумчивымъ и озабоченнымъ. Приведу отрывокъ изъ записокъ Алферова, который свидѣтельствуетъ о такомъ настроеніи Н. Павлович. передъ попечительствомъ: «Помню я свое свиданіе съ Боголѣповымъ въ то время, когда уже стало извѣстно, что онъ назначенъ попечителемъ. Онъ жилъ тогда на дачѣ въ Черкизовѣ. Я засталъ его сидящимъ съ книгой на террасѣ ихъ скромной дачи. Когда онъ поднялся съ кресла, чтобъ поздороваться со мною, я невольно удивился его нездоровому цвѣту лица и худобѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что усталъ и измучился, но не можетъ отказаться отъ предлагаемаго ему поста, при чемъ его пугала мысль, что онъ будетъ теперь оторванъ отъ любимаго дѣла преподаванія и отъ научныхъ занятій. Онъ смотрѣлъ на предстоящую обязанность, какъ на тяжелый крестъ, и мужественно взялъ его на себя».

Боголѣповъ не только ясно предвидѣлъ тяжесть предстоящаго ему креста, но даже предчувствовалъ свою гибель отъ ожидаемой борьбы. Какъ сказано было выше, онъ не отказался отъ нея, потому что считалъ своей обязанностью воспользоваться предлагаемою попечительскою властью, чтобы исправить тѣ недостатки, которые онъ дотолѣ не разъ порицалъ. Задачъ у него было много; заботы его направились къ упорядоченію университета, къ уничтоженію различныхъ злоупотребленій, которыми славился моск. учебн. округъ, къ устройству намѣченныхъ уже ранѣе студенческихъ общежитій и къ улучшенію постановки преподаванія въ университетѣ и отчасти въ средней школѣ (собранная имъ комиссія для реформы 8-го класса женскихъ гимназій). Кратковременность его попечительства не дала ему возможности, однако, сдѣлать что-нибудь существенное въ этой послѣдней области.

Прежде всего Н. П. приступилъ къ упорядоченію университета. Онъ уничтожилъ многія неправильности въ отношеніяхъ между академической и административной властями, насколько это зависѣло отъ попечительскихъ полномочій. Такъ, инспекція до него, по уставу 1884-го года, занимала такое положеніе, что не только профессора, но и деканы и ректоръ фактически должны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступать инспектору, находившемуся подъ покровительствомъ попечительской власти. Николай Павловичъ положилъ этому конецъ. Отнынѣ инспекторъ долженъ былъ подчиняться университетской власти, при чемъ къ должности инспектора былъ привлеченъ В. Ѳ. Давыдовскій, человѣкъ безупречно справедливый, пользовавшійся уваженіемъ еще по службѣ своей въ Императорскомъ Техническомъ Учи-

лищѣ. Инспекція призвана была лишь къ исполненію прямой ея обязанности поддерживать внѣшній порядокъ, столь необходимый для успѣшнаго хода занятій профессоровъ и студентовъ. Веденіе академическаго строя жизни новый попечитель предоставилъ ректору, деканамъ, правленію, совѣту и профессорамъ. Уже въ ректорство Боголѣпова ясно обнаружилось, что онъ считалъ необходимымъ для правильнаго хода университетской жизни, а именно—изученіе и преподаваніе основательныхъ научныхъ знаній, безъ примѣси политиканства.

Одни профессора сочувствовали ему въ стремленіи установить эти условія; другіе, вмѣстѣ съ большинствомъ студентовъ, попрежнему противодѣйствовали ему. Тутъ-то и потребовалась опять борьба. Николаю Павловичу приходилось прибѣгать къ словеснымъ увѣщаніямъ профессоровъ, къ напоминаніямъ ихъ обязанностей и къ тяжкимъ для него служебнымъ упрекамъ. На первыхъ же порахъ своей попечительской дѣятельности онъ встрѣтился съ подобной непріятностью, которой всячески старался избѣжать, а именно—съ необходимостью вмѣшаться въ дѣло одного профессора, намѣченнаго къ увольненію еще во время исторіи съ петиціей. Надо сказать, что кромѣ упомянутыхъ выше условій, поставленныхъ Николаемъ Павловичемъ министру, находилось еще требованіе оставить его въ сторонѣ при удаленіи главарей-петиціонеровъ. Министръ обѣщалъ, но обѣщанія своего не держалъ. Полтора мѣсяца спустя, по вступленіи Н. П. въ должность, къ нему явился профессоръ Янжулъ и разсказалъ ему, что онъ былъ у министра и спрашивалъ его, почему тотъ не утверждаетъ профессора Чупрова на пятилѣтіе (по выслугѣ 25 лѣтъ). Гр. Деляновъ отвѣтилъ уклончиво, но, впрочемъ, ска-

залъ, что наводитъ справки у Истомина. Тогда Янжулъ отправился къ директору департамента Аничкову, который, узнавъ, что министръ кое-что открылъ Янжулу, показалъ ему и самый запросъ къ Истомину. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, онъ посовѣтовалъ Янжулу попросить декана Легонина, чтобъ онъ въ свою очередь уговорилъ попечителя съѣздить къ Истомину. Когда же Янжулъ спросилъ его, что попечитель долженъ сказать Истомину, Аничковъ отвѣтилъ: «Онъ самъ знаетъ». На этотъ разсказъ Янжула, Н. П. замѣтилъ, что ему совершенно ясно, чего желаетъ Аничковъ: онъ хочетъ свалить на него и на Истомина возможные упреки за неоставленіе Чупрова профессоромъ. «О нѣтъ», возразилъ Янжулъ, «я и Чупровъ и тѣ немногіе, которымъ я сообщилъ мой разговоръ, полагаютъ, что судьба Чупрова въ вашихъ рукахъ». Это разсердило Н. П., и онъ сначала объявилъ ему, что просилъ министра не вмѣшивать его въ дѣло увольненія профессоровъ за ихъ прежнія дѣла, и что къ Истомину онъ не поѣдетъ. Затѣмъ, подумавъ, что такое возраженіе все равно не избавитъ его отъ упрековъ друзей профессора Чупрова [1]), Боголѣповъ высказалъ мысль, что, если бы дѣло было предоставлено его рѣшенію, онъ оставилъ бы Чупрова профессоромъ университета, взявъ съ него предварительно слово на будущее время—ни прямо, ни косвенно не возбуждать въ молодыхъ людяхъ недовольства

---

[1]) Позднѣе, послѣ трагической кончины Николая Павловича, въ Петербургѣ и Москвѣ ходили слухи, что другой уволенный профессоръ-петрашевецъ (Ѳ Ѳ Эрисманъ) былъ также увѣренъ, что Боголѣповъ содѣйствовалъ удаленію его изъ университета. Уѣхавъ на жительство въ Швейцарію, этотъ профессоръ состоялъ тамъ членомъ одного русскаго революціоннаго кружка, который между прочими задачами поставилъ себѣ цѣлью убить «реакціонера» Боголѣпова.

существующимъ порядкомъ и непріязни къ правительству.

На слѣдующій день послѣ этого разговора самъ Чупровъ явился къ Николаю Павл. Съ нимъ Боголѣповъ велъ продолжительную бесѣду, въ которой сказалъ ему, что считаетъ его цѣннымъ для университета преподавателемъ и готовъ хлопотать за него, если онъ дастъ ему слово честнаго человѣка—въ своихъ сношеніяхъ со студентами, на лекціяхъ и въ частной жизни, не возбуждать въ нихъ протестантскаго настроенія и тѣмъ болѣе желанія дѣйствовать насиліемъ. При этомъ Н. П. прибавилъ: «Легко понять, что можно совершенно неуловимо вливать въ душу юноши это протестантское направленіе». Чтобы пояснить свою мысль, Боголѣповъ привелъ ему въ примѣръ «Русскія Вѣдомости», которыя въ своихъ статьяхъ и корресподенціяхъ подсказываютъ, какъ надо низвергать существующій строй, и учатъ соціалистическимъ и другимъ крайнимъ воззрѣніямъ. Чупровъ на это отвѣтилъ, что ему нѣтъ нужды давать слово, потому что и раньше онъ никогда не дѣлалъ того, чего Н. П. опасается, и по принципу былъ всегда противъ пропаганды студентамъ крайнихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ онъ сказалъ: «Я не отрицаю, что мои убѣжденія либеральны, что я часто ходатайствовалъ за молодыхъ людей, попадавшихся въ политическихъ дѣлахъ. Отъ того и другого я не могу отказаться и впредь, но я даю вамъ слово, что какъ прежде, такъ и впредь не буду возбуждать въ студентахъ того направленія, о которомъ вы говорите». Заручившись такимъ обѣщаніемъ, Н. П. принялся хлопотать объ оставленіи Чупрова въ должности профессора. Это ему удалось послѣ немалыхъ хлопотъ, потому что высшее начальство относилось съ недо-

вѣріемъ къ Чупрову. Тѣмъ не менѣе между студентами и профессорами, враждебно настроенными къ Боголѣпову, распространился слухъ, что онъ желалъ отставки Чупрова и содѣйствовалъ увольненію профессора Эрисмана.

Вслѣдъ за описаннымъ эпизодомъ послѣдовало много другихъ случаевъ, при которыхъ Николаю Павловичу приходилось прибѣгать къ усовѣщеванію профессоровъ и обуздыванію студентовъ. Несмотря на то, что въ это время Союзный Студенческій Совѣтъ пользовался меньшей силой[1]), вспышки студенческихъ волненій попрежнему нарушали мирный ходъ научныхъ занятій въ университетѣ. Революціонные кружки продолжали подстрекать студентовъ къ возстаніямъ, а профессора извѣстнаго направленія не переставали на словахъ и на дѣлѣ сочувственно къ нимъ относиться, но надлежащими и во-время принятыми мѣрами Боголѣпову почти всегда удавалось довольно быстро полагать имъ конецъ. При немъ не бывало массовыхъ возстаній въ родѣ тѣхъ, которыя мы переживали съ 1901 года. Мѣры, принимавшіяся имъ, обсуждались сообща съ ректоромъ, его помощникомъ и инспекторомъ студентовъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ Ник. Павл. имѣлъ могущественную помощь Великаго Князя, который заодно съ нимъ предвидѣлъ наступавшую грозу и былъ одушевленъ желаніемъ спасти погибающее дѣло русскаго просвѣ-

---

[1]) Еще предшественникъ Николая П-ча, графъ Капнистъ, покровительствовавшій землячествамъ, передъ уходомъ своимъ понялъ ихъ революціонную закваску и нанесъ Союзному Совѣту землячествъ рѣшительные удары, выславъ главныхъ его членовъ Съ тѣхъ поръ Союзный Совѣтъ держался въ скрытомъ видѣ, не выказывая открыто власти надъ профессорами и студентами Николаю Павловичу также случалось удалять изъ Москвы главныхъ руководителей уже скрывавшагося Союзнаго Совѣта.

щенія. По выраженію П. А. Некрасова[1]), «Великій Князь и Николай Павловичъ были два мученика долга, которые при исполненіи своихъ обязанностей забывали себя, имѣя въ виду только пользу дѣла».

Въ началѣ ноября 1895 года разыгралась въ университетѣ такъ называемая «Захарьинская» исторія. Студенты 4-го курса медицинскаго факультета собрались на сходку, на которой рѣшили не ходить на лекціи профессора Захарьина: они хотѣли наказать его за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, за дурное веденіе клиники, за содѣйствіе путемъ вліянія неправильному назначенію профессоровъ и т. д. До исполненія своего приговора студенты послали къ Захарьину депутацію, которая извѣстила его о принятомъ ими рѣшеніи. Захарьинъ смутился и не нашелся, что имъ отвѣтить. Изъ профессорской среды Ник. Павл. узналъ, что два профессора-медика открыто, въ присутствіи студентовъ, рѣзко отзывались о Захарьинѣ и порицали въ немъ именно тѣ недостатки, въ которыхъ обвиняли его студенты. Боголѣповъ совѣщался по этому поводу съ ректоромъ Некрасовымъ и его помощникомъ Звѣревымъ. По соглашенію съ ними онъ посовѣтовалъ Захарьину читать въ назначенные дни лекціи, а при появленіи депутатовъ рѣшительно объявить имъ, что онъ не намѣренъ вступать съ ними въ объясненія, потому что профессора и студенты находятся въ университетѣ только для одного дѣла — одни, чтобъ учить, другіе, чтобъ учиться. Захарьинъ такъ и отвѣтилъ. Студенты не ожидали такого отвѣта и ушли отъ него сконфуженные. Вслѣдъ за этимъ Боголѣповъ, съ согласія министра народнаго просвѣщенія, вывѣсилъ объявленіе, въ ко-

---

[2]) Въ то время ректоръ университета.

торомъ университетское начальство извѣщало студентовъ 4-го курса, что полугодіе имъ не будетъ зачтено, если они не будутъ посѣщать лекцій Захарьина: имъ придется остаться на другой годъ на томъ же курсѣ, а съ переходомъ съ 3-го курса на 4-ый они должны будутъ выйти изъ университета, чтобы очистить мѣсто для вновь поступающихъ студентовъ. Объявленіе оказало желанное дѣйствіе: Ник. Павл. былъ извѣщенъ, что вожаки рѣшили отряжать на лекціи Захарьина извѣстныя группы. Во всякомъ случаѣ слушателей у Захарьина было съ тѣхъ поръ отъ 90—100. Одновременно съ этой мѣрою, Боголѣповъ рѣшился вызвать къ себѣ двухъ профессоровъ, которые основательно подозрѣвались въ содѣйствіи студентамъ. Одному изъ нихъ, Дьяконову, Ник. Павл. сказалъ, что его протестантскій образъ дѣйствій замѣченъ, и что это можетъ отразиться на его службѣ. Профессоръ Дьяконовъ возразилъ, что всегда держался законности и порядка; но впослѣдствіи Ник. Павл. убѣдился, что эта манера говорить о законности и порядкѣ съ видомъ искренности была усвоена не только профессорами, но и студентами, наиболѣе замѣшанными въ подстрекательствѣ. Другому подозрѣвавшемуся профессору А. А. Остроумову Боголѣповъ сказалъ, что его судьба висѣла на волоскѣ, и что онъ былъ бы уволенъ, если бы волненіе не улеглось. На вопросъ Остроумова, въ чемъ его обвиняютъ, Ник. Павл. указалъ на то, что онъ открыто и въ присутствіи студентовъ рѣзко говорилъ о Захарьинѣ, порицалъ манеру его чтенія и его дурныя отношенія къ больнымъ. Этотъ профессоръ также увѣрялъ, что именно въ нынѣшнемъ году онъ держался очень сдержанно. Исторія закончилась безъ волненій; но стало извѣстно, что на слѣдующее полугодіе студенты 4-го курса рѣшили записываться у

проф. К. М. Павлинова, а не у Захарьина. На это ихъ толкали профессора, въ особенности тѣ, которые защищались съ видомъ искренности. Когда студенты заявили имъ о намѣреніи не посѣщать лекцій Захарьина, одинъ изъ профессоровъ сказалъ: «За это васъ могутъ сослать, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Теперь ходите къ Захарьину, а на слѣдующее полугодіе никто вамъ не помѣшаетъ записаться у Павлинова[1]). На слѣдующій (1896-ый) годъ дѣла Захарьина не улучшились. Онъ очень волновался тѣмъ, что 3-ій кусъ медиковъ совсѣмъ не записался на лекціи къ профессору Голубову, его ставленнику. Слѣдовательно, исчезала надежда, что третьекурсники, ставъ четверокурсниками, запишутся на лекціи Захарьина. Послѣдній сталъ бѣгать къ Николаю Павловичу, доказывая, что Павлиновъ читаетъ незаконно курсъ факультетской клиники. По уставу Екатерининской больницы, факультетская клиника должна служить госпитальной клиникой для университета. Павлинову было разрѣшено читать курсъ факультетской клиники лишь временно, впредь до перевода госпитальной клиники на Дѣвичье поле, а это совершилось уже давно. Ник. Павл. сталъ уговаривать Захарьина не добиваться, чтобы запретили Павлинову читать курсъ факультетской клиники. «Скажутъ», говорилъ онъ Захарьину, «что вы побиваете своего противника не перевѣсомъ достоинства, а буквой закона».—«Да что мнѣ обращать вниманіе на то, что скажутъ! А сами мои противники что дѣлаютъ? Они прикрываются закономъ о свободѣ выбора преподавателя, а на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ студентовъ противъ меня, что совсѣмъ нельзя

---

[1]) По закону студенты имѣли право выбирать себѣ преподавателя.

назвать законнымъ; а власть присутствуетъ и ничего не дѣлаетъ».

Ник. Павл. въ своихъ запискахъ объяснилъ, почему онъ не запрещалъ курса Павлинова. «Я не сталъ», пишетъ онъ, «много спорить съ Захарьинымъ, такъ какъ признавалъ справедливымъ, что законность должна отражаться на всѣхъ, хотя чувствовалъ, что запрещеніе лекцій Павлинова подольетъ масла во вражду и едва ли улучшитъ положеніе Захарьина. Между тѣмъ это можетъ послужить недурнымъ урокомъ Захарьину, такъ какъ, кажется, онъ дѣйствительно ведетъ дѣло въ своей клиникѣ небрежно: съ больными не занимается, а ординаторовъ выбираетъ изъ людей, способныхъ унижаться и выносить его капризы».

Такимъ образомъ, при столкновеніи профессоровъ со студентами, Ник. Павл. былъ готовъ при всякой представившейся возможности уладить дѣло мирнымъ путемъ, уступая одной сторонѣ и склоняя другую къ благоразумію. По природѣ миролюбивый и спокойный, онъ, какъ уже извѣстно, съ тяжелымъ чувствомъ по необходимости приступалъ къ репрессивнымъ мѣрамъ. Одно мѣсто изъ его записокъ краснорѣчиво рисуетъ настроеніе его души въ трудный моментъ тяжелой для него борьбы. По поводу сказаныхъ мною однажды непонятныхъ имъ словъ онъ пишетъ: «Въ то время, когда мы съ ректоромъ и его помощникомъ обдумывали мѣры противъ студентовъ и профессоровъ, виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, меня смутила моя жена, не только смутила, но взволновала до глубины души. Она стала уговаривать меня не итти противъ теченія: «правительство тебя не поддерживаетъ, общество все противъ твоихъ мѣръ; бороться при та-

кихъ условіяхъ—значитъ донкихотствовать [1]). Это говорилъ человѣкъ любящій, не съ цѣлью уколоть, не изъ партійныхъ предупрежденій, и оттого это меня взволновало до глубины души. Она понимаетъ очень хорошо, что, если дѣло право, то должно итти противъ всѣхъ, а если она совѣтуетъ теперь отступить, то потому, что общее нерасположеніе въ ея глазахъ служитъ доказательствомъ неправильности моихъ мѣръ. Вотъ тутъ для меня и вопросъ. Если бы я увѣрился, что я не правъ, я бы, конечно, не сталъ бороться, потому что итти противъ теченія не сладко. Но до сихъ поръ я не могу убѣдиться, что я ошибаюсь. Мнѣ хочется дать себѣ отчетъ, въ чемъ сущность моихъ мѣръ, и дѣйствительно ли онѣ представляютъ такое большое стѣсненіе».

Чтобы удостовѣриться, правильно ли онъ поступаетъ, Николай Павловичъ принимается опять за чтеніе многочисленныхъ документовъ студенческихъ съѣздовъ и кружковъ и подвергаетъ ихъ тщательному разбору. Всѣ эти документы взяты изъ «Дознанія о Союзномъ Совѣтѣ землячествъ въ Москвѣ». Познакомившись съ вопросами, рѣшавшимися на Харьковскомъ съѣздѣ [2]) студентовъ, Боголѣповъ пишетъ: «Здѣсь говорится про объединеніе и сплоче-

---

[1]) Я уговаривала его прекратить борьбу, потому что опасалась за его жизнь меня пугала злоба и ненависть, которыя вызывали его репрессивныя мѣры. Въ справедливости ихъ я не сомнѣвалась, потому что знала хорошо, что онъ прибѣгалъ къ нимъ изъ желанія спасти молодежь отъ пагубнаго на нее вліянія революціонныхъ вожаковъ, т-е. что онъ хотѣлъ быстрымъ прекращеніемъ меньшаго зла предотвратить большее

[2]) На харьковскомъ съѣздѣ студентами было заявлено о поднятіи духа харьковскихъ студентовъ въ послѣднемъ году, выразившемся въ стремленіяхъ къ объединенію студентовъ-техниковъ и ветеринаровъ въ формѣ кружковъ саморазвитія, въ энергичномъ разоблаченіи студентами-ветеринарами злоупотребленій *инспекціи* ихъ института, въ *оппозиціи* харьковскихъ техниковъ попыткамъ ихъ начальства стѣснить студентовъ.

ніе студентовъ. Зачѣмъ? Въ общихъ фразахъ нѣтъ недостатка—духовный подъемъ, матеріальная помощь, но на практикѣ выходитъ иное. Фзкты, приводимые студентами, доказываютъ, что среди студентовъ пробудились стремленіе къ объединенію, съ цѣлью внутренняго, духовнаго поднятія (?!) и *для болѣе успѣшной защиты собственной независимости*». Далѣе, разбирая документы соединенныхъ землячествъ разныхъ университетскихъ городовъ, Николай Павловичъ приходитъ къ заключенію, что нравственныя и умственныя задачи студентовъ сводятся большею частью къ разрѣшенію широкихъ вопросовъ преобразованія общественнаго строя, то-есть къ задачамъ совершенно нелегальнымъ для студентовъ[1]).

Разобравъ такимъ образомъ многочисленные студенческіе документы, Николай Павловичъ въ сотый разъ убѣждается въ необходимости рѣшительно противодѣйствовать грозно надвигающемуся разрушенію мирныхъ научныхъ занятій въ университетѣ, готовому также погубить дѣло просвѣщенія въ средней и народной школѣ. При возникновеніи новыхъ волненій онъ опять старается энергичными мѣрами скорѣе прекратить безпорядки, чтобы меньшее число молодежи было въ нихъ вовлечено, и тѣмъ спасти массу невинныхъ жертвъ, увлекаемыхъ сознательными и преступными подстрекателями.

---

1) Приведу самые характерные изъ документовъ. Отчетъ 1891—1892 г. опредѣляетъ свои задачи такъ «Вамъ извѣстно, какое жалкое зрѣлище представляетъ изъ себя большинство оканчивающихъ теперь гимназію. Это люди съ извращенными нравственными понятіями, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ знаній; это будущіе общественные дѣятели, проникнутые до такой степени противообщественными стремленіями, что представляютъ изъ себя какое-то совсѣмъ некультурное общество. Тѣ, у кого гимназическій режимъ не совсѣмъ еще задавилъ стремленіе къ просвѣщенію, начинаютъ въ университетѣ сознавать весь ужасъ своего положенія, воз-

Послѣ Захарьинкой—въ 1897 г. возникла такъ называемая «Ходынская» исторія. Въ началѣ ноября означеннаго года стали ходить слухи, что въ подпольныхъ сферахъ ищутъ поводовъ для возбужденія студентовъ къ волненіямъ, но никакъ не находятъ удачныхъ мотивовъ. Наконецъ нашли—ознаменовать полугодовщину Ходынской катастрофы торжественнымъ шествіемъ на Ваганьково, чтобы служить панихиду. Дѣйствительно, 18 числа, около 400 студентовъ были остановлены полиціей (уже знавшей объ этомъ намѣреніи) недалеко отъ заставы. Толпа повернула назадъ и, вмѣсто того, чтобы разойтись, по чьему-то указанію, рѣшила итти къ университету. Для чего—толпа, конечно, не знала, но вожаки знали; такъ дѣлалось всегда, чтобы усилить скандалъ среди города и вызвать изъ аудиторій тѣхъ студентовъ, которые иначе остались бы безучастными. Предвидя это, оберъ-полицмейстеръ Д. Ѳ. Треповъ приказалъ толпу отвести въ манежъ, при чемъ предварительно приглашали студентовъ разойтись. Въ манежѣ ихъ переписали и большею частью отпустили, въ томъ числѣ какихъ-то женщинъ, обычныхъ спутницъ такого рода демонстра-

---

никаетъ стремленіе выйти изъ него, но какъ? Искать руководителей среди профессоровъ нельзя всякій студентъ очень скоро убѣждается, что наши профессора въ большинствѣ случаевъ болѣе чиновники, нежели наставники и руководители молодежи. Надѣяться на помощь общества въ наше печальное время также нѣтъ основанія. Работать въ одиночку, благодаря слишкомъ плохой подготовкѣ, нѣтъ возможности Остается одно обратиться къ средѣ своихъ же товарищей и постараться общими усиліями выработать тѣ нравственныя основанія и тѣ знанія, которыя могутъ изъ человѣка сдѣлать сознательнаго общественнаго дѣятеля» Землячество занимается тоже народнымъ образованіемъ. такъ московскій Союзный Совѣтъ въ «очеркѣ» отъ 1892 г. говоритъ, что землячества завязали сношенія съ народными учителями, посылали имъ книжки для народа и основывали склады такихъ книгъ. На второмъ московскомъ съѣздѣ обсуждался вопросъ объ отношеніи студентовъ къ правительству и обществу. Первый вопросъ рѣшался съ точки зрѣнія, что и студенты и общество

ціи. Нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ полиціей и особенно дерзкихъ, задержали. Въ слѣдующіе дни начались сходки въ старомъ университетѣ. Набиралось по нѣскольку сотъ человѣкъ. Первый день многіе пришли съ узелочками,—видимо, заранѣе приготовившись къ аресту; нѣкоторые захватили съ собою водки и тутъ же напились пьяными. Видимо было, что эти участники сходокъ получили приказъ итти и требовать, чтобы выпустили ихъ товарищей, или чтобы ихъ арестовали, потому что они солидарны. Ихъ и арестовали. Съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось. Въ общемъ набралось человѣкъ 700. Они были препровождены въ пересыльный замокъ.

Пока Треповъ и полиція допрашивали арестованныхъ, университетская администрація имѣла непрерывное дѣло со сходками и депутаціями, которыя являлись къ ней съ различными требованіями, а иногда и дерзостями. Однако такая депутація явилась къ Николаю Павловичу. «Зная по опыту», пишетъ онъ, «что съ толпой говорить безполезно, я принималъ членовъ депутаціи отдѣльно. Хотя студенты были возбуждены, но дерзостей они мнѣ не говорили; нѣкото-

---

угнетаемы правительствомъ, университетскіе порядки составляютъ необходимую часть всей государственной системы, направленной на подавленіе свободы и самостоятельности среди россійскихъ обывателей. Поэтому для Союзнаго Совѣта не можетъ быть сомнѣнія, какъ стать къ правительству· студенчество должно стоять въ оппозиціи къ правительству Въ своемъ оппозиціонномъ движеніи оно должно сообразоваться съ общимъ ходомъ оппозиціоннаго движенія въ Россіи, оно можетъ сыграть даже активную общественную роль, своимъ движеніемъ дать толчокъ къ движенію всего общества, т-е. другими словами дать толчокъ политическому перевороту. Опредѣляя отношенія свои къ обществу, Союзный Совѣтъ, по выраженію Боголѣпова, принимаетъ совершенно тонъ правительства. Союзный Совѣтъ высказываетъ желаніе, чтобы, съ одной стороны, студенчество вступило въ связь съ людьми сложившимися, закончившими выработку своего міросозерцанія и уже нѣсколько провѣрившими его на практикѣ, съ другой стороны, студенчество должно основательно проя-

рые были даже добродушны и сами смѣялись, когда приходилось указывать на нелѣпость нѣкоторыхъ требованій».

Сходки долгое время не прекращались; приходившіе на нихъ студенты выражали желаніе быть арестованными. Союзный Совѣтъ отлично понималъ, что большое количество арестованныхъ создастъ затрудненія правительству. Изъ разныхъ его документовъ видно, что онъ добивался закрытія всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, разсчитывая, что это будетъ крупнымъ скандаломъ на всю Европу. «Хотя я лично», пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ, «о Европѣ не безпокоился, но закрытія университетовъ не желалъ, потому что это дало бы нашимъ революціонерамъ выигрышъ тѣмъ, что пріучило бы молодежь къ жизни скандальной, шумной и праздѣльной».

Надо было принять мѣры противъ сходокъ. Въ пересыльной тюрьмѣ уже мѣста оставалось мало. Мѣры для прекращенія безпорядковъ обсуждались на совѣщаніяхъ попечителя съ ректоромъ, его помощникомъ и инспекторомъ студентовъ Давыдовскимъ. Названныя лица не разъ собирались и у Великаго Князя.

вить себя по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ «Кончающіе тамъ будущіе члены нашихъ организацій и мы непосредственно заинтересованы въ томъ, насколько они умственно и нравственно развиты. Итакъ, работа, имѣющая цѣлью развитіе моральное и общественное не менѣе, а можетъ быть даже болѣе — необходима среди воспитанниковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ среди студентовъ. Тамъ натура гораздо мягче, податливѣе, доступнѣе всякимъ вліяніямъ Желательно, чтобы въ этомъ-то періодѣ на нихъ дѣйствовали лучшія вліянія Тотъ же второй московскій съѣздъ по вопросу объ изданіи періодическаго органа высказался такимъ образомъ, что онъ считаетъ чрезвычайно полезнымъ органъ со строго-выдержаннымъ направленіемъ, систематически проводящимъ и развивающимъ извѣстный циклъ идей, извѣстное стройное и заключенное міровоззрѣніе, при которомъ мельчайшій фактъ освѣщается съ извѣстной точки зрѣнія и получаетъ общее, а не частное значеніе»

Всѣ они были противъ закрытія университета, а изъ министерства народнаго просвѣщенія писали, что университетъ закрытъ не будетъ.

На одномъ изъ совѣщаній у Великаго Князя рѣшено было просить министра народнаго просвѣщенія развѣсить въ университетѣ объявленія, гласящія, что участники сходокъ будутъ впредь увольняемы изъ университета и высылаемы на родину къ родителямъ. Допускать сходки, по мнѣнію Николая Павловича, было невозможно. «Всѣ понимали», пишетъ онъ, «что нельзя вдругъ повернуть политику и предоставить желающимъ устраивать сходки, не говоря уже о томъ, что мы, старые профессора и администраторы, были увѣрены на основаніи опыта прежнихъ лѣтъ (особенно Тихонравовскихъ временъ), что такое дозволеніе было бы началомъ болѣе крупныхъ безпорядковъ, которые вынудили бы закрыть университетъ». Въ отвѣтъ на посланную министру телеграмму пришло отъ него полное согласіе на увольненіе и высылку участниковъ сходокъ. Заявленія о желаніи быть арестованными прекратились.

Одновременно съ этими безпорядками волновались студенты-медики, слушатели профессора П. М. Попова (ставленника Захарьина). Тутъ повторилось почти то же, что въ Захарьинской исторіи. Быстро принятыя рѣшительныя мѣры и на этотъ разъ довольно скоро успокоили волненія. Конечно, такія мѣры могли сдерживать только на время глухо-клокотавшую бурю, готовую ежеминутно перейти въ открытое возстаніе.

Николай Павловичъ отлично понималъ, что для умиротворенія университета требуются болѣе существенныя мѣры, хотя вообще на близкую помощь онъ не разсчитывалъ. Это видно изъ письма его къ графу

Капнисту; но надежда принести хотя бы малую пользу или, по крайней мѣрѣ, заложить для будущаго сѣмена лучшихъ началъ всегда вызывала въ немъ рѣшимость дѣйствовать. Еще во время исторіи съ петиціей, въ попечительство графа Капниста, онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли П. А. Некрасова основать студенческія общежитія, которыя, въ замѣнъ землячествъ, должны были удовлетворять матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ студентовъ. Тогда Николай Павловичъ участвовалъ въ предположеніяхъ объ устройствѣ общежитія. Ректоръ Некрасовъ представилъ это предположеніе на разсмотрѣніе графа Капниста, но послѣдній несочувственно отнесся къ общежитіямъ, считая узаконеніе землячествъ болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для умиротворенія университета. Теперь Николай Павловичъ, ставъ попечителемъ, приступилъ къ осуществленію нѣкогда составленнаго имъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ предположенія. По его ходатайству, Государь Императоръ повелѣлъ отпустить изъ государственнаго казначейства на устройство общежитій 300.000 р. Этому дѣлу много способствовалъ Великій Князь Сергій Александровичъ, всегда относившійся съ горячимъ участіемъ къ нуждамъ студентовъ, какъ и ко всѣмъ университетскимъ дѣламъ. По просьбѣ Николая Павловича, онъ не разъ выхлопатывалъ казенныя суммы на возведеніе клиническихъ и университетскихъ зданій.

Желая установить болѣе тѣсную духовную связь общежитій съ университетомъ, Боголѣповъ и Некрасовъ предлагали поставить во главѣ этихъ общежитій образованныхъ людей — приватъ-доцентовъ, читавшихъ раньше лекціи и руководившихъ занятіями студентовъ. Притомъ Боголѣповъ разсчитывалъ, что

и другіе профессора будутъ принимать болѣе близкое участіе въ жизни общежитій, что на первыхъ порахъ и осуществилось съ большимъ успѣхомъ. Профессора устраивали со студентами чтенія; между прочимъ, профессоръ Духовской велъ судебныя пренія; профессоръ Кирпичниковъ преподавалъ въ общежитіи французскій и нѣмецкій языки; П. В. Преображенскій читалъ о лучахъ Гертца. Для развлеченій устраивались музыкальные вечера, послѣ которыхъ бывали танцы. При общежитіи образована была библіотека, составившаяся изъ книгъ, пожертвованныхъ вдовой профессора В. А. Легонина (судебная медицина), изъ библіотеки С. А. Муромцева (по римскому праву и другимъ юридическимъ наукамъ), изъ книгъ П. А. Каленова (по философіи и филологіи); изъ 114 томовъ, пожертвованныхъ вдовою доктора Малыгина (по медицинѣ), и книгъ изъ библіотеки московскаго университета (32 названія журналовъ и 98 томовъ дубликатовъ); 58 редакцій московскихъ, петербургскихъ и многихъ провинціальныхъ газетъ присылали въ библіотеку свои ежемѣсячныя книжки и ежедневные номера.

Первое общежитіе было основано въ 1897 году и названо «Общежитіемъ Императора Николая Второго».

Кромѣ выданныхъ Государемъ Императоромъ 300.000 руб., при ближайшемъ содѣйствіи Николая Павловича были собраны еще 132.000 руб., пожертвованныя частными лицами; между прочимъ, профессоромъ Новацкимъ—55.000 руб. и Ю. С. Нечаевымъ-Мальцевымъ—20.000 руб. Эти суммы и часть денегъ, отпущенныхъ по повелѣнію Государя, составили неприкосновенный капиталъ для устройства другихъ общежитій. Позднѣе основано было еще два обще-

житія: одно—близъ перваго (также въ Грузинахъ), другое, имени Великаго Князя Сергія Александровича,—на Дѣвичьемъ полѣ. Завѣдующимъ общежитіемъ былъ приглашенъ приватъ-доцентъ П. В. Преображенскій. Студентовъ въ общежитіе принимали за удешевленную плату,—260 р. въ годъ за комнату съ полнымъ содержаніемъ и 225 р. за комнату на двоихъ. Болѣе бѣдныхъ студентовъ принимаютъ за половинную плату, а совсѣмъ бѣдныхъ — даромъ (конечно, ограниченное число). Число студентовъ, принимаемыхъ въ общежитіе, 150. Помѣщенія въ общежитіи просторны, высоки, съ прекрасною вентиляціей; пища сытная, вкусно приготовленная изъ свѣжей провизіи. Насколько нравственно и матеріально студентамъ хорошо живется въ общежитіи, можно судить по описанію П. Иванова въ его книгѣ «Студентъ въ Москвѣ»: «Въ общежитіи живутъ и круглые бѣдняки, и состоятельные люди; но общій тонъ здѣсь таковъ, что трудно подмѣтить разницу между бѣдными и послѣдними. Общія права и одинаковыя условія жизни сглаживаютъ разницу между богатыми и бѣдными. Всѣ сыты и всѣ довольны. Нѣтъ здѣсь и поводовъ къ озлобленію противъ общества».

Такому благому начинанію Боголѣпова не дано было разрастись до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ онъ мечталъ. Николай Павловичъ разсчитывалъ на участіе общества, т.-е. на благотворительные капиталы, которые должны были притти въ помощь казнѣ, чтобы основать общежитія въ большомъ количествѣ въ столицамъ и университетскимъ городахъ.

Новыя ожиданія и надежды отвлекли вниманіе общества отъ общежитій. Хотя неудержимая революціонная волна, грозившая всеобщимъ разрушеніемъ, еще не вполнѣ смыла ихъ, но она уничтожила ихъ

значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ наука въ глазахъ большинства молодежи потеряла свое значеніе, и политика властно заняла ея мѣсто.

Николай Павловичъ не ограничился устройствомъ общежитія для студентовъ. Онъ считалъ необходимымъ занять ихъ серьезными научными вопросами и указать способы и пріемы научной работы для большей ея плодотворности. Увѣренный, что успѣшный ходъ научныхъ занятій разовьетъ и большій интересъ къ нимъ, Боголѣповъ съ самаго начала своей профессорской дѣятельности направилъ вниманіе и заботы къ улучшенію постановки преподаванія въ университетѣ. Уже тогда онъ считалъ необходимымъ внести въ одностороннюю систему лекцій больше оживленія. Съ этою цѣлью онъ ввелъ на юридическомъ факультетѣ практическія занятія, на которыхъ студенты учились работать самостоятельно. Въ рѣчи, сказанной имъ вскорѣ по вступленіи въ первый разъ въ должность ректора, онъ знакомитъ студентовъ съ ихъ обязанностями и необходимыми пріемами для упомянутой самостоятельной работы. Это умѣніе работать Николай Павловичъ называетъ формальнымъ образованіемъ. «Но умѣніемъ пріобрѣтать знанія», говорилъ онъ, «формальное образованіе не ограничивается. Можно усвоить себѣ всѣ пріемы научныхъ изслѣдованій, но не обладать достаточною смѣлостью ума, чтобы успѣшно примѣнять эти пріемы. Человѣкъ научно образованный, но не имѣющій смѣлости приступить къ рѣшенію всякаго вопроса, который представляется ему въ его спеціальной области, никуда не годится со всѣмъ своимъ образованіемъ. Этой умственною робостью страдаютъ многіе изъ русскихъ людей. Отъ этого наша чисто-рабская зависимость отъ западныхъ народовъ, какъ въ теоре-

тическихъ, такъ и въ практическихъ вопросахъ. Вслѣдствіе этого мы иногда пересаживаемъ къ себѣ съ запада учрежденія, созданныя въ чуждыхъ намъ условіяхъ, даже не имѣя смѣлости измѣнить въ нихъ что-нибудь сообразно нашей жизни. Для образованнаго человѣка умственная трусость такъ же позорна, какъ для военнаго физическая. Поэтому вы должны развивать въ себѣ мужество ума. Конечно, нѣкоторымъ эти свойства даются отъ природы, но они могутъ быть въ значительной степени развиты воспитаніемъ и въ особенности самовоспитаніемъ» (см. приложеніе 1-ое). Понятно, что Боголѣповъ не признавалъ возможнымъ всѣмъ учащимся достигать самостоятельно изслѣдованія научныхъ данныхъ. Въ приведенной рѣчи, какъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ друзьями и профессорами, онъ не разъ высказывалъ мысль, что люди съ небольшимъ запасомъ умственныхъ силъ не должны тянуться въ университетъ, а должны искать болѣе подходящихъ къ ихъ способностямъ занятій.

Ставъ попечителемъ учебнаго округа, Боголѣповъ снова принялся за подробную разработку новаго метода университетскаго преподаванія. Въ запискѣ, написанной имъ въ 1897 году, онъ подробно разбираетъ желательныя въ немъ преобразованія, при чемъ подробно развиваетъ нѣкоторыя уже высказанныя имъ въ ректорской рѣчи мысли. По мнѣнію Николая Павловича, лекціи, въ которыхъ профессоръ даетъ студентамъ то, что можетъ дать учебникъ, безполезны. Занятія съ профессоромъ должны снабжать слушателей тѣми знаніями, которыя имъ трудно пріобрѣсти самостоятельно, помимо профессора. Притомъ число обязательныхъ предметовъ не должно быть слишкомъ многочисленно: если бы студенты стали изучать ихъ всѣ, какъ слѣдуетъ, они изнемогли бы отъ умственна-

го напряженія; къ тому же, слишкомъ большое количество свѣдѣній, полученныхъ въ короткое время, пріобрѣтается поверхностно и плохо запоминается. Цѣль преподаванія должна состоять не въ одномъ загроможденіи памяти большимъ количествомъ научныхъ свѣдѣній, а въ умѣніи изслѣдовать научныя данныя, создавать новыя точки зрѣнія и новые пріемы для разработки изучаемаго матеріала. Въ этой статьѣ, какъ и въ ректорской рѣчи, онъ настаиваетъ на развитіи въ учащихся смѣлости ума: «Всякая школа», пишетъ онъ, «и въ особенности высшая, должна развивать умственныя силы ученика. Усваивая результаты работы своихъ предшественниковъ, учащійся ужъ до нѣкоторой степени развиваетъ свои умственныя силы; но профессоръ долженъ ставить себѣ въ особенную обязанность внушать студентамъ смѣлость и рѣшимость ставить новыя задачи, искать новыхъ пріемовъ. Безъ этого университетъ будетъ выпускать резонеровъ-ремесленниковъ». Для пріученія студентовъ къ самостоятельной работѣ Боголѣповъ рекомендуетъ практическія занятія, на которыхъ они пріобрѣтаютъ умѣніе доказывать подлинность изучаемыхъ документовъ, достовѣрность передаваемыхъ ими послѣдними фактовъ и свѣдѣній, научаются классифицировать и сравнивать ихъ и давать имъ надлежащую оцѣнку.

Настаивая на введеніи практическихъ занятій, Николай Павловичъ, однако, отнюдь не хотѣлъ устранить лекцій. Нѣкоторые профессора обвиняли его въ желаніи уничтожить благотворное дѣйствіе живого слова, но Николай Павловичъ въ своей запискѣ отвергаетъ это обвиненіе: «Я думаю», пишетъ онъ, «что именно при руководствѣ занятіями студентовъ слово профессора и дѣлается живымъ, потому что оно вызы-

вается обмѣномъ мыслей между учителемъ и ученикомъ. Учитель начинаетъ говорить тогда, когда видитъ, что ученикъ нуждается въ объясненіи, и притомъ говорить, приноравливаясь къ знакомымъ людямъ, а не къ безличной массѣ, каковой является въ настоящее время юридическая аудиторія. Затѣмъ лекція можетъ понадобиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ признаетъ полезнымъ, послѣ совмѣстной со студентами разработки деталей, привести ихъ къ единству, къ обобщенію».

При такомъ способѣ преподаванія римское право является еще болѣе желательнымъ для изученія. Мнѣ приходилось не разъ слышать вопросъ, зачѣмъ Николай Павловичъ выбралъ предметомъ своего изученія и преподаванія римское право, столь чуждое русскимъ условіямъ, нравамъ и характеру. Дѣло въ томъ, что онъ признавалъ за этимъ правомъ великое воспитательное значеніе. Самъ онъ съ большимъ интересомъ изучалъ строго-обоснованные и глубоко продуманные пріемы римской юриспруденціи и любилъ логичность ея выводовъ и точность ея опредѣленій. По его мнѣнію, люди, научившіеся самостоятельно мыслить и работать, пользуясь высокими образцами римскихъ классическихъ учителей, могутъ безъ рабскаго подражанія, примѣняясь къ условіямъ и характеру своей родины, создавать для нея новыя формы и новыя основанія правовыхъ отношеній. Хотя римское право въ Россіи и не было заимствовано цѣликомъ, по примѣру западныхъ странъ, все же оно искони имѣло вліяніе на начала русскаго семейнаго и наслѣдственнаго права. Сверхъ того, преподаваніе римскаго права нашло себѣ широкій пріютъ въ русскихъ университетахъ со дня ихъ учрежденія. Оно поэтому стало существенною частію русской науки права вообще.

Н. П. Боголѣпову не дано было достигнуть своихъ цѣлей, и въ наше тяжкое время его предначертанья и начинанья кажутся нѣкоторымъ неисполнимыми и даже нежелательными.... Но въ грозу и бурю, при скопившихся черныхъ тучахъ и сгустившемся туманѣ, трудно видѣть даль. Такъ и въ наше бурное время, когда всѣ понятія перепутались, труднѣе обыкновеннаго представить себѣ будущее и увѣренно сказать, какія мысли и понятія останутся побѣдителями. Всеобщая разнузданность, отсутствіе идеаловъ, презрѣніе къ вѣрѣ и просвѣщенію могутъ привести къ одичанію нравовъ и полному невѣжеству. Измученные и утомленные люди будутъ жаждать покоя. Надо надѣяться, что послѣ тяжкихъ испытаній спокойствіе водворится въ Россіи. Общество, можетъ быть, проученное горькимъ опытомъ, убѣдится, что молодежь налагаетъ на себя бремена не удобоносимыя, занимаясь рѣшеніемъ государственныхъ и другихъ вопросовъ во вредъ себѣ и другимъ. Тогда, можетъ случится, съ радостью вспомнятъ основанныя Николаемъ Павловичемъ общежитія, въ которыхъ дѣтямъ каждаго бѣднаго и богатаго дается возможность, при благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, мирно итти по пути своего усовершенствованія; тогда можетъ быть, и предложенный Николаемъ Павловичемъ методъ преподаванія найдетъ цѣнителей, которые согласятся, что его пріемы преподаванія могутъ способствовать развитію самостоятельныхъ мыслителей, не ищущихъ чужихъ авторитетовъ, и дѣятелей, не подражающихъ чужимъ образцамъ.

Принципъ самодѣятельности въ пріобрѣтеніи знаній Николай Павловичъ считалъ нужнымъ вводить не въ одну высшую школу, но и въ среднюю и въ низшую. Оказать свое вліяніе въ этомъ смыслѣ во

всѣхъ названныхъ школахъ, въ короткое время своего попечительства ($2^1/_2$ года), онъ не успѣлъ. Къ тому же университетскія волненія отвлекали его вниманіе и лишали спокойствія духа, столь необходимаго для сложнаго дѣла — преобразовать преподаваніе въ многочисленныхъ школахъ разнаго типа. Сверхъ того, въ качествѣ попечителя онъ могъ только представлять свои проекты на разсмотрѣніе министра, который могъ ихъ и не утвердить.

Прежде всего его вниманіе обратила плохая постановка преподаванія въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій. По порученію Боголѣпова, окружный инспекторъ Е. И. Сыроѣчковскій ревизовалъ женскія гимназіи Московскаго округа и представилъ Николаю Павловичу докладъ о состояніи преподаванія въ 8-мъ классѣ этихъ гимназій. Оказалось, что въ нихъ не существовало опредѣленной для всѣхъ гимназій программы для спеціальныхъ предметовъ (исторіи, географіи и языковъ): каждая гимназія имѣла свою собственную программу, при чемъ учителя могли учить, какъ имъ хотѣлось. Такое преподаваніе гораздо легче, потому что каждый учитель преподаетъ то, что ему знакомо и интересно, а не то, что необходимо для учащихся. Случалось, что нѣкоторые учителя произвольно расширяли извѣстную часть курса, заставляя своихъ ученицъ изучать ее до мельчайшихъ подробностей, и тѣмъ внушали имъ отвращеніе къ изучаемому предмету; напримѣръ, одинъ учитель буквально душилъ своихъ ученицъ юсами. Съ цѣлью преобразовать такую нежелательную постановку дѣла, Николай Павловичъ разослалъ циркуляры во всѣ женскія гимназіи, приглашавшіе преподавателей выработать программу по каждому отдѣльному предмету. Эти программы разбирались въ созванныхъ Бо-

голѣповымъ комиссіяхъ. Въ комиссіи, которая разрабатывала программу для курса исторіи, предсѣдательствалъ самъ Николай Павловичъ. Эти комиссіи установили для 8-го класса женскихъ гимназій одинаковыя требованія по каждому предмету, какъ обязательному, такъ и спеціальному [1]). Въ нѣкоторыхъ программахъ замѣтно опять стремленіе развить самостоятельность учащихся: на ряду съ теоретическими занятіями вводились и практическія. Напримѣръ, по программѣ исторіи, ученицы обязаны были подавать не только письменныя работы, но и готовиться къ устнымъ рефератамъ, которое обсуждались въ классѣ. Практическія занятія были введены и въ курсъ педагогики.

Едва комиссія кончила свои труды, какъ Николай Павловичъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія: такимъ образомъ, онъ самъ утвердилъ программы, разработанныя во время его попечительства. Преподаваніе по нимъ до сихъ поръ ведется въ однѣхъ гимназіяхъ Московскаго округа. Только недавно подобныя же программы стали вводиться и въ петербургскихъ гимназіяхъ. Въ послѣднее время и изъ другихъ округовъ приходятъ запросы о способахъ преподаванія въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій Московскаго округа. По отзывамъ инспектора классовъ Дервизовской женской гимназіи, Е. И. Сыроѣчковскаго, труды комиссій, созванныхъ Боголѣповымъ, увѣнчались успѣхомъ; Сыроѣчковскій имѣлъ случай непосредственно наблюдать результаты введеннаго преподаванія: оно стало оживленнѣе и вызывало болѣе самостоятельное отношеніе ученицъ къ

[1]) «Учебный планъ и программы учебныхъ предметовъ для 8-го дополнительнаго класса женскихъ гимназій Московскаго учебнаго округа» Москва. 1899.

занятіямъ, вслѣдствіе чего онѣ выходятъ изъ гимназіи съ болѣе основательными знаніями.

Что касается высшаго женскаго образованія, Николай Павловичъ не былъ его горячимъ сторонникомъ, какъ большинство общества въ настоящее время, и считалъ его желательнымъ только въ томъ случаѣ, когда женщина обладаетъ достаточнымъ запасомъ умственныхъ и физическихъ силъ, чтобы съ успѣхомъ пріобрѣтать научныя знанія и тѣмъ приносить пользу себѣ и другимъ. Доказательствомъ того, что Боголѣповъ не былъ безусловнымъ противникомъ высшаго женскаго образованія, служитъ то, что въ годы своего министерства онъ разрѣшилъ открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ и обѣщалъ свое согласіе на предполагавшееся открытіе медицинскихъ женскихъ курсовъ. Боголѣповъ не одобрялъ только тѣхъ случаевъ, когда стремленіе къ высшему образованію, особенно ради моды, являлось ущербомъ для исполненія основного назначенія женщинъ, т.-е. обязанностей матери или дочери. Въ рѣчи, сказанной имъ воспитанницамъ Ермоло-Марінскаго училища въ день празднованія его 35-лѣтняго юбилея (1886 г.), ясно высказался его взглядъ на обязанности женщинъ: «Женственность внѣшняя желательна только тогда, когда она служитъ выраженіемъ внутренняго настроенія. Это прекрасное свойство, которое способно смягчить много страданій въ жизни. Истинная женственность состоитъ въ томъ, что женщина оказывается чуткою ко всему доброму и прекрасному». Въ другомъ мѣстѣ: «Въ душѣ дѣвушки долженъ горѣть тотъ святой огонь любви, преданности и долга, которымъ проникнуто ученіе Христа».

Трудамъ и заботамъ по преобразованію преподаванія Николай Павловичъ отдавался съ любовью, такъ

какъ уже въ молодости былъ горячо преданъ этому дѣлу; но тяжелымъ бременемъ ложилась на него необходимость постоянно бороться, обязанность карать и противодѣйствовать кознямъ и происками людей, враждебно относившихся къ его благимъ намѣреніямъ. Въ болѣе ранніе годы, въ запискахъ, написанныхъ имъ по сложеніи ректорскихъ обязанностей, онъ пишетъ, что «общественная и государственная дѣятельность заставляетъ человѣка становиться лицомъ къ лицу съ массой пошлости и подлости: ихъ нельзя избѣгать, какъ въ частной жизни; имъ часто нужно итти навстрѣчу, чтобы бороться съ ними или управлять ими». И вотъ эта необходимость была ему крайне тяжела. Онъ говорилъ, что нужна большая сила, чтобы сохранить въ такой борьбѣ высокій душевный тонъ, не ожесточиться и не изнемочь. Почти на первыхъ порахъ его попечительской дѣятельности, ему пришлось столкнуться съ нѣкоторыми злоупотребленіями, которыя, къ сожалѣнію, встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы въ нашемъ отечествѣ. Николай Павловичъ и прежде о нихъ слышалъ, но онъ плохо вѣрилъ этимъ слухамъ, пока ему самому не пришлось убѣдиться въ вѣрности слышанныхъ имъ обвиненій. Боголѣпову было трудно искоренять зло, которое можетъ быть уничтожено только улучшеніемъ общественныхъ нравовъ. Едва ли бы ему удалось и при болѣе продолжительной попечительской дѣятельности многое сдѣлать въ этомъ отношеніи. Онъ могъ только уменьшить до нѣкоторой степени злоупотребленія, отстраняя лицъ, которыя были извѣстны своими неблаговидными поступками. Однажды ему пришлось даже столкнуться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по поводу довольно крупныхъ погрѣшностей одного провинціальнаго директора гимназіи, при

чемъ это столкновеніе едва не привело самого Николая Павловича къ отставкѣ.

Какъ-то разъ ему пришлось ревизовать О—ую гимназію. До этого О. губернаторъ и многія частныя лица, пріѣзжавшія изъ О., передавали ему, что о директорѣ гимназіи ходятъ разные дурные слухи. На мѣстѣ Николай Павловичъ убѣдился самъ въ его безчестности. Во-первыхъ, этотъ директоръ ставилъ дрова въ гимназіи (мужскую и женскую) изъ своихъ рощъ черезъ подставныхъ поставщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ гимназическимъ служителемъ, при чемъ цѣны на дрова не соотвѣтствовали ихъ качеству; во-вторыхъ, онъ пользовался гимназическими служителями для обработки своего огорода и отдалъ поставку овощей въ гимназическій пансіонъ тому огороднику, который арендовалъ директорскій огородъ; въ-третьехъ, онъ не велъ отчетности; въ-четвертыхъ, директоръ облагалъ учениковъ гимназіи поборомъ отъ 15—50 коп. за порчу казенной мебели и стѣнъ, распространяя иногда эти поборы на цѣлые классы и не ведя отчетности по расходованіи собранныхъ денегъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, онъ изобрѣлъ любопытный способъ обирать родителей учениковъ: онъ часто бился съ ними объ закладъ, при чемъ родители проигрывали ему условленную сумму, если ученикъ выдерживалъ экзаменъ. Первые четыре обвиненія подтверждались случаями, которые не могъ оспаривать самъ директоръ, а пятое Боголѣповъ могъ подтвердить только показаніями госпожи Лопухиной, которая передавала ему случай, бывшій съ ней самой и съ ея знакомыми. Николай Павловичъ донесъ министру о неблаговидныхъ дѣлахъ директора О—ой гимназіи. Министръ оффиціальнымъ письмомъ предложилъ Николаю Павловичу потребовать отъ директора объясне-

нія; а затѣмъ, если они окажутся неудовлетворительными, предложить ему подать въ отставку. Такъ Николай Павловичъ и сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе утвержденіе отставки долго не приходило. Несмотря на явныя улики противъ директора, въ министерствѣ нашлись друзья (изъ крупныхъ чиновниковъ), которые тоже вліяли на безхарактернаго министра. За это время много непріятности пришлось перенести Николаю Павловичу отъ доброжелателей директора; дѣло доходило до того, что въ министерствѣ отвергали одно представленіе Боголѣпова за другимъ. Наконецъ Николай Павловичъ заявилъ министру, что если директоръ О—ой гимназіи не будетъ уволенъ, то онъ сочтетъ неудобнымъ оставаться на службѣ. Вскорѣ послѣ этого заявленія пришла телеграмма отъ директора департамента, въ которой было сказано: «Директоръ О—ой гимназіи увольняется въ отставку; представьте своего кандидата». Вслѣдъ за этимъ Николай Павловичъ узналъ, что О—й директоръ переведенъ на туже должность въ Б. Описанное столкновеніе имѣло свою хорошую сторону, потому что познакомило, кого слѣдуетъ, съ опредѣленнымъ образомъ дѣйствій Боголѣпова. Сверху и снизу сдѣлались осторожны: всѣ поняли, что впредь вкушеніе запрещеннаго плода будетъ встрѣчать упорное противодѣйствіе. Кромѣ того, Николай Павл. старался назначать на служебныя должности неподкупныхъ лицъ. Можетъ быть, это не всегда ему удавалось, но для вѣрнаго познаванія людей требуется особенный даръ.

Боголѣпова часто упрекали въ неумѣніи выбирать людей, хотя такое обвиненіе не вполнѣ справедливо, такъ какъ нѣкоторыя его назначенія были очень удачны, и поставленныя имъ должностныя лица оказались на высотѣ своего положенія. Всего чаще оши-

бался онъ въ нравственныхъ свойствахъ людей. Это онъ сознавалъ самъ. При его склонности къ пессимистическому взгляду на жизнь, такое довѣріе къ людямъ кажется удивительнымъ. Даже при болѣе близкомъ знакомствѣ съ людьми онъ часто отказывался не только видѣть, но и предполагать что-нибудь низкое или неблаговидное. Извѣстно, что большею частью довѣрчивость происходитъ отъ большой душевной чистоты. Такъ было и съ Боголѣповымъ. Человѣку, которому трудно было произнести невинную ложь, было еще труднѣе убѣдиться, что другой съ легкимъ сердцемъ обманываетъ, притворяется и даже пользуется чужимъ добромъ. Я помню, какъ дразнилъ его одинъ докторъ, когда во время одной опасной моей болѣзни, при очень высокой температурѣ, онъ могъ безъ краски на лицѣ скрывать отъ меня количество градусовъ.

Всего болѣе страдалъ самъ Боголѣповъ отъ своего довѣрія къ людямъ. Бывали случаи, когда разочарованіе въ нихъ очень болѣзненно отзывалось на его впечатлительной душѣ. Такъ, напр., глубоко огорчила его измѣна его любимаго ученика—Н.К. Доробца, къ которому онъ относился долгіе годы совершенно отечески. Десять лѣтъ продолжались дружескія, почти родственныя отношенія между учителемъ и ученикомъ. Надо сказать, что Боголѣповъ ко всѣмъ своимъ ученикамъ относился съ рѣдкой участливостью. Всегда для нихъ доступный, онъ съ большимъ вниманіемъ руководилъ ихъ занятіями и облегчалъ имъ всѣ пути и средства къ достиженію научныхъ знаній; но его отношенія къ Доробцу отличались особенной теплотой и заботливостью, при чемъ онъ нерѣдко входилъ въ семейные интересы молодого человѣка. Съ своей стороны, Доробецъ съ необыкновенною горячностью, казав-

шейся и постороннимъ вполнѣ искреннею, выражалъ своему учителю любовь и преданность. Боголѣпова привлекалъ въ Доробцѣ его живой интересъ къ римскому праву и даже его увлеченіе имъ. Первоначальныя успѣшныя занятія Доробца подавали также надежду учителю, что ученикъ его будетъ совершенствоваться въ своихъ научныхъ знаніяхъ и станетъ плодотворнымъ ученымъ и полезнымъ преподавателемъ. Командированный за-границу, Доробецъ писалъ цѣлые тома Николаю Павловичу, въ которыхъ касался не только научныхъ вопросовъ, но откровенно, какъ близкому родственнику, повѣрялъ свои личныя дѣла и даже тайны,—словомъ, изливалъ ему всю душу, присоединяя къ этому самыя горячія увѣренія въ любви и преданности. По возвращеніи Доробца изъ-за границы, Боголѣповъ началъ замѣчать нѣкоторое измѣненіе въ его духовномъ строѣ: молодой человѣкъ держалъ себя странно и работалъ вяло, при чемъ замѣтно было пониженіе его умственныхъ способностей. Такое состояніе, казалось, стояло въ связи съ его здоровьемъ, такъ какъ въ это время онъ хворалъ нервною болѣзнью. Боголѣпова особенно поразила диссертація этого его любимца, поданная ему на разсмотрѣніе. Она была написана водянисто, неосновательно и страдала отсутствіемъ тщательнаго изслѣдованія источниковъ. Ник. Павл. нашелъ невозможнымъ пропустить ученую работу Доробца и съ болью въ сердцѣ возвратилъ ему ее, указавъ на ея недостатки. Доробецъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ взялъ свою диссертацію назадъ и долго не могъ съ ней справиться, вслѣдствіе чего не подалъ ее вторично. Между тѣмъ другой ученикъ Боголѣпова, В. М. Хвостовъ, окончившій магистерскій экзаменъ позже Доробца, подалъ свою диссертацію. Къ этому времени Боголѣповъ былъ назна-

ченъ попечителемъ, вслѣдствіе чего оппонентами на Хвостовскомъ диспутѣ должны были выступить Доробецъ и проф. Гамбаровъ, враждебно относившійся къ Николаю Павловичу. Диссертація Хвостова, опередившая диссертацію Доробца, вызвала зависть послѣдняго. Подстрекаемый двумя недругами Боголѣпова, профессоромъ Гамбаровымъ и приватъ-доцентомъ Гусаковымъ, читавшимъ одинъ изъ отдѣловъ римскаго права, Доробецъ задался мыслью не пропустить диссертаціи Хвостова. Втроемъ они стали распространять о ней самые лживые слухи между непосвященными профессорами и студентами, въ надеждѣ, что послѣдніе сорвутъ диспутъ. Профессоръ Гамбаровъ написалъ даже въ «Русской Мысли» статью, полную клеветъ на диссертацію Хвостова. Между тѣмъ Боголѣповъ, тщательно изучивъ эту диссертацію, нашелъ, что она представляетъ основательную ученую работу, и что всѣ слухи, распространенные о ней, лживы. То же мнѣніе о ней высказалъ профессоръ А. С. Павловъ, которому юридическій факультетъ предоставилъ судъ надъ борющимися сторонами и который изучилъ отзывъ оппонентовъ столь же тщательно, какъ и диссертацію Хвостова. На засѣданіи юридическаго факультета, гдѣ читались отзывы оппонентовъ, профессоръ Павловъ доказалъ невѣрность ихъ доводовъ. Тутъ же былъ назначенъ и день диспута, а также и запасные оппоненты—на случай умышленной неявки на диспутъ Доробца и профессора Гамбарова. Во все описанное время Доробецъ держалъ себя очень странно: переносилъ отъ профессора къ профессору сочиненныя имъ сплетни и небылицы съ цѣлью ихъ разссорить, при чемъ самъ впадалъ въ противорѣчія; затѣмъ письменно объяснялся въ любви Николаю Павловичу, выражая готовность пролить за него кровь,

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за глаза клеветалъ на него. Все это вмѣстѣ взятое заставило Боголѣпова и другихъ профессоровъ предположить въ Доробцѣ психическое разстройство.

Наглость и низость его дошли до того, что онъ отправился въ Петербургъ, чтобы помѣшать Хвостовскому диспуту состояться. Ему удалось убѣдить министра въ необходимости отложить диспутъ на неопредѣленное время во избѣжаніе безпорядковъ со стороны студентовъ, хорошо освѣдомленныхъ о негодности, будто бы, диссертаціи Хвостова. Этой наглой ложью Доробецъ не удовольствовался и, желая очернить Николая Павловича въ глазахъ министра, наклеветалъ на него и въ добавокъ показалъ министру полученное имъ за-границей письмо отъ Боголѣпова. Въ этомъ письмѣ Николай Павловичъ по поводу неблаговиднаго поведенія одного должностного лица въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, выразился такъ: «въ министерствѣ изолгались»... Несмотря на всѣ происки Доробца, диспутъ состоялся. Послѣ долгихъ переговоровъ министра съ Николаемъ Павловичемъ по телеграфу, послѣднему удалось настоять на допущеніи диспута, который, вопреки всѣмъ проискамъ Доробца, прошелъ совершенно благополучно. Нѣсколько времени спустя, графъ Деляновъ пріѣхалъ въ Москву и, показавъ Николаю Павловичу упомянутое письмо, пересказалъ ему всѣ жалобы на него Доробца. Возмущенный всѣми этими сплетнями, Николай Павловичъ просилъ графа дозволить ему устраниться отъ разъясненій ему дѣйствительнаго хода событій, такъ какъ онъ можетъ заподозрить его въ пристрастности. Вслѣдъ за этимъ нѣсколько профессоровъ, съ ректоромъ и деканомъ во главѣ, упросили министра уво-

лить Доробца изъ приватъ-доцентовъ московскаго университета. Одновременно несчастный молодой человѣкъ былъ уволенъ изъ лицея Цесаревича Николая, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ. Николай Павловичъ этому не противился, но не изъ мести. Чувство мести никогда не руководило его дѣйствіями; это онъ доказалъ въ ректорскіе и профессорскіе годы, когда, въ самый разгаръ борьбы, всегда забывалъ свою обиду, имѣя въ виду только дѣло.

Если бы Доробецъ погрѣшилъ только противъ Николая Павловича, то сей послѣдній сталъ бы навѣрное хлопотать о его помилованіи; но Боголѣповъ убѣдился, что, во-первыхъ, Доробецъ не способенъ болѣе къ ученой и преподавательской дѣятельности; во-вторыхъ, что онъ будетъ оказывать дурное вліяніе на молодежь и вносить раздоръ въ товарищескую среду. Поэтому онъ предоставилъ своего нѣкогда любимаго ученика его карающей судьбѣ.

Поведеніе Доробца, неблагонадежность должностныхъ лицъ и неблаговидные поступки нѣкоторыхъ университетскихъ дѣятелей все болѣе и болѣе убѣждали Николая Павловича, что большинство русскихъ людей, даже образованныхъ, страдаетъ отсутствіемъ воспитанія. Родители настойчиво добиваются высшаго образованія для своихъ дѣтей и весьма мало заботятся о развитіи въ нихъ высокихъ нравственныхъ качествъ и столь необходимой для каждаго человѣка порядочности. Даже ремесленники и люди совершенно необразованные, по примѣру высшихъ классовъ, стремятся прежде всего тянуть своихъ дѣтей въ среднюю и высшую школу, пренебрегая развивать въ нихъ первыя правила нравственности. Николай Павловичъ всегда удивлялся легкомысленному, чтобъ не

сказать—равнодушному, отношенію родителей и воспитателей къ проявленіямъ лжи въ ребенкѣ. Главнымъ образомъ въ русскомъ воспитаніи не замѣтно ни руководящихъ правилъ, ни послѣдовательно преслѣдуемыхъ цѣлей. Лаской и сердечностью русскіе люди думаютъ привить лучшія свойства дѣтямъ, главнымъ образомъ, гуманность и просвѣщеніе. Между тѣмъ Боголѣповъ считалъ необходимымъ болѣе тщательное и заботливое воспитаніе. Съ раннихъ лѣтъ, почти съ колыбели, по его мнѣнію, надо неуклонно и послѣдовательно развивать желаемыя качества въ дѣтяхъ, т. е. прежде всего правдивость и послушаніе. Собственнымъ примѣромъ и отвращеніемъ ко лжи надо прививать первое. Съ помощью второго надо воспитывать волю въ ребенкѣ и развивать строгое исполненіе обязанностей, т. е. настойчивость въ работѣ, порядокъ, вѣжливость и, главное, заботливое отношеніе къ другимъ людямъ. Лучшимъ средствомъ для развитія и вмѣстѣ обузданія воли Боголѣповъ считалъ безусловное послушаніе. Послушаніе не только прививаетъ ребенку хорошія качества, но одновременно научаетъ его владѣть собою, т.-е. сгибать свою волю передъ неизбѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражнять ее въ борьбѣ со своими недостатками. При уклоненіи ребенка отъ исполненія своихъ обязанностей Николай Павловичъ, конечно, предпочиталъ дѣйствовать на него, если возможно, лаской и уговоромъ; но, при упорствѣ ребенка и при испорченности его, онъ считалъ наказаніе необходимымъ, хотя при правильномъ воспитаніи къ наказанію приходится прибѣгать рѣдко.

Боязнь и отвращеніе многихъ русскихъ родителей къ наказанію ихъ дѣтей казались Боголѣпову болѣзненнымъ явленіемъ. Между тѣмъ какъ англичане и нѣмцы учатъ своихъ дѣтей мужественно вы-

носить заслуженное наказаніе, наши родители разнѣживаютъ ихъ соболѣзнованіями и подрываютъ власть наставниковъ, пересуживая ихъ въ присутствіи дѣтей. Главнымъ вдохновителемъ лучшихъ чувствъ и стремленій въ ребенкѣ и юношѣ Николай Павловичъ считалъ ученіе Христа и потому горячо рекомендовалъ введеніе высокихъ христіанскихъ началъ въ дѣло воспитанія.

Въ пріемахъ воспитанія Боголѣповъ былъ такимъ же горячимъ сторонникомъ развитія самостоятельности и самодѣятельности, какъ и въ способахъ обученія. Онъ считалъ нужнымъ прививать то и другое дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ. По его мнѣнію, надо предоставлять ребенка самому себѣ вездѣ, гдѣ это не представляетъ опасности для его жизни и здоровья: пусть онъ, насколько возможно, путемъ опыта дойдетъ до того, что можно и чего нельзя; пусть разъ или два слегка обожжется, безвредно ушибется, пусть слегка испугается,—и въ немъ разовьется разумное чувство самосохраненія, вмѣстѣ съ сообразительностью и находчивостью въ затруднительномъ положеніи. Ник. Павл. находилъ даже нужнымъ пускать дѣтей 5—6 лѣтъ однихъ по улицѣ на короткое разстояніе, и при этомъ издали за ними слѣдить. При такомъ воспитаніи исчезнутъ безпомощность и нерѣшительность, встрѣчающіяся такъ часто въ дѣвицахъ и юношахъ. Случалось Николаю Павловичу очень удачно примѣнять рекомендованный имъ пріемъ воспитанія и къ своимъ дѣтямъ. Въ каникулярное время, когда онъ отдавался своей семьѣ, ему приходилось не разъ посылать свою шестилѣтнюю дочь въ аптеку, находившуюся въ недалекомъ разстояніи отъ дома, откуда онъ могъ за нею слѣдить. Сначала дѣвочка должна была относить рецептъ, не дожидаясь лѣкарства, но

довольно скоро стала и платить за него отсчитанныя ей отцомъ деньги. Боголѣповъ любилъ также разсказывать своимъ маленькимъ дѣтямъ повѣсти собственнаго сочиненія, гдѣ потерявшіяся дѣти, благодаря находчивости и сообразительности, избѣгали опасностей и находили дорогу домой[1]).

Въ школьномъ возрастѣ Николай Павловичъ совѣтовалъ давать воспитанникамъ еще большую самостоятельность. Пріучивъ ихъ съ дѣтства къ безусловному послушанію, можно вполнѣ ихъ предоставлять самимъ себѣ, указавъ предварительно, какого поведенія они должны держаться. Уклоненія отъ предписанныхъ правилъ должны влечь за собой, какъ и съ младшими дѣтьми, выговоры, усовѣщеванія или наказанія, смотря по характеру ребенка и его проступка. Такимъ образомъ воспитанники отвѣчаютъ за свое поведеніе, послѣдствія котораго и несутъ.

Наравнѣ съ этими требованіями отъ воспитанниковъ Николай Павловичъ предъявлялъ особыя требованія и къ воспитателямъ. Съ большою твердостью они должны соединять доброжелательное и участливое отношеніе къ воспитанникамъ. Выговоръ или на-

---

[1]) Такіе разсказы сильно подѣйствовали на его младшую дочь Подъ ихъ вліяніемъ, живой, предпріимчивой дѣвочкѣ однажды сильно захотѣлось предпринять какое-нибудь путешествіе совершенно одной Мы были въ Швейцаріи, когда она, соскучившись по единственнымъ бывшимъ у насъ тамъ русскимъ знакомымъ, стала проситься къ нимъ. Никому изъ старшихъ нельзя было итти съ нею, и вотъ она, не сказавъ никому ни слова, направилась одна по мало извѣстному и довольно далекому пути къ нашимъ русскимъ знакомымъ. Предполагая, что она сама, какъ и описанныя ей отцомъ дѣти, можетъ заблудиться, дѣвочка захватила съ собою кусокъ хлѣба Къ счастію, ея предположеніе не осуществилось она прекрасно запомнила дорогу и благополучно добѣжала до знакомыхъ, которые разсказали намъ, что проголодавшаяся дѣвочка, только что вбѣжала къ нимъ, тотчасъ усѣлась и стала ѣсть захваченный кусокъ хлѣба, исполняя программу заблудившихся дѣтей

казаніе должны быть послѣдствіемъ дѣйствительной вины ученика, а не раздраженія воспитателя. Человѣкъ раздражительный, не умѣющій себя сдерживать, не можетъ и не долженъ воспитывать. Воспитателемъ можетъ быть только тотъ, кто любитъ дѣтей и молодежь, понимаетъ ихъ, не тяготится своими обязанностями, а напротивъ того—съ интересомъ и преданностью отдается своему дѣлу. Чтобы хорошо понимать свои задачи и обязанности, людямъ, готовящимся къ педагогической дѣятельности, по мнѣнію Николая Павловича, полезно знакомиться съ психологіей и физіологіей въ тѣхъ размѣрахъ, которые требуются для пониманія дѣтской и юношеской души. Вообще воспитатель долженъ быть самъ хорошо воспитанъ и по возможности широко образованъ. Хорошій воспитатель владѣетъ дѣтской и юношеской душой. Какъ часто Николай Павловичъ сожалѣлъ, что большая часть воспитателей берутся за педагогическую дѣятельность изъ-за куска хлѣба, а не по призванію. По его мнѣнію, такіе педагоги приносятъ только вредъ, въ особенности, если у нихъ несдержанный, раздражительный характеръ.

Самъ Боголѣповъ понималъ и любилъ дѣтей. При видѣ ихъ на лицѣ его появлялась добродушная, шутливая улыбка; онъ умѣлъ подойти къ дѣтямъ и вызвать въ нихъ довѣріе и любовь къ себѣ [1]).

Такую любовь вызывалъ онъ не въ однихъ дѣтяхъ: всѣ, близко знавшіе его душевную чистоту и

---

[1]) Намъ разсказывали, что однажды вечеромъ Боголѣповъ зашелъ въ пансіонъ 1-й Московской гимназіи, гдѣ въ тотъ часъ находился посторонній посѣтитель. Сей послѣдній, наслышавшійся о строгости Боголѣпова, не могъ надивиться, съ какою искреннѣйшею нѣжностью относился онъ къ воспитанникамъ.

рѣдкія нравственныя качества, не только любили его, но и высоко цѣнили. Знакомые и родные постоянно обращались къ нему за совѣтомъ или просили его высказать имъ его мнѣніе про ихъ образъ дѣйствій. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда отвѣчалъ откровенно, безъ обиняковъ, какъ бы сурова ни показалась правда, но при этомъ тонъ его былъ такой благожелательный, что его правда не оскорбляла. Точно также въ замѣчаніяхъ, которыя онъ дѣлалъ близкимъ, никогда не слышалось раздраженія или желанія уколоть; напротивъ того, они обнаруживали только искреннее желаніе притти на помощь или предостеречь человѣка отъ дурного или неосторожнаго поступка. Я не разъ слышала отъ зрѣлыхъ людей, какое большое нравственное воздѣйствіе Николай Павловичъ на нихъ оказывалъ. Дмитрій Павловичъ Кишенскій, профессоръ одесскаго университета, говорилъ мнѣ, что во многихъ случаяхъ его жизни, не зная на что рѣшиться, онъ старается представить себѣ, какъ поступилъ бы Николай Павловичъ, или что посовѣтовалъ бы онъ ему сдѣлать. Директоръ Сѣдлецкой гимназіи Станкевичъ писалъ мнѣ, что Николай Павловичъ всегда служилъ ему путеводный звѣздой во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ его жизни.

Я старалась въ своихъ запискахъ возстановить въ надлежащемъ свѣтѣ образъ моего мужа, какъ человѣка, администратора и педагога, и при этомъ описать обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Но образъ его въ моихъ описаніяхъ является, къ сожалѣнію, не полнымъ. Ранѣе я уже говорила, что не обладаю достаточно-научнымъ образованіемъ, чтобы дать желаемую оцѣнку ученыхъ трудовъ Ник. П-ча. Между тѣмъ большую и лучшую часть своей жизни онъ посвятилъ наукѣ; поэтому попытаюсь съ помощью

суждніе свѣдущихъ людей дать хотя бы общее понятіе объ его ученой дѣятельности. «Учено-литературная и преподавательская дѣятельность Боголѣпова», сказано въ одной статьѣ, помѣщенной въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» по случаю его назначенія на должность министра народнаго просвѣщенія, «нетолько отличалась, по мнѣнію его ученыхъ критиковъ, рядомъ высокихъ научныхъ достоинствъ, но имѣетъ преимущественное значеніе для представляемой имъ науки. Это выразилось въ проведеніи имъ въ своихъ сочиненіяхъ новыхъ взглядовъ и въ стремленіи дать правильную постановку изученію римскаго права. Нашъ ученый, хотя и примыкаетъ отчасти къ оппозиціонной школѣ Іеринга, а отчасти и къ англійскимъ и французскимъ юристамъ, но выступилъ на самостоятельный путь въ изученіи римскаго права». Связь права и жизни выставлена Н. П-чемъ въ гораздо большей наглядности, чѣмъ это было сдѣлано до него. Въ особенности докторская диссертація Н. П-ча: «Формальное ограниченіе свободы завѣщанія», по суду нашихъ лучшихъ цивилистовъ, является неоцѣненнымъ сокровищемъ для всякаго романиста. «Передъ нами», говоритъ извѣстный романистъ С. А. Муромцевъ, «несомнѣнно ученый, серьезно знакомый съ своимъ предметомъ и обладающій самостоятельною мыслью, спасающею его отъ дѣйствій рутины, тѣмъ болѣе пагубной, что она, господствуя и у насъ, даже оффиціально санкціонирована въ университетскомъ преподаваніи».

Но Н. П. не былъ только ученымъ, онъ во всемъ искалъ живой связи съ жизнью: отдаваясь съ горячимъ интересомъ наукѣ, онъ съ одинаковой любовью относился къ успѣшной передачѣ ея учащейся молодежи и съ первыхъ годовъ своего профессорства до

самыхъ послѣднихъ дней своей административной и государственной дѣятельности ревностно работалъ надъ правильной постановкой преподаванія въ университетѣ. Однимъ изъ доказательствъ его педагогическаго таланта можетъ служить изданный имъ въ 1885 году учебникъ по римскому праву. Опредѣленность и логичность доводовъ, выборъ самаго существеннаго и нужнаго въ передачѣ изучаемаго предмета, при большой простотѣ и ясности изложенія, дѣлаютъ этотъ учебникъ не только полезнымъ и цѣннымъ, но и вполнѣ доступнымъ для средняго студента; немудрено поэтому, что онъ до сихъ поръ остается любимымъ руководствомъ студентовъ. Однако, по извѣстному уже намъ методу Ник. П-ча, учебникъ долженъ былъ давать только систему элементарныхъ свѣдѣній, а лекціи должны были знакомить учащихся съ практической разработкой ихъ и съ дальнѣйшими выводами и обобщеніями. Что же касается практическихъ занятій, то они должны были учить самостоятельно работать и мыслить и развивать въ учащихся смѣлость въ проявленіи творческихъ способностей ума.

Такая настойчивая работа Н. П-ча надъ преобразованіемъ преподаванія въ университетѣ была вызвана бѣдственнымъ состояніемъ послѣдняго. Еще въ первое свое ректорство Боголѣповъ, какъ извѣстно, въ своей рѣчи къ студентамъ говорилъ, что наскоро пріобрѣтенныя знанія улетучиваются еще скорѣе, чѣмъ накопляются. Вслѣдствіе этого учащійся выходитъ изъ университета съ очень небольшимъ запасомъ знаній и съ полнымъ неумѣніемъ самостоятельно работать. Но лишь небольшое количество студентовъ слѣдовало его совѣту; да и не только студенты, но и многіе профессора вначалѣ отнеслись съ недовѣріемъ

къ веденію Н. П-чемъ практическихъ занятій. Они настаивали на преимуществахъ исключительнаго чтенія лекцій. Но и Боголѣповъ отнюдь не отрицалъ пользы лекцій; онъ хотѣлъ только убѣдить профессоровъ и студентовъ, что одного пріобрѣтенія свѣдѣній, хотя бы и въ большомъ количествѣ, очень мало. Весьма часто Н. П. указывалъ на плохую постановку преподаванія, какъ на причину многихъ тяжелыхъ явленій въ русской жизни. «Неподготовленность и неумѣніе работать», говорилъ онъ, «сопровождаются неудачами молодыхъ людей на жизненномъ пути и полнымъ отсутствіемъ интереса къ занятіямъ и любви къ просвѣщенію, а это въ свою очередь влечетъ за собой ненависть и озлобленіе неудачниковъ къ обществу. Ихъ настроеніемъ успѣшно пользуются революціонные элементы. Послѣднимъ легко становится увлечь полуобразованныхъ и не любящихъ научной работы юношей своими легковѣсными, многообѣщающими теоріями, которыя не требуютъ ни усилій ума, ни труда для ихъ усвоенія, а только разжигаютъ аппетиты, обѣщая несбыточныя блага». Между тѣмъ какъ взгляды Н. П-ча встрѣчались въ русскомъ обществѣ не только съ недовѣріемъ, но и враждебно, на Западѣ все чаще и чаще стали раздаваться голоса извѣстныхъ ученыхъ педагоговъ, порицающихъ тотъ способъ преподаванія, который осуждалъ Боголѣповъ. Приведу мнѣніе одного изъ нихъ. Густавъ Лебонъ въ своей книгѣ «Психологія воспитанія» пишетъ: «Человѣкъ, посвятившій 15 лѣтъ своей жизни загроможденію своей памяти всѣмъ, чѣмъ только можно ее загромоздить, не воспитавшій въ себѣ воли, не научившійся самостоятельно работать и мыслить— къ чему онъ годенъ?» Слова Лебона относятся къ постановкѣ преподаванія въ средней школѣ во Франціи.

Но если средняя школа, поставленная въ упомянутыя неблагопріятныя условія, заслуживаетъ подобнаго порицанія, тѣмъ болѣе заслуживаетъ его высшее учебное заведеніе, подготовляющее молодыхъ людей на отвѣтственныя государственныя и частныя должности, причемъ ихъ невѣжественность и неспособность самостоятельно работать и мыслить вмѣстѣ съ преждевременною усталостью ведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Лебонъ такъ же, какъ и Боголѣповъ, говоритъ, что мнемоническое преподаваніе ни въ какой области не можетъ создавать самостоятельныхъ и плодотворныхъ ученыхъ. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, онъ высказываетъ опять схожій съ Боголѣповскимъ взглядъ: «Эти несчастные кандидаты», пишетъ онъ, «познакомившіеся съ массой вещей и не вполнѣ ихъ понимающіе, становятся совершенно неспособными наблюдать и понимать сложныя общественныя явленія и выносятъ изъ знакомства съ ними одну увѣренность въ ихъ мнимой несправедливости». Къ сожалѣнію, Н. П. не издалъ своего «Метода преподаванія на юридическомъ факультетѣ». Онъ былъ написанъ въ 1897 г., въ послѣдній годъ его попечительства; въ то время множество дѣлъ по управленію округомъ и постоянныя студенческія волненія отвлекли его отъ окончательной обработки этого метода и, слѣдовательно, отъ изданія его.

Къ тому же, не одни университетскія дѣла и преподаваніе заботили Ник. Пав.; его вниманіе привлекала и средняя школа. Онъ понималъ, что, при крупныхъ недостаткахъ ея, и она требуетъ коренныхъ преобразованій, тѣмъ болѣе, что она же готовила учениковъ въ высшія учебныя заведенія. Во время своего попечительства, Ник. Павл. старался, насколько это было въ его власти, смягчить нѣкоторыя правила,

стѣсняющія преподаваніе; такъ, напр., онъ предоставлялъ больше свободы учителямъ въ выборѣ пріемовъ обученія.

Но всего болѣе привлекали вниманіе Боголѣпова народныя школы. Еще въ молодые годы и позднѣе, въ годы профессорства и ректорства, онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ обученія народныхъ массъ и тужилъ постоянно о малочисленности элементарныхъ школъ. Напомню слова, сказанныя Боголѣповымъ швейцарскому писателю Видману въ 1893 году. «Вы въ Швейцаріи», говорилъ онъ, «находитесь въ счастливомъ положеніи: у васъ давно уже готовы основы, на которыхъ зиждется народное образованіе. У насъ въ Россіи не такъ. Конечно, мы не должны упускать изъ виду наши университеты и политехникумы, но на первомъ планѣ должна теперь стоять народная школа». Во время своего попечительства онъ дѣлалъ все, что было возможно, чтобы увеличить количество народныхъ школъ. Онъ не разъ испрашивалъ у министерства средства для открытія ихъ и охотно шелъ навстрѣчу частнымъ лицамъ, желавшимъ основывать народныя школы, но только въ томъ случаѣ, если эти лица не были заражены вреднымъ тенденціознымъ направленіемъ. Въ качествѣ попечителя, Боголѣповъ могъ только предлагать министерству желаемыя имъ улучшенія и преобразованія, но его могли и не послушать.

Министерская дѣятельность.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха впередъ, впередъ!»
Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

При любви и интересѣ Боголѣпова къ учебному дѣлу и при его увѣренности въ необходимости улучшить и преобразовать его, становится понятнымъ, что въ 1898 г. онъ согласился принять должность, еще болѣе высокую и отвѣтственную, чѣмъ та, которую онъ занималъ. Предложеніе это пришло неожиданно, какъ внезапно налетѣвшая въ солнечный лѣтній день гроза.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1897 г. умеръ министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ. Въ концѣ этого мѣсяца стали ходить слухи, что Николай Павл. будетъ назначенъ на его мѣсто; но мы были увѣрены, что эти слухи создаются праздной фантазіей, и отнеслись къ нимъ совершенно спокойно. Однако, 18-го января 1898 г., Ник. Павл. получилъ телеграмму отъ товарища министра народн. просвѣщенія Аничкова, приглашавшую его явиться немедленно въ Петербургъ и за-

хватить съ собой мундиръ и шпагу. Послѣднія слова насъ чрезвычайно испугали. Теперь для насъ не было сомнѣнія, что то тяжелое, о чемъ мы и думать не хотѣли, начинаетъ осуществляться. Очевидно, мундиръ и шпагу надо было захватить для представленія Государю.

Государь вызывалъ внезапно Боголѣпова. Для чего? Экстренныхъ причинъ къ тому не было: въ университетѣ за два послѣдніе мѣсяца все было спокойно, и въ округѣ дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ. Повидимому, слухи, казавшіеся намъ невѣроятными, оправдывались. Мужъ, казалось, былъ застигнутъ врасплохъ. При большой скромности Ник. Пав-ча, его всего болѣе пугала чрезвычайная отвѣтственность министерской должности и неувѣренность въ своихъ силахъ. Къ тому же онъ съ отвращеніемъ думалъ объ интересахъ, присущихъ высшимъ петербургскимъ оффиціальнымъ сферамъ. Опять ему предстояла тяжелая борьба, тѣмъ болѣе тяжелая, что къ многочисленнымъ прежнимъ противникамъ присоединялись другіе, болѣе сильные, съ вліяніемъ и властью, уже искусившіеся въ ловкихъ, но не всегда желательныхъ пріемахъ борьбы. Но чувство любви и преданности къ дѣлу, которому онъ беззавѣтно служилъ всю свою жизнь, взяло верхъ и въ этотъ послѣдній разъ. Возможность, съ пріобрѣтеніемъ большей власти, выполнить желательныя улучшенія привлекала Ник. Павл. Въ это тяжелое для Боголѣпова время внутренней борьбы и колебаній, я съ своимъ женскимъ эгоизмомъ усугубляла послѣднія, настойчиво и страстно уговаривая его не принимать предлагаемой должности.

Зная по опыту, какъ въ дѣлахъ долга и совѣсти мужъ былъ непреклоненъ, я съ ужасомъ предста-

вляла себѣ его министромъ. Къ тому же у меня являлось какое-то предчувствіе, что предстоящая неизбѣжная борьба приведетъ къ тяжкому концу. О такомъ предчувствіи я, конечно, не говорила мужу, но старалась убѣдить его, что усиленный трудъ вмѣстѣ со всякими волненіями расшатаютъ его небольшія физическія силы и сдѣлаютъ неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Я также высказывала ему опасенія, что сырой и мрачный петербургскій климатъ погубитъ здоровье нашей единственной дочери. Съ послѣднимъ доводомъ мужъ соглашался, но первые оспаривалъ. Онъ говорилъ, что всякій человѣкъ, горячо преданный своему дѣлу, терпитъ ущербъ въ своемъ здоровьѣ, и что неумѣстно заботиться преувеличенно о немъ, когда исполняешь свой долгъ, тѣмъ болѣе, что его здоровье вовсе не такъ плохо, какъ я это воображаю; при этомъ онъ напомнилъ мнѣ ректорскіе и попечительскіе труды и волненія. «Я этого мѣста не добивался и не желалъ», говорилъ Ник. Павл., «и рѣшаюсь его взять только послѣ долгихъ колебаній и размышленій. Власть министра, если мнѣ ее предложатъ, дастъ мнѣ возможность предпринимать тѣ улучшенія и преобразованія, которыя я считаю столь необходимыми. Я выскажу Государю мои сомнѣнія относительно моихъ силъ и способностей, которыя могутъ не соотвѣтствовать труднымъ и отвѣтственнымъ обязанностямъ министра; передамъ ему и мои опасенія насчетъ твоего и Марусина здоровья. Но если Государь, вопреки всѣмъ моимъ соображеніямъ, будетъ настаивать, я не считаю себя въ правѣ отказываться. Обѣщаю тебѣ, что постараюсь придать большую убѣдительность своимъ доводамъ».

19 января, на другой день по полученіи телеграммы Аничкова, Ник. Павл. уѣхалъ въ Петербургъ.

На петербургскомъ вокзалѣ его встрѣтилъ Аничковъ, который и передалъ ему приказаніе Государя явиться къ нему въ 12 ч. дня. Въ заключеніе Аничковъ просилъ Боголѣпова оставить его въ занимаемой имъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, на что послѣдній отвѣтилъ ему, что въ такую спѣшную минуту не можетъ дать отвѣта, который требуетъ предварительнаго размышленія.

Въ назначенный часъ Ник. Павл. былъ во дворцѣ. Минутъ черезъ 30 Государь его принялъ. Первыми словами его было: «Все ли у васъ въ Москвѣ благополучно?» Когда мужъ отвѣтилъ, что «слава Богу, ноябрь прошелъ благополучно, студенты не волновались», Государь сперва спросилъ: «Почему это именно ноябрь неблагопріятенъ для волненій?» а затѣмъ сказалъ: «Вы, можетъ быть, догадываетесь, зачѣмъ я пригласилъ васъ. Я обращаюсь къ вамъ съ большой просьбой и надѣюсь, что вы не откажетесь исполнить ее. Вотъ уже три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался бѣдный, уважаемый мною гр. Иванъ Давыдовичъ. Еще при жизни своей, графъ, говоря о своей смерти и о желаемомъ преемникѣ, указывалъ на васъ, и я по всему, что о васъ знаю, желалъ бы назначить васъ на мѣсто графа. Я прошу васъ согласиться быть министромъ народнаго просвѣщенія». Боголѣповъ былъ глубоко тронутъ той формою, въ которой Государь выразилъ свое желаніе. Въ ней было такъ много простоты и задушевности, что, смущенный, онъ отвѣтилъ: «Государь! Ваше желаніе для меня законъ, и я исполню его, если Вы останетесь при немъ, когда выслушаете все, что я имѣю сказать Вашему Величеству. Дозвольте мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней обдумать мой отвѣтъ, а теперь я буду просить васъ позволенія изложить тѣ мои сомнѣнія, ко-

торыя сейчасъ у меня въ головѣ». Государь на это сказалъ: «Высказывайте все». — «Благодаря большой добротѣ и старости покойнаго графа Делянова», началъ Ник. Павл., «создалось много неправильностей. Тяжело ломать все». Тутъ Государь перебилъ мужа: «Ломать не нужно, нужно постепенное улучшеніе». Н. П. продолжалъ: «Но и среди окружавшихъ графа лицъ были такія, которыхъ не слѣдовало бы оставлять, если заботиться объ успѣхѣ; а по моему характеру это тяжело». Государь опять перебилъ: «Мы всѣ служимъ не извѣстному кругу лицъ, а родинѣ; поэтому нельзя останавливаться передъ трудностями». Н. П.: «Я совсѣмъ не знаю Петербурга и его нравовъ». — Государь: «Это-то именно мнѣ и нравится». — Н. П: «Я совершенно не способенъ къ подпольной борьбѣ, не знаю ея пріемовъ». Государь: «Если вы въ своей дѣятельности будете имѣть за собою Мою полную поддержку, нечего вамъ бояться». Ник. Пав.: «Это великое слово, Ваше Величество! Мнѣ трудно послѣ этого что-нибудь сказать; но, если позволите, я буду продолжать. Люди могутъ такъ опутать человѣка сплетнями, что Ваше Величество, при всемъ желаніи поддержать меня, усомнитесь во мнѣ». — Государь: «Ахъ, я никогда не слушаю сплетенъ, не копаюсь въ этой грязи». — Ник. Пав.; «Дозвольте Государь, указать на нѣкоторые мои личные недостатки, которые я вижу самъ: во-первыхъ, я совсѣмъ не гибкій человѣкъ, я прямолинейный». — Государь: «Это не недостатокъ, а достоинство. Я именно этимъ и дорожу въ васъ». — Н. П.: «Затѣмъ, Ваше Величество, я не умѣю узнавать людей. Большею частью я узнаю ихъ, когда они уже сдѣлали что-нибудь дурное». Государь засмѣялся, но ничего не сказалъ. Затѣмъ Гоголѣповъ старался доказать, что никакія улучшенія въ

учебномъ дѣлѣ невозможны, если не будетъ увеличенъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. «Безъ денегъ», говорилъ Ник. Павл., «невозможно имѣть людей: люди бѣгутъ изъ нашего вѣдомства». На это Государь замѣтилъ, что Ему это извѣстно, но что въ этомъ отношеніи министръ народнаго просвѣщенія будетъ поставленъ не хуже другихъ министровъ [1]). Далѣе Ник. Павл. указалъ на ненормальныя отношенія между церковно-приходскими и министерскими школами. «Хотя онѣ могли бы существовать, не мѣшая другъ другу, однако между ними существуютъ постоянныя столкновенія. Я былъ бы огорченъ», говорилъ Боголѣповъ, «если бы долженъ былъ итти противъ уважаемаго Константина Петровича Побѣдоносцева, а между тѣмъ это можетъ оказаться неизбѣжнымъ. Я готовъ дѣлать всякія уступки, пока этимъ не нарушаются мои обязанности. Во всемъ, что будетъ касаться интересовъ школы, я не уступлю ни шагу». Государь опять усмѣхнулся и сказалъ: «Ну, это будетъ ужъ мое дѣло регулировать столкновенія и примирять интересы двухъ министерствъ». Въ концѣ концовъ Ник Павл. высказалъ свои опасенія насчетъ плохого вліянія петербургскаго климата для здоровья жены и дочери.—«Изъ всѣхъ вашихъ препятствій», отвѣтилъ Государь, «только одно мнѣ представляется серьезнымъ—здоровье вашей семьи; все остальное не существенно». Ник. Павл. подтвердилъ, что и онъ считаетъ это обстоятельство существеннымъ, тѣмъ болѣе, что если бы кто-нибудь изъ семьи не въ состояніи былъ вынести петербургскаго климата, онъ долженъ былъ бы просить Его Величество объ увольненіи, и

[1]) Къ сожалѣнію, это желаніе Государя никогда не было приведено въ исполненіе, благодаря уловкамъ тогдашняго министра финансовъ С. Ю Витте.

тогда Его Величеству пришлось бы опять заботиться о подысканіи кандидата на министерскую должность. Государь благодарилъ Боголѣпова за откровенность объясненія и выразилъ надежду, что онъ и впредь будетъ такъ же откровененъ. На это Ник. Павл. отвѣтилъ, что единственное, за что онъ можетъ ручаться въ себѣ, это—что ничего не утаитъ отъ Государя и никогда не покривитъ душой. Два раза Государь повторялъ, что питаетъ довѣріе къ Н. П-чу по всему, что о немъ знаетъ. «О вашемъ прямомъ характерѣ», добавилъ Государь, «говорилъ мнѣ послѣдній разъ Великій Князь Сергій Александровичъ». Ник. Пав. благодарилъ Государя за Его милостивое довѣріе и, въ заключеніе, разсказалъ Ему, что Аничковъ предлагалъ ему въ тотъ же день, какъ онъ пріѣхалъ, взять его въ товарищи министра, но что онъ (Боголѣповъ) считалъ бы это неудобнымъ. Государь согласился съ тѣмъ. что это было бы неудобно, потому что Аничковъ старше Ник. П-ча. «Что же?» продолжалъ Государь. «Можно будетъ ему предложить что-нибудь почетное, сенаторство, напримѣръ». Ник. Пав. прибавилъ: «И содержаніе: онъ бѣдный и многосемейный человѣкъ». И съ этимъ Государь согласился. Уходя, Боголѣповъ просилъ разрѣшенія представить Государю, послѣ трехъ дней обдумыванія, свою докладную записку съ изложеніемъ предвидѣвшихся ему препятствій. Его Величество соизволилъ и сказалъ, что пригласитъ, можетъ быть, Н. П-ча для окончательныхъ переговоровъ.

Вернувшись изъ дворца, Ник. Пав. тотчасъ же написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражалъ свое сожалѣніе, что почти согласился на предложеніе Государя. Мужъ писалъ: «Я старался припомнить и перечислить всѣ препятствія. Что забылъ, изложу въ

докладной запискѣ, которую долженъ подать въ собственныя руки. Если у тебя есть что-нибудь въ умѣ, пиши. и, если можно, телеграфируй. Здѣсь, лицомъ къ лицу, труднѣе настаивать на отказѣ. Тѣмъ не менѣе, я, кажется, сказалъ все, но боюсь твоего тайнаго укора, что я не отказался безусловно. Пріемъ былъ очень милостивый и деликатный. Вчера я въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ искренно молился, прося Бога вразумить меня и дать рѣшимость дѣйствовать такъ, какъ подсказываетъ совѣсть». Въ другомъ мѣстѣ письма онъ писалъ мнѣ, что всю ночь не спалъ отъ терзавшихъ сомнѣній. По прочтеніи этого письма, мнѣ вспомнилось измученное волненіями лицо мужа въ день его отъѣзда, и я стала себя упрекать, что вѣчными эгоистическими стремленіями къ покою и тихой семейной жизни я мѣшаю ему исполнять свои обязанности и усиливаю его мучительныя колебанія. Поэтому я поспѣшила отвѣтить мужу, сперва подробной телеграммой, затѣмъ подробнымъ письмомъ Въ той и другомъ я горячо и искренно просила его слѣдовать указаніямъ своей совѣсти и не руководствоваться моими чисто-женскими страхами и эгоистическимъ желаніемъ покоя. Я увѣряла его, что сама буду впослѣдствіи мучиться, если вовлеку его въ эгоистическій образъ дѣйствій и помѣшаю ему исполнить свой долгъ.

Повидимому это письмо мое успокоило мужа. Онъ писалъ мнѣ черезъ два дня: «Вчера я получилъ твое письмо и телеграмму. Благодарю тебя безконечно за нихъ. Ты вливаешь въ душу мою покой. Первую ночь послѣ представленія Государю я почти не спалъ отъ мучительныхъ мыслей и сомнѣній, а сегодняшнюю ночь я уже спалъ лучше и теперь спокойнѣе».

Сослуживцы Боголѣпова, нѣкоторые профессора,

родственники и друзья, всѣ опять настойчиво убѣждали его принять предлагаемую ему должность. Какъ и раньше, передъ попечительствомъ, они твердили, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ веденія дорогого ему и имъ всѣмъ дѣла, недостатки котораго онъ всегда порицалъ и горячо желалъ исправить. Вопреки своимъ колебаніямъ, Николай Павловичъ и самъ такъ думалъ. Да и Государь, повидимому, не намѣревался отступать отъ своего рѣшенія; такъ по крайней мѣрѣ передавалъ моему брату министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ. Когда на вопросъ послѣдняго: «Кажется, мы наканунѣ назначенія Николая Павловича министромъ народнаго просвѣщенія?» — братъ отвѣтилъ, что ничего еще не рѣшено, Муравьевъ сказалъ ему: «Напрасно вы такъ думаете; Государь твердо рѣшился назначить его».

Такимъ образомъ колебанія Н. П—ча мало-помалу уступили мѣсто сознанію, что необходимо принять предлагаемыя тяжелыя отвѣтственныя обязанности. Черезъ три дня послѣ представленія Государю его докладная записка была готова. Въ ней, послѣ небольшого вступленія, Боголѣповъ вторично, но подробнѣе перечислялъ препятствія, которыя могли бы мѣшать успѣшному ходу его будущей министерской дѣятельности.

Вотъ эта записка:

Его Императорскому Величеству

Начиная свою записку, я чувствую потребность прежде всего повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе моей глубокой благодарности за то, что Вы осчастливили меня Вашимъ высокимъ довѣріемъ. Испрашивая у Вашего Величества всемилостивѣйшее разрѣшеніе представить докладную записку, я руководился опасеніемъ, что я забуду упомянуть о какомъ-нибудь моемъ затрудненіи или личномъ недостаткѣ и тѣмъ введу Ваше Величество въ заблужденіе относительно моихъ силъ для исполненія трудной обязанности, которую Ваше Величество вознамѣрились возложить на меня Взвѣсивъ въ болѣе спокойномъ

настроеніи то, что я имѣлъ счастіе лично доложить Вашему Императорскому Величеству, я рѣшаюсь не утруждать вниманія Вашего, Государь, повторительнымъ указаніемъ моихъ личныхъ недостатковъ Не могу только не выразить еще разъ опасенія, что моя прямолинейность и неумѣніе скоро распознавать людей могутъ вызвать Ваше неудовольствіе и вредить дѣлу Обращаясь къ внѣшнимъ затрудненіямъ, пріемлю смѣлость повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества лишь слѣдующія обстоятельства, которыя, при управленіи Министерствомъ, могли бы сдѣлать безплодными мои усилія

Во-первыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго содержанія служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, болѣе способные люди уходятъ въ другія вѣдомства, гдѣ ихъ трудъ оплачивается лучше, а тѣ, которые остаются, не прилагаютъ всѣхъ усилій къ службѣ При недостаткѣ же способныхъ и усердныхъ преподавателей и администраторовъ нельзя совершенствовать школьное дѣло, нельзя найти надежныхъ воспитателей, способныхъ противодѣйствовать нигилистическимъ и революціоннымъ вліяніямъ

Во-вторыхъ, школьныя помѣщенія съ наплывомъ учащихся дѣлаются все тѣснѣе. Эта тѣснота не только не дозволяетъ многимъ вступать въ школу, но и вредно вліяетъ на здоровье вступившихъ Цѣлому ряду поколѣній прививаются въ школѣ худосочіе и нервность, которыя такъ теперь замѣчаются у людей русскаго образованнаго класса Осмѣливаюсь высказать увѣренность, что увеличеніе содержанія служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія и улучшеніе школьныхъ зданій съ годами принесло бы плоды сторицею. Безъ усиленія средствъ для этихъ цѣлей управляющій Министерствомъ будетъ не въ состояніи оправдать ожиданія Вашего Императорскаго Величества

Въ-третьихъ, рядомъ съ школами Министерства Народнаго Просвѣщенія существуютъ школы Императорскаго Техническаго Общества, числящіяся формально въ вѣдѣніи Министерства, но въ дѣйствительности составляющія какъ бы особое вѣдомство, съ своими инспекторами и преподавателями Эти школы учреждаются главнымъ образомъ среди фабричныхъ рабочихъ, куда особенно направляетъ свои силы соціалистическая пропаганда. Министерство Народнаго Просвѣщенія отвѣчаетъ за ихъ дѣятельность, но, въ силу ихъ особаго устава, не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы предохранять ихъ отъ нежелательныхъ преподавателей и нежелательнаго направленія И въ этомъ случаѣ управляющій Министерствомъ можетъ навлечь на себя неудовольствіе Вашего Величества, несмотря на свои благія намѣренія.

Съ другой стороны, школы церковно-приходскія закономъ совершенно опредѣленно отграничены отъ школъ министерскихъ, а между тѣмъ, на практикѣ, оба вѣдомства нерѣдко сталкиваются враждебно Если виновникъ столкновенія подчиненъ Министерству, то устранить раздоръ не трудно, если же причина лежитъ въ другомъ вѣдомствѣ, то управляющій Министерствомъ, при полномъ уваженіи къ идеѣ церковно-приходскихъ школъ, можетъ, защищая законные интересы своихъ училищъ, притти въ столкновеніе съ почтенными и авторитетными лицами.

Что касается моихъ опасеній относительно вліянія петербургскаго климата на здоровье моихъ семейныхъ, то я просилъ мою жену посовѣтоваться съ домашними врачами и нынѣ имѣю свѣдѣніе, что врачи высказались сравнительно благопріятно

Повергая свои опасенія и сомнѣнія на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, почитаю долгомъ еще разъ выразить передъ Вами, Государь, мою полную готовность, несмотря на сознаніе слабости моихъ силъ, служить Вашему Величеству и родинѣ съ безграничною вѣрностью тамъ, гдѣ Вы повелите Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій слуга Николай Боголѣповъ

22 января 1898 года

---

24 Января, приглашенный во дворецъ, Николай Павловичъ снова высказалъ свои сомнѣнія насчетъ своихъ силъ и умѣнья справиться съ трудной и отвѣтственной должностью. Въ отвѣтъ на это Его Величество изволилъ сказать: «Не ожидайте видѣть скорыхъ плодовъ своей дѣятельности. Наша жизнь такъ ничтожна и такъ коротка въ сравненіи съ жизнью цѣлаго государства, что каждый государственный дѣятель въ свою короткую жизнь можетъ сдѣлать весьма мало. Тѣмъ не менѣе надо прилагать всѣ свои силы на общую пользу». Очевидно, Государь имѣетъ высокій взглядъ на служеніе отечеству, и на себя Онъ смотритъ, какъ на перваго слугу государства. Далѣе Его Величество высказалъ желаніе, чтобы указъ о назначеніи Боголѣпова былъ изданъ черезъ недѣлю, и обѣщалъ одновременно устроить Аничкова. Николай Павловичъ просилъ двухнедѣльнаго срока, чтобы окончить нѣкоторыя дѣла въ Москвѣ. Государь разрѣшилъ.

Краткое пребываніе Боголѣпова въ Москвѣ было очень грустно. Тяжела была не только разлука съ городомъ, полнымъ друзей, родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ мы жили болѣе 40 лѣтъ, но тяжело было ожиданіе неизвѣстнаго будущаго, представлявшагося намъ нерадостнымъ и даже грознымъ.

Ник. Павл. долженъ былъ ѣхать ранѣе меня и дочери. Мы остались нѣкоторое время, чтобы уложиться. Удручающее впечатлѣніе произвелъ на насъ отъѣздъ мужа. На вокзалѣ собрались сослуживцы его, товарищи по университету, друзья и родные. Всѣмъ имъ онъ показался необычайно грустнымъ. Когда же Ник. Павл. сталъ прощаться съ провожавшими, въ его глазахъ показались слезы, что случалось съ нимъ рѣдко. Въ отвѣтъ одному изъ товарищей профессоровъ, подбодрявшему его, Боголѣповъ сказалъ: «Я ѣду на крестъ».

II.

На другой день своего вступленія въ новую должность Ник. Павл. обратился къ чинамъ министерства нар. просв. съ слѣдующими словами: «Вступая въ должность управляющаго министерствомъ, я чувствую потребность помянуть добрымъ словомъ графа Ивана Давыдовича. И для меня, и для васъ онъ былъ добрымъ начальникомъ. Я не претендую на то, чтобы замѣнить вамъ его, но постараюсь, чтобы вы не имѣли повода жаловаться на недостатокъ вниманія съ моей стороны къ вашимъ трудамъ, талантамъ и личнымъ нуждамъ. Я не буду развивать здѣсь свою программу. Скажу только, что не имѣю намѣренія производить ломку. Такова воля Его Величества, и я не рискнулъ бы принять настоящую должность, если бы не держался того же взгляда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сама жизнь предъявляетъ новыя требованія отъ школъ всѣхъ типовъ и степеней. И такъ будемъ работать надъ усовершенствованіемъ существующаго и осмотрительно вводить новое».

Вскорѣ послѣ словъ, сказанныхъ чинамъ мини-

стерства, Ник. Павл. подробнѣе выразилъ свои взгляды на воспитаніе и обученіе въ рѣчи, сказанной имъ на съѣздѣ завѣдующихъ промышленными училищами министерства народн. просв. «Привѣтствуя васъ», началъ онъ свою рѣчь, «я желаю вамъ успѣха въ дѣлѣ, отъ котораго мы ждемъ добрыхъ плодовъ. Съ задачами съѣзда вы уже знакомы, и я о нихъ не буду говорить. Я хочу сказать нѣсколько словъ по одному пункту чисто-педагогическаго характера. Вамъ придется между прочимъ обсуждать вопросъ объ исправленіи программъ промышленныхъ училищъ. Нѣкоторые преподаватели обнаруживаютъ большое рвеніе къ усиленію программъ. Прошу васъ помнить, что вы не только техники, но и педагоги, и что, при увеличеніи программъ, необходимо имѣть въ виду силы растущаго организма. Программы не должны превышать этихъ силъ. Это правило, къ сожалѣнію, нарушается почти во всѣхъ нашихъ школахъ—высшихъ, среднихъ и низшихъ. Я желаю слышать ваше мнѣніе и ваши доводы по вопросу, желательно и возможно ли сократить переводные экзамены. Затѣмъ, по вопросу о надзорѣ за поведеніемъ учениковъ въ школѣ и внѣ ея, понимая его въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ воспитательнаго вліянія на учениковъ, я желалъ бы знать, какія мѣры принимаются вами, и какія желательно предпринять для улучшенія этой первостепенной стороны школьнаго дѣла. Вамъ вѣдь приходится имѣть дѣло, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и съ такими учениками, которые не получаютъ должнаго воспитанія въ семьѣ и даже живутъ не въ семьяхъ, а на наемныхъ квартирахъ. Еще разъ желаю вамъ успѣха въ предстоящихъ занятіяхъ».

Рѣчи и самое назначеніе Боголѣпова на должность министра были радостно привѣтствованы мно-

гочисленными газетными статьями. Онѣ весьма лестно отзывались о немъ, какъ объ ученомъ, администраторѣ и педагогѣ, успѣвшемъ за долгіе годы своей учительской, профессорской, ректорской и попечительской дѣятельности многосторонне познакомиться съ учебнымъ дѣломъ. О рѣчахъ Николая Павловича говорилось въ «Новомъ Времени» въ статьѣ «Новые пути».

«Въ томъ, что до сихъ поръ русское общество услышало отъ Н. П. Боголѣпова, съ чрезвычайной опредѣленностью звучитъ совсѣмъ для нашего уха мало привычная нота уваженія къ требованіямъ жизни. Мы не присутствуемъ ни при аккламаціи: «нѣтъ классицизма, кромѣ классицизма», ни при благодушномъ безразличіи къ установленной системѣ, которая предшественникомъ Н. П. Боголѣпова была воспринята, какъ система, къ исполненію и продолженію. Н. П. Боголѣповъ выражается, какъ человѣкъ, желающій итти рука объ руку съ жизнью и жизненными требованіями своей родины,—человѣкъ, помышляющій не о «боевой системѣ», но о дѣйствительномъ воспитаніи будущихъ поколѣній. Немного словъ, но всѣ они съ большимъ содержаніемъ. Давнымъ давно русскому обществу такихъ словъ слышать не приходилось. И этими словами завязываются нити довѣрія между учебнымъ вѣдомствомъ и обществомъ, того довѣрія, которое, можетъ быть, стоитъ болѣе всякой учебной системы».

Еще болѣе лестный и даже теплый отзывъ появился въ Швейцарской газетѣ «Бундъ», перепечатанной въ № 196 Петербург. Вѣдом. Авторомъ ея былъ швейцарскій писатель Видманъ, тотъ самый, который по смерти Боголѣпова помѣстилъ статью о немъ въ берлинскомъ журналѣ «Die Nation» (статья эта пере-

ведена на русскій языкъ и помѣщена во 2-й тетради «Русскаго Архива» за 1906 г.).

Какъ извѣстно, писатель Видманъ имѣлъ случай лично познакомиться съ Боголѣповымъ во время лѣтняго пребыванія послѣдняго въ Швейцаріи. Въ «Бундѣ» онъ писалъ, что ставитъ Россіи въ большую заслугу назначеніе Боголѣпова министромъ народн. просвѣщенія. Затѣмъ далѣе онъ говорилъ: «Никогда еще не случалось мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ сильно почувствовать, что имѣешь дѣло съ необыкновенно благороднымъ и выдающимся человѣкомъ, какъ это было при свиданіи съ этимъ русскимъ ученымъ, при всей его скромности и спокойствіи. Онъ не ослѣпляетъ, какъ геній-художникъ, потому что его окружаетъ атмосфера безстрастнаго спокойствія истиннаго философа. Кто вступаетъ въ эту окружающую его атмосферу, испытываетъ благодѣтельное чувство душевнаго мира, который можетъ исходить только отъ высокихъ и совершенно-чистыхъ умовъ. Никакой напускной торжественности въ немъ нѣтъ. Все обращеніе является выраженіемъ серьезнаго міровоззрѣнія, проникнутаго прекраснѣйшимъ чувствомъ человѣчности. Въ бесѣдѣ съ Боголѣповымъ мы отъ ежедневнаго немедленно переносимся на высоту общихъ понятій, не испытывая однако ледяного холода чисто-отвлеченныхъ преній. Напротивъ, изъ голубыхъ глазъ говорящаго то и дѣло сверкаетъ теплый лучъ человѣколюбія, дающій истинный отпечатокъ этому насквозь добродушному характеру».

Ник. Пав. Боголѣповъ поразилъ своего собесѣдника глубокимъ пониманіемъ швейцарскихъ дѣлъ, и особенно положенія въ швейцаріи вопроса о народныхъ школахъ. Въ своихъ бесѣдахъ о нихъ и о швейцарской промышленности онъ проводилъ инте-

ресныя пареллели между славянскими и германскими расовыми особенностями.

Появились статьи и въ еврейскихъ органахъ печати, какъ напр. въ „Хроникѣ Всходы“. Высказавъ, подобно русскимъ газетамъ, похвалу рѣчамъ Ник. Пав—ча и его обѣщаніямъ, они какъ бы подсказывали новому министру подробную программу будущихъ его мѣропріятій относительно дѣла еврейскаго образованія. Можно быть увѣреннымъ, что если бы Николай Павловичъ исполнилъ всѣ эти требованія, онъ не палъ бы отъ руки убійцы, еврея.

Между тѣмъ какъ газетныя статьи радостно привѣтствовали Николая Павловича и какъ бы сулили ему всеобщее сочувствіе и благожелательное къ нему отношеніе русскаго общества, жизнь его въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ, съ первыхъ шаговъ, была тяжелою и далеко нерадостною. Доказательствомъ этого можетъ служить настроеніе души Николая Павловича, выразившееся въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ. На мой вопросъ, почему онъ старается отдалить время нашего пріѣзда въ Петербургъ, мужъ писалъ: «Я не желаю, чтобы ты первое время была участницею моихъ тревогъ: онѣ могутъ подорвать твое здоровье. Все равно ихъ переживать неизбѣжно, и лучше безъ свидѣтелей. Да и проку отъ меня теперь мало: я нахожусь въ такомъ состояніи, какъ ты бываешь, когда бываетъ больна Маруся или я». Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ письма, онъ писалъ: «Если бы ты знала, какъ иногда здѣсь съеживается душа моя отъ дѣлового холода!» Прежде всего тяжело отражалась на его впечатлительной душѣ непріязнь, съ которою его встрѣтили многіе его будущіе сослуживцы. Первые три дня по пріѣздѣ въ Петербургъ Николай Павловичъ посвятилъ оффиціальнымъ визитамъ, и уже тутъ ска-

зались враждебное чувство къ нему нѣкоторыхъ изъ нихъ и холодная сдержанность большинства. Интересенъ визитъ, сдѣланный Николаемъ Павловичемъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву. Послѣдній полтора часа разговаривалъ съ нимъ сухо и несочувственно и въ концѣ концовъ посовѣтовалъ ему не пускать корней въ Петербургѣ. Когда Николай Павловичъ попросилъ его объяснить ему эти слова, Побѣдоносцевъ отвѣтилъ, что совѣтуетъ ему недолго оставаться въ Петербургѣ. На это Боголѣповъ замѣтилъ, что иначе смотритъ на исполненіе своихъ обязанностей и что, обѣщавъ Государю принять предлагаемое ему мѣсто, онъ не можетъ браться за дѣло съ предвзятою мыслью, какъ можно скорѣе бросить его.

Такая непріязнь проистекала отъ разныхъ причинъ. Иные видѣли въ Боголѣповѣ будущаго противника ихъ взглядовъ и дѣятельности. Другіе недоброжелатели Боголѣпова, при обнаружившемся расположеніи къ нему Государя, опасались его вліянія на молодого Царя, тѣмъ болѣе, что и они не сочувствовали его направленію. Многіе пренебрежительно относились къ его происхожденію и досадовали на его быстрое повышеніе, будто бы унижавшее ихъ. Но злѣйшій врагъ Николая Павловича обнаружился не вдругъ; онъ росъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ обнаруживалась все опредѣленнѣе самостоятельность взглядовъ Николая Павловича. Этимъ врагомъ былъ С. Ю. Витте. Если бы новый государственный дѣятель обнаруживалъ увеличивавшуюся склонность подчиняться и уступать министру финансовъ, онъ могъ разсчитывать на милостивое, хотя иногда и пренебрежительное, отношеніе послѣдняго къ нему. Но горе человѣку съ самостоятельными взгля-

дами, имѣющему прежде всего въ виду интересъ дѣла, которому онъ служитъ; въ такомъ случаѣ враждебныя выходки ловкаго человѣка преслѣдовали его на каждомъ шагу его дѣятельности, во всѣхъ самыхъ крупныхъ и дорогихъ ему начинаніяхъ. Характеръ отношеній министра финансовъ прежде всего имѣлъ потому значеніе для каждаго его сослуживца, что онъ сидѣлъ, какъ шутливо выражался Николай Павловичъ, у сундука и весьма скупо и неохотно надѣлялъ необходимыми средствами то министерство, во главѣ котораго стоялъ человѣкъ, для него неудобный. Путемъ упорной борьбы приходилось такому министру отвоевывать суммы, необходимыя для успѣшнаго веденія дѣлъ его вѣдомства. Но нежелательно было также имѣть противникомъ государственнаго дѣятеля, не разбиравшаго средствъ для достиженія своихъ, не всегда благовидныхъ, цѣлей. Такимъ знаетъ графа Витте вся Россія. Между нимъ и Боголѣповымъ должна была возникнуть борьба на жизнь и на смерть, уже по одному тому, что они принадлежали совершенно противоположнымъ направленіямъ: одинъ хотѣлъ радикальной ломки всего государственнаго строя Россіи, для созданія новаго порядка на развалинахъ стараго; другой желалъ постепеннаго улучшенія и преобразованія существующаго, сообразно историческимъ условіямъ страны и современнымъ требованіямъ жизни. Но непріязнь, съ которою былъ встрѣченъ Боголѣповъ на первыхъ порахъ его министерской дѣятельности, меньше безпокоила и утомляла его, чѣмъ множество отвѣтственныхъ крупныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ былъ еще совершеннымъ новичкомъ, при чемъ ему нельзя было разсчитывать на помощь опытныхъ въ этихъ дѣлахъ ближайшихъ подчиненныхъ лицъ: послѣдніе вну-

шали ему недовѣріе къ себѣ еще во время исторіи съ директоромъ О-ой гимназіи.

Такимъ образомъ, не имѣя опытныхъ и по крайней мѣрѣ преданныхъ помощниковъ, Боголѣповъ напряженно работалъ одинъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, входя самъ во всѣ дѣла до мельчайшихъ подробностей. Но, несмотря на трехмѣсячную усиленную работу, сопряженную съ постоянными тревогами, Николай Павловичъ не жаловался на утомленіе. Когда я навѣстила мужа, его наружное спокойствіе и бодрость духа удивили меня. Между тѣмъ каждое утро ему приносили ужасающую кипу бумагъ, которую онъ долженъ былъ перечитывать и подписывать. Два раза въ недѣлю Боголѣповъ просиживалъ съ утра до вечера въ своемъ министерствѣ, выслушивая безконечные доклады. Четыре раза въ недѣлю онъ засѣдалъ въ Государственномъ совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ, при чемъ предварительно готовился къ этимъ засѣданіямъ, и, наконецъ, ѣздилъ съ докладами къ Государю и дѣлалъ безчисленные оффиціальные визиты. Такая напряженная работа не могла безнаказанно продолжаться три мѣсяца.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, Николай Павловичъ представилъ Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою разрѣшить назначеніе товарищемъ министра народнаго просвѣщенія московскаго профессора и ректора Н. А. Звѣрева, а директоромъ департамента—В. А. Рахманова, въ то время правителя канцеляріи Московскаго Учебнаго Округа. Они долго служили вмѣстѣ во время перваго ректорства Боголѣпова, когда Рахмановъ былъ секретаремъ совѣта университета, и во время попечительства Боголѣпова, когда Рахмановъ былъ уже правителемъ канцеляріи. Къ сожалѣнію, намѣченные по-

мощники не могли вступить въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, одинъ—ранѣе мая, другой ранѣе іюня, потому что, по разнымъ служебнымъ обстоятельствамъ, должны были до извѣстнаго срока продолжать свою работу на мѣстахъ.

Много порицаній въ обществѣ и въ министерской средѣ вызывали эти назначенія. Недовольные находили, что надо было назначить на упомянутыя должности кого-нибудь изъ извѣстныхъ петербургскихъ дѣятелей, уже знакомыхъ съ служебными пріемами въ министерствѣ, умѣющихъ, напр., редактировать законопроекты. По ихъ мнѣнію, въ особенности товарищъ министра, замѣняющій иногда министра въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ, долженъ быть человѣкомъ со свѣтскимъ лоскомъ и обладающимъ даромъ слова. Всего болѣе порицалъ выборъ Ник. Пав. министръ Муравьевъ, который это высказалъ моему брату. Къ тому же онъ находилъ, что Ник. Павловичу было пора чѣмъ-нибудь проявить свою дѣятельность: поднять какіе-нибудь вопросы, назначить комиссію и т. п. Почти то же повторилъ моему брату директоръ департамента министерства юстиціи Шмеманъ; но въ ихъ укорахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сказалась досада, что Боголѣповъ не послушался Муравьева, не взявъ этого самаго директора департамента къ себѣ въ товарищи министра. На слѣдующій день послѣ этого разговора Николай Павловичъ ѣхалъ съ Муравьевымъ въ Петергофъ и спросилъ его: «Я слышалъ, что вы не одобряете моего выбора. Почему?» Муравьевъ отвѣтилъ: «Я думаю, что они не могутъ быть вамъ помощниками». Николай Павловичъ объявилъ, что въ министерствѣ народн. просвѣщ. прежде всего теперь нужны ему честные и умные дѣятели, потому что онъ окруженъ людьми,

на которыхъ трудно положиться. «Мнѣ кажется», замѣтилъ тогда Муравьевъ, «что Рахмановъ не можетъ быть искуснымъ редакторомъ законодательныхъ проектовъ».— «Онъ мнѣ нуженъ», возразилъ Боголѣповъ, «для водворенія порядка въ департаментѣ, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все большую распущенность, дѣловую и нравственную». Вообще петербуржцы, не любящіе москвичей, не одобряли большого наплыва послѣднихъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Изъ Москвы они ожидали мало хорошаго...

Между тѣмъ, какъ недруги новаго министра порицали его за то, что онъ ничѣмъ не проявлялъ своей дѣятельности, послѣдній, пренебрегая ея показной стороной, обдумывалъ, наряду съ многочисленными очередными дѣлами, давно задуманныя имъ преобразованія. Николай Павловичъ приступалъ къ нимъ, какъ сказано было въ его рѣчи, медленно и осмотрительно, потому что сознавалъ всю опасность крутыхъ перемѣнъ въ школьномъ дѣлѣ. Приведу выдержки изъ нѣсколькихъ его писемъ того времени, объясняющія эту осмотрительность и осторожность. Одной знакомой дамѣ, радовавшейся его назначенію министромъ народнаго просвѣщенія, онъ отвѣчалъ: «Я Вамъ очень благодаренъ за довѣріе къ моимъ силамъ. Я не знаю, удастся ли мнѣ сдѣлать что-нибудь серьезное и прочное, потому что дѣлать для блеска только я не желаю, не взирая на голоса, которые уже теперь упрекаютъ меня въ томъ, что я не предпринимаю ничего рѣшительнаго. Въ дѣлѣ образованія и воспитанія ничто прочное не можетъ быть сдѣлано быстро, потому что мы имѣемъ дѣло съ человѣческой душой, которую нельзя по своему произволу вытягивать въ любомъ направленіи. Это вѣрно относитель-

но учениковъ и относительно учителей, которыхъ тоже надо приготовить раньше какой-либо реформы. Если бы мнѣ удалось заложить прочный фундаментъ для правильной постановки нашего школьнаго образованія, то и это я считалъ бы довольно серьезнымъ дѣломъ. Дальше могли бы сдѣлать другіе, послѣ меня. Въ одномъ я могу Васъ увѣрить, именно, что, пока я занимаю министерскую должность, я буду стремиться внести нравственное достоинство и честность во всѣ отношенія. Во всемъ остальномъ—въ умѣніи выбрать людей, угадать вѣрно нужныя мѣры и т. п. я даже не могу судить о своихъ силахъ. Вамъ будетъ виднѣе со стороны».

По поводу предполагавшихся преобразованій Н. П. писалъ своему брату Леониду въ 1898 г. слѣдующее: «Ты очень смѣло говоришь о радикальной перемѣнѣ системы средней школы. Я думаю, что эта смѣлость проистекаетъ оттого, что ты не чувствуешь на себѣ отвѣтственности за ея послѣдствія. Ты хочешь, чтобъ я поставилъ школу, нигдѣ въ мірѣ не испытанную, безъ подготовленныхъ учителей и даже безъ матеріальныхъ средствъ. Если ты живо представишь себѣ, что лѣтъ черезъ 15-20 начнутъ сказываться плоды твоей реформы, и, можетъ быть, вслѣдствіе спѣшности и радикальности ея—плоды, пагубные для отечества, тогда ты невольно остановишься и скажешь: «Нѣтъ, такую реформу надо дѣлать медленно, осторожно». Такъ именно я и думаю. Я готовъ дѣлать опыты въ маленькихъ размѣрахъ—ощупывать почву подъ ногами, а для всей массы школъ я желалъ бы улучшить существующую систему настолько, насколько опытъ указалъ дорогу. Во всей органической жизни и въ исторіи человѣческихъ обществъ, насколько мнѣ извѣстно, все прочное создавалось мед-

ленно, не радикально. Какъ бы я ни былъ увѣренъ въ правильности своихъ взглядовъ на задачи образованія, я уже не юноша, чтобы пылко переводить ихъ въ дѣло». Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ письма, Николай Павловичъ высказываетъ глубокій взглядъ на значеніе школы: «Ты ставишь школѣ огромную задачу воспитательную и образовательную», пишетъ онъ, «но для практическаго дѣятеля важенъ вопросъ: «кто будетъ исполнять эту задачу?» Теоретически эта задача вѣрна, но практически она неисполнима вслѣдствіе своей безмѣрности. Конечно, было бы очень хорошо, еслибъ школа могла научить правильному мышленію, трудолюбію, порядку и даже любви къ ближнему. Но вѣдь это значитъ возлагать на школу дѣло всей цивилизаціи, оставляя безъ задачъ и отвѣтственности и семью, и религію, и всѣ прочія общественныя учрежденія. А кто же эти школьные дѣятели? Возьми средняго учителя въ настоящее время и предположи даже, что онъ будетъ подготовляться въ учительскомъ институтѣ, и отвѣть, можетъ ли онъ удовлетворять указаннымъ требованіямъ? Ты скажешь: «Я указываю идеалъ, къ которому надо стремиться, а ты дѣлай то, что возможно». Но я повторяю: для меня и для всякаго, кто бы ни сидѣлъ на моемъ мѣстѣ, важны идеалы, практически осуществимые. Если ты укажешь практическія средства для приближенія къ твоему идеалу, то этимъ ты окажешь дѣйствительную услугу. Напримѣръ, сдѣлай изслѣдованіе, къ какимъ знаніямъ и пріемамъ мышленія, къ какимъ нравственнымъ дѣйствіямъ способны различные возрасты. Это одинъ изъ коренныхъ подготовительныхъ вопросовъ для всякой школьной реформы. Сколько мнѣ извѣстно, на него отвѣчаютъ на основаніи единичнаго опыта, но нѣтъ основательнаго отвѣта.

«Вообще, я нахожу, что большинство людей приписываетъ школѣ больше значенія, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности. Ты находишь нужнымъ совсѣмъ перевоспитать русскій народъ, и по-твоему это должна сдѣлать школа; но я думаю, что она сдѣлать этого не можетъ не только въ одномъ поколѣніи, но и въ десяти,—если она будетъ дѣйствовать одна. Какъ на землѣ ея пласты, моря, горы создаются не въ лабораторіяхъ, а болѣе могучими силами, такъ и народы воспитываются не въ школахъ только. Я даже думаю, что настойчивость, любовь къ труду, порядку почти не школьныя задачи. Климатъ, почва, нашествіе иноплеменниковъ, религія, борьба экономическая съ другими народами и тому подобныя силы создаютъ эти свойства характера скорѣе, чѣмъ школа».

Всесторонне обдумывая свои преобразовательныя предначертанія, Николай Павловичъ не только гнушался какой бы то ни было министерской рекламы, но даже считалъ лишнимъ знакомить общество съ подробной программой своихъ начинаній, прежде чѣмъ убѣдиться въ возможности ихъ выполнить. Въ общихъ чертахъ Боголѣповъ охарактеризовалъ свою будущую дѣятельность въ рѣчи, сказанной имъ чинамъ министерства, обѣщавъ «постепенно и осмотрительно вводить усовершенствованія и новые порядки, подсказываемые самой жизнью». Ярко рисуетъ дѣятельность Николая Павловича слѣдующій отзывъ Павла Алексѣевича Некрасова, взятый изъ его брошюрки «Николай Павловичъ Боголѣповъ». «Всякій», говоритъ Некрасовъ, «кто пожелаетъ прослѣдить Николая Павловича Боголѣпова по непосредственнымъ источникамъ, преклонится съ почтеніемъ передъ его неутомимою, неторопливою и продуманною работой, всегда съ виду скромною, но оставившею ясные фак-

тическіе слѣды, кои суть неопровержимые оправдательные документы передъ человѣчествомъ за все, что имъ сдѣлано и предполагалось сдѣлать».

Краткую программу своихъ будущихъ начинаній Николай Павловичъ сообщилъ Государю на одномъ своемъ докладѣ: «Я до сихъ поръ не безпокоилъ Вашего Величества», началъ Боголѣповъ свой докладъ, «изложеніемъ моихъ плановъ. Это не значитъ, чтобъ у меня ихъ не было. Я хотѣлъ осмотрѣться, узнать ближе положеніе дѣлъ въ министерствѣ и познакомиться съ лицами. Въ настоящее время дозвольте мнѣ вкратцѣ представить Вашему Величеству обзоръ того, что я предполагалъ бы начать, если Ваше Величество одобрите. Я считаю центральнымъ пунктомъ среднія учебныя заведенія. На нихъ всего больше жалобъ. Жалуются, что тамъ плохіе учителя, — и это справедливо. Я полагалъ бы учредить комиссію, которая выяснила бы, что можно сдѣлать для подготовки учителей: устроить ли особые институты, курсы и тому подобное; затѣмъ необходимо позаботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта. Я говорилъ объ этомъ съ министромъ финансовъ, но онъ рѣшительно отказалъ мнѣ въ средствахъ для огульнаго увеличенія жалованія и соглашается разсуждать объ увеличеніи его только нѣкоторымъ группамъ учителей». Государь на эти слова промолчалъ. «Затѣмъ я предполагалъ бы», продолжалъ Николай Павловичъ, «заняться классическими гимназіями и поставить вопросъ, какъ можно облегчить и оживить въ нихъ ученіе. Я, конечно, не думаю о совершенномъ уничтоженіи классической системы». — «Да, пока». — вставилъ Государь. — «Но я полагалъ бы», продолжалъ Николай Павловичъ, «начать изученіе древнихъ языковъ позже, напримѣръ — съ второго

или третьяго класса, а также улучшить не только программу, но главнымъ образомъ — постановку преподаванія, какъ при изученіи этихъ языковъ, такъ и другихъ предметовъ; причемъ пришлось бы выкинуть несущественныя части программы. Рядомъ съ этимъ мнѣ представляется необходимымъ заняться въ реальныхъ училищахъ болѣе органическимъ сліяніемъ седьмого класса съ прочими классами, а также выяснить, не слѣдуетъ ли прибавить въ нихъ еще восьмой классъ, чтобы придать имъ больше характеръ общеобразовательнаго учебнаго заведенія. Съ этимъ въ связи можно было бы сдѣлать опытъ созданія такой средней школы, которая приготовляла бы молодыхъ людей къ университету, достигая подготовки къ научной работѣ безъ помощи древнихъ языковъ». — На это Государь замѣтилъ: «А не поведетъ ли это еще къ большему переполненію университетовъ?» — «Я думаю, Ваше Величество», отвѣтилъ Николай Павловичъ, «что учрежденіе значительнаго числа техническихъ училищъ отвлечетъ молодежь отъ университетовъ; а затѣмъ, если бы, не взирая на это, она шла въ университетъ, то это будетъ естественнымъ влеченіемъ, въ которомъ нѣтъ ничего опаснаго. Мы должны только позаботиться, чтобъ въ университетахъ дѣйствительно занимались». — «Вотъ именно», перебилъ Государь, «чтобъ студенты были дисциплинированы, чтобъ они не распускались. Русскій человѣкъ, при многихъ его хорошихъ качествахъ, очень склоненъ распускаться». — «Относительно университетовъ, Ваше Величество, есть нѣсколько важныхъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, но въ общемъ — эти школы настолько уже окрѣпли и живучи, что надъ ними не нужно много работать въ министерствѣ. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній очень нужно за-

няться женскими гимназіями, «Положеніе» о которыхъ издано давно уже и устарѣло. Тамъ все требуетъ пересмотра». — «Тутъ можно принять за образецъ гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи», сказалъ Государь, «онѣ очень хороши».—Боголѣповъ немного замялся, потому, что не видѣлъ разницы гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи съ гимназіями Министерства Народнаго Просвѣщенія. — «Но тамъ тоже, Ваше Величество. кое-что требуетъ исправленія».—«Да, мелочи», сказалъ Государь. — «Я полагалъ бы. Ваше Величество», продолжалъ Николай Павловичъ, «обратить вниманіе на созданіе новыхъ типовъ женскихъ учебныхъ заведеній для низшихъ классовъ населенія; а то теперь всѣ стремятся помѣстить своихъ дочерей въ гимназію за неимѣніемъ другихъ школъ, а потомъ эти дочери уже совсѣмъ отбиваются отъ семьи, даже стыдятся ея». — «Ахъ, ужъ не говорите мнѣ про это», возразилъ Государь. «Я вамъ также разскажу: у отца моего былъ любимый кучеръ, которому онъ помогалъ воспитывать его дѣтей. Однажды, во время прогулки, отецъ спросилъ его, что сынъ? А кучеръ благодаритъ и говоритъ, что сынъ уже въ университетѣ. Тогда отецъ всталъ и далъ ему въ шею, выбранивъ его за то, что не послушался его и не отдалъ сына въ какое-нибудь ремесленное училище. А сынъ больше не возвращался въ семью». — «Въ виду этого», продолжалъ Боголѣповъ, «я полагалъ бы необходимымъ выяснить, какія профессіональныя школы можно устроить для дѣвочекъ. Что касается начальной школы, Ваше Величество, то здѣсь на первыхъ порахъ я считалъ бы нужнымъ заняться не выработкой программы и пріемовъ преподаванія, ибо это дѣло состоитъ довольно удовлетворительно, а заботой о матеріальномъ обезпече-

нiи учителей и умноженiи числа начальныхъ школъ и учительскихъ семинарiй и институтовъ».

Къ осуществленiю этихъ послѣднихъ задачъ и были направлены прежде всего усилiя Николая Павловича, но успѣхъ этого дѣла зависѣлъ исключительно отъ свойства отношенiй министра финансовъ къ министру народнаго просвѣщенiя. Какъ извѣстно, для полученiя отъ перваго необходимыхъ денежныхъ средствъ надо было пользоваться его расположенiемъ. Между тѣмъ, Николай Павловичъ, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, на одномъ изъ первыхъ засѣданiй Государственнаго Совѣта, вступилъ въ борьбу съ министромъ финансовъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ эта борьба становилась ожесточеннѣе.

Первое столкновенiе возникло по поводу только что основаннаго Кiевскаго Политехникума. Министръ финансовъ представилъ въ Государственный Совѣтъ проектъ устава этого учебнаго заведенiя, которое онъ забралъ въ свое вѣдомство, и въ которомъ вводилъ довольно широкую автономiю, а именно—коллегiальный выборъ профессоровъ, декановъ и секретарей, оставленiе профессоровъ на пятилѣтiе тоже по баллотировкѣ коллегiи, а инспекцiя, по проекту, занимала униженное положенiе — небольшое жалованiе, невысокiй классъ должности и очень ограниченная власть. На основанiи долголѣтняго опыта въ дѣлахъ управленiя университетомъ, Боголѣповъ считалъ такую автономiю нежелательной для высшихъ учебныхъ заведенiй. Въ качествѣ члена университетскаго совѣта и ректора при Уставѣ 1863-го года, онъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ недостатками коллегiальнаго управленiя и выработать опредѣленный взглядъ на него. Въ своемъ отзывѣ о проектѣ С. Ю. Витте, Боголѣповъ соглашался только на выборъ

профессоровъ и секратарей въ коллегіи, а по прочимъ пунктамъ считалъ болѣе удобнымъ по современнымъ обстоятельствамъ соблюдать правила университетскаго устава 1884 -го года. Въ этомъ отзывѣ, а затѣмъ и во время преній въ соединенномъ присутствіи Государственнаго Совѣта, онъ указывалъ, что профессорской коллегіи полезно предоставить выборъ кандидатовъ въ профессора, потому что она лучше можетъ опредѣлить степень ихъ ученой подготовки, чѣмъ министръ, но что отъ деканов требуются административныя способности, о которыхъ профессора могутъ судить менѣе правильно, чѣмъ министръ; къ тому же, профессора будутъ склонны избирать болѣе податливыхъ и угодливыхъ товарищей. Что касается инспекціи, то Николай Павловичъ доказывалъ, что униженное ея положеніе должно повести къ тому, что на инспекторскія мѣста пойдутъ люди съ невысокимъ образовательнымъ цензомъ, вслѣдствіе чего инспекція не будетъ имѣть авторитета въ глазахъ студентовъ, и въ минуты студенческихъ волненій вся тяжесть водворенія порядка падетъ на одного ректора или директора учебнаго заведенія. Несмотря на то, что С. Ю. Витте былъ совершеннымъ новичкомъ въ дѣлѣ управленія учебными заведеніями, онъ еще до засѣданія, въ разговорѣ съ Боголѣповымъ, самоувѣренно отстаивалъ свой проектъ, а на засѣданіи заносчиво оспаривалъ мнѣніе Н. П—ча. Огромное большинство членовъ Государственнаго Совѣта стало на сторону Витте. Пренія были ожесточенны и тянулись четыре часа. Боголѣпова почти никто не поддерживалъ энергично и открыто, такъ что онъ отбивался одинъ. За него подали голоса только три или четыре человѣка, а противъ него шестнадцать или семнадцать. Николай Павловичъ потерпѣлъ пораженіе, но

это было пораженіе почетное. Послѣ этого засѣданія Витте и другіе члены Государственнаго Совѣта стали замѣтно относиться къ нему съ большимъ вниманіемъ.

Но затѣмъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Министръ финансовъ, встрѣтившись съ Боголѣповымъ недѣлю или двѣ послѣ засѣданія, говоритъ ему вдругъ: «Я надѣюсь — мы не будемъ давать представленія общему Собранію Государственнаго Совѣта нашимъ разногласіемъ и спорами. Я вамъ уступлю. Мы съ вами переговоримъ». На другой день послѣ засѣданія Сергѣй Юльевичъ прислалъ къ Николаю Павловичу В. И. Ковалевскаго, директора департамента финансовъ, съ предложеніемъ, чтобы Боголѣповъ уступилъ по вопросу о выборѣ деканов, а онъ уступитъ по инспекціи. Николай Павловичъ отвѣтилъ, что не можетъ уступить, потому что вопросъ этотъ принципіальный; скорѣе онъ готовъ уступить по вопросу объ инспекціи, если только Сергѣй Юльевичъ разработаетъ въ видѣ проекта высказанную имъ мысль, что слѣдить за порядкомъ между студентами должны сами профессора. Вслѣдъ за этимъ Витте уступилъ по всѣмъ пунктамъ, но уступка его была не добровольная.

Нѣсколько дней спустя, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, очень благоволившій къ министру финансовъ, пригласилъ къ себѣ Боголѣпова, Витте, Д. М. Сольскаго, предсѣдателя Комитета Министровъ, и члена Государственнаго Совѣта В. К. Плеве. Витте попросилъ Великаго Князя выяснить истинное положеніе вещей передъ Государемъ.—«Государь», сказалъ онъ, «высказываетъ мнѣ опасеніе, что я намѣреваюсь возстановить университетскій уставъ 63-го года. Я не понимаю, откуда у Государя могло возникнуть такое

опасеніе. Догадываюсь, что оно идетъ отъ генералъ-адъютанта Гессе. Я прошу Ваше Императорское Высочество спросить у Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разъясненій, изъ которыхъ вы усмотрите, что мы съ нимъ не расходимся». Николай Павловичъ разъяснилъ, что дѣйствительно ихъ разногласіе устранено, что онъ не видитъ опасности въ выборѣ въ коллегіи профессоровъ и даже вообще не противникъ автономіи, но думаетъ, что настоящее время неудобно для введенія ея въ широкихъ размѣрахъ, а потому и ограничивается выборомъ профессоровъ. Великій Князь спросилъ Боголѣпова, говорилъ ли онъ Государю объ этомъ дѣлѣ. Николай Павловичъ отвѣтилъ, что не говорилъ, но что у него былъ разговоръ съ Государемъ о политехникумѣ. «Я просилъ», сказалъ онъ, «не разрѣшать болѣе открытій учебныхъ заведеній въ другихъ вѣдомствахъ или, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ возможность высказать свое мнѣніе, если кто изъ министровъ предлагалъ бы передать какія-либо спеціальныя школы въ какое-либо иное вѣдомство, кромѣ министерства народнаго просвѣщенія». Позднѣе мужъ узналъ отъ Витте, что И. Л. Горемыкинъ жаловался Государю, будто Витте и Боголѣповъ вводятъ либерализмъ въ школахъ, но Государь на это сказалъ: «Если министръ народнаго просвѣщенія не возражаетъ противъ коллегіальнаго выбора профессоровъ, то я ничего не имѣю противъ этого». Этимъ и кончился этотъ инцидентъ, но, какъ и многія другія столкновенія съ Витте, онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ отношеніяхъ обоихъ министровъ. С. Ю. Витте не повѣрилъ Ник. Павловичу, что онъ ничего не говорилъ Государю объ ихъ разногласіи по поводу автономіи Политехникума и готовилъ ему отместку. Съ этихъ поръ началось постоянное урѣзы-

ваніе средствъ, отпускаемыхъ министерству народнаго прюсвѣщенія. Когда Боголѣповъ обращался къ министру финансовъ съ требованіемъ увеличить ежегодныя суммы, выдаваемыя учебному вѣдомству, или хлопоталъ о единовременномъ пособіи. Витте наотрѣзъ отказывалъ или соглашался отпустить только половину требуемаго, а иногда и меньше. Приведу здѣсь одинъ любопытный разговоръ Николая Павловича съ Сергѣемъ Юльевичемъ, подтверждающій сказанное. Какъ только Боголѣповъ заговорилъ съ послѣднимъ о необходимости увеличить оклады учителямъ всѣхъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ, министръ финансовъ раздражительно и заносчиво возразилъ ему, что отъ него тянутъ, а ему неоткуда брать, что этакъ нельзя: каждый министръ требуетъ отъ него какъ можно больше на прибавку жалованья служащимъ, на ремонтъ зданій и т. д., что онъ сумѣетъ самъ доказать, что профессора и учителя нуждаются въ прибавкѣ жалованья, но что, тѣмъ не менѣе, ему неоткуда брать столько денегъ и невозможно удовлетворять столькимъ требованіямъ». Въ отвѣтъ на эти возраженія Николай Павловичъ сталъ спокойно доказывать, что онъ хлопочетъ объ общихъ правительственныхъ интересахъ, что если не заботиться о нуждахъ и потребностяхъ служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія учителей и профессоровъ, то лучшіе изъ нихъ уйдутъ въ другія вѣдомства, и народное образованіе будетъ страдать отъ этого. Спокойный и твердый тонъ Боголѣпова подѣйствовалъ на Витте смягчающимъ образомъ. — «Если вы хлопочете не объ огульномъ усиленіи окладовъ учителямъ», сказалъ онъ, «а о прибавкѣ жалованья въ извѣстномъ раіонѣ Россіи, напр., въ столицахъ

и большихъ городахъ, съ этимъ я могу согласиться»[1]).

Заносчивый, высокомѣрный тонъ министра финансовъ всегда удивлялъ Николая Павловича, но еще болѣе поражали его угодливость и преклоненіе, съ которыми относились къ нему министры, большинство членовъ Государственнаго Совѣта и другія высокопоставленныя лица. Когда Витте входилъ въ залу засѣданія Государственнаго Совѣта или Комитета Министровъ, многіе вставали и спѣшили привѣтствовать его и поклониться ему; когда онъ настойчиво добивался назначенной имъ цѣли, всѣ становились на его сторону, исключая двухъ-трехъ человѣкъ. Нѣкоторые министры даже въ дѣлахъ собственнаго вѣдомства всегда уступали ему и повиновались его требованіямъ. Но за спиной Сергѣя Юльевича лица, льстившія ему, нерѣдко осуждали его поступки и коварство.

Благодаря такому почти всеобщему отношенію правительственныхъ лицъ къ министру финансовъ, Николай Павловичъ ни въ комъ не находилъ помощи и поддержки. Кромѣ Николая Павловича, держали себя болѣе самостоятельно К. П. Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, и И. Л. Горемыкинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ; но послѣдній былъ человѣкомъ нерѣшительнымъ, уклончивымъ и вялымъ, а прокуроръ Святѣйшаго Синода относился несочувственно къ Николаю Павловичу за противодѣйствіе отбиранію начальныхъ народныхъ школъ въ церковное вѣдомство. Какъ извѣстно, Боголѣповъ, еще колеблясь

---

[1]) Любопытно, что въ настоящее время, когда экономическое положеніе Россіи хуже, чѣмъ въ годы министерства Николая Павловича, министръ финансовъ нашелъ возможнымъ въ 1906 г прибавить къ годовому доходу министерства народнаго просвѣщенія 5 000,000 руб

принять должность министра, уже при своемъ первомъ представленіи Его Величеству, открыто высказалъ твердую рѣшимость энергично противодѣйствовать захвату начальныхъ школъ духовнымъ вѣдомствомъ. Немного спустя, на другомъ докладѣ у Государя, онъ опять затронулъ тотъ-же вопросъ: «Ваше Величество», говорилъ онъ, «я думаю—мнѣ придется дать генеральное сраженіе по вопросу о подвѣдомственности школъ».—«Церковно-приходскихъ?» спросилъ Государь. — «И церковно-приходскихъ, и техническихъ, и сельско-хозяйственныхъ», отвѣтилъ Боголѣповъ. — «Относительно церковно-приходскихъ», продолжалъ Государь, «у меня начинаетъ выясняться точка зрѣнія. Я нахожу, что онѣ должны быть въ вѣдѣніи духовенства. Думаю, что нашъ народъ имѣетъ потребность въ этой школѣ. А что касается нашихъ техническихъ, сельско-хозяйственныхъ и тому подобныхъ школъ, пусть онѣ остаются у васъ. Чѣмъ крѣпче вы будете держать ихъ, тѣмъ лучше».—«Ваше Величество», отвѣтилъ Николай Павловичъ, «я никогда не думалъ о переходѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Я желаю только, чтобы духовное вѣдомство не отнимало у насъ нашихъ школъ, потому что какое-же это министерство народнаго просвѣщенія, когда огромная часть населенія учится не въ его школахъ? Пусть церковное вѣдомство основываетъ свои школы въ такомъ числѣ, съ какимъ оно можетъ справиться,— лишь бы оно не пыталось отбирать всякими средствами нами основанныя школы». Государь на это ничего не отвѣтилъ, такъ что для Николая Павловича остался неяснымъ взглядъ его на этотъ предметъ. Можетъ быть, Государь даже желалъ, чтобы всѣ начальныя школы стали церковно-приходскими. Во всякомъ слу-

чаѣ Боголѣповъ замѣтилъ, что Побѣдоносцевъ уже оказалъ на молодого царя вліяніе по этому вопросу. Между тѣмъ Николай Павловичъ былъ убѣжденъ, что наше духовенство еще не доросло до высокаго педагогическаго призванія отчасти по узости и недостатку образованія, отчасти по его плохому семинарскому воспитанію, а отчасти и по незнанію необходимыхъ педагогическихъ пріемовъ. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ еще высказывать своихъ настоящихъ доводовъ противъ господства церковно-приходскихъ школъ, потому что считалъ нужнымъ ранѣе запастись большимъ количествомъ фактовъ для подкрѣпленія вѣрности своихъ взглядовъ.

Настояще время доказало умственную и нравственную несостоятельность большинства духовенства. Церковные пастыри, нерѣдко невѣжественные и невоспитанные, обучаются въ семинаріяхъ преимущественно формѣ и буквѣ православной вѣры. Становясь законоучителями, они въ своемъ преподаваніи выдвигаютъ на первое мѣсто лишь внѣшнюю, обрядовую сторону нашей вѣры, а не духъ великаго христіанскаго ученія. Застигнутое врасплохъ революціоннымъ движеніемъ, наше духовенство не оказалось на высотѣ призванія руководителей духовной паствы, а что еще хуже, — многіе изъ нихъ перешли въ ряды соціалистовъ и революціонеровъ. Что касается ихъ пріемовъ преподаванія, то часто они способны только затуманить мозгъ ребенка и вселить въ послѣднемъ отвращеніе къ религіи. Присутствуя на урокахъ Закона Божія и въ гимназіяхъ, и въ своей семьѣ, Николай Павловичъ не разъ возмущался неумѣніемъ священниковъ преподавать и благотворно дѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей. Всѣмъ извѣстно, какъ они заставляютъ маленькихъ дѣтей вызубри-

вать длиннѣйшія славянскія молитвы съ очень непонятнымъ для нихъ содержаніемъ, причемъ объясненія законоучителей бываютъ очень туманны или совсѣмъ отсутствуютъ.

Несмотря на откровенное противодѣйствіе Николая Павловича господству церковно-приходскихъ школъ, церковное вѣдомство, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражало ему самыя горячія пожеланія взаимнаго мира и согласія. Такъ, напримѣръ, наблюдатель за церковно-приходскими школами Шемякинъ, представляясь Николаю Павловичу, тотчасъ же заговорилъ о необходимости обоимъ вѣдомствамъ итти рука объ руку. Николай Павловичъ возразилъ, что былъ бы очень радъ такому единенію, но что для этого необходимо, чтобъ духовное вѣдомство прекратило свои попытки отбирать школы у министерства народнаго просвѣщенія. Шемякинъ увѣрялъ, что духовное вѣдомство вовсе не стремится пріобрѣтать новыя школы, что у него своихъ 39,000, что и съ ними ему трудно справиться. Боголѣповъ указалъ тогда Шемякину на недавній случай, когда въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губ., благодаря энергичной дѣятельности преосвященнаго Питирима, всѣ земскія школы были переданы въ церковное вѣдомство. Ш. увѣрялъ, что это было сдѣлано безъ вѣдома Побѣдоносцева, и что церковное вѣдомство этимъ недовольно. Тѣ же самыя пожеланія, но еще горячѣе, высказывали Побѣдоносцевъ и Ш. товарищу министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣреву. Когда послѣдній представлялся оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, тотъ тоже выразилъ надежду, что оба вѣдомства будутъ въ согласіи и итти рука объ руку. На засѣданіи съѣзда дѣятелей по церковно-приходскимъ школамъ, Н. А. Звѣревъ высказалъ желаніе, чтобъ министерство народнаго просвѣ-

шенія и церковное вѣдомство дружно работали на одной и той же народной нивѣ и въ единеніи стремились къ благой цѣли просвѣщенія народа, а Шемякинъ, въ рѣчи къ присутствовавшимъ архіереямъ и священникамъ, отъ имени оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода приглашалъ ихъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности не вести борьбы съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и не захватывать школъ, принадлежащихъ послѣднему, а работать совмѣстно въ полномъ согласіи. Но Николай Павловичъ сомнѣвался въ искренности словъ Ш. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ описаннаго засѣданія ему пришлось убѣдиться, что его опасенія были не напрасны.

Въ это время появилось въ газетахъ извѣстіе о предполагаемомъ переходѣ всѣхъ начальныхъ сибирскихъ школъ въ духовное вѣдомство. Почему-то до той поры начальныя сибирскія школы находились въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но подъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія. Еще при графѣ Деляновѣ Побѣдоносцевъ намѣревался перевести начальныя сибирскія школы въ свое вѣдомство. Покойный графъ первоначально возсталъ противъ этого и, чтобы вѣрнѣе вести борьбу съ Побѣдоносцевымъ, снесся съ мѣстными генералъ-губернаторомъ и губернаторами, прося дать ему вѣрныя свѣдѣнія о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ Сибири и о веденіи тамъ преподаванія. Извѣстія, полученныя имъ, были самаго нелестнаго свойства для тамошнихъ церковно-приходскихъ школъ. Между прочимъ, объ одной изъ школъ писалось, что въ ней преподаваніе велось чуть ли не каторжникомъ. Съ такими данными, гр. Иванъ Давыдовичъ внесъ въ Государственный Совѣтъ свое заявленіе противъ перехода начальныхъ сибирскихъ школъ въ духовное

вѣдомство; но затѣмъ почему-то гр. Деляновъ не далъ дальнѣйшаго хода этому дѣлу. Появившіеся снова при Николаѣ Павловичѣ слухи о переходѣ всѣхъ сибирскихъ министерскихъ школъ въ церковное вѣдомство побудили и его снестись съ сибирскими властями, чтобы имѣть отъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія о состояніи тамошнихъ церковно-приходскихъ школъ. Полученные имъ отвѣты заставили его усилить надзоръ и надъ министерскими народными школами въ Сибири. Захваты министерскихъ школъ духовнымъ вѣдомствомъ не повторялись при Николаѣ Павловичѣ, но препирательства между обоими вѣдомствами продолжались изъ-за открытія новыхъ школъ. Вѣдомство Синода старалось всячески препятствовать возникновенію министерскихъ училищъ. Чаще всего оно отказывало утверждать священниковъ законоучителями въ министерскихъ школахъ, а свѣтскимъ учителямъ не позволяло преподавать Законъ Божій. Употреблялись и другія мѣры, весьма разнообразныя и не всегда благовидныя, но преслѣдовавшія ту же цѣль. Всѣ эти дрязги поднимались на мѣстахъ въ провинціи, но разбирались въ Петербургѣ.

Послѣ всего сказаннаго становится ясной причина, почему Побѣдоносцевъ не былъ сторонникомъ Боголѣпова. Если вспомнить еще, что Горемыкинъ былъ человѣкомъ, которому нельзя было довѣриться, то легко будетъ себѣ представить одинокое положеніе Николая Павловича въ министерской средѣ. Очевидно, поддержки неоткуда было ждать. Между тѣмъ Боголѣповъ задумалъ многочисленныя преобразованія, осуществленіе которыхъ требовало большихъ средствъ, чѣмъ это допускалъ министръ финансовъ.

Прежде всего вниманіе Боголѣпова остановилось

на начальныхъ школахъ. Его поразила и огорчила сравнительная незначительность государственыхъ расходовъ на нихъ. Въ отчетѣ [1]) о министерской дѣятельности Николая Павловича значилось, что по росписи 1897 года (годъ, предшествовавшій его назначенію) расходы, назначенные на средне-учебныя заведенія, въ два раза превосходили расходы того же года на начальныя школы, и даже одни университеты поглотили почти такую же сумму, какая была назначена на начальныя школы. Такая скудость средствъ, отпускаемыхъ на начальныя школы, влекла за собой и малочисленность послѣднихъ, вслѣдствіе чего $^2/_3$ дѣтей школьнаго возраста (отъ 8 до 10 лѣтъ) оставались безъ обученія. Въ годъ назначенія Николая Павловича министромъ народнаго просвѣщенія (1898 г.), до его ходатайства объ увеличеніи денежныхъ средствъ на начальныя школы, отпущенный на нихъ кредитъ равнялся только 200,000руб. Въ виду такой малочисленности начальныхъ школъ и скудости отпускаемыхъ на нихъ средствъ, Николай Павловичъ, по сдѣланному имъ расчету, опредѣлилъ, въ самыхъ скромныхъ рамѣрахъ, дополнительную сумму, необходимую для увеличенія числа народныхъ школъ и на другія, задуманныя имъ преобразованія, а именно—2,700,000 руб.

Въ свое время я изложу послѣдовательно всѣ введенныя имъ съ этою цѣлью преобразованія, а также его послѣдующія ежегодныя ходатайства объ увеличеніи средствъ, необходимыхъ на нужды народной школы. Болѣе подробное описаніе этихъ мѣръ и этихъ ходатайствъ можно найти въ упомянутомъ

[1]) См приложеніе третье. Отчетъ былъ написанъ въ годъ смерти Боголѣпова въ 1901 г, подъ его руководствомъ, академикомъ И. И. Янжуломъ, для представленія его Государю Вслѣдствіе преждевременной смерти Николая Павловича этотъ отчетъ до Государя не дошелъ.

«Отчетѣ министерской дѣятельности Н. П. Боголѣпова», а такъ же въ «Краткомъ обзорѣ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за время управленія покойнаго министра Н. П. Боголѣпова».

Слѣдующимъ за начальными школами предметомъ вниманія Николая Павловича было преобразованіе средней школы. Еще профессоромъ Боголѣповъ тужилъ о неподготовленности учениковъ средней школы къ поступленію въ высшую школу и о недостаткѣ умственной зрѣлости гимназистовъ. Въ обществѣ и среди педагоговъ давно также поднимался ропотъ противъ неправильной постановки преподаванія въ средней школѣ. Многіе изъ обвиненій и упрековъ Николай Павловичъ считалъ справедливыми. Но прежде чѣмъ приступить къ серьезнымъ работамъ по дѣлу преобразованія средней школы, Боголѣповъ издалъ 17-го ноября 1898 г. циркуляръ, въ которомъ предлагалъ всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ тщательно разработать вопросъ о подготовкѣ учителей средней школы. Рядомъ съ этимъ онъ указывалъ на необходимость позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи послѣднихъ. Николай Павловичъ былъ твердо убѣжденъ, что главный недостатокъ средней школы заключается не въ томъ, что въ немъ изучаютъ древніе языки или естественныя науки, а въ томъ, что въ ней нѣтъ настоящихъ педагоговъ, которые умѣли бы облегчить усвоеніе знаній и главное— пріучить дѣтей и юношей къ правильному и самостоятельному мышленію и развили бы въ нихъ широкую трудоспособность. Для этого необходимо, по его мнѣнію, назначать учителями людей не только чувствующихъ призваніе къ педагогіи, но и основательно подготовленныхъ къ ней въ учительскихъ семинаріяхъ или на спеціально основанныхъ для этого

курсахъ. Для привлеченія въ учебное вѣдомство людей даровитыхъ Боголѣповъ считалъ необходимымъ увеличить вознагражденіе учителей, такъ какъ, при тогдашнихъ условіяхъ, они при первой возможности уходили въ министерства народнаго просвѣщенія въ другія вѣдомства, гдѣ преподавательскій трудъ лучше оплачивался.

Къ сожалѣнію, отъ своей работы надъ преобразованіемъ средней школы Николай Павловичъ былъ отвлеченъ какъ бы злымъ рокомъ два раза. Первый разъ не надолго, второй—на столь продолжительное время, что преждевременная смерть наступила ранѣе осуществленія уже оконченныхъ трудовъ. Наканунѣ появленія въ Правительственномъ Вѣстникѣ циркуляра о необходимости педагогической подготовленности учителей средней школы Боголѣповъ долженъ былъ ѣхать на ревизію въ прибалтійскія губерніи и въ Польшу.

Сверхъ ожиданія, онъ остался доволенъ прибалтійскими начальными училищами и убѣдился, что Балты намѣренно преувеличивали медленность успѣховъ обрусѣнія нѣмецкаго края, чтобы доказать невозможность его. Николай Павловичъ былъ пораженъ, какъ въ теченіе двухъ лѣтъ тамошнія дѣти быстро выучивались русскому языку и не хуже русскихъ крестьянскихъ дѣтей, послѣ одинаковаго числа лѣтъ обученія, научались читать и писать на русскомъ языкѣ; конечно, только произношеніе дѣтей балтійскаго края было небезупречно. Для поддержанія русскаго дѣла на нѣмецкой окраинѣ Боголѣповъ старался подбодрить весь учительскій персоналъ и внушить преподавателямъ энергію и силу на продолженіе ихъ успѣшной и вмѣстѣ съ тѣмъ трудной дѣятельности. Это было необходимо въ виду враждебности, которую

русскіе дѣятели встрѣчали со стороны нѣмцевъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ особенности со стороны нѣмецкихъ бароновъ; но низшее населеніе, состоящее изъ эстовъ и латышей, относилось къ русскимъ дружелюбно.

Много газетныхъ толковъ вызвала эта поѣздка министра народнаго просвѣщенія. Русскія газеты, конечно, хвалили его за поддержаніе русскаго дѣла на нѣмецкой окраинѣ, но удивительно, что даже одна нѣмецкая газета отозвалась одобрительно о новомъ министрѣ. Она хвалила его за то, что, въ противоположность прежнимъ министрамъ, несмотря на твердое веденіе дѣла руссификаціи, онъ требовалъ отъ директоровъ и учителей мягкости въ обращеніи и совѣтовалъ заносчивостью и грубостью не вызывать раздраженія. Попечительница одной изъ митавскихъ школъ, княжна Констанція Ливенъ, писала моему брату, что Николай Павловичъ очаровалъ ее и знакомыхъ ей бароновъ своей простотой въ обращеніи и полнымъ отсутствіемъ обычнаго министерскаго высокомѣрія и торжественности. Въ Польшѣ Боголѣпова порадовали тѣ же успѣхи въ преподаваніи русскаго языка и остальныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; только тамъ его встрѣтили съ большею враждебностью. Конечно, этому способствовала исконная ненависть поляковъ къ русскимъ.

По возвращеніи своемъ изъ Польши Николай Павловичъ принялся составлять циркуляръ о преобразованіи средней школы. Еще лѣтомъ 1898 года, отдыхая въ Крыму, онъ набросалъ въ общихъ чертахъ планъ циркуляра къ попечителямъ учебныхъ округовъ [1]).

Къ сожалѣнію, этотъ циркуляръ не былъ опубликованъ тотчасъ по его составленіи. Я говорю къ со-

[1]) Смотр приложеніе 4-е.

жалѣнію, потому что, какъ оказалось впослѣдствіи, задуманное Николаемъ Павловичемъ преобразованіе средней школы и созывъ комиссіи по этому поводу были встрѣчены нескрываемымъ сочувствіемъ большей части русскаго общества. Если бы циркуляръ появился въ описываемое время, онъ вызвалъ бы такое же сочувствіе и тѣмъ смягчилъ бы враждебное отношеніе общества къ Николаю Павловичу и облегчилъ бы дальнѣйшую его дѣятельность. Несомнѣнно, сочувствіе общества сгладило бы многія трудности тяжелой борьбы, которую ему пришлось выдержать при наступившихъ грозныхъ обстоятельствахъ. На видъ послѣднія не казались грозными большинству современниковъ, не сознававшихъ ихъ опасности. Ник. Павловичъ былъ одинъ изъ немногихъ людей, предвидѣвшихъ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ они поведутъ.

Въ то время, когда Боголѣповъ намѣревался приступить къ опубликованію своего циркуляра, вспыхнули бурные студенческіе безпорядки въ петербургскомъ университетѣ. На первыхъ порахъ они отвлекли вниманіе Николая Павловича отъ его преобразовательныхъ начинаній, а позднѣе, при обострившейся борьбѣ и враждебности къ нему студентовъ и ихъ многочисленныхъ сторонниковъ, онъ не захотѣлъ опубликовать циркуляра, что бы не быть заподозрѣннымъ въ заискиваніи передъ либеральничающею частью общества.

III.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію волненій, охватившихъ петербургскій университетъ, попытаюсь изобразить тогдашнее настроеніе преобладающаго количества правительственныхъ лицъ и общества и от-

ношеніе послѣдняго къ Николаю Павловичу. Постараюсь также какъ можно подробнѣе представить характерныя особенности Боголѣпова, чтобы объяснить всю тяжесть борьбы его со студенческими безпорядками при затрудненіяхъ, созданныхъ настроеніемъ общества.

Русское общество конца 19-го вѣка носило въ себѣ, въ зародышѣ, всѣ характерныя черты современнаго намъ общества. Оно не такъ открыто и не такъ властно, но такъ же легкомысленно протестовало противъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій и неустанно требовало больше свободы и больше прогресса, не отдавая себѣ отчета, сумѣетъ ли оно воспользоваться столь желанной свободой и осуществить разумный прогрессъ на общее благо. Въ нашемъ обществѣ уже тогда зарождалась современная неудержимая страсть къ разрушенію безъ зрѣло обдуманнаго плана того новаго зданія, которое должно бы было замѣнить старое. Какъ и теперь, оно не замѣчало своихъ недостатковъ, а только кивало на погрѣшности правительства и мечтало о правахъ и полномочіяхъ, до которыхъ еще не доросло. Интеллигенція всѣхъ классовъ, чиновничество и даже часть правительства, всѣ вскормленные западной наукой и воспитанные на западныхъ идеалахъ, не знали Россіи и ею не интересовались. Имъ только нужно было насадить на родной, но незнакомой имъ почвѣ чуждые ей иностранные порядки. Невѣжественное большинство вторило интеллигенціи и заражалось ея страстью къ подражанію. Либеральныя теоріи имѣютъ часто много послѣдователей только потому, что онѣ въ модѣ. Люди, неспособные вдумываться въ нихъ и основательно обсуждать приносимую ими пользу, рядятся въ нихъ, какъ во вновь привезенную изъ Парижа накидку или шляпу, не справляясь, къ лицу

ли она имъ. Страхъ отстать отъ людей, прослыть несовременнымъ—бываетъ часто главнымъ руководителемъ дѣйствій и сужденій большинства людей. Подобные люди для дѣла кажутся неопасными или даже не стоящими вниманія, но такой взглядъ ошибоченъ. Своей вѣчной неразумной критикой существующихъ порядковъ они увеличиваютъ число недовольныхъ, а неправильнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей приносятъ еще большій вредъ. Приведу слова и дѣйствія одной великосвѣтской знакомой мнѣ дамы, съ которой мнѣ пришлось встрѣтиться въ одномъ изъ курортовъ Франціи въ 1900 году. Въ разговорѣ со мною она высказывала восторженныя похвалы республиканскому строю Франціи и горькій ропотъ на несовершенство государственнаго строя Россіи, при чемъ выражала желаніе, чтобы Россія, подобно Франціи, свергла тяготѣющій надъ ней произволъ и деспотизмъ. Когда я спросила, — какимъ путемъ, она отвѣтила: «Конечно, путемъ революціи».—«Да мы первыя съ вами будемъ повѣшены!» возразила я.—«Что же дѣлать? Мы падемъ жертвами новаго, лучшаго порядка вещей», воскликнула дама. И это говорила барыня, мужъ которой занималъ высокую придворную должность и пользовался большими Царскими милостями. Разорившись, онъ просилъ Царя о помощи и жилъ не только жалованіемъ, но и подачками Царя. На эти деньги онъ ѣздилъ ежегодно съ многочисленной семьей, гувернеромъ, боннами и кормилицами, за-границу, во французскій курортъ, гдѣ занималъ цѣлый этажъ роскошнаго отеля. Его жена была готова пасть жертвою революціи... и не была въ силахъ принесть болѣе посильную и естественную жертву своей родной сторонѣ, а именно — отказаться отъ неразумной роскоши и подачекъ Царя.

При этомъ она подвергала безпощадной критикѣ всѣ дѣйствія нашего правительства и даже того представителя власти, щедротами котораго пользовалась. Протестующее настроеніе нашей лжеинтеллигенціи и почти всего общества конца 19-го столѣтія поддерживалось сильно либеральнымъ теченіемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Это теченіе, при содѣйствіи вліятельнаго министра финансовъ Витте, разлилось затѣмъ по всей Россіи и достигло самыхъ отдаленныхъ ея уголковъ. Но въ особенности Витте, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, возбуждалъ и подогрѣвалъ неудовольствіе и ропотъ либераловъ противъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія; вотъ почему друзья Николая Павловича жалѣли, что циркуляръ не былъ изданъ ранѣе, когда могъ вызвать своевременныя симпатіи родителей и педагоговъ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного вѣдомства, распоряженія котораго обсуждались и обсуждаются съ такой самоувѣренностью и легкомыслiемъ, какъ распоряженія министерства народнаго просвѣщенія. Почти всякій считаетъ себя свѣдущимъ въ педагогіи и въ веденіи школъ. Еще Гоголь сказалъ: «Не дай Богъ служить по ученой части. Всякій суется, всякій хочетъ показать, что онъ тоже умный человѣкъ» («Ревизоръ», слова Хлопова). Каждая мать, и чаще всего та, которая плохо воспитала своихъ дѣтей, является строгимъ судьей дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Точно такъ же учителя народныхъ школъ, неразвитые и недоросшіе до пониманія общегосударственныхъ интересовъ, бываютъ такими же злостными критиками названнаго министерства. Когда неудавшіеся маменькины сынки несутъ тяжелыя послѣдствія своей лѣни и непорядочности, виноватыми всегда оказываются педагоги «старой школы» и

все учебное вѣдомство. Слабохарактерность и ненависть къ дисциплинѣ и порядку дѣлаютъ русскаго человѣка плохимъ педагогомъ. Родители въ большинствѣ случаевъ баловники, и въ ихъ пріемахъ воспитанія преобладаетъ ложно-понимаемая сердечность, которою они надѣются искоренить пороки своихъ дѣтей. Къ этому ложному направленію присоединились за послѣднее время все возрастающія требованія большей и большей свободы не только для взрослыхъ, но и для учащихся юношей и дѣтей. Страсть потворствовать учащейся молодежи проявлялась уже, какъ мы видѣли, и въ годы ректорства и попечительства Николая Павловича, а въ министерскіе годы усилилась до того, что привела къ университетскимъ бурнымъ безпорядкамъ 1899 года. Легко понять, что общество съ описанными воззрѣніями и свойствами должно было возставать противъ распоряженій Николая Павловича, который, какъ извѣстно, имѣлъ совершенно другіе взгляды на воспитаніе и обязанности учащейся молодежи.

Мы увидимъ, какъ трудно было Боголѣпову бороться съ такимъ обществомъ при ложно-либеральномъ направленіи большинства правительственныхъ лицъ—тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, вмѣстѣ съ высшимъ обществомъ, несмотря на свое либеральничанье, враждебно относилось къ происхожденію Николая Павловича: для нихъ онъ былъ все-таки плебей. Многіе изъ представителей высшаго общества должны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступать ему мѣсто и кланяться ему, выпрашивая у него льготы для своихъ дѣтей, а иногда и назначеніе для себя на разнаго рода должности, чаще всего высокія и отвѣтственныя. Ихъ неудовольствіе противъ Николая Павловича росло, когда онъ отказывалъ имъ въ ихъ просьбѣ

бахъ. При назначеніяхъ онъ руководился знаніемъ и опытностью человѣка, какъ администратора и педагога, а не происхожденіемъ его. Желавшихъ получить высшія должности было, конечно, много. Самой блестящей иллюстраціей легкомысленнаго отношенія высшаго общества къ назначеніямъ на отвѣтственныя и трудныя мѣста можетъ служить слѣдующій случай съ одной петербургской свѣтской дамой, Александрой Николаевной Нарышкиной, женой егермейстера Двора Его Величества. Петербургское высшее общество не любило эту барыню за ея злой языкъ, хотя считало ее умной. Она была въ большой дружбѣ съ министромъ финансовъ Витте, принимала его часто у себя дома, зазывала къ себѣ и другихъ министровъ, которымъ нерѣдко давала непрошенные совѣты и говорила крупныя непріятности. Государь навѣщалъ часто ея мужа, котораго очень уважалъ и любилъ, и иногда обѣдалъ у Нарышкиныхъ съ Государыней. Говорили, что Александра Николаевна даже Его Величеству высказывала свои рѣшительныя мнѣнія насчетъ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ, но что Государь выслушивалъ ее неохотно и считалъ назойливой. Такой она и была, но разыгрывала роль вліятельной особы. Знакомство и дружба съ нѣкоторыми министрами и благосклонное отношеніе Государя къ ея мужу дѣйствительно давали ей возможность добиваться своихъ цѣлей и оказывать вліяніе на правительственныхъ лицъ, — конечно, только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Только что мы переѣхали въ Петербургъ, эта великосвѣтская старуха поспѣшила ко мнѣ съ визитомъ, желая, по ея собственному признанію, познакомиться съ моимъ мужемъ. При первомъ свиданіи она наговорила ему много любезностей и высказала ему свое

пожеланіе близкаго съ нимъ знакомства. Послѣ этого послѣдовалъ цѣлый рядъ приглашеній съ ея стороны, но эти любезности продолжались недолго. Мужъ очень скоро разгнѣвалъ ее, не исполнивъ ея желанія. Она стала просить его, что бы онъ назначилъ графа Бобринскаго попечителемъ Петербургскаго Учебнаго Округа, на мѣсто только что скончавшагося М. Н. Капустина. Графъ Бобринскій былъ молодымъ человѣкомъ, управлявшимъ до тѣхъ поръ одними своими имѣніями и совершенно неопытнымъ въ дѣлѣ педагогіи и управленія средними и высшими школами. Понятно, Николай Павловичъ не захотѣлъ назначить его попечителемъ и поэтому наотрѣзъ отказалъ Нарышкиной. Вскорѣ послѣ этого отказа я поѣхала съ визитомъ къ Александрѣ Николаевнѣ. Вмѣстѣ со мной въ гостиную вошелъ какой-то невидный, не высокаго роста молодой человѣкъ, съ которымъ она меня тотчасъ же познакомила, назвавъ его графомъ Бобринскимъ (тотъ самый, котораго она прочила въ попечители). Александра Николаевна стала спрашивать его, чѣмъ онъ занимается; графъ отвѣтилъ ей, что очень занятъ школами въ своихъ имѣніяхъ, и при этомъ жаловался на невозможность помѣщику приносить желаемую пользу сельскимъ школамъ. Александра Николаевна стала восхищаться его правильнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ и затѣмъ совершенно неожиданно выразила сожалѣніе, что Бобринскій не занимаетъ высокой должности, какъ, напримѣръ, попечителя учебнаго округа, въ качествѣ котораго онъ могъ бы принести большую пользу.—«Намъ надо такихъ людей, какъ вы», говорила она: «человѣка изъ прекрасной семьи, который былъ бы не подкупенъ и умѣлъ бы отстаивать свои убѣжденія. А то, за послѣднее время, на самыя высокія и отвѣтственныя долж-

ности назначаютъ какихъ-то замухрышекъ, которыя готовы на всякую гадость, лишь бы удержать свои министерскія квартиры и огромные оклады... Почему бы не назначить его петербургскимъ попечителемъ?» обратилась она ко мнѣ въ заключеніе. На это неожиданное обращеніе я отвѣтила вопросомъ: «Развѣ графъ служилъ уже въ министерствѣ народнаго просвѣщенія или управлялъ когда средней или высшей школой?» Онъ отвѣтилъ мнѣ, что только нѣсколько лѣтъ занимался или скорѣй наблюдалъ за земскими школами въ своихъ имѣніяхъ. Значитъ А. Н. Нарышкина хотѣла его сдѣлать попечителемъ столь обширнаго округа, какъ петербургскій, только потому, что онъ графъ Бобринскій. Я хотѣла ей возразить, что одного родовитаго происхожденія недостаточно для назначенія его на трудную и отвѣтственную государственную должность, что для этого нужны и серьезная подготовка и знаніе дѣла; къ тому же, родовитость не всегда обезпечиваетъ благородство. Я могла бы ей привести блестящія доказательства сказаннаго, указавъ на ея свойственника, графа П. А. Каннаста, и на многихъ другихъ; но я промолчала, не желая обидѣть графа Бобринскаго, такъ какъ я не знала еще, раздѣляетъ ли онъ самъ высокое о немъ мнѣніе Нарышкиной.

Черезъ два года онъ самъ сталъ добиваться должности попечителя, и тогда опять за него стали хлопотать и Александра Никол. Нарышкина, другъ ея Витте и даже кн. Имеретинскій, варшавскій генералъ-губернаторъ. Послѣдній пріѣзжалъ къ мужу съ просьбою назначить графа Бобринскаго попечителемъ къ нему въ Варшаву, но, должно быть, онъ былъ подосланъ Нарышкиной и матерью графа; самъ же, какъ человѣкъ умный, понялъ тотчасъ причины отказа Ни-

колая Павловича и согласился съ нимъ. Мужъ объяснилъ ему, что на столь отвѣтственную должность, какъ попечительская въ Варшавѣ, требуется и опытный администраторъ, и хорошій педагогъ.

Указаніе Нарышкиной на то, что среди министровъ бываютъ люди, готовые пожертвовать своими убѣжденіями ради даже мелкихъ личныхъ выгодъ, каково, напр., обладаніе хорошей квартирой—менѣе всего могло относиться къ моему мужу. Она забыла, что въ качествѣ министра онъ занималъ чрезвычайно скромную, не министерскую квартиру, которая поразила ее самое своею простотою. Сдѣлавшись министромъ, Ник. Павловичъ ни за что не захотѣлъ занять квартиру, своими размѣрами и убранствомъ соотвѣтствующую занимаемой имъ высокой должности. «Проще лучше», говорилъ онъ, «легче будетъ бросить должность и съѣхать съ квартиры». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что всячески намѣренъ облегчить себѣ возможность скораго ухода изъ министерства въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось выбирать — измѣнять ли своимъ взглядамъ, или бросить должность. Когда Варшавскій генералъ-губернаторъ и многіе другіе спрашивали его, почему онъ занимаетъ такую черезчуръ скромную квартиру,—онъ всегда отвѣчалъ: «Потому что болѣе богатая обстановка меня стѣсняла бы, а у меня чемоданы всегда готовы». Такую готовность онъ доказалъ на дѣлѣ и во всѣ три года своего министерства ни разу не покривилъ душой и не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ. Какъ извѣстно, высота и чистота душевная много разъ мѣшала людямъ въ достиженіи блестящихъ успѣховъ ихъ общественной дѣятельности. Для достиженія этихъ успѣховъ надо умѣть лукавить и прибѣгать къ ловкимъ пріемамъ, надо умѣть и нравиться лю-

дямъ, угождая ихъ требованіямъ, часто незаконнымъ и вловреднымъ. Еще апостолъ Іаковъ сказалъ: «Не знаете ли, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога? И такъ, кто хочетъ быть другомъ міра, тотъ становится врагомъ Богу». Такъ было и съ Николаемъ Павловичемъ. Можно смѣло сказать, что успѣшному ходу его министерской дѣятельности мѣшало не отсутствіе способности къ ней, а его рѣдкія нравственныя свойства, мѣшавшія ему искать какой бы то ни было популярности. Помню, какъ настойчиво уговаривали его сослуживцы содержать въ одной изъ газетныхъ редакцій какого-либо корреспондента, который разъяснялъ бы обществу распоряженія министерства народнаго просвѣщенія и описывалъ бы предполагаемыя въ будущемъ мѣры и преобразованія, освѣщая ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. На такіе уговоры Николай Павловичъ обыкновенно отвѣчалъ: «Сочувствіе и одобреніе общества очень пріятны, но мнѣ противно домогаться ихъ. Я готовъ служить дѣлу, не жалѣя себя, и, по своему разумѣнію, стараюсь дѣлать лучшее, а какъ люди на это взглянутъ, не мое дѣло». Когда ему совѣтовали съѣздить полюбезничать съ тѣмъ или другимъ враждебно къ нему настроеннымъ министромъ, онъ спокойно и шутливо возражалъ: «Обойдется и безъ моихъ любезностей. Предубѣжденнаго врага, ищущаго случая навредить мнѣ, никакими любезностями не подкупить; ему нужно, чтобы я ему подчинился».

Среди министровъ Боголѣповъ держалъ себя очень независимо. Мы уже видѣли, какъ онъ относился къ самому вліятельному изъ нихъ, С. Ю. Витте, въ то время, когда другіе заискивали передъ нимъ и всегда по всѣмъ пунктамъ уступали ему. Такъ же ровно и спокойно держалъ себя Боголѣповъ и съ другими ми-

нистрами и съ Великими Князьями, которые нерѣдко негодовали на него, когда онъ отказывалъ имъ въ ихъ просьбахъ. По свидѣтельству моей троюродной сестры Е. А. Регекамфъ, членъ Государственнаго Совѣта, баронъ В. Менгденъ, при нападкахъ его знакомыхъ на Боголѣпова, однажды отвѣтилъ, что не видѣлъ еще человѣка, который держалъ бы себя въ Государственномъ Совѣтѣ съ большимъ достоинствомъ и болѣе независимо, чѣмъ Николай Павловичъ. «Ни тѣни заискиванія ни передъ кѣмъ», говорилъ онъ; «Боголѣповъ всегда смѣло, спокойно и безъ колебаній отстаиваетъ свои мнѣнія, хотя бы всѣ были противъ него».

И не только въ Государственномъ Совѣтѣ, — вездѣ и со всѣми Николай Павловичъ не боялся и не стыдился высказывать свои убѣжденія, хотя бы за нихъ его сочли отсталымъ, сухимъ и жестокимъ, что случалось нерѣдко, когда дѣло шло объ усмиреніи студентовъ — этихъ привиллегированныхъ баловней общества. Конечно, такая прямота и искренность причиняла ему массу непріятностей и разочарованій даже со стороны людей, къ нему нѣкогда расположенныхъ. Однажды очень разогорчилъ его человѣкъ, котораго онъ въ дни молодости высоко цѣнилъ. Я уже выше говорила, что Николай Павловичъ въ студенческіе годы благоговѣлъ предъ Борисомъ Николаевичемъ Чичеринымъ. Это чувство въ Боголѣповѣ жило до тѣхъ поръ, пока престарѣлый профессоръ грубой выходкой самъ не уничтожилъ уваженія къ нему его бывшаго ученика. Тогда Николай Павловичъ удостовѣрился, что обвиненія, возводимыя на послѣдняго въ нетерпимости, рѣзкости и узкости, были справедливы. Дѣло было въ слѣдующемъ. Мужъ встрѣтилъ Бо-

риса Николаевича на вечерѣ у Нарышкиной [1]), и разсказалъ ему о своемъ разногласіи съ Витте по поводу намѣренія послѣдняго ввести автономію во вновь основанномъ имъ политехникумѣ; при этомъ Николай Павловичъ высказалъ свое мнѣніе объ автономіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чичеринъ былъ большимъ сторонникомъ университетскаго устава 63-го года, при которомъ состоялъ профессоромъ; измѣненій въ немъ онъ не допускалъ. Желаніе Николая Павловича согласиться на выборъ въ коллегіи только профессоровъ, а не административныхъ лицъ, т. е. ректоровъ и декановъ, привело Чичерина въ неописанную ярость: онъ наговорилъ мужу много дерзостей и подъ конецъ воскликнулъ: «Теперь просвѣщеніе въ Россіи погибло; всѣ надежды, которыя я возлагалъ на васъ, рухнули». По возвращеніи своемъ мужъ признался мнѣ, что не ожидалъ со стороны Чичерина такого неджентельменскаго обращенія. «Хотя я зналъ», говорилъ онъ, «что Борисъ Николаевичъ не умѣетъ спорить, что онъ заносчивъ и не допускаетъ возраженій, но дерзостей я отъ него не ожидалъ». Мужъ казался удрученнымъ, потому что потерялъ еще доброжелателя въ лицѣ человѣка, котораго до того времени уважалъ. Тѣмъ не менѣе онъ не допустилъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ выбора въ коллегіи административныхъ лицъ; въ ней выбирались лишь профессора; при чемъ за министромъ оставалось лишь право утверждать или отказываться отъ утвержденія выбраннаго товарищами профессора; ректоры же и деканы должны были назначаться министромъ. Выше уже было сказано, по-

---

[1]) Той самой, которая разгнѣвалась на Боголѣпова за отказъ назначить Бобринскаго попечителемъ Она была сестра Чичерина

чему Николай Павловичъ не хотѣлъ допустить выбора этихъ административныхъ лицъ въ коллегіи: онъ считалъ для этого время неблагопріятнымъ, потому что тогда многіе профессора не только сочувствовали студенческихъ безпорядкамъ, но и нерѣдко негласно участвовали въ нихъ. Такіе профессора и тогда были склонны выбирать между своими товарищами не умѣлыхъ администраторовъ, а революціонеровъ. Къ тому же, Боголѣповъ находилъ, что профессора, при ихъ исключительно научной дѣятельности, неспособны судить объ административныхъ способностяхъ своихъ сослуживцевъ. На сколько правъ или неправъ былъ мужъ, показало современное положеніе русскихъ университетовъ. Конечно, не одна автономія, вновь введенная по смерти Николая Павловича, была причиной ихъ разложенія; тому было много причинъ, но, во всякомъ случаѣ, она не только не спасла университеты, но скорѣе способствовала разложенію.

Въ описанномъ случаѣ съ Чичеринымъ и во многихъ другихъ подобныхъ Николай Павловичъ проявлялъ рѣдкую незлобивость. Такъ, напримѣръ, неблаговидныя выходки министра финансовъ, направленныя лично противъ него, неискреннее отношеніе къ нему прислужниковъ послѣдняго и другихъ недоброжелателей болѣзненно дѣйствовали на его впечатлительную душу, но не возбуждали въ немъ ненависти и злобы. Правда, когда успѣхъ дѣла страдалъ отъ коварныхъ продѣлокъ его враговъ, Боголѣповъ не жалѣлъ словъ для выраженія своего негодованія. Однако, и въ такихъ случаяхъ онъ никогда не унижался до желанія зла своимъ противникамъ. Чувство мщенія было ему незнакомо. Однажды Николай Павловичъ описывалъ своимъ друзьямъ одинъ изъ случаевъ коварнаго поведенія министра финан-

совъ, направленнаго лично противъ него. Одинъ изъ слушавшихъ его разсказъ посовѣтовалъ ему способъ мщенія, на что Боголѣповъ отвѣтилъ: «Я никогда не унижался до мести и не допускаю ее даже въ мысляхъ». Зато посмѣяться надъ своимъ противникомъ, повторяю, онъ любилъ. Такъ, вернувшись изъ Государственнаго Совѣта или изъ какого-нибудь собранія, Боголѣповъ, въ хорошіе, но рѣдкіе дни министерской дѣятельности, принимался съ добродушной усмѣшкой представлять Витте и другихъ министровъ, отличавшихся какими-нибудь забавными выходками. Особенно доставалось С. Ю. Витте. Обладая забавнымъ даромъ подражанія, Николай Павловичъ искусно представлялъ послѣдняго говорящимъ своимъ некультурнымъ языкомъ рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ. Нѣкоторыя слова Витте выговаривалъ совершенно безграмотно, напримѣръ, слова: «просятъ», «читаютъ» онъ выговаривалъ: *просютъ*, *читаютъ*, французское слово precedent онъ передавалъ *прецендентъ*. «Ходатайствовать» Витте выговаривалъ по-жидовски съ удареніемъ на второмъ а— ходатáйствовать. Одну изъ своихъ рѣчей въ Государственномъ Совѣтѣ онъ началъ словами: «Двѣ своего рода дѣвицы»... Дѣло шло о сомнительномъ правѣ наслѣдства двухъ сестеръ Аннековыхъ. Передавая намъ эту рѣчь, мужъ забавно, по-Виттевски, ставилъ неправильное удареніе и черезвычайно схоже изображалъ небрежность и мужиковатость манеръ знаменитаго министра финансовъ. Но такія минуты юмора бывали очень рѣдки въ послѣдніе три года его жизни; притомъ, несмотря на незлобіе насмѣшекъ Николая Павловича, онѣ мнѣ иногда казались смѣхомъ сквозь слезы, т. е. шутливымъ выраженіемъ тоски, удручавшей его наболѣвшую душу. Въ Петер-

бургѣ бывали минуты и другого выраженія этой тоски. Когда интриги и вражда сгущались, Николай Павловичъ не разъ, измученный и усталый, садился около меня и просилъ прочесть ему главу изъ Евангелія. Любимой его главой была XIII-я отъ Луки, кончающаяся словами: «Іерусалимъ, Іерусалимъ, какъ часто я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птицъ и птенцовъ своихъ, и вы не захотѣли». Мужъ говорилъ, что эти слова, какъ нельзя болѣе, подходили къ тому его настроенію, которое онъ испытывалъ при сознаніи невозможности принесть пользу людямъ, несмотря на самыя благія желанія и самоотверженныя усилія; одни люди не понимаютъ или не признаютъ этой пользы, другіе не желаютъ ее понять. Къ первымъ принадлежала учащаяся молодежь, видѣвшая холодную строгость, безсердечіе и сухость тамъ, гдѣ было только искреннее желаніе уберечь ее отъ горькихъ послѣдствій неразумныхъ увлеченій; къ послѣднимъ принадлежали правительственныя и начальствующія лица. Не разъ у Николая Павловича вырывались слова сожалѣнія: «Несчастная русская молодежь не знаетъ и не видитъ своихъ настоящихъ друзей и доброжелателей и слѣпо довѣряется коварнымъ подстрекателямъ». Извѣстно, что въ Москвѣ, во времена ректорства и попечительства, у Боголѣпова были и почитатели среди университетской молодежи, но это было небольшое число болѣе разумныхъ и нравственно воспитанныхъ молодыхъ людей. У меня сохранилось нѣсколько студенческихъ писемъ къ моему мужу, въ которыхъ трогательно выражается любовь и уваженіе юношей къ своему учителю. Написаны они были во время одной изъ университетскихъ смутъ по поводу готовившагося студентами оскорбленія ректору Боголѣпову. Вотъ выдержка изъ одного

изъ этихъ писемъ, подписаннаго «студентъ, ученикъ и почитатель»: «Позвольте мнѣ, высокоуважаемый Николай Павловичъ, сказать Вамъ отъ лица всѣхъ моихъ товарищей, какъ подѣйствовала на насъ Ваша бесѣда съ нами 30-го ноября[2]). Эти минуты остаются для большинства изъ насъ и самыми печальными, и самыми свѣтлыми въ нашей жизни: грустили мы о своихъ товарищахъ по мундиру, которые способны на такіе гадкіе поступки, а съ другой стороны—всѣмъ сердцемъ сочувствовали Вамъ и поняли Вашу высокую, справедливую, истинно прекрасную душу. До этихъ поръ мы знали Васъ за идеальнаго професора, въ настоящее время мы обрѣли и идеальнаго человѣка. Я глубоко счастливъ, что имѣю предъ собою такой высокій примѣръ человѣка». Письмо это оканчивалось стихотвореніемъ, озаглавленнымъ: «Новому Римлянину». Въ немъ авторъ причисляетъ Николая Павловича къ высокимъ личностямъ, ведущимъ людей къ добру и научающимъ ихъ справедливости. Въ одно время съ приведеннымъ письмомъ Боголѣповъ получилъ другое, отъ одного изъ своихъ бывшихъ слушателей: «Многоуважаемый Николай Павловичъ, какъ бывшій студентъ московскаго университета, какъ вашъ ученикъ, сохранившій, подобно многимъ и многимъ изъ моихъ товарищей, лучшія чувства къ вашей профессорской дѣятельности и полное уваженіе къ тѣмъ справедливымъ отношеніямъ, которыя были вашей неизмѣнной принадлеж-

---

[2]) Такъ какъ Боголѣповъ не записалъ рѣчи, сказанной 30-го ноября, и говорилъ ее безъ конспекта, то я не могу передать ея полнаго содержанія Помню только ея главную мысль, переданную мнѣ тогда имъ самимъ: въ ней онъ, какъ и много разъ раньше, напоминалъ студентамъ ихъ священный долгъ учиться и совершенствоваться въ наукахъ на благо родины, такъ какъ они призваны стать въ ряды руководящаго класса.

ностью за трудные годы, которые вы переживали, я не могу удержаться, чтобъ не выразить вамъ, насколько непріятно поразили меня, какъ несомнѣнно и большинство вашихъ бывшихъ слушателей, тѣ непріятности, которыя легкомысленно рѣшились причинить вамъ нѣкоторые студенты». Письмо оканчивалось словами: «Позвольте же мнѣ, глубокоуважаемый Николай Павловичъ, пожелать, чтобы ваша строго научная дѣятельность продолжалась еще многіе годы, принося результаты, достойные тѣхъ силъ и той энергіи, которыя, не жалѣя, вы въ нее вложили». Но такіе люди, чуткіе ко всему высшему и доброму, составляли тогда, какъ и всегда, меньшинство. Большинство, всегда движимое стаднымъ чувствомъ, легко увлекается многообѣщающими теоріями искусныхъ агитаторовъ. Вѣрно писалъ Видманъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Die Nation»: «Злосчастная борьба Боголѣпова съ русской молодежью возникла только оттого, что ея идеалы были другіе, чѣмъ его идеалы». Видманъ находитъ справедливымъ убѣжденіе, которымъ руководился Боголѣповъ при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, а именно, что молодые люди поступаютъ въ университетъ съ тѣмъ, чтобы учиться, а не съ тѣмъ, чтобы заниматься политикой. По этому поводу Видманъ приводитъ слова одной статьи, помѣщенной въ «Journal de Genève» и затѣмъ перепечатанной во многихъ другихъ швейцарскихъ газетахъ. Вотъ слова этой статьи: «Женевское правительство не можетъ допустить, чтобы нашъ университетъ сдѣлался очагомъ интернаціональной политической агитаціи. Если таково мнѣніе правителей женевской демократіи, то нельзя считать подобное же требованіе руководителей русскихъ университетовъ крайне деспотическимъ и существенно

расходящимся съ дѣйствительнымъ назначеніемъ университета».

Далѣе Видманъ говоритъ, что разногласія между Боголѣповымъ и русской молодежью происходили отъ того, что онъ былъ убѣжденнымъ націоналистомъ, а русская молодежь охотно заимствуетъ у западныхъ народовъ либеральныя идеи и научныя теорія для борьбы съ правительствомъ, конечная цѣль которой—переустройство русскаго государства. Дѣйствительно, Николай Павловичъ держался взгляда, передаваемаго тѣмъ же Видманомъ, что всякая страна должна создавать свой государственный строй на почвѣ природныхъ и историческихъ условій. Это мнѣніе онъ высказывалъ постоянно и въ семейномъ кругу и въ средѣ товарищей профессоровъ, и позднѣе—среди министровъ и государственныхъ людей. Желая улучшенія существующаго строя родины, онъ былъ, какъ и въ учебномъ дѣлѣ, противникомъ коренной ломки. Удостовѣрившись по опыту въ дѣлахъ университетскаго и государственнаго управленія, какъ русскій человѣкъ по своимъ нравственнымъ свойствамъ мало способенъ къ полной политической самостоятельности, Николай Павловичъ сталъ постепенно противникомъ введенія западнаго конституціоннаго строя въ Россіи. Во избѣжаніе сильной централизаціи и господства бюрократизма онъ считалъ нужнымъ медленно и постепенно развивать въ русскихъ людяхъ интересъ къ мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ и умѣнье самостоятельно управлять ими. «Только тогда», говорилъ онъ, «русскій человѣкъ будетъ способенъ участвовать въ общегосударственныхъ дѣлахъ». Отстаивая самодержавіе, онъ былъ, однако, сторонникомъ совѣщательнаго собранія при царѣ, въ составъ котораго должны были войти опытные мѣст-

ные дѣятели. Доказательствомъ того, что Николай Павловичъ считалъ нужнымъ вызвать русское общество къ самодѣятельности, могутъ служить нѣкоторыя его министерскія мѣры. Прежде всего напомню его циркуляры: въ одномъ изъ нихъ онъ предлагалъ попечительскимъ совѣтамъ всѣхъ округовъ имперіи обсудить вопросъ о необходимости педагогической подготовки учителей средней школы и объ увеличеніи ихъ содержанія. Другимъ циркуляромъ Николай Павловичъ приглашалъ попечителей всѣхъ учебныхъ округовъ имперіи составить комиссіи подъ ихъ предсѣдательствомъ для обсужденія мѣръ, способствующихъ преобразованію и улучшенію преподаванія и воспитанія въ средней школѣ. Работы этихъ коммиссій стали подготовительными для трудовъ другой, болѣе обширной, комиссіи, которую Николай Павловичъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, собралъ подъ своимъ предсѣдательствомъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, онъ предоставилъ больше полномочій учебнымъ округамъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ; между прочимъ, имъ дано было право, не сносясь съ министромъ народнаго просвѣщенія, разрѣшать частнымъ лицамъ основаніе начальныхъ школъ на ихъ собственный счетъ; педагогическимъ совѣтамъ было дано также больше самостоятельности въ управленіи подвѣдомственными имъ гимназіями.

Но описанные взгляды Николая Павловича и его осторожныя и строго обдуманныя мѣры и распоряженія не могли встрѣтить сочувствія въ волновавшейся молодежи конца 19-го вѣка, тѣмъ болѣе, что разнаго рода агитаторы, подъ покровительствомъ вліятельнаго министра финансовъ, не только революціонировали ее, но, какъ нельзя болѣе успѣшно, подстрекали ее

противъ министра народнаго просвѣщенія. Ихъ подстрекательства дѣйствовали такъ успѣшно, что въ петербургскомъ университетѣ въ это время трудно было найти сторонниковъ Боголѣпова. Въ эту злосчастную студенческую смуту нѣкоторые студенты передавали моимъ знакомымъ, что Витте, въ самый разгаръ университетскихъ волненій, раздавалъ въ видѣ помощи неимущимъ студентамъ по 50 руб. [1]). Далѣе мы увидимъ, какъ болѣе искусными средствами министръ финансовъ поддерживалъ студентовъ въ неподчиненіи начальству. Если принять во вниманіе, что поддержка и подстрекательство шли отъ вліятельнаго правительственнаго лица, легко будетъ понять ихъ успѣшность. Столь же понятными являются озабоченность и грусть, находившія на Николая Павловича при описанныхъ обстоятельствахъ. Какъ и въ молодые годы заграницей, онъ не давалъ ходу тяжелымъ думамъ и опасеніямъ и съ прежней энергіей вооружался бодростью и силою духа, чтобы продолжать непрерывающуюся борьбу. Даже дома Николай Павловичъ не ослабѣвалъ и не давалъ намъ чувствовать своихъ волненій и огорченій. Съ нами, семейными, онъ былъ попрежнему спокоенъ и ласковъ, а со всѣми домашними уравновѣшенъ и терпѣливъ. Правда, постепенно мужъ становился задумчивѣе прежнихъ годовъ и менѣе участливъ къ семейнымъ интересамъ, но въ немъ не проявлялось раздражительности, этой обычной спутницы большихъ непріятностей и заботъ. Мнѣ дѣлалось по временамъ страшно, глядя на его тихую сосредоточенность. Люди, твердо и кротко выносящіе невзгоды,

---

[1]) Не затѣмъ ли министръ финансовъ былъ такъ щедръ, чтобы студенты были послушными орудіями въ его рукахъ?

дѣлающіеся столь безучастными къ своимъ собственнымъ интересамъ и столь поглощенными одною мыслію о преслѣдуемой ими высокой цѣли, какъ бы удаляются отъ насъ: они больше не наши и не отъ міра сего.

Въ былые ректорскіе и попечительскіе годы, несмотря на массу дѣлъ, заботъ и волненій, онъ все-таки находилъ время входить во всѣ домашніе интересы, со вниманіемъ обсуждать со мной вопросы по воспитанію нашей дочки, подавать совѣты при встрѣчающихся жизненныхъ затрудненіяхъ и вникать даже иногда въ хозяйственныя дѣла. Съ полнымъ довѣріемъ спѣшила къ отцу наша дѣвочка, чтобы сообщить ему свои дѣтскія радости и огорченія. Случалось ей нерѣдко бѣжать къ нему за разрѣшеніемъ какой-нибудь измучившей ее ариѳметической задачи, и Николай Павловичъ, какъ настоящій педагогъ, терпѣливо, искусными пріемами наводилъ ее на самостоятельное рѣшеніе трудной задачи. Даже наша прислуга встрѣчала въ немъ заботливость и вниманіе къ себѣ. Онъ приходилъ къ служащимъ на помощь въ ихъ нуждахъ и училъ ихъ бережливости, уговаривая откладывать ежегодно отъ своего жалованья на черный день, при чемъ сбереженія ихъ самъ отвозилъ въ банкъ и заботился о выгодной имъ покупкѣ бумагъ. Твердо и спокойно требовалъ онъ отъ прислугъ исполненія ихъ обязанностей, провинившимся дѣлалъ иногда выговоръ, но безъ раздраженія; отдавая имъ приказанія или поручая какое-либо дѣло, мужъ всегда обстоятельно объяснялъ имъ то, что они должны были сдѣлать, и затѣмъ съ удивительнымъ терпѣніемъ заставлялъ ихъ по нѣсколько разъ повторять требуемое отъ нихъ. Когда же я спѣшно отдавала приказанія и затѣмъ сердилась за плохое исполненіе по-

слѣднихъ, онъ всегда съ укоромъ глядѣлъ на меня, а иногда и высказывалъ порицанія моей раздражительности, говоря: «Ты своей поспѣшностью болѣе прислугъ виновата въ ихъ оплошности: при непривычкѣ быстро сосредоточиваться, онѣ не могутъ запомнить спѣшно высказанныхъ распоряженій».

Незнавшему близко моего мужа такая многосторонняя заботливость можетъ показаться мелочною; при чемъ напрашивается вопросъ, когда доставало времени и вниманія у общественнаго дѣятеля на такіе, на видъ, пустяки; но мужъ не считалъ пустымъ или нестоящимъ вниманія то, что могло принести хотя малую долю пользы, и времени у него хватало и на великія и на малыя дѣла, потому что ни одного часа по возможности онъ не оставался праздным; пустыхъ разговоровъ и ничегонедѣланія мужъ не любилъ, а сплетенъ совсѣмъ не терпѣлъ. Когда я или кто другой изъ бликихъ, въ его присутствіи, занимались пересудами, онъ бралъ книгу или газету и углублялся въ чтеніе. При большомъ количествѣ дѣлъ Николай Павловичъ пользовался даже временемъ обѣда и завтрака для спѣшныхъ занятій. За ѣдою онъ просматривалъ принесенную ему рукопись, книгу или брошюрку или записывалъ и обдумывалъ вопросы, предназначенные къ обсужденію въ готовившемся засѣданіи. Конечно, и ему приходилось отдыхать среди знакомыхъ и товарищей, но и тутъ онъ быстро переходилъ къ серьезнымъ темамъ, общественнымъ и научнымъ. Дѣла чрезвычайной важности умножались и осложнялись. Отвѣтственность также увеличивалась. Теперь Николай Павловичъ не былъ только исполнителемъ распоряженій высшихъ властей, но и творцомъ новыхъ преобразованій. Одновременно и враги его были могущественнѣе и влія-

тельнѣе прежнихъ; къ тому же, это были люди, искусившіеся въ долголѣтнихъ интригахъ. Какъ извѣстно, Николай Павловичъ гнушался послѣднихъ и не хотѣлъ обращать вниманія на враждебныя отношенія, обращенныя лично противъ него. Случалось мнѣ и близкимъ родственникамъ предостерегать его отъ сослуживцевъ, вредившихъ ему осужденіями его мыслей и распоряженій [1]). Мы убѣдительно доказывали ему, что эти люди своими укоризненными отзывами даютъ ложное представленіе о немъ и выставляютъ его въ плохомъ свѣтѣ въ такое время, когда уже и безъ того общественное мнѣніе возстановлено противъ него. Мужъ всегда отвѣчалъ намъ на это: «Лишь бы они не вредили дѣлу. Дѣло они хорошо знаютъ и могутъ быть ему полезными. Что касается меня, я буду очень благодаренъ тому изъ нихъ, которому удастся стать на мое мѣсто. Я съ радостью его ему уступлю». Это говорилъ онъ въ то время, когда Государь не хотѣлъ внять его просьбамъ объ отставкѣ. Безпристрастіе и отсутствіе злопамятности у Николая Павловича обратили даже однажды его врага въ друга. Во время попечительства мужа одинъ изъ его сослуживцевъ разссорилъ его съ профессоромъ А. Н. Шварцемъ. Передавая послѣднему дѣловое порученіе Николая Павловича, онъ такъ измѣнилъ смыслъ его словъ, что они показались обидными Шварцу, и онъ, не сочувствуя къ тому же нѣкоторымъ распоряженіямъ мужа, подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ должности директора 5-й гимназіи. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ и не зная о невѣрной передачѣ сказанныхъ имъ словъ,

---

[1]) Можетъ быть, мы въ это время ошибочно повѣрили клеветамъ, во всякомъ случаѣ насъ такъ мучили плохія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сослуживцахъ мужа, что мы считали необходимымъ предупреждать Николая Павловича.

недоумѣвалъ... Лишь позднѣе Николай Павловичъ узналъ о предательскомъ поступкѣ своего уполномоченнаго. Недружелюбное отношеніе Шварца не помѣшало, однако, Боголѣпову, нѣсколько времени спустя, когда онъ сталъ уже министромъ, пригласить Шварца и предложить ему должность попечителя рижскаго учебнаго округа. Когда удивленный Шварцъ спросилъ у мужа: «Развѣ вы не знаете, какъ я относился къ вамъ?» Николай Павловичъ отвѣтилъ: «Да, я знаю это, но я знаю васъ также, какъ умнаго человѣка, серьезнаго ученаго и опытнаго педагога, который можетъ принести большую пользу дѣлу просвѣщенія», на что Шварцъ возразилъ: «Съ этого времени вы будете имѣть во мнѣ вѣрнаго помощника».

Если бы Николай Павловичъ имѣлъ въ характерѣ врожденную холодность и отсутствіе впечатлительности, такое безпристрастіе и уравновѣшенность не имѣли бы большой цѣны, но, какъ уже было говорено выше, Николай Павловичъ именно обладалъ въ большой мѣрѣ этой впечатлительностью и чуткостью: я не разъ была свидѣтельницей, какую сердечную боль ему причиняли клевета, злоба и вражда. Первыя минуты мужъ видимо волновался и, передавая мнѣ перенесенныя обиды и несправедливости, нервно ходилъ по комнатѣ. Съ помощью своей желѣзной воли, однако, онъ быстро овладѣвалъ собой, не давалъ разрастаться своему страдающему чувству, энергично брался за работу и прекращалъ всякіе разговоры о случившемся.

Точно также многіе думали, что мужу было незнакомо чувство гнѣва, но я помню, когда мужъ еще пылилъ. Правда, это случалось рѣдко. Въ далекіе годы нашей юности, когда Николай Павловичъ былъ еще студентомъ, но уже замѣнялъ отца младшимъ се-

страмъ и брату, я присутствовала иногда при томъ, какъ онъ останавливалъ младшаго брата и, при повторявшемся неповиновеніи послѣдняго, блѣднѣлъ, гнѣвно сдвигалъ брови и повышалъ голосъ. И впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть проявленіе гнѣва у Николая Павловича, но никогда я не слыхала отъ него бранныхъ, язвительныхъ словъ. Мало-по-малу, при сильно развитомъ въ немъ самообладаніи, гнѣвъ его постепенно становился все менѣе замѣтнымъ лицамъ, мало знавшимъ его; но главное — упреки его были всегда такъ доказательны и логичны, что въ концѣ концовъ нельзя было не согласиться съ нимъ. Николая Павловича можно было, конечно, назвать кроткимъ, но кротость его не была безотвѣтной, непротивящейся злу; напротивъ того, онъ до конца жизни боролся со зломъ и обличалъ неправду. Доказательствомъ этого могутъ служить его настойчивыя напоминанія учащейся молодежи объ ея обязанностяхъ и его борьба съ лицами, увлекавшими ее по ложному пути. Въ спорахъ онъ никогда не вдавался въ личные счеты, не отвѣчалъ оскорбленіями на оскорбленія и спорилъ только по существу. Какой скрытой борьбы ему это стоило, можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его краткихъ записокъ, веденныхъ имъ во время его попечительства въ Москвѣ: «На масляницѣ я былъ приглашенъ на блины къ Алексѣеву (А. С.)», писалъ онъ, «вмѣстѣ со многими профессорами юридическаго факультета. Здѣсь меня поразила выходка одного профессора... Зашелъ разговоръ о недостаткахъ лекціонной системы университетскаго преподаванія; я сталъ высказывать свои мысли, уже отчасти извѣстныя всѣмъ присутствовавшимъ, т. е., что на юридическомъ факультетѣ студенты почти ничему не выучиваются — не на-

учаются самостоятельно работать надъ юридическимъ матеріаломъ. Я между прочимъ сказалъ, что юристъ, окончившій курсъ въ университетѣ, не умѣетъ взяться за законы. Одинъ изъ присутствовавшихъ профессоровъ началъ оспаривать меня и, обратившись къ П. А. Некрасову, который хотѣлъ говорить въ мою пользу, сказалъ: «Если примѣнить слова Николая Павловича къ вашимъ наукамъ (математическимъ), то это значило бы слѣдующее: вмѣсто того, чтобы читать лекціи, какъ вы теперь читаете, учите студентовъ считать на счетахъ». Меня передернуло отъ этой дерзости, но я не нашелся въ эту минуту отвѣтить такою рѣзкостью, что «едва ли кто-нибудь изъ присутствующихъ повѣритъ, что я хотѣлъ сказать такую глупость». Дѣйствительно, профессоръ не могъ не помнить, что я не хотѣлъ сказать того, что онъ мнѣ приписывалъ. Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? «Послѣ Доробцовской исторіи мнѣ эта новая рана отъ предполагаемаго друга была очень больна».

Мужъ называетъ рѣзкими невинныя слова, пришедшія ему на умъ послѣ дерзости профессора; будь Николай Павловичъ менѣе сдержанъ, онъ отвѣтилъ бы на покоробившее его грубое замѣчаніе такую же рѣзкость.

Познакомившись подробно съ качествами души Боголѣпова, легче будетъ понять весь трагизмъ его положенія въ смутное время студенческихъ волненій, когда его коварный и ловкій врагъ, не разбирая средствъ, старался воспользоваться этими волненіями, чтобы погубить ненавистнаго ему министра народнаго просвѣщенія.

IV.

Второй годъ министерства Николая Павловича, а именно 1899 г., начался несчастливо для него и для

университета. Съ первыхъ чиселъ января стали носиться слухи о готовившихся студенческихъ безпорядкахъ. Этотъ мѣсяцъ и въ предшествовавшіе годы былъ злосчастнымъ для петербургскаго университета. Съ 1894 года, въ день университетскаго праздника, 8 февраля, учащаяся молодежь ежегодно нарушала порядокъ на улицахъ. Въ 1899 году 8 февраля на актѣ, когда ректоръ читалъ отчетъ, студенты оправдали носившіеся слухи о готовившихся безпорядкахъ: они шумѣли, шикали, свистали и выкрикивали дерзости по адресу начальства. О намѣреніи ихъ устроить скандалъ на актѣ было извѣстно университетскому начальству и Николаю Павловичу. Именно поэтому Боголѣповъ не поѣхалъ на актъ. При возможности скандала, онъ считалъ свое присутствіе на немъ нежелательнымъ, такъ какъ, подвергаясь оскорбленію, министръ навлекаетъ на виновныхъ гораздо болѣе строгія кары. Конечно, это отсутствіе Николая Павловича нельзя объяснить трусостью съ его стороны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить его появленіе среди бунтующей молодежи во времена его профессорства и ректорства, его разговоръ со студентами, когда они грозили ему скандаломъ за введеніе семинаріевъ въ университетѣ и, наконецъ, его поѣздку въ концертъ, гдѣ его ожидало оскорбленіе, о которомъ онъ былъ заранѣе извѣщенъ. Къ сожалѣнію, его прошедшую университетскую дѣятельность мало кто зналъ въ Петербургѣ, и его отсутствіе на актѣ предубѣжденные враги, а за ними и общество, приписали трусости. До настоящаго времени это мнѣніе держится среди его недоброжелателей: я не разъ слышала отъ мало знавшихъ моего мужа лицъ предположеніе, что онъ не поѣхалъ на актъ 1899 г. изъ страха потерпѣть оскорбленіе. Какъ

мы видѣли выше, долголѣтній опытъ доказалъ Боголѣпову, что во время волненій увѣщанія и уговоры не дѣйствуютъ на студенческую толпу, что расходившіяся страсти массы могутъ быть успокоены только рѣшительнымъ проявленіемъ власти и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобы не дать разрастись безпорядкамъ; причемъ быстрое ихъ прекращеніе уменьшаетъ число жертвъ. Руководствуясь этимъ неоднократно пережитымъ опытомъ, мужъ и въ этой злосчастной исторіи петербургскаго университета дѣйствовалъ сообразно тому, что считалъ нужнымъ, для избѣжанія большаго количества жертвъ. Но общество этого не понимало: оно требовало только побольше сердечности къ пятитысячной толпѣ студентовъ, изъ которыхъ большинство было невѣжественно и грубо. Подстрекаемая агитаторами учащаяся молодежь преслѣдовала однѣ революціонныя цѣли и вовсе не нуждалась въ сердечности къ нимъ министра. Нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ разъ студенческія волненія потребовались не однимъ агитаторамъ и тайнымъ революціоннымъ кружкамъ. Описаніе наступающихъ событій послѣ акта 8 февраля 1899 года обнаружило, какое участіе принимали С. Ю. Витте и его сообщники во всей этой университетской исторіи, принявшей небывалые размѣры и перешедшей затѣмъ во всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Интересно заглянуть въ планъ разыгрывавшейся интриги. Уже тогда Витте мечталъ о власти, уже тогда много говорили о томъ, что онъ поставилъ себѣ цѣлью стать премьеръ-министромъ, чтобы, пользуясь неопытностью молодого царя, захватить власть въ свои руки. Для этого онъ желалъ видѣть на всѣхъ министерскихъ постахъ людей, ему преданныхъ и покорныхъ. Уже большая часть изъ нихъ была ему подчинена—князь Хилковъ, министръ

путей сообщенія, А. С. Ермоловъ, министръ земледѣлія, А. Н. Куропаткинъ, военный министръ, С. П. Тыртовъ, морской министръ, и Н. В. Муравьевъ, министръ юстиціи. Правда, послѣдній временами дѣйствовалъ единодушно съ Витте, угождалъ ему и казался его другомъ, но временами, за спиной его, былъ злѣйшимъ врагомъ своего «друга» и обвинялъ его въ самыхъ неблаговидныхъ поступкахъ. Во время описываемой студенческой исторіи Витте и Муравьевъ были большими друзьями. Первый сумѣлъ соблазнить послѣдняго большими посулами. Мечтая о власти, Витте задумалъ спихнуть не подчинявшагося ему министра внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкина и на первыхъ порахъ замѣстить его Муравьевымъ, а затѣмъ уже и самому сѣсть на его мѣсто. Понятно, первая часть его задачи очень улыбалась Муравьеву, а о второй онъ, конечно, не догадывался. Доказательствомъ такихъ намѣреній Сергѣя Юльевича, кромѣ слуховъ, можетъ служить его дальнѣйшее поведеніе по отношенію къ Горемыкину, а именно его скрытыя враждебныя дѣйствія противъ него и настойчивыя постоянныя осужденія распоряженій и мѣръ министра внутреннихъ дѣлъ. Точно такъ же дѣйствовалъ и Муравьевъ по отношенію къ Горемыкину—всегда враждебно и всегда съ насмѣшливымъ порицаніемъ. О видахъ Муравьева на министерство внутреннихъ дѣлъ намъ приходилось слышать отъ служившихъ въ министерствѣ юстиціи знакомыхъ моего брата. Еще настойчивѣе старался Витте спихнуть неудобнаго ему министра народнаго просвѣщенія, который не только не подчинялся ему, но упорно боролся съ нимъ. Самое назначеніе Николая Павловича на постъ министра народнаго просвѣщенія было недружелюбно встрѣчено министромъ финансовъ. Уже

вскорѣ по смерти Делянова онъ старался поставить на его мѣсто преданнаго себѣ человѣка, варшавскаго попечителя Лигина. Послѣ этого понятнымъ становятся то сочувствіе, съ которымъ Витте встрѣтилъ возникшія студенческія волненія, и та настойчивость, съ которой онъ способствовалъ распространенію безпорядковъ. Сколько могло при этомъ представиться случаевъ изловить противника въ ошибкахъ или неосторожности, какъ легко становилось вредить ему словомъ и дѣломъ и въ концѣ-концовъ погубить!.. Витте началъ свои боевыя дѣйствія съ того, что поѣхалъ на университетскій актъ, чего до тѣхъ поръ никогда не дѣлалъ. Должно быть, онъ хотѣлъ быть очевидцемъ того, что на немъ произойдетъ чтобы впослѣдствіи по-своему свидѣтельствовать о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Событія послѣ университетскаго праздника шли быстро, и студенты съ каждымъ днемъ пріобрѣтали больше смѣлости. Тотчасъ послѣ акта молодежь вышла изъ университета громадной толпой и двинулась по набережной Невы по направленію къ дворцовому мосту. Близъ Румянцовскаго сквера ихъ встрѣтилъ конный полицейскій, посланный для наблюденія за дѣйствіями студентовъ. При появленіи полицейскаго, студенты стали бросать въ него комки снѣга, метлы и лопаты. Полицейскій ускакалъ, но, спустя нѣсколько минутъ, подъѣхалъ къ студентамъ конный отрядъ полиціи, который опять-таки сталъ только наблюдать за ихъ дѣйствіями. И этихъ полицейскихъ студенты закидали комками снѣга. метлами, лопатами, палками; былъ даже брошенъ фонарь, который ранилъ двоихъ городовыхъ. Тогда офицеръ отряда скомандовалъ: «Въ нагайки!» Посыпались удары нагаекъ, и толпа разбѣжалась. Общество и даже часть правительства стали обви-

нять полицію въ употребленіи грубыхъ средствъ при усмиреніи увлекавшейся молодежи, ничего дурного не замышлявшей. Какъ извѣстно, во всѣ времена и во всѣхъ европейскихъ странахъ полиція усмиряетъ нарушителей порядка; иначе она не имѣла бы причины существовать. Въ Англіи и въ Германіи она даже довольно грубо примѣняетъ свои обязанности. У насъ же самыя справедливыя дѣйствія полиціи подлежатъ осужденію, въ особенности, если ей приходится имѣть дѣло съ учащейся молодежью; послѣдняя у насъ никогда виноватой не оказывается, а первая—всегда. Большинство общества, защищая студентовъ, не догадывалось, что безпорядки, учиняемые послѣдними, имѣютъ политическую подкладку. Конечно, правительственныя лица, какъ министры Витте, Хилковъ, Муравьевъ и Ермоловъ, имѣвшіе въ своихъ вѣдомствахъ высшія учебныя заведенія, а также профессора — отлично понимали настоящій смыслъ студенческихъ смутъ, но они не хотѣли въ этомъ признаться и всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ничего грознаго не представляютъ и являются только выраженіемъ юношескаго задора. Понятно, что студенты, встрѣчая вездѣ сочувствіе, стали воображать себя героями. Одни изъ нихъ, посвященные въ политическіе виды своихъ тайныхъ революціонныхъ руководителей, возомнили себя передовыми дѣятелями, призванными спасти Россію отъ произвола и деспотизма правительства. Другіе, болѣе невинныя жертвы революціонныхъ кружковъ, т. е. студенты, не посвященные въ политическіе виды агитаторовъ,—вообразили себя борцами за студенческую независимость противъ несправедливыхъ притязаній университетскаго начальства. Та и другая партія, увлекаемая своими во-

жаками, собирали сходку за сходкой въ аудиторіяхъ университета. Первый вопросъ, поднятый на этихъ сходкахъ, былъ, какого вознагражденія требовать за оскорбленія, нанесенныя полиціей студентамъ въ день акта. Кажется, было рѣшено требовать наказанія офицера, скомандовавшаго: «въ нагайки»; затѣмъ, на этихъ сходкахъ обсуждались всевозможные вопросы. ничего общаго не имѣвшіе съ указаннымъ рѣшеніемъ. Студенты постановили требовать отмѣны устава 1884-го года и возобновленія устава 1863 года (т. е. автономіи университетовъ). Въ концѣ концовъ они рѣшили добиваться прекращенія занятій во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣднія разсылались изъ петербургскаго университета депутаты съ требованіемъ, чтобы всѣ учащіеся отказывались учиться, т. е. настаивали на общей забастовкѣ. На сходкахъ участвовало громадное количество студентовъ, до 2000 и болѣе. Сходки тогда еще были запрещены закономъ. Собравшись въ большомъ количествѣ, бунтовавшіе студенты мѣшали мирному ходу занятій благонамѣренныхъ товарищей, желавшихъ учиться. Они врывались въ аудиторіи, прогоняли изъ нихъ профессоровъ, читавшихъ лекціи, приглашали слушавшихъ студентовъ присоединяться къ нимъ, чтобы итти на сходку. Противившихся они силою увлекали съ собою. Профессора невольно отступали передъ ихъ требованіями. Впрочемъ, многіе изъ нихъ и не желали бороться: одни сочувствовали студентамъ, другіе боялись ихъ. Трудно было сдерживать эту небывалую еще студенческую смуту, въ особенности при настроеніи профессоровъ и при поведеніи университетскаго начальства. Помощникъ попечителя петербургскаго округа Л. И. Лаврентьевъ, набалованный системой управленія министра Деля-

нова и попечителя Капустина, привыкъ смотрѣть сквозь пальцы на все, что дѣлалось въ университетѣ. Деляновъ во все свое долголѣтнее управленіе держался правила, столь удачно выраженнаго французами: «laisser faire, laisser passer», — лишь бы все было шито-крыто, и не было бы никакихъ исторій. Вслѣдствіе этого въ петербургскомъ университетѣ господствовала страшная распущенность. Ректоръ, инспекторъ и его помощники халатно относились къ своимъ обязанностямъ. Студенты почти не учились и относились къ начальству невнимательно, даже небрежно. Что же касается профессоровъ, то они всего болѣе заботились о пріобрѣтеніи популярности между студентами. Свое назначеніе—духовныхъ руководителей и учителей студентовъ—они забывали. Особенно трудно было положеніе инспекціи, и студенты относились къ ней крайне враждебно. Благодаря этому, инспектора и ихъ помощники, въ погонѣ за популярностью, неохотно вмѣшивались въ студенческія дѣла и были даже мало знакомы со студентами: въ лицо они почти никого не знали, что не позволяло имъ противодѣйствовать студенческимъ сходкамъ, даже если бы они этого и пожелали. Инспектора должны знать студентовъ. Во время сходокъ они должны переписывать всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ и отмѣчать зачинщиковъ безпорядковъ. Когда зачинщики становятся достаточно извѣстными, ихъ высылаютъ. Такъ дѣлалось въ московскомъ университетѣ во времена ректорства и попечительства Боголѣпова, когда ему удавалось довольно быстро прекращать студенческія смуты. Наоборотъ, увѣщанія и отеческія дружественныя бесѣды со сбитой съ толку толпой не приводили къ желаемому успокоенію. Напротивъ, такія бесѣды вызывали обыкновенно въ студентахъ надежду ду-

темъ долгихъ, упорныхъ переговоровъ заставить начальство уступить имъ. Въ такихъ случаяхъ требованія ихъ все болѣе и болѣе росли и, при отказахъ со стороны начальства, доходили до дерзостей и застращиваній. Такъ, напр., во второе ректорство Николая Павловича, въ 1893 году, во время бурныхъ безпорядковъ, попечитель гр. Капнистъ обратился въ университетскомъ дворѣ къ громадной толпѣ тѣснившихъ его студентовъ съ увѣщаніями, а тѣ дерзостями заставили его замолчать. Говорили даже, что одинъ изъ студентовъ далъ гр. Капнисту пощечину. Какъ бы то ни было, но толпа не разошлась, а попечитель былъ принужденъ удалиться. Николаи Павловичъ также не разъ пытался говорить съ многочисленной толпой, и хотя дѣло не доходило до оскорбленій, но слова его всегда бывали заглушаемы громкими криками и неосуществимыми требованіями студентовъ.

Тѣмъ *не менѣе*, въ *Петербургѣ*, въ *годы министерства* Боголѣпова, всѣ — и правительство, и университетское начальство, и почти все общество— настаивали на самыхъ дружелюбныхъ и мягкихъ мѣрахъ съ бунтующими студентами и въ особенности указывали на увѣщанія, какъ на лучшее средство ихъ успокоить. Это очень связывало Николая Павловича.

Къ этимъ затрудненіямъ прибавилось еще безтактное поведеніе ректора, профессора Сергѣевскаго, который своими насмѣшками надъ студентами, въ бесѣдахъ съ ними, подливалъ масло въ огонь. Любопытна одна его рѣчь, съ которою онъ обратился однажды къ собравшейся на сходку многочисленной толпѣ студентовъ. Порицая ихъ неразумный образъ дѣй-

ствій, онъ спросилъ ихъ, чего они добиваются своими безпорядками, и при этомъ добавилъ: «Положимъ, моей отставки вы можете добиться, отставки попечителя также, а затѣмъ дальше—что вы сдѣлаете?» Такими словами онъ давалъ имъ преувеличенное представленіе объ ихъ силѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, слова ректора подзадоривали ихъ доказать, что они могутъ добиться и большаго.

Чтобы внушить университетскому начальству больше единодушія и энергіи и указать имъ цѣлесообразный образъ дѣйствій, Боголѣповъ много разъ приглашалъ къ себѣ на квартиру попечителя петербургскаго учебнаго округа, ректора петербургскаго университета и директоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и обсуждалъ съ ними мѣры, необходимыя для водворенія порядка. Не разъ также вызывалъ къ себѣ Николай Павловичъ и студенческихъ инспекторовъ и давалъ имъ надлежащія указанія; но, благодаря тому, что все университетское начальство держало себя до тѣхъ поръ далеко отъ студентовъ и не знало ихъ, всѣ эти указанія пропадали даромъ и оказывались неосуществимыми. Даже полиція, напуганная, должно быть, гнѣвнымъ протестомъ всего общества противъ употребленія нагаекъ, держала себя очень сдержанно и мало принимала участія въ усмиреніи бунтовавшихъ студентовъ. Желая вызвать ее къ дѣятельности, Боголѣповъ ѣздилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Горемыкину и доказывалъ ему, что полиціи необходимо знать и отыскивать зачинщиковъ студенческаго движенія, чтобы избѣжать большаго числа невинныхъ жертвъ. Горемыкинъ сперва хорохорился и запальчиво кричалъ, что зачинщиковъ должно знать университетское начальство, а дѣло полиціи только ихъ аресто-

вать. На такое заявленіе Николай Павловичъ возразилъ, что полиціи легче, чѣмъ университетскому начальству, отыскивать виновныхъ, такъ какъ послѣдніе принадлежатъ къ тайнымъ политическимъ кружкамъ, съ которыми полиція часто имѣетъ дѣло и должна быть хорошо знакома; между тѣмъ для университетскаго начальства отыскиваніе зачинщиковъ затруднительно—при умѣніи послѣднихъ искусно прятаться за спиною выдвигаемыхъ ими невинныхъ жертвъ. Послѣ долгихъ пререканій, Боголѣпову, наконецъ, удалось, съ обычной ему спокойной твердостью, убѣдить Горемыкина въ необходимости болѣе дѣятельнаго вмѣшательства полиціи въ университетскіе безпорядки.

Изъ Петербурга въ описываемое время, какъ сказано было выше, волненія и безпорядки быстро передались во всѣ высшія учебныя заведенія Россіи; они охватили ихъ, какъ вѣтромъ раздуваемый пожаръ. Университетская молодежь, подстрекаемая ловкими агитаторами, заявляла сочувствіе петербургскимъ студентамъ и дерзко требовала удовлетворенія за поруганную честь своихъ товарищей. Къ этимъ заявленіямъ присоединялись и другія требованія, какъ, напр., возвращеніе устава 1863 года, допущеніе женщинъ въ университетъ и равноправіе евреевъ,—все вопросы, конечно, не подлежащіе разрѣшенію студентовъ. Въ петербургскомъ университетѣ и технологическомъ институтѣ дерзость и беззастѣнчивость молодежи дошли до того, что Николай Павловичъ принужденъ былъ выслать на родину главныхъ зачинщиковъ смуты въ числѣ 75 человѣкъ. На этотъ разъ и эта мѣра уже не помогла, потому что студенты встрѣтили сочувствіе нѣкоторыхъ министровъ и надѣялись на поддержку. Къ тому же, сту-

денты хорошо знали, что правительство раскололось и дѣйствуетъ не единодушно. Бывали случаи, когда сами студенты свидѣтельствовали о поддержкѣ главаря либеральной правительственной партіи, С. Ю. Витте. На одной изъ сходокъ ораторъ-студентъ съ каѳедры убѣждалъ товарищей продолжать обструкцію и настаивать на исполненіи ихъ требованій. Ободряя ихъ, онъ воскликнулъ: «Господа, министръ Витте за насъ».

Когда безпорядки значительно усилились, министры, имѣвшіе въ своемъ вѣдомствѣ высшія учебныя заведенія, рѣшили созвать совѣщаніе для обсужденія средствъ, которыя могли бы способствовать ихъ умиротворенію. На этомъ совѣщаніи должны были собраться всѣ министры, исключая морского и иностранныхъ дѣлъ. Еще до засѣданія Боголѣповъ узналъ, что Витте готовитъ записку, которую онъ намѣренъ подать Государю съ согласія другихъ министровъ. Эта записка должна была обсуждаться на описываемомъ засѣданіи. Въ запискѣ Витте просилъ Его Величество назначить разслѣдованіе для отысканія виновниковъ университетской исторіи 8-го февраля 1899 года. Николай Павловичъ возсталъ противъ такого разслѣдованія, находя его опаснымъ. Онъ былъ убѣжденъ, что оно лишь усилитъ волненія, потому что внушитъ студентамъ увѣренность, что это—уступка ихъ дерзкимъ требованіямъ, подкрѣпленнымъ безпорядками. Послѣдствіемъ такой увѣренности будутъ предъявленія все болѣе и болѣе неисполнимыхъ требованій, и надо будетъ или удовлетворять ихъ, или же прибѣгать къ строжайшимъ мѣрамъ усмиренія. Боголѣповъ подозрѣвалъ, что записка была задумана министромъ финансовъ съ цѣлью спихнуть Горемыки-

на [1]). Предвидя маневры, угрожавшіе спокойствію высшихъ учебныхъ заведеній, Ник. Павловичъ наканунѣ министерскаго совѣщанія убѣждалъ военнаго министра Куропаткина не соглашаться на это разслѣдованіе; но мужъ не зналъ еще тогда, что Куропаткинъ принадлежалъ также къ послушнымъ послѣдователямъ Витте. Такимъ образомъ уговоры мужа пропали даромъ. На совѣщаніи Витте прочелъ свою записку, которая, кромѣ цѣли повредить мѣшавшимъ ему сотоварищамъ, имѣла еще назначеніе пріобрѣсти популярность ея автору. Въ ней министръ финансовъ коснулся, конечно, факта возникновенія безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ, при чемъ прибавилъ, что самъ былъ на послѣднемъ актѣ (вотъ почему ему понадобилось поѣхать на никогда дотолѣ не посѣщавшійся имъ университетскій актъ) и лично удостовѣрился, что настроеніе студентовъ на этомъ актѣ было хорошее, такъ какъ они почтительно выслушали гимнъ «Боже, Царя храни», и только появленіе ректора на каѳедрѣ вызвало свистки и крики съ ихъ стороны. Далѣе авторъ записокъ ставилъ вопросъ о причинѣ волненій и напоминалъ, что юношескій темпераментъ, какъ онъ знаетъ по собственному студенческому опыту, нельзя равнять съ темпераментомъ зрѣлаго человѣка, что юноши гораздо впечатлительнѣе и легче оскорбляются. «Правильно или нѣтъ», писалъ министръ финансовъ, «но студенты были убѣждены, что они подвергались оскорбленію: по ихъ мнѣнію, обида была нанесена сперва ректоромъ съ его угрозами, а затѣмъ полиціей». «Можетъ быть», продолжалъ Витте, «все это очень преувели-

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что разслѣдованіе имѣло цѣлью навредить не одному Горемыкину, но и самому Боголѣпову

чено, и взрослые люди не позволили бы себѣ изъ-за этого нарушенія порядка, но именно тутъ надо принимать во вниманіе юношескій темпераментъ и еще то, что молодой человѣкъ серьезно считаетъ крупнымъ событіемъ то, что намъ кажется мелочью. Чтобы успокоить молодежь, недостаточно однихъ наказаній, надо разслѣдовать обстоятельства дѣла и объявить во всеуслышаніе результаты разслѣдованія. Но сдѣлать это обычнымъ порядкомъ, черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, теперь невозможно, потому что возбужденное общественное мнѣніе этимъ не удовлетворится». Витте совѣтовалъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о порученіи разслѣдованія какому-либо высокопоставленному лицу, стоящему внѣ упомянутаго вѣдомства.

Министры: юстиціи — Муравьевъ, путей сообщенія—Хилковъ, государственныхъ имуществъ—Ермоловъ, и военный—Куропаткинъ—съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ этой запискѣ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, Побѣдоносцевъ, отнесся къ ней холодно, но, тѣмъ не менѣе, на совѣщаніи согласился съ предложеніемъ Сергѣя Юльевича. Онъ выразилъ увѣренность, что разслѣдованіе никакихъ серьезныхъ результатовъ не дастъ, но можетъ быть принято, какъ средство психологическаго воздѣйствія для успокоенія университетовъ и общества.

Только министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ и Николай Павловичъ высказались противъ разслѣдованія. Первый находилъ, что оно можетъ имѣть опасныя послѣдствія въ виду сильнаго броженія, происходившаго въ то время въ революціонныхъ кружкахъ, а Боголѣповъ говорилъ, что считаетъ опаснымъ и нежелательнымъ пріучать толпу, по поводу всякаго ея неудовольствія, ожидать устраненія

обычной власти и вмѣшательства власти верховной. «Можно опасаться», говорилъ онъ, «что при будущихъ волненіяхъ и неудовольствіяхъ сама толпа будетъ требовать такого исключительнаго разслѣдованія». Взамѣнъ послѣдняго Боголѣповъ предлагалъ опубликовать правительственное сообщеніе, въ которомъ указывалось бы, что лица, дѣйствительно невинно пострадавшія при безпорядкахъ, могутъ добиться исполненія своихъ законныхъ требованій путемъ обращенія къ обычнымъ властямъ. (При этихъ словахъ Муравьевъ иронически перебилъ его: «Да? Къ предержащимъ властямъ»). Всѣ министры, исключая Горемыкина и Побѣдоносцева, встрѣтили возраженіе Николая Павловича рѣзкими, даже грубоватыми замѣчаніями, въ особенности Витте. Однако, несмотря на свои энергическія возраженія, Боголѣповъ счелъ необходимымъ подписаться подъ запиской Витте, чтобъ его не заподозрили въ боязни разслѣдованія, при которомъ подлежали разсмотрѣнію не одни распоряженія и дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, но и его собственныя. Любопытно, что Побѣдоносцевъ, подписавшійся безъ возраженій подъ запиской Витте, по окончаніи засѣданія подошелъ къ мужу и рѣшительно высказался противъ разслѣдованія, а вечеромъ того же дня написалъ Государю письмо, въ которомъ изложилъ все сказанное Николаю Павловичу. Государь согласился на разслѣдованіе и поручилъ его генералу П. С. Ванновскому, бывшему военнымъ министромъ при Александрѣ Ш-мъ.

Предвидя мало хорошаго отъ разслѣдованія, Николай Павловичъ рѣшилъ прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, чтобы выиграть время и обдумать положеніе. Онъ велѣлъ, въ виду наступавшей масленицы, временно закрыть университеты. Въ серединѣ первой не-

дѣли Великаго поста, по распоряженію мужа, они были снова открыты [1]); при чемъ студентамъ было обѣщано возвращеніе ихъ товарищей, если мирныя занятія въ университетѣ возобновятся. Казалось, все благопріятствовало водворенію мира и спокойствія въ учебныхъ заведеніяхъ: правительство обѣщало имъ разслѣдовать дѣйствія полиціи и, въ случаѣ ея виновности, наказать провинившихся; затѣмъ было обѣщано студентамъ, что ихъ высланные товарищи будутъ возвращены, лишь только водворится порядокъ и возобновятся занятія, но, къ сожалѣнію, случилось такъ, какъ того опасался Николай Павловичъ. Въ первые дни, когда Высочайшее повелѣніе было объявлено, студенты дѣйствительно вели себя тише и приступили къ занятіямъ. Тогда, согласно обѣщанію министра народнаго просвѣщенія, высланные изъ Москвы и Петербурга зачинщики безпорядковъ были возвращены. Но спокойствіе продолжалось весьма недолго. Безпорядки возобновились сначала въ Кіевѣ и Харьковѣ, гдѣ студенты стали требовать, чтобы были возвращены и ихъ высланные товарищи. Николай Павловичъ не считалъ нужнымъ возвращать тамъ высланныхъ, потому что харьковскіе и кіевскіе студенты волновались безъ всякихъ причинъ, изъ одного подражанія. Тогда волненія опять передались въ петербургскій и московскій университеты и возобновились еще съ большею силою, чѣмъ прежде. Назначенное разслѣдованіе возбуждало еще болѣе студентовъ и вызывало новыя притязанія съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе, что записка Витте была намѣренно пущена среди нихъ.

---

[1]) На время масленицы университетъ обыкновенно закрывался, и Николай Павловичъ только продлилъ отпускъ на 3 дня.

Оправдывая передъ правительствомъ ихъ притязанія и смуты и давая имъ надежды на успѣхъ, она дѣйствовала, какъ искра въ пучкѣ соломы. Въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ стали опять разбрасываться прокламаціи возмутительнаго содержанія, полныя насмѣшекъ надъ высшею властью. Всѣ онѣ настаивали на продолженіи обструкціи до тѣхъ поръ, пока всѣ высланные студенты не будутъ возвращены. Въ карманѣ одного арестованнаго студента, оказавшагося политически неблагонадежнымъ, нашли прокламацію съ совѣтомъ учащейся молодежи пользоваться расположеніемъ къ ней общества, которое убѣждено, что причины безпорядковъ невинны и безвредны. «Общество», говорилось въ прокламаціи, «увѣрено, что университетскія волненія были только выраженіемъ оскорбленнаго чувства студентовъ. Такое мнѣніе очень выгодно для насъ и должно насъ радовать». Въ концѣ концовъ, въ этомъ письменномъ обращеніи, высказывался совѣтъ и впредь продолжать искусно скрывать политическіе мотивы и причину университетскихъ безпорядковъ. Несмотря на то, что студенческія прокламаціи были извѣстны обществу, послѣднее продолжало смотрѣть на университетскія волненія, какъ на невинное проявленіе юношескаго задора, при чемъ обвиняло министра народнаго просвѣщенія въ безсердечной строгости къ учащейся молодежи. Въ это время министры (тѣ, которые имѣли въ своемъ вѣдомствѣ учебныя заведенія), убѣдившись, что обѣщаніе разслѣдованія не умиротворяетъ студентовъ, стали поговаривать о рѣшительныхъ мѣрахъ и признали необходимымъ собраться опять для совѣщанія. Прежде всего высказался въ этомъ смыслѣ Витте. Онъ пріѣхалъ къ Николаю Павловичу и предло-

жилъ ему собрать въ своей квартирѣ новое министерское совѣщаніе. Боголѣповъ на совѣщаніе согласился, но, считая себя младшимъ изъ министровъ (онъ былъ министромъ только второй годъ, а остальные занимали эту должность уже нѣсколько лѣтъ), предложилъ собраться всѣмъ опять у Горемыкина. Витте согласился, но затѣмъ онъ, Муравьевъ и Куропаткинъ не пріѣхали на это совѣщаніе,—должно быть, изъ непріязни къ Горемыкину. Пріѣхали только князь Хилковъ, А. С. Ермоловъ и Боголѣповъ. Горемыкинъ, по своему обыкновенію, мало высказывался, а болтливый старичокъ Хилковъ много распространялся о необходимости сердечно и отечески относиться къ студентамъ. При этомъ онъ приводилъ въ примѣръ себя и свои сердечные разговоры съ 10,000 толпой рабочихъ, которыхъ ему всегда удавалось успокоить дружелюбными разговорами. Что же касается студентовъ института путей сообщенія, то князь Хилковъ увѣрялъ, что ему удается водворять среди нихъ порядокъ ласковыми увѣщаніями и обѣщаніемъ выйти въ отставку въ случаѣ, если они не успокоятся. Конечно, онъ говорилъ неправду, потому что въ институтѣ путей сообщенія студенты продолжительно и бурно волновались, какъ и въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — если не больше еще. Разница заключалась только въ томъ, что князь Хилковъ и институтское начальство скрывали отъ вѣдѣнія публики всѣ безобразія, творившіяся въ ихъ институтѣ.

Ермоловъ говорилъ почти то же, что Хилковъ, но менѣе настойчиво и безъ лишнихъ подробностей. Понятно, что на такомъ совѣщаніи, на которомъ преобладала хвастливая болтовня, министры не могли притти ни къ какому рѣшенію. Подъ конецъ засѣданія Ни-

колай Павловичъ пересталъ даже возражать князю, который ораторствовалъ безъ удержу.

Однако, волненія продолжались съ прежней политической окраской. Сдержать студентовъ въ предѣлахъ приличія и сколько-нибудь водворить спокойствіе въ учебныхъ заведеніяхъ до окончанія разслѣдованія было невозможно. Но министры не теряли надежды на успѣхъ ихъ предпріятія и согласились собраться опять. На этотъ разъ они съѣхались всѣ, и даже на совѣщаніе пріѣхалъ генералъ Ванновскій. Съ самаго начала засѣданія Витте, Муравьевъ и Куропаткинъ высказывались за необходимость прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ для прекращенія безпорядковъ. На этотъ разъ они сами настаивали на высылкѣ зачинщиковъ, какъ на самомъ цѣлесообразномъ средствѣ: «Высылать и высылать», говорили они, «до тѣхъ поръ, пока не станетъ совершенно спокойно, хотя бы пришлось высылать тысячами». Николаю Павловичу хотѣлось замѣтить, что если бы правительство съ самаго начала энергично противодѣйствовало безпорядкамъ, то не явилось бы теперь необходимости высылать студентовъ тысячами: вначалѣ можно было бы обойтись гораздо меньшимъ количествомъ жертвъ, что было бы гораздо человѣчнѣе. Но отъ такого замѣчанія мужъ удержался, чтобы не вовлечь собравшихся министровъ въ безполезное препирательство. Тутъ, какъ и всегда, Николай Павловичъ, имѣя въ виду одинъ интересъ обсуждаемаго вопроса, не воспользовался случаемъ, чтобы доказать справедливость своихъ сужденій и мѣръ, предпринятыхъ незадолго до этого; а между тѣмъ большая настойчивость въ защитѣ своихъ дѣйствій и распоряженій поддержала бы его авторитетъ и пріобрѣла бы ему больше сторонниковъ. Такая защита необхо-

дима была еще въ виду неразборчивости средствъ, къ которымъ прибѣгали ловкіе честолюбцы, враждовавшіе съ нимъ. Они, въ противоположность Николаю Павловичу, старались всячески въ ущербъ истинѣ обѣлить себя: такъ, въ данномъ случаѣ, Витте, Муравьевъ и Куропаткинъ утверждали, что они потому прежде были противниками высылокъ, что безпорядки ранѣе не носили политическаго характера. По ихъ словамъ, студенческими волненіями агитаторы воспользовались, когда уже послѣднія разрослись. Ванновскій также былъ ихъ мнѣнія, но мужъ съ прежней увѣренностью доказывалъ имъ противоположное, напоминая о найденной у вышеупомянутаго арестованнаго студента запискѣ и о результатѣ обысковъ полиціи въ студенческой столовой и въ частныхъ квартирахъ[1]). Послѣ долгихъ споровъ и преній министры рѣшили закрыть всѣ высшія учебныя заведенія и во время закрытія ихъ выслать изъ Петербурга самыхъ опасныхъ зачинщиковъ. При этомъ министры сговорились сообщать другъ другу принимаемыя каждымъ въ отдѣльности мѣры, но этого обѣщанія Витте, Хилковъ и Ермоловъ не сдержали и дѣйствовали втихомолку. Черезъ день или два послѣ этого засѣданія Николай Павловичъ получилъ отъ Государя записочку съ приглашеніемъ явиться къ Нему на другой день въ 7 часовъ вечера. Государь разспрашивалъ Боголѣпова обо всемъ происходившемъ на послѣднемъ засѣданіи. Боголѣповъ передалъ Ему въ общихъ чертахъ пренія министровъ и, между прочимъ, упомянулъ о мнѣніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно, что студенческіе безпорядки стали носить политическій характеръ, только

---

[1]) Въ то время полиція нашла въ студенческой столовой много запрещенныхъ книгъ и большую кипу прокламацій

когда разрослись. Государь усмѣхнулся и замѣтилъ: «Должно быть, это говорилъ министръ финансовъ». «И министръ юстиціи, и военный министръ,—Ваше Величество», отвѣтилъ Николай Павловичъ. «Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что безпорядки имѣли политическую подкладку съ самаго ихъ возникновенія». Въ этотъ разъ, какъ часто и раньше. Государь настоятельно убѣждалъ мужа не смущаться противодѣйствіемъ публики и министровъ и твердо и неуклонно слѣдовать разъ выбранному направленію. Когда же Николай Павловичъ жаловался на трудность борьбы съ расходившейся молодежью при недостаткѣ единодушія и твердости со стороны правительственныхъ лицъ, Государь воскликнулъ съ неудовольствіемъ: «Почему же между ними нѣтъ единодушія?» Въ другой разъ, окончивъ свой докладъ, Николай Павловичъ еще откровеннѣе, чѣмъ когда-либо, высказался предъ Государемъ и просилъ Его назначить другого министра народнаго просвѣщенія, который по взглядамъ своимъ болѣе подходилъ бы къ направленію большинства министровъ и всего общества. «Хотя я твердо вѣрю», говорилъ онъ, «въ правильность своихъ взглядовъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ признаю, что всякій человѣкъ можетъ смотрѣть односторонне и можетъ ошибаться. Нѣтъ ничего хуже отсутствія единодушія въ столь бурное время, при рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ. Только, рѣшившись на другую систему управленія университетами, надо проводить ее послѣдовательно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дабы могли обнаружиться ея плоды». Государь опять съ неудовольствіемъ возразилъ: «Да почему же нѣтъ единодушія между правительственными лицами? Это меня бѣситъ. Я рѣдко сержусь и волнуюсь, но эти отношенія положительно меня бѣсятъ. Скажите ми-

нистрамъ, что я приказываю имъ собраться и притти къ единодушному рѣшенію».

Вскорѣ послѣ этихъ разговоровъ съ Государемъ, Николаю Павловичу еще нѣсколько разъ пришлось быть у Него. Всякій разъ Царь былъ очень милостивъ, а мужъ попрежнему продолжалъ высказывать взглядъ, что правительство должно дѣйствовать опредѣленно и твердо, а иначе студенты, профессора и общество, разсчитывая на слабость правительства, смѣлѣе вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Государь, казалось, соглашался съ доводами мужа.

Государь часто поддавался вліянію людей, разговаривавшихъ съ нимъ очень рѣшительно и увѣренно: отсюда колебаніе между совершенно противоположными направленіями [1]). Разговаривая съ мужемъ, онъ склонялся на его сторону, но затѣмъ пріѣзжалъ къ Нему Витте, говорилъ съ Нимъ — и послѣдній соглашался и съ Витте, тѣмъ болѣе, что Сергѣя Юльевича поддерживали его сторонники, а они были многочисленны. Если бы Витте былъ

---

1) Доказательствомъ большой мягкости Царя можетъ служить слѣдующій любопытный случай. За годъ до описываемыхъ событій (какъ я писала уже выше) Николай Павловичъ просилъ Государя не позволять другимъ министрамъ, кромѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, самостоятельно основывать или отбирать въ свое вѣдомство школы — земледѣльческія, техническія, торговыя или лѣсныя Государь согласился съ этимъ взглядомъ, но, годъ спустя, мужъ неожиданно узналъ, что министръ финансовъ строитъ громадное зданіе около Лѣсного для большого политехникума Витте не заикнулся объ этомъ Николаю Павловичу, но послѣдній понялъ, что Витте не могъ приниматься за такую постройку безъ позволенія Царя и, конечно, строилъ такое училищное зданіе не для того, чтобы отдать его въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія Поэтому, на одномъ изъ своихъ докладовъ Царю, Боголѣповъ упомянулъ объ этомъ строящемся политехникумѣ и прибавилъ «Навѣрное, Ваше Величество, слышали объ этомъ?» Государь смутился, покраснѣлъ и отвѣтилъ. «Да, разговоръ объ этомъ былъ, какъ-то еще весной». Очевидно, Государь одинаково не рѣшался отказать въ просьбѣ и Витте, и мужу.

одинъ, можетъ быть, онъ имѣлъ бы менѣе успѣха, потому что Государь сильно не любилъ его. Это проглядывало въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ Его Величества и подтвердилось слѣдующимъ разсказомъ А. Н. Нарышкиной, лучшимъ другомъ Сергѣя Юльевича. Она передавала мужу, какъ однажды Царь обѣдалъ у нихъ и, услыхавъ отъ нея, что министръ финансовъ Его боится, сказалъ: «Я этому очень радъ: такой человѣкъ, какъ Сергѣй Юльевичъ, долженъ кого-нибудь бояться, чтобы дѣлать менѣе зла». Но едва-ли вѣрно было предположеніе А. Н. Нарышкиной о страхѣ Сергѣя Юльевича передъ царемъ. Столь беззастѣнчивый человѣкъ, какъ Витте, не можетъ бояться праведника. Нѣкоторыя лица утверждали, напротивъ того, что Его Величество боялся министра финансовъ, и, какъ многіе нервные и впечатлительные люди, невольно подчинялся человѣку, внушающему ему страхъ. Справедливо ли было такое предположеніе, не знаю, но во всякомъ случаѣ несомнѣнна была нерѣшительность Царя при столкновеніи двухъ сильныхъ противоположныхъ взглядовъ. Такая нерѣшительность проявилась и при обсужденіи, какого рода правительственное сообщеніе должно было явиться въ печати: слушая доводы мужа, Царь соглашался съ нимъ, что это сообщеніе должно быть строгое и внушительное; а затѣмъ поддался упорному и властному давленію единомышленниковъ Витте и склонился ко мнѣнію, что необходимъ тонъ болѣе мягкій. По повелѣнію Государя, переданному Боголѣповымъ министрамъ, они собрались на совѣщаніе снова и въ этотъ разъ единодушно рѣшили издать правительственное сообщеніе, въ которомъ сперва излагался весь ходъ послѣднихъ событій во всѣхъ университетскихъ городахъ, а въ заключеніе студенты

предупреждались, что они не должны надѣяться на то, чтобы правительство приняло какія-нибудь мѣры подъ вліяніемъ ихъ давленія, и что никакихъ перемѣнъ въ обычномъ порядкѣ занятій не будетъ, хотя правительство и готово оказать снисхожденіе тѣмъ, которые по молодости и неопытности лѣтъ были вовлечены въ безпорядки неблагонамѣренными людьми.

Согласно рѣшенію этого третьяго совѣщанія, всѣ высшія учебныя заведенія были закрыты, при чемъ во всѣхъ университетскихъ городахъ были уволены и высланы на родину зачинщики и бунтари. Такими средствами надѣялись спасти тѣхъ студентовъ, которое желали учиться и искренно возставали противъ обструкціи. Однако правительственное сообщеніе, которое, по постановленію послѣдняго совѣщанія, должно было быть опубликовано, не появилось въ печати. Какія были выставлены для этого причины, я не помню, но могу почти съ достовѣрностью сказать, что министръ финансовъ и его сообщники намѣренно откладывали опубликованіе сообщенія, такъ какъ въ скоромъ времени должно было выйти въ печать другое сообщеніе, опровергающее первое и являющееся послѣдствіемъ разслѣдованія Ванновскаго. Отысканіемъ и высылкой зачинщиковъ смутъ занимался министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ. Онъ накрылъ и арестовалъ студенческій организаціонный комитетъ, который руководилъ безпорядками. Отобранныя у этого комитета прокламаціи свидѣтельствовали объ его противоправительственныхъ задачахъ. Въ нихъ говорилось, что цѣлью студенческаго движенія должна быть «сдача самодержавія въ историческую гробницу». Послѣ ареста перваго состава комитета тотчасъ же на его мѣсто выступили новые кандидаты—и такъ до трехъ разъ. Всѣ три состава были

арестованы. Первый и второй изъ нихъ были накрыты въ студенческой столовой, при чемъ обнаружилось, что во главѣ этого комитета стоялъ братъ одного изъ университетскихъ приватъ-доцентовъ.

Къ серединѣ апрѣля всѣ высшія учебныя заведенія были открыты для экзаменовъ, но, несмотря на то, что большая часть зачинщиковъ были удалены, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ экзамены на первыхъ же порахъ не обошлись безъ исторій и скандаловъ. Оно и понятно: студенты разсчитывали на помощь и поддержку со стороны нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ и ждали конца разслѣдованія Ванновскаго, который обнаруживалъ большую склонность относиться снисходительно къ студентамъ. Всего тише прошли экзамены въ медико-хирургической академіи, гдѣ въ то время еще не выдохлась военная дисциплина. Хотя и тамъ первокурсники и второкурсники настаивали на продолженіи обструкціи, но ихъ товарищи старшихъ курсовъ живо положили конецъ ихъ попыткамъ бунтовать. Старшіе студенты тогда твердо знали, что въ военной академіи виновники живо угодятъ въ дисциплинарный батальонъ, гдѣ служить не сладко; при чемъ пропадетъ нѣсколько лѣтъ ученья, и отсрочится время окончанія курса. Слушательницы женскихъ медицинскихъ курсовъ, всегда слѣдовавшія примѣру студентовъ медиковъ, также отказались отъ обструкціи и усердно приступили къ экзамену, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказали рѣдкое мужество, къ которому оказались неспособными многіе студенты университета и въ особенности технологи.

Долѣе всего бунтовали въ технологическомъ институтѣ. Одна (правда, небольшая) часть студентовъ желала учиться и приступить къ экзаменамъ, другая,

большая часть, такъ называемые, «обструкціонисты», теперешніе забастовщики, держали товарищей въ большомъ страхѣ и не допускали ихъ до экзаменовъ. Обструкціонисты грозили разорвать всѣ чертежи экзаменующихся. Вслѣдствіе этого въ технологическомъ институтѣ приступили къ экзаменамъ только тогда, когда большая часть бунтовщиковъ была удалена полиціей изъ Петербурга. Оставшіеся студенты экзаменовались какъ-то втихомолку, подъ крылышкомъ у начальства, которое умалчивало о наступившихъ экзаменахъ.

Въ петербургскомъ университетѣ было иначе: тамъ въ первые дни экзаменовъ явилось немного студентовъ, не больше 40 человѣкъ. При этомъ университетъ охраняла полиція. Нѣкоторые профессора, любители популярничать и дешево либеральничать, стали протестовать противъ присутствія полиціи, говоря, что имъ зазорно и неприлично экзаменовать въ такой обстановкѣ. Были и такіе профессора, которые подъ предлогомъ болѣзни совсѣмъ не являлись на экзамены—одни изъ нихъ изъ сочувствія къ бунтующимъ студентамъ, другіе изъ страха передъ ними, такъ какъ всѣмъ профессорамъ были посланы угрозы отъ студенческаго организаціоннаго комитета: имъ угрожали всевозможными оскорбленіями въ случаѣ, если бы они приступили къ экзаменамъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день сгруппировались противъ университета около 500 человѣкъ. Ходили слухи, будто они собрались разгромить университетъ и выгнать изъ него экзаменаторовъ и экзаменующихся. Всѣ эти 500 человѣкъ были арестованы полиціей и затѣмъ уволены и высланы изъ Петербурга. Тѣ изъ студентовъ, которые были замѣшаны въ политическихъ дѣлахъ, были судимы и сосланы дальше товарищей.

Послѣ этого массоваго ареста экзамены въ петербургскомъ университетѣ потекли обычнымъ мирнымъ порядкомъ.

На Бестужевскихъ женскихъ курсахъ также не обходилось безъ скандаловъ. Тамъ обструкціонистки придумали очень оригинальный и достойный способъ мѣшать своимъ товаркамъ экзаменоваться: онѣ садились на полъ у входныхъ дверей экзаменаціоннаго зала и хватали за ноги курсистокъ, желавшихъ въ него войти; а когда начальство удалило бунтовщицъ, онѣ проникали въ экзаменаціонный залъ и насильно, шумомъ, мѣшали ходу экзаменовъ. Эти бунтовщицы одинаково со студентами были увольняемы и высылаемы. Въ московскомъ, кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ—вездѣ повторялись сцены насилія. Въ Москвѣ обструкціонисты, составлявшіе большинство, бросились съ кулаками на небольшое число студентовъ, отстаивавшихъ свое право учиться и экзаменоваться. Послѣднихъ спасъ инспекторъ студентовъ, пригрозивши бунтовщикамъ, что онъ немедленно по телефону вызоветъ полицію. Этому инспектору благоразумные студенты признавались въ своемъ отчаяніи. Они жаловались, что не имѣютъ возможности противиться бунтовщикамъ, потому что ихъ много, и они правильно организованы.

Такимъ образомъ большая часть правительственныхъ лицъ, лишая министра народнаго просвѣщенія возможности дѣйствовать энергично и твердо, своими поблажками дала обструкціонистамъ время сплотиться и организоваться и до того стѣснила университетское начальство, что оно не было въ состояніи защищать благоразумныхъ студентовъ отъ насилій бунтовщиковъ. Только когда вмѣшалась полиція, и министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ высылать въ боль-

шомъ количествѣ зачинщиковъ безпорядковъ, ихъ товарищи, желающіе учиться, могли продолжать свои занятія и приступить къ экзаменамъ.

V.

Пока студенты такъ безобразничали, Ванновскій усердно продолжалъ назначенное ему разслѣдованіе, хотя оно уже потеряло смыслъ и значеніе. Съ той минуты, какъ оно было назначено, студенты пуще прежняго бунтовали, и безпорядки были усмирены лишь энергичными репрессивными мѣрами, предписанными самыми либеральными министрами.

Однако, Ванновскій горячо вѣрилъ въ пользу возложеннаго на него дѣла и въ особенности въ пользу, приносимую имъ лично. Благодаря такой увѣренности, онъ поставилъ себѣ болѣе широкую задачу, чѣмъ ту, которую ему дали. Государь ему только поручилъ разслѣдовать дѣйствія полиціи и степень виновности ея и бунтовавшихъ студентовъ, а генералъ принялся еще разслѣдовать причину студенческихъ безпорядковъ вообще, а это дѣло оказалось выше его пониманія. Ванновскій былъ честнымъ, бравымъ солдатомъ и, можетъ быть, какъ военный министръ, имѣлъ за собою кое-какія заслуги: но онъ получилъ чисто военное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ и не отличался обширнымъ умомъ; къ тому же, Ванновскій былъ совершенно незнакомъ съ университетскою жизнью и никогда не вдумывался въ сложныя отношенія университетскаго начальства и инспекціи съ профессорами и студентами. Наконецъ, онъ никогда лично не переживалъ ни одной университетской исторіи. По совершенному незнакомству съ дѣломъ, онъ легко поддался вліянію пристрастныхъ людей съ предвзятыми взглядами и убѣжденіями. Его

забрала въ свои руки партія, защищавшая студентовъ, во что бы то ни стало. Прежде всего постарались обратить его въ свою вѣру министры Витте, Хилковъ и Муравьевъ; затѣмъ къ нему забѣгали профессора Фоминцынъ и Бекетовъ, люди съ сильной окраской слащаваго либерализма, готовые преклоняться предъ всякимъ студенческимъ мундиромъ и извинять студентамъ самые неблаговидные поступки только потому, что они студенты. Ванновскій вызывалъ къ себѣ многихъ и другихъ профессоровъ, однихъ, какъ свидѣтелей, другихъ, какъ знатоковъ университетской жизни, но ни разу онъ не обратился къ Николаю Павловичу, какъ человѣку, близко стоявшему къ разбираемому дѣлу, и какъ къ опытному университетскому дѣятелю. Если даже Ванновскій не сочувствовалъ воззрѣніямъ Николая Павловича, онъ обязанъ былъ выслушать обѣ стороны. Университетское начальство также не было имъ допрошено. Въ помощники Ванновскій взялъ себѣ двухъ чиновниковъ изъ министерства юстиціи, Мѣщанинова и Стремоухова, какъ и онъ самъ, совершенно несвѣдущихъ въ университетскихъ дѣлахъ. Студенты допрашивались самимъ Ванновскимъ и затѣмъ названными чиновниками, которые вызывали ихъ въ министерство юстиціи. Глава этого министерства, Н. В. Муравьевъ, былъ горячимъ защитникомъ учащейся молодежи. Ему хотѣлось доказать виновность полиціи и ошибки министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина; къ тому же, онъ не прочь былъ популярничать. Ходили слухи, будто Мѣщаниновъ и Стремоуховъ самой постановкой вопросовъ подсказывали допрашиваемымъ студентамъ отвѣты, которые способствовали ихъ оправданію. Подъ вліяніемъ указанныхъ совѣтниковъ, Ванновскій сталъ сторонникомъ бунтовавшихъ студентовъ. Люди, хо-

рошо знавшіе характеръ министерской дѣятельности Ванновскаго при Александрѣ III, удивлялись происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Въ бытность свою военнымъ министромъ онъ ввелъ въ войскахъ строгую дисциплину и допускалъ тѣлесныя наказанія, уничтоженныя незадолго до него Милютинымъ. Штабныхъ офицеровъ, окончившихъ курсъ академіи, онъ не любилъ, не давалъ имъ хода и предпочиталъ имъ офицеровъ, учившихся, какъ и онъ самъ, въ военномъ училищѣ или даже только въ корпусѣ. Въ качествѣ разслѣдователя, напротивъ того, онъ выступилъ совершенно неузнаваемымъ мягкосердечнымъ судьей, извинявшимъ и оправдывавшимъ, какъ ужъ было сказано, самые неблаговидные поступки студентовъ. Можетъ быть, старичку подъ конецъ своей жизни захотѣлось сойти со сцены всѣми любимымъ и прославляемымъ...

Какъ бы то ни было, по окончаніи разслѣдованія, Ванновскій представилъ Государю докладъ, въ которомъ прежде всего указывалъ на главныя причины студенческихъ волненій: прежде всего—на недостатокъ единенія студентовъ съ университетскимъ начальствомъ и съ профессорами и на плохую организацію инспекціи; далѣе онъ указывалъ на характеръ послѣдняго студенческаго движенія и отрицалъ подстрекательство революціонныхъ кружковъ, увѣренно утверждая, что на ряду съ указанными причинами возникновенію безпорядковъ въ данный моментъ способствовали насилія и оскорбленія полиціи вмѣстѣ съ безтактностью и безхарактерностью университетскаго начальства; въ заключеніе, Ванновскій ходатайствовалъ передъ Государемъ о помилованіи студентовъ. Къ отчету были приложены отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ—напримѣръ, подробный разборъ при-

чинъ безпорядковъ, описаніе и характеристики различныхъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, историческій очеркъ незаконныхъ студенческихъ союзовъ, какъ-то, землячествъ, московскаго Союзнаго Совѣта и другихъ. Какъ видно, Ванновскій поставилъ себѣ очень обширную и сложную задачу. Мѣра, на которую онъ указывалъ, для умиротворенія университетовъ, была давно излюбленной мѣрой такъ называемой либеральной части профессоровъ и общества, а именно—узаконеніе студенческихъ союзовъ. Эта мѣра была внушена Ванновскому Сергѣемъ Юльевичемъ и либеральничающими профессорами. Такимъ образомъ Витте черезъ Ванновскаго могъ успѣшно вліять на Государя. Говорили, что онъ посовѣтовалъ назначить Ванновскаго разслѣдователемъ студенческихъ безпорядковъ, потому-что хотѣлъ угодить Его Величеству; извѣстно, что молодой Царь питалъ особенное уваженіе къ избранникамъ своего покойнаго Родителя. На одномъ изъ докладовъ у Государя, послѣ представленія Ванновскимъ своего отчета, Николай Павловичъ узналъ отъ самого Царя содержаніе этого отчета, а нѣсколько дней спустя Государь отдалъ ему на прочтеніе и самый отчетъ. Оба раза Боголѣповъ откровенно говорилъ свое мнѣніе объ отчетѣ, при чемъ высказалъ увѣренность, что безпорядки имѣли политическую подкладку. Затѣмъ онъ опять горячо убѣждалъ Государя въ необходимости издать твердое правительственное сообщеніе, въ которомъ объявлялось бы, что безпорядки, подобные тѣмъ, которые разыгрались въ истекшемъ году, не будутъ терпимы, что виновники ихъ будутъ строго наказываться.—«при повторяющихся поблажкахъ студентамъ», говорилъ Николай Павловичъ, «со стороны правительства и при всепрощающемъ отношеніи къ нимъ всего общества надо ждать

въ слѣдующемъ году повторенія безпорядковъ, при чемъ совершенно дискредитованному университетскому начальству будетъ очень трудно, почти невозможно бороться съ этими волненіями. Придется прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ, если не примириться съ ежегоднымъ повтореніемъ студенческихъ смутъ». Насчетъ корпорацій Николай Павловичъ говорилъ, что по долголѣтнему опыту онъ знаетъ вредъ, какой онѣ наносятъ мирному теченію академической жизни. Во времена своего профессорства, ректорства и попечительства онъ имѣлъ случай близко познакомиться со студенческими союзами, такъ называемыми «землячествами» и сдѣлать основательныя надъ ними наблюденія. Никогда они не ограничивались преслѣдованіемъ однихъ студенческихъ интересовъ, то-есть устройствомъ кассы, библіотеки и коллективныхъ чтеній по научнымъ предметамъ. Всегда къ этимъ чисто студенческимъ интересамъ примѣшивалось обсужденіе политическихъ вопросовъ, при чемъ нѣкоторые уже просвѣщенные революціонными агитаторами, студенты воспитывали политически вновь поступавшихъ въ союзъ товарищей; они же вели успѣшную пропаганду въ гимназіяхъ и народныхъ школахъ. Такъ, въ московскомъ университетѣ, изъ недозволенныхъ землячествъ тайно образовался Союзный Совѣтъ, который занимался рѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ. Нѣкоторые члены его даже участвовали въ государственныхъ преступленіяхъ. Со всѣми этими доводами Государь согласился и высказался за необходимость появленія правительственнаго сообщенія, но умолчалъ, въ какомъ оно будетъ духѣ и когда появится.

Видя нерѣшительность Царя, дерзкую враждебность къ себѣ министровъ и неудовольствіе общест-

ва, мужъ рѣшился еще настойчивѣе добиваться отставки. Чтобы приготовить себѣ возможность отступленія, онъ съ доклада отправился прямо къ генералу Гессе, ближайшему совѣтнику Государя. Разговоръ свой Николай Павловичъ началъ съ повторенія того, что говорилъ Его Величеству о необходимости появленія внушительнаго и строгаго правительственнаго сообщенія. Гессе возразилъ, что, должно быть, скоро появится подобное правительственное сообщеніе. Далѣе Николай Павловичъ еще откровеннѣе, чѣмъ съ Царемъ, говорилъ о желаемой имъ отставкѣ, при чемъ высказалъ увѣренность, что для болѣе успѣшнаго хода правительственныхъ дѣлъ слѣдовало бы его замѣнить другимъ министромъ, который по своимъ взглядамъ болѣе подходилъ бы къ остальнымъ министрамъ и ко вкусу общества. Мужъ даже указалъ на желательнаго пріемника, а именно—на варшавскаго попечителя Лигина, которому Витте выхлопоталъ занимаемую имъ должность, и котораго уже прочилъ нѣкогда въ министры народнаго просвѣщенія. «Лигинъ навѣрное дѣйствовалъ бы», говорилъ Николай Павловичъ, «единодушно со всѣми остальными министрами». Гессе, казалось, заинтересовался указаннымъ кандидатомъ; во всякомъ случаѣ, онъ не сталъ уговаривать мужа остаться.

Очень поразило насъ, когда, на другой день послѣ приведеннаго разговора Царя съ мужемъ, появилось въ Правительственномъ Вѣстникѣ правительственное сообщеніе. Оно удивило насъ тѣмъ, что Государь, разговаривая о немъ съ мужемъ, умолчалъ о предстоящемъ появленіи его на другой день. Проектъ правительственнаго сообщенія былъ составленъ Ванновскимъ, затѣмъ переработанъ самимъ Государемъ и, наконецъ, исправленъ Побѣдоносцевымъ. Послѣ пере-

численія причинъ безпорядковъ слѣдовало повелѣніе Государя сдѣлать выговоръ профессорамъ и начальству высшихъ учебныхъ заведеній; неудовольствіе Его Величества было высказано родителямъ, родственникамъ и опекунамъ студентовъ; студентамъ указывалось, что они должны уважать законный порядокъ; министрамъ повелѣвалось принять обратно въ учебныя заведенія всѣхъ уволенныхъ студентовъ (даже руководителей безпорядковъ), кромѣ тѣхъ, которые были замѣшаны въ политическихъ преступленіяхъ[1]).

На мужа, на его ближайшихъ помощниковъ и на университетское начальство это сообщеніе произвело удручающее впечатлѣніе. Хотя въ немъ, видимо, умышленно избѣгались обвиненія противъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но дѣлался выговоръ начальствамъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ усердно старались прекратить безпорядки и были измучены безплодной борьбой. Хуже всего въ этомъ сообщеніи было то, что оно предписывало обратный пріемъ всѣхъ уволенныхъ, что грозило осенью новыми безпорядками. Такимъ образомъ, этимъ смутамъ не предвидѣлось конца, тѣмъ болѣе, что никакой не было надежды на большее единодушіе правительственныхъ лицъ въ послѣдующіе годы. Положеніе министра народнаго просвѣщенія было тѣмъ затруднительнѣе, что общество, министры и отчасти Госу-

[1]) Уволенные и исключенные студенты были раздѣлены на 3 категоріи: огромное большинство получило право вернуться въ учебныя заведенія съ начала предстоящаго учебнаго года, нѣкоторые—съ половины того же года, а незначительная часть—черезъ годъ. Это послѣднее свѣдѣніе взято мною изъ «Краткаго обзора—дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время управленія покойнаго министра Боголѣпова». Этотъ обзоръ былъ составленъ, по распоряженію и указаніямъ Николая Павловича, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревымъ.

дарь—ждали отъ него необыкновенныхъ мѣръ, которыя умиротворили бы всѣ высшія учебныя заведенія немедленно, чуть не во мгновеніе ока. Такое требованіе стало раздаваться все чаще и чаще, но исполненіе его было, конечно, совершенно невозможно. Въ настоящее время легко убѣдиться, что ни столь излюбленныя автономія и корпораціи, ни отсутствіе инспекціи и полная свобода студентовъ не могутъ умиротворить университеты. Всѣ мѣры, предпринимавшіяся многочисленными министрами, служившими послѣ смерти Николая Павловича, ни къ чему не привели. Надо полагать, что правъ былъ онъ, когда утверждалъ, что причины студенческихъ смутъ кроются очень глубоко, что онѣ очень сложны и потому очень не легко устранимы. Поэтому умиротвореніе университета и крупныя перемѣны въ немъ, по его мнѣнію, могутъ совершаться только постепенно и очень медленно. Одну изъ главныхъ причинъ студенческихъ безпорядковъ Николай Павловичъ видѣлъ въ переполненіи университетовъ, при чемъ въ нихъ, по его мнѣнію, попадаетъ много нежелательныхъ и неподходящихъ элементовъ. Вслѣдствіе малаго количества среднихъ ремесленныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, учащаяся молодежъ идетъ главнымъ образомъ въ гимназіи, а потомъ въ университеты; идетъ туда много молодыхъ людей, совершенно неспособныхъ къ высшему образованію и къ строго научной дѣятельности. «Если дать», говорилъ Николай Павловичъ, «такимъ молодымъ людямъ возможность пріобрѣтать знанія, соотвѣтствующія ихъ способностямъ и наклонностямъ, изъ нихъ могутъ выйти полезные, даже талантливые въ своей области техники и рабочіе. Заработокъ ихъ по выходѣ изъ школы могъ бы въ большинствѣ случаевъ превышать заработокъ

ученыхъ и чиновниковъ, что вызвало бы въ нихъ чувство удовлетворенности, а не озлобленія и ненависти, какъ это бываетъ у университетскихъ неудачниковъ, всегда обильно пополняющихъ ряды бунтующихъ студентовъ». Какъ извѣстно, ихъ настроеніемъ успѣшно пользуются революціонные агитаторы. Къ тому же, за свою долголѣтнюю университетскую дѣятельность Николай Павловичъ убѣдился, что студенты, не получившіе никакого воспитанія, выходящіе изъ некультурной среды, часто вносятъ грубость и дикость въ университетскіе нравы. Вслѣдствіе этого онъ находилъ особенно необходимымъ подчинить ихъ извѣстнымъ правиламъ законности, порядка и благочинія, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно культурное общество. Это тѣмъ необходимѣе, что юнцы-первокурсники, подчинявшіеся извѣстной дисциплинѣ въ гимназіи, не умѣютъ пользоваться предоставленной имъ, какъ студентамъ, полной свободой. Слѣдующая выдержка изъ «Краткаго обзора дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время правленія министра Николая Павловича Боголѣпова» рисуетъ яркую и вредную перемѣну, переживаемую молодымъ человѣкомъ при переходѣ изъ гимназіи въ университетъ. «Хотя по возрасту студенты первыхъ курсовъ высшихъ заведеній немного старше гимназистовъ послѣднихъ классовъ, но положеніе тѣхъ и другихъ въ школѣ и въ жизни существенно различается: съ окончаніемъ ученія въ гимназіи совершается рѣзкій переходъ отъ дисциплинарнаго строя средней школы къ болѣе или менѣе полной свободѣ отношеній въ высшемъ учебномъ заведеніи, и изъ школьниковъ молодые люди какъ бы сразу превращаются во взрослыхъ, къ убѣжденію и доброй волѣ которыхъ обращаются профессора и учебная адми-

нистрація. Между тѣмъ, разсматривая такое къ себѣ отношеніе, какъ должное, но пренебрегая вытекающими отсюда обязанностями, питомцы высшихъ учебныхъ заведеній, особенно первыхъ курсовъ, обнаруживаютъ большую склонность къ нарушенію порядка и отрицанію всякой дисциплины, безъ которой не можетъ существовать никакое разумное соединеніе людей, не говоря уже о такой сложной и требовательной организаціи, какой является всякое высшее учебное заведеніе. Эта склонность къ нарушенію порядка и къ отрицанію дисциплины ярче всего обнаруживается въ такъ называемыхъ студенческихъ волненіяхъ».

Свое желаніе—во избѣжаніе переполненія университетовъ создать цѣлый рядъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній—Николай Павловичъ не могъ привести въ исполненіе. Для этого требовалось много денегъ и времени, а министръ финансовъ очень неохотно отпускалъ министру народнаго просвѣщенія и менѣе крупныя суммы, чѣмъ та, которая необходима была для основанія большого количества школъ разныхъ типовъ. Конечно, кромѣ переполненія университетовъ, были и другія причины, вызывавшія университетскія волненія, но и на ихъ удаленіе требовалось не мало времени и средствъ.

Борьба съ этими причинами была особенно трудна, такъ какъ, съ одной стороны, среди правительства не было единства во взглядахъ на университетскіе безпорядки, а съ другой—и общество, и родители относились враждебно и безразсудно ко всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, касавшимся студенческихъ безчинствъ.

Тѣмъ не менѣе Николай Павловичъ счелъ необходимымъ испробовать тѣ мѣры противъ студенческихъ

безпорядковъ, къ которымъ можно было приступить немедленно.

Для обсужденія ихъ Николай Павловичъ созвалъ въ іюнѣ 1899 г. совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Совѣщаніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Прежде всего рѣшено было дать инспекціи болѣе широкую задачу, т.-е. поручить ей не только надзоръ за внѣшнимъ порядкомъ, но и вмѣнить ей въ обязанность заботиться о матеріальныхъ и нравственныхъ нуждахъ студентовъ; при этомъ, сближаясь со студентами, инспекція могла бы при умѣньи и желаніи оказывать благотворное вліяніе на нихъ. 2) Организацію студенческихъ корпорацій съ курсовыми собраніями и выборными представителями совѣщаніе признало недопустимымъ, потому что существованіе ихъ въ русскихъ университетахъ не имѣетъ никакого историческаго основанія, а главнымъ образомъ, потому что такая организація студентовъ, созданная самимъ правительствомъ, сыграла бы въ руку революціонерамъ: послѣдніе воспользовались бы ею для пропаганды и устройства безпорядковъ. 3) Не одобряя студенческихъ корпорацій, совѣщаніе признало желательнымъ устройство подъ руководствомъ профессоровъ и учебнаго начальства, студенческихъ кружковъ, съ цѣлями научными, литературными и художественными. 4) Для постепеннаго улучшенія и упорядоченія университетской жизни было рѣшено увеличить число студенческихъ общежитій, гдѣ разнаго рода серьезныя занятія студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ должны были способствовать ихъ взаимному сближенію; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ товарищеской средѣ, подъ участливымъ попеченіемъ завѣдующаго общежитіями, сту-

денты чувствовали бы себя, какъ дома. Для осуществленія этой мѣры требовалось около 362,000 руб. Такъ какъ еще не было извѣстно, отпуститъ ли казна большую сумму, совѣщаніе рѣшило добиваться участія и помощи общества, вызывая въ немъ сочувствіе къ основанію общежитій. 5) Признано необходимымъ ввести въ университетское преподаваніе на всѣхъ факультетахъ обязательныя практическія занятія съ цѣлью развить въ студентахъ болѣе самостоятельное отношеніе къ изучаемымъ предметамъ и къ научной работѣ. До этихъ поръ практическія занятія были обязательны только на медицинскомъ, математическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ. Одновременно была вычислена требовавшаяся на введеніе этихъ занятій сумма. При скудости отпускаемыхъ казною на министерство народнаго просвѣщенія средствъ, было рѣшено до болѣе благопріятнаго времени вводить практическія занятія въ однихъ университетахъ. Практическія занятія такъ же, какъ и общежитія и студенческіе кружки, должны были способствовать сближенію профессоровъ со студентами, такъ какъ занятіями должны были руководить профессора.

На случай возникновенія безпорядковъ совѣщаніе новыхъ мѣръ не изыскало. Нѣкоторыми лицами было предложено обязать виновниковъ безпорядковъ отбывать воинскую повинность до ихъ обратнаго пріема въ высшія учебныя заведенія, при чемъ это требованіе должно было распространяться и на тѣхъ молодыхъ людей, которые по семейнымъ обстоятельствамъ были освобождены отъ воинской повинности. Но эта мѣра была отклонена большинствомъ членовъ совѣщанія, которое ограничилось исправленіемъ и систематизированіемъ старыхъ мѣръ. Было постановлено ограничить высылки удаленіемъ наиболѣе виновныхъ

студентовъ, такъ какъ опытъ послѣдняго года доказалъ, что массовыя высылки содѣйствуютъ распространенію безпорядковъ. Въ замѣнъ ихъ совѣщаніе признало необходимымъ временное запрещеніе бунтовщикамъ входа въ учебное заведеніе, а при ослушаніи — и увольненіе. Рѣшено было выработать проектъ инструкціи для совмѣстнаго дѣйствія полиціи и инспекціи и просить министра внутреннихъ дѣлъ обсудить это дѣло съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Само собой разумѣется, что признано было желательнымъ прежде всего прибѣгать къ увѣщанію студентовъ черезъ инспекцію и профессоровъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ члены совѣщанія признали, что эта мѣра рѣдко приводила къ желаемымъ послѣдствіямъ. Наконецъ оно постановило въ самомъ началѣ безбезпорядковъ увѣдомлять по телеграфу и телефону не только министра, но и всѣхъ попечителей и затѣмъ, съ помощью газетъ, знакомить публику, въ главныхъ чертахъ, съ ходомъ безпорядковъ, съ тѣмъ, чтобы она узнавала о нихъ не въ искаженномъ видѣ изъ подпольныхъ листковъ, но въ правдивомъ освѣщеніи изъ оффиціальнаго источника.

Несмотря, однако, на осуществленіе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше мѣръ Николай Павловичъ болѣе, чѣмъ когда-либо, думалъ объ отставкѣ. Со времени разслѣдованія Ванновскаго и опубликованія знаменитаго правительственнаго сообщенія, она стала его завѣтной мечтой, и онъ рѣшился вновь ѣхать къ Государю съ просьбой отпустить его и назначить другого министра. На одномъ изъ ближайшихъ докладовъ (по окончаніи совѣщанія) Боголѣповъ ука-

залъ Государю на свое тяжелое положеніе послѣ минувшихъ студенческихъ безпорядковъ. «И впредь», говорилъ онъ, большинство министровъ и общество, будутъ относиться ко мнѣ съ непріязнью, потому что я не могу измѣнить своего образа дѣйствія и не считаю возможнымъ смотрѣть безучастно на нарушеніе порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Къ тому же, я не знаю никакихъ другихъ мѣръ кромѣ репрессивныхъ—для немедленнаго водворенія спокойствія; впредь я буду опять вынужденъ къ нимъ прибѣгать, и тогда большинство министровъ и, вѣроятно, общество начнутъ порицать меня и ни въ какомъ случаѣ не поддержатъ. Это сдѣлается извѣстнымъ учащимся, и снова внушитъ имъ увѣренность, что беззаконныя ихъ дѣйствія останутся безнаказанными, вслѣдствіе чего безпорядки сдѣлаются болѣе упорными, и я вынужденъ буду усиливать наказанія. Такая борьба совершенно безплодна для дѣла и страшно тяжела для меня. Поэтому я осмѣливаюсь просить, Ваше Величество, назначить на мое мѣсто министра, который бы болѣе подходилъ по взглядамъ къ большинству министровъ и общества. Не трудность дѣла страшитъ меня, но безплодная борьба. Съ теченіемъ времени и Ваше Величество можете упрекнуть меня въ томъ, что я, изъ желанія удержаться на мѣстѣ, не обратилъ Вашего вниманія на вредъ такого положенія». Государь отвѣтилъ, что не можетъ согласиться на его увольненіе: «Я надѣялся», сказалъ онъ, «что вы будете стоять твердо, какъ столпъ».—«Я былъ бы готовъ на это, Ваше Величество», возразилъ мужъ, «если бы не сомнѣвался въ томъ, что вы одобрите мой образъ дѣйствій».—«Я его вполнѣ одобряю», сказалъ Государь. Николай Павловичъ продолжалъ: «Если Вашему Величеству угодно, чтобы я оставался, то я осмѣлюсь просить о

разрѣшеніи Вашимъ Величествомъ нѣкоторыхъ мѣръ, которыя облегчили бы мнѣ мою задачу. Большой тормазъ для моей дѣятельности представляютъ учебныя заведенія въ другихъ вѣдомствахъ. Министры вводятъ въ нихъ весьма часто правила, совершенно не согласныя съ правилами министерства народнаго просвѣщенія. Имѣя малолюдныя высшія учебныя заведенія, они даютъ студентамъ и профессорамъ такую свободу, которую нельзя дать въ многолюдныхъ университетахъ. Кромѣ того, въ чужихъ вѣдомствахъ, даже во времена безпорядковъ, оставляютъ безнаказанными дерзкіе протесты студентовъ, сходки и всякаго рода нарушенія порядка. Эти послабленія вызываютъ въ студентахъ и въ обществѣ увѣренность, что министерство народнаго просвѣщенія поступаетъ жестоко и несправедливо, прибѣгая къ репрессивнымъ мѣрамъ. Такому отсутствію единства въ принципахъ управленія учебными заведеніями долженъ быть положенъ конецъ. Опытъ нынѣшней зимы показалъ, что на добровольное единодушіе министровъ невозможно разсчитывать, поэтому надо предоставить какому-нибудь одному министру поддерживать это единство принциповъ. Естественнѣе всего предоставить это министру народнаго просвѣщенія.

Такъ какъ Государь съ этимъ предложеніемъ согласился, то Николая Павловичъ просилъ Его Величество издать Высочайшее повелѣніе, по которому министры обязывались бы безъ предварительнаго соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія не испрашивать разрѣшенія на учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній въ ихъ вѣдомствѣ, не вводить въ нихъ правилъ, опредѣляющихъ дисциплину студентовъ, отношеніе ихъ къ начальству и профессорамъ и внут-

ренній бытъ учащихся (здѣсь въ особенности разумѣлись разныя студенческія организаціи).

Государь изъявилъ свое согласіе на объявленіе такого Высочайшаго повелѣнія. Когда Великій Князь Сергій Александровичъ узналъ объ этомъ онъ, воскликнулъ: «Охъ, хо, хо, это такой ударъ для Витте!». Недѣли черезъ двѣ это повелѣніе черезъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта было объявлено Государственному Совѣту и Комитету министровъ. Но, къ сожалѣнію, оно не было опубликовано.

Итакъ, по желанію Государя, мужъ остался. Хотя выговоренныя имъ условія должны были нѣсколько облегчить предстоящія ему служебныя обязанности, однако онъ весьма неохотно вернулся къ нимъ.

Отъ Государя онъ пріѣхалъ грустный и удрученный. Онъ досадовалъ, что не настоялъ на отставкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ при обѣщаніи, данномъ ему Государемъ, она казалась постыднымъ бѣгствомъ передъ неизбѣжными затрудненіями. Раньше онъ самъ порицалъ русскихъ людей за недостатокъ настойчивости въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Къ тому же Николай Павловичъ горячо желалъ довести до конца преобразованіе средней школы. Въ разговорѣ со мной и съ моимъ братомъ мужъ высказывалъ почти увѣренность, что всѣ предпринимаемыя имъ мѣры не приведутъ къ желанному умиротворенію высшихъ учебныхъ заведеній, пока правительство и общество не отрезвятся, а главное—пока министры не будутъ дѣйствовать единодушно. Въ отвѣтъ на высказанныя мужемъ опасенія я молчала, потому что предчувствовала плохой конецъ предстоящей борьбы, но братъ и сослуживцы мужа горячо уговаривали его продолжать начатое дѣло преобразованія средней школы.

Любопытно, что со времени объявленія Высочайшаго повелѣнія Витте сдѣлался внезапно предупредителенъ и любезенъ съ Николаемъ Павловичемъ. Когда послѣдній пріѣхалъ къ нему по какому-то дѣлу своего вѣдомства, Сергѣй Юльевичъ встрѣтилъ его чрезвычайно привѣтливо. Между прочимъ онъ сообщилъ ему, что подалъ Его Величеству записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на средства оздоровленія высшихъ учебныхъ заведеній. Эти средства не представляли ничего новаго: нѣкоторыя изъ нихъ даже были очень наивны и обличали въ авторѣ человѣка, незнакомаго съ жизнью высшихъ училищъ; но одна изъ нихъ была новою и неиспробованною. Витте рекомендовалъ Его Величеству издать законъ, по которому всѣ студенты, признанные виновными въ безпорядкахъ и присужденные къ увольненію, обязуются отбыть воинскую повинность съ тѣмъ, чтобы по отбытіи ея ихъ проступки были преданы забвенію, иначе сказать, чтобы студенты имѣли право возвращенія въ университетъ и поступленія на службу обычнымъ порядкомъ. Это наказаніе должно было распространяться и на молодыхъ людей, освобожденныхъ закономъ по семейнымъ обстоятельствамъ отъ воинской повинности. Срокъ отправленія военной службы зависѣлъ отъ степени виновности студента. Какъ извѣстно, подобная мѣра уже обсуждалась на описанномъ выше совѣщаніи попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Николай Павловичъ опасался, между прочимъ, затрудненій, которыя она причинитъ, военному вѣдомству. При большомъ количествѣ назначаемыхъ въ военную службу студентовъ, пришлось бы создавать новые кадры въ войскахъ, на что едва ли согласилось бы военное вѣдомство не только изъ-за

большихъ хлопотъ и расходовъ, но изъ опасенія пропаганды, которую революціонная молодежь принялась бы вести среди солдатъ. Наказаніе, предложенное министромъ финансовъ, особенно поразило Боголѣпова, потому, что оно исходило отъ человѣка, всегда порицавшаго рѣшительныя и строгія мѣры. Правда, Николай Павловичъ не считалъ воинскую повинность болѣе суровымъ наказаніемъ, чѣмъ исключеніе студентовъ изъ университетовъ безъ права возвращенія въ нихъ. Политически провинившійся студентъ, при старыхъ порядкахъ, какъ бы выбрасывался изъ общества: всѣ пути, учебные и служебные, были для него закрыты; наоборотъ, студентъ, отбывшій воинскую повинность, по истеченіи срока наказанія получалъ снова право поступать во всѣ учебныя заведенія и на любую службу. Да и самая военная дисциплина въ описанное время была далеко не сурова: прошли Николаевскія времена, когда она дѣйствительно отличалась безпощадной строгостью. Тѣмъ не менѣе, большинство общества, рѣдко вникающее въ суть дѣла, съ отвращеніемъ и ужасомъ отнеслось къ отбыванію воинской повинности, какъ къ унизительному наказанію. Боголѣповъ это предвидѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что С. Ю. Витте прислушивался къ общественному мнѣнію и не любилъ возбуждать неудовольствіе студентовъ, недоумѣвалъ, какая причина заставила министра финансовъ такъ круто повернуть въ другую сторону и измѣнить своему обычному образу дѣйствій. Одною изъ причинъ, по предположенію Николая Павловича, было желаніе Витте загладить предъ Государемъ свое крайнее либеральничанье, во время бывшихъ студенческихъ безпорядковъ. С. Ю. зналъ, что Государь сочувственно относится къ закону о повинности, потому что этого желалъ

его отецъ, при которомъ эта мѣра уже обсуждалась на совѣщаніи министровъ. Тогда она была отвергнута большинствомъ голосовъ, а Александръ Ш-й не настоялъ на проведеніи ея. Впослѣдствіи, когда Николаю Павловичу пришлось приводить въ исполненіе новый законъ о воинской повинности, онъ понялъ и другую, болѣе важную, причину, побудившую Витте предложить его; но объ этомъ мы скажемъ въ свое время.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго свиданія мужа съ министромъ финансовъ, Государь созвалъ совѣщаніе изъ нѣсколькихъ министровъ, на которомъ присутствовалъ и Николай Павловичъ. Предварительно Его Величество далъ прочесть всѣмъ присутствовавшимъ уже знакомую мужу записку Витте—безъ его подписи, но написанную его собственной рукой. Мѣра, предложенная въ запискѣ, прошла на совѣщаніи почти безъ возраженій. Любопытно, что никто изъ присутствовавшихъ министровъ не подозрѣвалъ, кто былъ вдохновителемъ закона о воинской повинности, несмотря на то, что Витте во все время чтенія записки толковалъ мысли автора. Когда тутъ же на совѣщаніи, въ присутствіи мужа, министръ земледѣлія Ермоловъ спросилъ министра финансовъ: «Не знаете ли вы, Сергѣй Юльевичъ, кому принадлежитъ иниціатива этого предложенія?» Витте отвѣчалъ, не сморгнувъ глазомъ: «Не знаю». Министръ юстиціи Муравьевъ подозрѣвалъ, что починъ обсуждаемой мѣры принадлежитъ Николаю Павловичу. Когда же спустя нѣсколько времени мой братъ Никита Ливенъ сказалъ Муравьеву, кто былъ авторомъ прочитанной на совѣщаніи записки, Муравьевъ воскликнулъ: „Это просто невѣроятно послѣ всего того, что продѣлывалъ Сергѣй Юльевичъ во время студенческихъ безпоряд-

ковъ"; и затѣмъ добавилъ: „Могу васъ увѣрить, что его поступки въ то время граничили съ преступленіями".

Таково было положеніе дѣлъ, когда, въ началѣ августа 1899 года, мы уѣхали въ Крымъ на время отпуска мужа. Мы чрезвычайно радовались предвидѣвшейся намъ мирной и тихой жизни на Ай-Тодорѣ (наше обычное мѣстожительство въ Крыму). Послѣ пережитыхъ большихъ волненій и сильнаго утомленія, Николай Павловичъ нуждался въ спокойствіи. Въ продолженіе мѣсяца мы, дѣйствительно, прожили какъ бы отрѣзанные отъ остального міра. Насъ было только пятеро, не считая прислуги: мужъ, наша дочь, покойный братъ мой Никита, воспитательница нашей дѣвочки и я. Извѣстія о внѣшнихъ событіяхъ доносились до насъ только съ помощью газетъ. Въ нашемъ тихомъ уединеніи единственными развлеченіями были купанье въ морѣ, прогулки по чарующимъ окрестностямъ, мирныя, дружескія бесѣды, оживляемыя юмористическими разсказами брата, и совмѣстныя чтенія по вечерамъ. Насъ тогда очень заинтересовала только что появившаяся книга Демулена „L'Ecole nouvelle". Зачастую къ намъ присоединялась дочь Маруся; тогда мужъ выбиралъ для чтенія понятныя для нея статьи. Обладая большимъ умѣніемъ читать юмористическія сцены, онъ смѣшилъ насъ до слезъ, читая, напримѣръ, „Мертвыя души" Гоголя и другія его произведенія. Въ этотъ счастливый мѣсяцъ Николай Павловичъ видимо старался стряхнуть съ себя заботы и тяжелыя впечатлѣнія. Благодаря нашему уединенію, это ему удавалось. Его благодушному настроенію такъ же много способствовало пребываніе брата моего Никиты, съ которымъ онъ былъ друженъ съ ранней юности. Братъ мой, человѣкъ чистой души

(друзья и близкіе знакомые называли его хрустальной душой), буквально благоговѣлъ передъ мужемъ. Онъ удивлялся, какъ легко ему давалось все то хорошее, чего многіе достигаютъ только путемъ большихъ усилій и работы надъ собой. Когда я высказала брату сожалѣніе, что онъ не женатъ и не наслаждается супружескимъ счастьемъ, какъ я, онъ совершенно серьезно отвѣтилъ мнѣ: „Я бы женился, если бы Николай Павловичъ былъ женщиной и полюбилъ меня“. Веселое настроеніе Николая Павловича проявилось въ Ай-Тодорѣ послѣдній разъ, и то бодрости его духа не соотвѣтствовало его физическое здоровье. Къ концу описываемаго мѣсяца онъ совсѣмъ расхворался. Докторъ объяснилъ болѣзнь Николая Павловича большимъ переутомленіемъ нервной системы и морскими купаньями, слишкомъ сильно подѣйствовавшими на его и безъ того расшатанныя силы. Мужъ прохворалъ цѣлый мѣсяцъ. Лишь только мы переѣхали въ Ялту, доходившія до него извѣстія стали снова волновать и раздражать его. Между прочимъ, онъ получилъ письмо отъ министра Куропаткина, въ которомъ послѣдній писалъ ему, что счелъ нужнымъ подать Государю совѣтъ по преобразованію средней школы [1]). Мужу стало и смѣшно и досадно. Человѣкъ, дотолѣ извѣстный только, какъ исполнительный и храбрый вояка подъ командой Скобелева, становился совѣтникомъ Царя въ дѣлѣ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только что прочитанная Куропаткинымъ книга Демулена внезапно просвѣтила и вдохновила его. До тѣхъ поръ онъ педагогіей не интересовался. Взгляды и совѣты, высказанные военнымъ министромъ въ письмѣ къ Царю, были крайне наивны и обличали совершенную неопытность въ дѣлѣ

[1]) По этому поводу Куропаткинъ написалъ длинное письмо Царю.

школьнаго воспитанія и преподаванія. Описанный въ книгѣ Демулена новый типъ англійской школы привелъ генерала въ такой восторгъ, что онъ возмечталъ создать немедленно такую же школу въ Россіи; но у насъ такая школа немыслима по большому количеству средствъ, которыхъ она требуетъ. Въ самой Англіи въ то время были только два или три подобныхъ училища. Тамъ они находились внѣ города и владѣли большимъ пространствомъ земли, необходимымъ для обученія воспитанниковъ лѣсоводству, пчеловодству и самымъ разнообразнымъ земледѣльческимъ и строительнымъ работамъ, не исключая даже постройки мостовъ. Описанная англійская школа доступна только богатымъ классамъ, такъ какъ годовой взносъ за ученика не менѣе 1000 руб. Куропаткинъ писалъ мужу, что заинтересованъ въ преобразованіи средней школы, потому что въ военную академію поступаютъ молодые люди изъ классическихъ гимназій, подготовкой которой военный министръ былъ очень недоволенъ. Въ заключеніе Куропаткинъ просилъ мужа призвать и представителей военнаго вѣдомства въ коммиссію, которую Николай Павловичъ намѣревался созвать для обсужденія мѣръ по преобразованію среднихъ школъ.

Извѣстіе о письмѣ Куропаткина къ Царю еще болѣе разсердило мужа, потому что военный министръ, подобно многимъ людямъ того времени, малосмыслившимъ и неопытнымъ въ учебномъ дѣлѣ, самоувѣренно и легкомысленно подавалъ Царю совѣты относительно веденія школъ всѣхъ возрастовъ и типовъ. Эти непрошенные совѣты смущали мягкаго Царя, который неувѣренно затѣмъ относился къ предполагаемымъ мѣрамъ и распоряженіямъ Николая Павловича.

Встрѣча въ Ялтѣ съ Витте была также для Николая

Павловича предвкушеніемъ петербургской жизни, полной интриги и неискреннихъ отношеній. Чрезвычайная любезность Витте поразила его. Предшествовавшей зимой министръ финансовъ не только холодно, но прямо враждебно относился къ мужу. Безъ его содѣйствія и подстрекательства студенческія безпорядки никогда не достигли бы тѣхъ ужасающихъ размѣровъ. Неожиданно послѣ этого преступнаго содѣйствія студенческимъ безпорядкамъ Витте предложилъ Государю на случай ихъ повторенія мѣру, поразившую всѣхъ своею строгостью, а теперь, при встрѣчѣ съ мужемъ въ Ялтѣ, разсыпался передъ нимъ въ любезностяхъ. Пріѣхавъ къ намъ съ визитомъ, онъ расцѣловалъ мужа и обнялъ его, какъ самаго близкаго друга. Узнавъ о письмѣ Куропаткина къ Государю, онъ предложилъ Боголѣпову свою поддержку въ защитѣ классицизма, не справившись даже, сторонникъ ли онъ послѣдняго. Сергѣй Юльевичъ старался даже, черезъ третье лицо, увѣрить Николая Павловича въ своемъ уваженіи и преданности къ нему: жидокъ, докторъ г-жи Витте, увѣрялъ моего брата, что Сергѣй Юльевичъ глубоко цѣнитъ Николая Павловича и искренно скорбитъ о своемъ прежнемъ непониманіи высокихъ свойствъ его характера. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ онъ доказалъ это уваженіе къ мужу. Конечно, Боголѣповъ не вѣрилъ Сергѣю Юльевичу, да и не одинъ онъ такъ относился къ нему. Въ описываемое время уже не мало людей подозрѣвало Витте въ неблаговидныхъ поступкахъ и порицало его за пагубное управленіе русскими финансами. Главнымъ образомъ, бранили его за то, что онъ заботился только о процвѣтаніи промышленности и совершенно упустилъ изъ виду крестьянское хозяйство и успѣхи земледѣлія; между тѣмъ, какъ Рос-

сія страна преимущественно земледѣльческая, и крестьянское сословіе въ ней особенно многочисленно. Не въ меньшей мѣрѣ упрекали его и за то, что онъ большую часть обрабатывающей и добывающей промышленности продавалъ иностранцамъ, которые, обогатившись на русскій счетъ, вывозили нажитые капиталы изъ Россіи. Кромѣ того, многіе люди, между прочимъ, министръ юстиціи Муравьевъ, утверждали, будто министръ финансовъ нажилъ себѣ болѣе 800,000 благодаря успѣшной игрѣ на биржѣ его жены [1]).

VI.

Отдохнувъ отъ болѣзни въ Ялтѣ, Николай Павловичъ 10 октября отправился ревизовать учебныя заведенія въ южныхъ губерніяхъ, а въ началѣ ноября мы съ нимъ съѣхались въ Москвѣ. Здѣсь меня сталъ тревожить все возраставшій въ обществѣ ропотъ на опубликованныя временныя правила (объ отбываніи провинившимися студентами воинской повинности). Часто слышались возгласы, полные негодованія: „Какой позоръ отдавать студентовъ въ солдаты!“ Одни

1) Въ то время въ обществѣ много говорили о томъ, что г-жа Витте участвовала также въ неблаговидномъ дѣлѣ С. И Мамонтова Дѣло Мамонтова заключалось въ слѣдующемъ. Правленіе общества Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги, предсѣдателемъ которой былъ Мамонтовъ, затратило свыше 10 000000 руб. частью на Невскій механическій заводъ въ Сибири, частью неизвѣстно куда, и этимъ разстроило дѣла желѣзнодорожнаго общества Говорили, будто участвовавшіе въ растратѣ члены правленія дали въ видѣ взятки крупную сумму денегъ директору казенныхъ желѣзн дорогъ Максимову. Этотъ Максимовъ, по слухамъ, былъ преданнымъ слугою министра финансовъ и подѣлилъ съ послѣднимъ полученныя деньги. Говорили также, что при разслѣдованіи дѣла Мамонтова нашли въ его бумагахъ письмо къ нему отъ Матильды Ивановны, жены Витте. Въ этомъ письмѣ она писала, что, посылаетъ ему (Мамонтову) 100,000 съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ пустилъ въ какое-нибудь предпріятіе, и выражала ему полное свое довѣріе, при чемъ прибавляла, что дѣйствуетъ безъ вѣдома своего мужа. Нѣсколько времени спустя Мамонтовъ прислалъ Матильдѣ Иван. 400,000 на мѣсто посланныхъ 100,000.

кричали, что это позоръ для студентовъ, другіе— что это оскорбленіе для арміи. Николай Павловичъ находилъ, что армія не можетъ считать для себя оскорбленіемъ, когда въ нее посылаютъ молодыхъ людей на исправленіе; наоборотъ, онъ находилъ, что ей оказываютъ тѣмъ довѣріе. Точно также студентъ не можетъ быть опозореннымъ тѣмъ, что его отдаютъ въ среду, въ которой воспитывался не одинъ герой, прославившій свою родину. Къ недовольнымъ новою мѣрою, принадлежали слащаво гуманничавшіе люди, которыхъ пугаетъ одно слово „казакъ“ или „городовой“. Они, конечно, не задумывались надъ тѣмъ, что безвозвратное исключеніе студента изъ университета и недопущеніе его на службу было гораздо болѣе жестокою карою. Наконецъ, нѣкоторые печальники студентовъ возставали противъ всякаго рода наказанія, когда дѣло касалось этихъ баловней общества.

Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, чувствовалось то же недовольство „Временными правилами“ и непріязнь къ министру народнаго просвѣщенія. Зародившаяся во время студенческихъ безпорядковъ 1899 г. непріязнь стала расти и крѣпнуть съ минуты узаконенія ненавистной всѣмъ мѣры. Слыша ропотъ и зная, что обвиненія сыплются на него, Николай Павловичъ молчалъ, во-первыхъ, потому, что не хотѣлъ говорить, что Государь настоялъ на проведеніи предложенной Сергѣемъ Юльевичемъ мѣры, во-вторыхъ, потому что не любилъ оправдываться. Понятно, Витте продолжалъ скрывать имя вдохновителя новаго закона о воинской повинности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попрежнему пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставлять въ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія и распоряженія Николая Павловича. Это ему блестяще удавалось, потому что его власть и вліяніе

въ правительственныхъ сферахъ остались тѣ же, что и прежде. Также и большинство общества продолжало съ благоговѣніемъ относиться къ этому либеральничавшему министру. Распространившіеся одно время слухи объ его неблаговидныхъ поступкахъ довольно быстро замолкли, благодаря необыкновенному умѣнію Сергѣя Юльевича отклонять отъ себя направленныя противъ него подозрѣнія и обвиненія.

Вскорѣ по нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, у Николая Павловича съ Витте вышло снова разногласіе. Министръ финансовъ обратился къ нему съ просьбой разрѣшить ему основаніе еще одного политехникума: „Три уже есть“, сказалъ онъ, „это уже будетъ четвертый: жду вашего согласія“.—„Вы требуете отъ меня очень многаго“, отвѣтилъ Николай Павловичъ: „я долженъ объ этомъ подумать и во всякомъ случаѣ долженъ предупредить васъ, что продамъ свое согласіе за большую цѣну“. Боголѣповъ намѣревался потребовать отъ Витте значительныя суммы на задуманныя имъ нововведенія въ средней школѣ и, главнымъ образомъ, на увеличеніе жалованья учителямъ. На этотъ разъ Витте ничего не возразилъ. Два дня спустя послѣ этого разговора, мужъ поѣхалъ къ нему, чтобы просить средствъ на увеличеніе числа инспекторовъ народныхъ училищъ до ста восьми человѣкъ; ранѣе Витте не хотѣлъ давать денегъ болѣе, какъ на 59 человѣкъ. Николай Павловичъ считалъ увеличеніе числа инспекторовъ одной изъ назрѣвшихъ потребностей своего вѣдомства. До сихъ поръ ихъ было только по одному на три уѣзда; при такомъ маломъ количествѣ инспекторовъ, у каждаго изъ нихъ была такая масса дѣлъ, что имъ невозможно было, по недостатку времени, завѣдовать и народными читальнями

и библіотеками и участвовать въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ. Витте согласился исполнить просьбу Боголѣпова и обѣщалъ выдать необходимую сумму для означенной цѣли, но тотчасъ же, по изъявленіи своего согласія, спросилъ у мужа, что онъ рѣшилъ по поводу новаго политехникума. Николай Павловичъ отвѣтилъ, что не пришелъ еще ни къ какому рѣшенію, потому что эта уступка была бы для него слишкомъ тяжелой; при этомъ онъ повторилъ Сергѣю Юльевичу, какія затрудненія создаютъ министру народнаго просвѣщенія разнородныя управленія въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ министерствъ. Въ концѣ концовъ, послѣ настойчиваго требованія министра финансовъ, Николай Павловичъ сказалъ ему, что если и согласится на уступку, то истребуетъ за это, кромѣ увеличенія средствъ на содержаніе преподавательскаго персонала, еще и основаніе политехникума въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. На это Витте отвѣтилъ, что, если бы даже Николай Павловичъ отказалъ ему въ его просьбѣ, онъ согласился бы отпустить требуемыя имъ суммы.

Но мужъ ему не вѣрилъ. Уже не разъ Витте не держалъ обѣщанія, когда дѣло касалось отпуска денежныхъ средствъ на учебное вѣдомство, необходимыхъ на покрытіе самыхъ насущныхъ потребностей,—хотя, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, съ большою щедростію раздавалъ казенныя деньги своимъ друзьямъ и поклонникамъ [1]). Въ первое время Витте на видъ довольно благодушно выносилъ отказы

[1]) Баронъ Менгденъ, членъ Государственнаго Совѣта, однажды, объясняя причину могущества Витте въ правительственныхъ сферахъ, выразился мѣтко: «Il les a tous achetés», говорилъ онъ, „et par conséquent les traite en canaille“. Однихъ онъ подкупалъ мѣстами, другихъ деньгами. Министръ юстиціи Муравьевъ получилъ отъ Витте 50,000 казен. деньгами на устройство казенной меблированной квартиры и 40,000 на объѣздъ судебныхъ учрежденій въ Сибири.

Николая Павловича. Случалось ему даже въ шутливомъ тонѣ уговаривать мужа; такъ, однажды, послѣ третьяго отказа по поводу того же политехникума, Сергѣй Юльевичъ игриво замѣтилъ близъ стоявшему члену Государственнаго Совѣта Тернеру. „Вотъ какъ приходится ухаживать за министромъ народнаго просвѣщенія, а онъ, какъ хорошенькая женщина, упирается, не хочетъ“. На это мужъ отвѣтилъ: „Скажите лучше, какъ добродѣтельная женщина“. Но такая игривость и благодушіе были только кажущимися, тѣмъ болѣе, что и по другимъ вопросамъ Николай Павловичъ весьма часто расходился съ министромъ финансовъ. Интересно разногласіе, вышедшее у нихъ по поводу поднятаго Сергѣемъ Юльевичемъ вопроса объ уничтоженіи земскихъ школъ. Почти одновременно съ совѣщаніемъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ отбываніи провинившимися студентами воинской повинности, Николай Павловичъ участвовалъ въ другомъ совѣщаніи, состоявшемся по Высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ Побѣдоносцева. Кромѣ нихъ, участниками этого совѣщанія были Горемыкинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Витте. За нѣсколько дней до открытія совѣщанія Сергѣй Юльевичъ, въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, сказалъ Николаю Павловичу о цѣляхъ послѣдняго. Онъ указалъ на то, что многія земства составляютъ свои смѣты расходовъ, не сообразуясь съ платежною способностію населенія, и, между прочимъ, ассигнуютъ большія суммы на начальныя училища. „Я считаю“, добавилъ Витте, „развитіе начальнаго образованія весьма желательнымъ, но нахожу, что оно должно быть въ рукахъ государства, а не земства; поэтому слѣдуетъ въ совѣщаніи обсудить, какъ ограничить земство въ его чрезмѣрныхъ рас-

ходахъ". И это предлагалъ человѣкъ, заискивавшій передъ земствами и слывшій ихъ защитникомъ, человѣкъ, повлекшій впослѣдствіи Россію по революціонному пути! Николай Павловичъ, выслушавъ Сергѣя Юльевича, догадался, что Витте дѣйствуетъ заодно съ Побѣдоносцевымъ съ цѣлью отобрать земскія школы въ духовное вѣдомство, и прямо высказалъ свое подозрѣніе, при чемъ рѣшительно заявилъ, что на это не согласится. Витте ему отвѣтилъ, что „самъ не склоненъ довѣрять Побѣдоносцеву, потому что послѣдній обдѣлывалъ какое-то дѣло за его спиною, и что ему безразлично, будутъ ли отобранныя у земства школы церковно-приходскими или министерскими, лишь бы онѣ были государственными".

„Впрочемъ", добавилъ Витте, „если не сговоримся, то наше совѣщаніе никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій имѣть не будетъ; мы спустимъ это дѣло въ песокъ".

Мужъ, по обыкновенію, не повѣрилъ увѣреніямъ Витте, который ничего не дѣлалъ спроста.

На совѣщаніи довольно быстро выяснилось, что не только Витте съ Побѣдоносцевымъ, но и Горемыкинъ сговорились уничтожить земскія школы. Николай Павловичъ заявилъ имъ, что школа дѣйствительно должна быть въ рукахъ правительства, и для этого впредь необходимо отпускать болѣе значительныя суммы на основаніе министерскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Что же касается земствъ, то дѣло министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ принять мѣры къ тому, чтобы земскія смѣты были сообразованы съ платежными силами, а раздражать мѣстныя общества лишеніемъ ихъ тѣхъ правъ, которыми они обладаютъ болѣе тридцати лѣтъ, онъ считаетъ нежелательнымъ. Вслѣдствіе упорнаго со-

противленія мужа совѣщаніе не пришло ни къ какому соглашенію, и дѣло дѣйствительно было „спущено въ песокъ“. Можетъ быть, Сергѣй Юльевичъ надѣялся получить двойную выгоду отъ описаннаго совѣщанія, т.-е. подставить ножку и Побѣдоносцеву, и Боголѣпову. Если-бы совѣщаніе пришло къ соглашенію, онъ распустилъ бы слухъ, что земскія школы были переведены въ другое вѣдомство по настоянію двухъ ретроградовъ — Побѣдоносцева и Боголѣпова. Поведеніе министра финансовъ послѣ предложенія, сдѣланнаго имъ Государю о наказаніи провинившихся во время бунтовъ студентовъ, доказываетъ, къ какого рода интригамъ онъ былъ способенъ.

Возмутительны были вѣчныя вмѣшательства его въ дѣла министерства народнаго просвѣщенія. Мы уже видѣли, какъ онъ въ такихъ случаяхъ всегда ловко умѣлъ возбуждать негодованіе общества и студентовъ противъ Николая Павловича, а себя выставлять ихъ печальникомъ и защитникомъ. Такъ опять было въ ноябрѣ злосчастнаго 1899 г.

Въ петербугскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что 400 студентовъ въ московскомъ университетѣ уволены за невзносъ платы. Это повторялось ежегодно. Извѣстное число студентовъ не платило, потому что дѣйствительно было бѣдно, но между неплатившими были и такіе, которые прикидывались бѣдными въ надеждѣ быть избавленными отъ платы. Какъ только объ этомъ печаталось въ газетахъ, тотчасъ являлись благотворители, которые вносили плату за самыхъ бѣдныхъ студентовъ, а остальные болѣе состоятельные, убѣдившись, что ихъ не освободятъ, въ концѣ концовъ сами платили за ученіе. Само собою разумѣется, что для опредѣленія бѣдности или состоятельности студентовъ наводились надлежащія

справки. Но Витте захотѣлось опять прислужиться студентамъ: онъ написалъ Николаю Павловичу записку, въ которой предлагалъ ему доложить Государю объ этой недоимкѣ и просить Его дозволить внести ее изъ казны. Николай Павловичъ отвѣтилъ, что исполненіе предложенія Сергѣя Юльевича можетъ быть очень чревато послѣдствіями, и потому прежде, чѣмъ высказать свое рѣшеніе, онъ считаетъ нужнымъ переговорить съ Государемъ объ этомъ предложеніи. Боголѣповъ зналъ навѣрное, что послѣ взноса студенческой платы казной число неплатящихъ студентовъ на слѣдующій годъ удвоится и затѣмъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Когда же сумма вносимой платы станетъ слишкомъ тяжела для казны, и она откажется ее вносить, въ университетѣ неминуемо возникнутъ безпорядки. Что же касается всеобщаго дарового обученія, Николай Павловичъ зналъ также, что никакое правительство на это не согласится. Наконецъ, Николай Павловичъ, какъ намъ уже извѣстно, считалъ нежелательнымъ пріучать студентовъ жить на чужой счетъ. По мнѣнію Боголѣпова, лучше было бы отыскать бѣднымъ студентамъ заработокъ, а не развращать ихъ даровыми подачками. Конечно, немедленно по полученіи рѣшительнаго отвѣта Николая Павловича, Витте постарался сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ свое намѣреніе избавить отъ платы бѣдныхъ студентовъ. Онъ зналъ, что, какъ бы министръ народнаго просвѣщенія ни отнесся къ предлагаемой имъ мѣрѣ, выгодная роль останется за тѣмъ, кто первый позаботился о помощи бѣднымъ студентамъ. Нѣсколько дней спустя послѣ полученной мужемъ отъ Сергѣя Юльевича записки, редакторъ Московскихъ Вѣдомостей Грингмутъ передалъ товарищу мужа, Нико-

лаю Андреевичу Звѣреву, что онъ слышалъ отъ Сергѣя Юльевича объ его переговорахъ съ мужемъ насчетъ взноса студенческой платы казной. Только, по своему обыкновенію, Витте въ своей передачѣ измѣнилъ слова мужа. Онъ разсказалъ, будто Николай Павловичъ отвѣтилъ ему нерѣшительно: „Я еще подумаю“.

Встрѣтившись съ Сергѣемъ Юльевичемъ въ комитетѣ министровъ, Николай Павловичъ сказалъ ему: „Что Вы со мной дѣлаете? Вы ставите меня опять въ очень неловкое положеніе, разсказывая всѣмъ о вашемъ неосуществившемся желаніи притти на помощь студентамъ“. Съ улыбкой и очень любезно Витте сталъ увѣрять мужа, что ни единой душѣ не передавалъ своего разговора съ нимъ. Тогда Николай Павловичъ, указавъ ему на всѣ нежелательныя послѣдствія его предложенія, спросилъ его, готовъ ли онъ на введеніе дарового обученія въ университетѣ?. Конечно, съ этимъ министръ финансовъ не согласился.

Его Величество при докладѣ объ этомъ дѣлѣ не согласился на приведеніе въ исполненіе предложенія Витте. Государь очень сочувственно отнесся къ доводамъ мужа и выразилъ желаніе, чтобы Николай Павловичъ и впредь всегда обращался къ нему при подобныхъ недоразумѣніяхъ.

Боголѣповъ былъ очень благодаренъ Царю за милость и довѣріе, но тѣмъ не менѣе съ возрастающимъ безпокойствомъ смотрѣлъ на будущее. Его особенно заботила судьба предпринятой имъ реформы средней школы.

VII.

Какъ извѣстно, еще въ ноябрѣ 1898 г. Николай Павловичъ разослалъ циркуляръ попечителямъ учеб-

ныхъ округовъ имперіи, въ которомъ предлагалъ имъ тщательно обсудить и разработать вопросы о лучшей подготовкѣ учителей средней школы и о лучшемъ ихъ матеріальномъ обезпеченіи.

Мы знаемъ также, что спустя полгода Николай Павловичъ разослалъ другой циркуляръ съ предложеніемъ устроить окружныя комиссіи съ цѣлью всесторонне изучить состояніе средней школы въ Россіи и затѣмъ приступить къ тщательной работѣ надъ изысканіемъ мѣръ и средствъ для введенія въ ней болѣе успѣшнаго преподаванія. Судьба этихъ начинаній и заботила Николая Павловича. Его очень тревожили опасенія, не помѣшаютъ ли снова начатому дѣлу студенческіе безпорядки, не повліяютъ ли на Царя лица, недоброжелательно относившіяся къ задуманной реформѣ. Пользуясь временнымъ затишьемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, Николай Павловичъ въ концѣ 1899 года созвалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ коммиссію, чтобы выслушать мнѣнія лучшихъ педагоговъ Россіи о преобразованіи средней школы. Засѣданія этой комиссіи открылись въ первыхъ числахъ января 1900 года въ Петербургѣ. Здѣсь собралось около 80 человѣкъ попечителей, ректоровъ, директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, профессоровъ, учителей и врачей. Въ эту коммиссію были представлены всѣ труды окружныхъ коммиссій, работавшихъ въ октябрѣ 1899 г. Труды окружной московской коммиссіи, собиравшейся подъ предсѣдательстомъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа П. А. Некрасова, оказались самыми обширными и были представлены въ печатномъ видѣ.

При открытіи коммиссіи, на первомъ засѣданіи Николай Павловичъ сказалъ рѣчь. Приведу отрывки

этой рѣчи [1]). „Коммиссія призвана не постановлять какія-либо рѣшенія“, говорилъ Н. П., „но освѣтить современный строй нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, указать его недостатки и обсудить мѣры къ ихъ исправленію, чтобы такимъ образомъ дать министерству продуманный и провѣренный людьми компетентными и опытными матеріалъ, который былъ бы подробно разработанъ, и которымъ можно было бы воспользоваться въ практическихъ цѣляхъ. Жалобы на среднюю школу многочисленны. Соотвѣтственно и ожиданія отъ реформы велики. Чуть ли не всѣ общественныя и личныя несчастія и неудачи приписываются или классической системѣ, или отсутствію преподаванія естественныхъ наукъ, или плохому воспитательному вліянію школы.

Многіе даже думаютъ, что если бы приняли планъ предлагаемой ими реформы, то студенты высшихъ учебныхъ заведеній были бы на высотѣ профессорскихъ курсовъ, молодые общественные дѣятели были бы опытными и благородными, новое поколѣніе стало бы бодрымъ и крѣпкимъ, и ученики среднихъ школъ всѣ бы доходили до высшихъ классовъ, не мучая своихъ родителей.

Безъ сомнѣнія, такія жалобы и такія надежды чрезмѣрно преувеличены.

Однако, если мы отбросимъ преувеличенныя порицанія и ожиданія, то все-таки останется не мало жалобъ, справедливость которыхъ чувствуется всѣми. Ихъ мы и должны уважать. Желая поставить себя

---

[1]) Часть этихъ отрывковъ выписана изъ сборника министерства народнаго просвѣщенія «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ» Нѣкоторыя дополненія взяты изъ чернового конспекта, набросаннаго Николаемъ Павловичемъ передъ засѣданіемъ.

внѣ всякой борьбы и тѣмъ съ большимъ безпристрастіемъ воспользоваться вашимъ опытомъ и знаніями, я рѣшительно воздержусь до времени отъ высказыванія своихъ личныхъ взглядовъ. Теперь же я хочу сказать лишь нѣсколько словъ для болѣе точнаго опредѣленія нашихъ задачъ и порядка занятій.

Нѣкоторые думаютъ, что циркуляръ отъ 8-го іюля 1899 г. уже предрѣшилъ вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи должны выражаться мнѣнія членовъ. Это не совсѣмъ правильно. Вовсе не желательно, чтобы члены коммиссіи заранѣе отказались отъ предложенія такихъ улучшеній, которыя измѣнятъ какія-нибудь существенныя черты нынѣшнихъ школъ. Напротивъ того, члены коммиссіи приглашаются обсуждать не только существующій строй обоихъ типовъ средней школы, но и подвергнуть разсмотрѣнію возникшія предположенія о видоизмѣненіи этихъ двухъ типовъ. Всякія дѣльныя предложенія будутъ выслушаны со вниманіемъ. Прошу только помнить, что я не желалъ бы для нашей средней школы коренной ломки во всѣхъ частяхъ и считаю нужнымъ сохранить въ ней все то, что по опыту многихъ лѣтъ оказалось жизненнымъ и полезнымъ. Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы указали главныя пружины, которыя придали бы школѣ жизнь. Тогда всѣ прочія улучшенія могли быть бы предпринимаемы исподволь“.

По поводу физическаго воспитанія Боголѣповъ сказалъ: „Я желалъ бы попытаться поставить среднюю школу такъ, чтобы ученики не теряли въ ней здоровья, а по возможности даже укрѣпляли его.

Ради этой цѣли я готовъ итти на значительные урѣзки въ программахъ. По отзывамъ многихъ педагоговъ, эти урѣзки можно сдѣлать по многимъ предметамъ безъ всякаго ущерба для основательности

знаній, если только выкинуть все, что не содѣйствуетъ ни развитію умственныхъ силъ, ни глубинѣ познанія, и что скоро забывается".

О нравственномъ воспитаніи въ конспектѣ рѣчи говорится только, что Николай Павловичъ придаетъ ему еще большее значеніе, чѣмъ физическому. То же было сказано въ циркулярѣ, а именно, что школа должна сдѣлать все возможное, чтобы развивать въ своихъ ученикахъ волю, направляемую религіозными и нравственными началами.

Въ заключеніе Николай Павловичъ обѣщалъ, что занятіямъ будетъ веденъ журналъ, и просилъ всѣхъ присутствовавшихъ представлять письменное изложеніе своихъ рѣчей въ тотъ же день, какъ онѣ будутъ сказаны, или въ самые ближайшіе дни. Наконецъ, указавъ, что для детальной разработки вопросовъ предполагается образовать подкомиссіи, Николай Павловичъ предложилъ обсудить, какого порядка слѣдуетъ держаться въ предстоящихъ занятіяхъ, при чемъ по вопросу о недостаткахъ средней школы просилъ имѣть въ виду указанія циркуляра отъ 8-го іюля 1899 г.

Всѣ члены, съѣхавшіеся въ комиссію, съ жаромъ и увлеченіемъ принялись за дѣло, несмотря на то, что съѣхались люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на систему преподаванія—ярые классики и столь же ярые противники классицизма. Большинство собравшихся высказалось за измѣненіе существующаго строя школы: одни требовали болѣе коренного преобразованія ея, т.-е. совершеннаго изгнанія классическихъ языковъ изъ гимназій; другіе желали только перемѣны метода преподаванія этихъ языковъ и удѣленія меньшаго количества времени на ихъ изученіе.

Николай Павловичъ давалъ право и возможность

откровенно высказываться всѣмъ, будь это самые ярые классики или самые ярые противники классицизма. Но самъ министръ, согласно своему обѣщанію, не высказывалъ до поры до времени своихъ взглядовъ и мнѣній.

Это не значило, что онъ ихъ не имѣлъ; кромѣ желанія дать комиссіи больше свободы высказываться, ему не хотѣлось приступать къ такимъ важнымъ и богатымъ послѣдствіями преобразованіямъ, не провѣривъ своихъ взглядовъ, не познакомившись со мнѣніями наибольшаго числа опытныхъ образованныхъ педагоговъ.

Со взглядами Николая Павловича на преподаваніе въ школахъ мы уже познакомились изъ приведеннаго выше его „Метода преподаванія на юридическомъ факультетѣ“ и изъ писемъ его къ брату Леониду Павловичу.

Вся его переписка, а также и частыя оживленныя бесѣды съ послѣднимъ свидѣтельствуютъ о горячемъ интересѣ Николая Павловича къ педагогіи и о постоянныхъ заботахъ и думахъ его о способахъ и пріемахъ преподаванія. За нѣсколько мѣсяцевъ до созыва описанной комиссіи онъ писалъ брату: „Я думаю, что и въ средней школѣ мы должны подбирать знанія, и полезныя для жизни, и упражняющія тѣ логическія способности, которыя намъ извѣстны, но не только такія, а какія еще?—вотъ тутъ теорія насъ покидаетъ, и остается грубый опытъ жизни. До сихъ поръ думали, что этотъ опытъ указываетъ на древніе языки и математику, но мы знаемъ, что для упражненія логическихъ способностей есть еще много другихъ предметовъ. Думали такъ во всѣхъ образованныхъ странахъ много лѣтъ, а потому было бы легкомысленно, а для министра народнаго просвѣ-

щенія и преступно покинуть эту почву, одобренную цѣлыми вѣками. Надо искать лучшаго въ виду сознанія недостатковъ, но, какъ я сказалъ, опыты можно дѣлать только въ малыхъ размѣрахъ, а для всей массы школъ вводить только тѣ улучшенія, которыя не колеблютъ установившейся системы".

Далѣе онъ пишетъ: „Въ созывающейся комиссіи весь педагогическій составъ Россіи будетъ думать надъ вопросомъ, который мы разбираемъ. Я думаю, для практическаго администратора и педагога это болѣе надежное начало, чѣмъ его личные взгляды". Въ другомъ письмѣ къ брату Николай Павловичъ пишетъ: „Теоретически я совершенно сочувствую требованію, чтобы каждый учитель имѣлъ въ виду прежде всего развитіе мышленія и начиналъ въ этомъ отношеніи съ развитія въ ученикахъ умѣнья наблюдать, сравнивать и классифицировать. Основная мысль моей реформы именно въ томъ и заключается, чтобы эту цѣль сдѣлать главною, ее признать средствомъ сосредоточенія или, какъ принято говорить, концентраціи ученія, а не какіе-нибудь отдѣльные предметы".

Всѣ приведенныя выдержки изъ писемъ и циркуляровъ Николая Павловича можно кратко выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) надо настойчиво развивать въ ученикахъ наблюдательность, правильное мышленіе, сознательное отношеніе къ изучаемому предмету и самостоятельность въ работѣ; 2) необходимо поднять религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ; 3) большое значеніе надо дать національзаціи школы, т. е. необходимо усилить изученіе русской жизни, русской природы, русскаго языка и быта; 4) обращать большее вниманіе на физическое воспитаніе учениковъ; 5) учителямъ предоставлять

больше свободы въ составленіи программъ по ихъ предметамъ; 6) избирать въ преподаватели только лицъ, подготовившихся къ педагогическому дѣлу; 7) улучшить матеріальное положеніе учителей, чтобы они не тратили своихъ силъ на посторонніе заработки; 8) при подобномъ веденіи школьнаго дѣла выборъ предметовъ для спеціальнаго изученія не будетъ играть первенствующей роли; 9) преобразованія въ школѣ должны осуществляться осмотрительно, и опыты надо совершать въ небольшихъ размѣрахъ.

Преобразованія были глубоко обдуманы самимъ министромъ и опытными педагогами, но нашлись лица, враждебно отнесшіяся къ комиссіи и предпринятому ею дѣлу. Враги ея были крайніе классики, желавшіе сохранить неприкосновеннымъ существовавшій типъ классической гимназіи. Въ нѣкоторыхъ газетахъ стали появляться статьи, въ которыхъ комиссія обзывалась парламентомъ, при чемъ ей придавался угрожающій характеръ, и выражалась увѣренность, что она вызоветъ шатанье умовъ.

Наименованіе комиссіи парламентомъ Николай Павловичъ слышалъ даже во дворцѣ, отъ генерала Гессе, самаго приближеннаго къ Царю человѣка. Во главѣ недовольныхъ комиссіей стали нѣкоторые члены ея: Н. М. Аничковъ, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, и В. В. Латышевъ, бывшій директоръ департамента того же министерства. Оба, на ряду съ пристрастіемъ къ классицизму, чувствовали личную непріязнь къ Боголѣпову, потому что со вступленіемъ послѣдняго на постъ министра имъ пришлось уйти въ отставку. Они старались даже поселить вражду между членами комиссіи, распуская ложные слухи, что изгнаніе классицизма изъ средней школы дѣло уже рѣшенное. Благодаря интригамъ названныхъ

лицъ и неожиданному пустячному недоразумѣнію, случившемуся въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, профессоръ Зенгеръ не только отказался отъ предсѣдательства въ одной изъ подкомиссій, но и отъ должности Варшавскаго попечителя, предложенной ему Боголѣповымъ [1]). Опасаясь, чтобы распространяемые слухи и отказъ Зенгера не повредили спокойному ходу комиссіонной работы, Ник. Пав-чъ настоялъ на томъ, чтобы Зенгеръ взялъ свой отказъ назадъ.

Открывая слѣдующее засѣданіе, онъ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами: „Послѣдніе дни между членами комиссіи распространился слухъ, будто въ министерствѣ уже рѣшено изъять классическіе языки изъ преподаванія въ средней школѣ, и доказательство этому видятъ въ томъ, что

---

[1]) Профессоръ Зенгеръ написалъ Ник Пав—чу письмо, въ которомъ отказывался отъ предлагаемой ему должности, потому что, занявъ эту должность, не будетъ въ состояніи проводить реформу, которая должна изгнать классицизмъ изъ средней школы Послѣ подробныхъ объясненій, Зенгеръ отказался и отъ предсѣдательства въ подкомиссіи, объясняя свой отказъ тѣмъ, что въ послѣднемъ засѣданіи ему не дали слова, когда онъ хотѣлъ говорить, и послѣднимъ говорилъ противникъ классицизма Ник. Пав—чъ отвѣтилъ Зенгеру, что удивляется сдѣланному имъ заключенію: разрѣшеніе, данное противнику классицизма говорить послѣднимъ на засѣданіи, не есть доказательство упраздненія классицизма, а главное—взглядъ министра народнаго просвѣщенія никому не можетъ быть извѣстенъ, потому что министръ еще не высказывалъ его Въ заключеніе Ник Пав—чъ напомнилъ Зенгеру, что онъ самъ колебался, говорить ли ему, и потому право слова было дано другому. По полученіи этого письма, Зенгеръ явился къ мужу и объяснилъ, что причина его отказа были намеки Латышева Латышевъ и его единомышленники ожидали, что Зенгеръ будетъ защищать классицизмъ на послѣднемъ засѣданіи Видя его колебанія, Латышевъ первый ему сказалъ. «Вы молчите, не рѣшаетесь говорить?»—На что другое лицо замѣтило: «Молчитъ— на него намордникъ надѣли» Подъ словомъ «намордникъ» подразумѣвалась предлагаемая Зенгеру должность попечителя. Разсказывая это, профессоръ признался, что онъ очень чувствителенъ къ такого рода выходкамъ, слова Латышева и его пріятеля, говорилъ Зенгеръ, причинили ему такое болѣзненное сжатіе сердца, что онъ рѣшился отказаться и отъ предлагаемой ему должности, и отъ предсѣдательства.

на прошломъ засѣданіи послѣднимъ говорилъ рѣчь противникъ классицизма, а защитнику послѣдняго, профессору Зенгеру, будто, не дано было слово: но это произошло по простому недоразумѣнію и въ настоящемъ засѣданіи профессоръ Зенгеръ будетъ говорить первымъ. По этому поводу напомню вамъ, что было сказано мною въ рѣчи при открытіи комиссіи, а именно, что я буду воздерживаться отъ выраженія своихъ взглядовъ, дабы не стѣснять свободы членовъ комиссіи и самому впослѣдствіи воспользоваться безпристрастнѣе этими мнѣніями. Я уже тогда говорилъ, что имѣю въ виду не уничтоженіе существующей школы, а ея улучшеніе, что преобразованіе школы должно исходить изъ исторической основы, а не совершаться путемъ насильственнаго разрушенія. Съ тѣхъ поръ, какъ все это было сказано, ничего не измѣнилось. Министръ — лицо офиціальное: то, что онъ говоритъ, обязательно для него самого. А потому для упомянутыхъ слуховъ нѣтъ никакой почвы". —Присутствовавшіе на засѣданіи директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія В. А. Рахмановъ и московскій попечитель П. А. Некрасовъ говорили мнѣ послѣ засѣданія, что рѣчь Ник. Пав-ча произвела магическое дѣйствіе: послѣ нея опять появилась прежняя общая непринужденность и благодушное настроеніе. Много мѣсяцевъ потомъ комиссія продолжала работать, но Ник. Павловича не переставали тревожить не только ходившіе по городу слухи, но и усилія нѣкоторыхъ лицъ повредить ему во мнѣніи Царя. Николай Павловичъ вовсе не хотѣлъ разрушать классицизма. Онъ имѣлъ въ виду создать нѣсколько типовъ школъ — однѣ должны были остаться строго классическими, но съ усовершенствованными пріемами преподаванія; а дру-

гія должны были сохранить одинъ латинскій языкъ и только для желающихъ могъ остаться и греческій; наконецъ должна была существовать и реальная гимназія съ 8-ю классами и съ правомъ поступать въ университетъ. Между тѣмъ Боголѣповъ узналъ, что родственникъ генерала Гессе, Юзефовичъ, на аудіенціи у Государя высказалъ ему свои взгляды на веденіе школы и на классическую систему преподаванія, котораго онъ былъ большой сторонникъ, причемъ предостерегалъ его противъ новшествъ; но едва ли Юзефовичъ былъ знатокомъ въ дѣлѣ преподаванія: онъ, можетъ быть, и прочиталъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій, но во всякомъ случаѣ не имѣлъ возможности прослѣдить на практикѣ успѣшность и желательность тѣхъ или другихъ пріемовъ и системъ преподаванія. Генералъ Гессе давно стремился пристроить Юзефовича въ министерство народнаго просвѣщенія и не разъ уже просилъ у Ник. Пав-ча назначить его членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія или на какую—нибудь другую должность, но мужъ отказывался, не зная, способенъ ли будетъ Юзефовичъ исполнять возложенныя на него обязанности. Тогда Гессе, не желая противорѣчить взглядамъ, высказаннымъ Юзефовичемъ Государю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что Николай Павловичъ рѣшилъ изъять преподаваніе классическихъ языковъ изъ средней школы—изъ ненавистника классицизма сталъ его сторонникомъ. Домогательства Гессе и Юзефовича тревожили мужа, потому что онъ опасался, что и они изобразятъ дѣятельность комиссіи угрожающею, какъ это дѣлали упомянутые классики. Чтобы опровергнуть возникающія клеветы и газетные толки, Николай Павловичъ на ближайшемъ докладѣ у Государя охарактеризовалъ

ему дѣятельность комиссіи въ слѣдующихъ словахъ: „Многолюдность комиссіи“, говорилъ Боголѣповъ, „объясняется ея задачей, а именно—собрать громадный матеріалъ по вопросу о преобразованіи средней школы и обстоятельно съ нимъ познакомиться. Члены комиссіи призваны не рѣшать окончательно этотъ вопросъ, а сыграть роль свѣдующихъ людей. Обсужденія на засѣданіяхъ идутъ спокойно, потому что я требую письменнаго изложенія мнѣній. Согласно указаніямъ Вашего Величества и моимъ собственнымъ убѣжденіямъ, я совсѣмъ не имѣю въ виду уничтожить классическую школу“.

Государь выслушалъ все сказанное Николаемъ Павловичемъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, при чемъ казался скучающимъ и равнодушнымъ. Опредѣленной непріязни къ классицизму, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уже не было въ немъ замѣтно; повидимому, сторонники классицизма оказали на Царя нѣкоторое вліяніе. Подъ конецъ разговора Государь даже сказалъ, что по вопросу о школѣ онъ ничего больше не понимаетъ.

Понятно, что послѣ такого безучастнаго отношенія Государя къ предпринятымъ преобразованіямъ средней школы Николай Павловичъ съ еще большей тревогой сталъ смотрѣть на будущее. Тревога эта возрастала съ приближеніемъ университетскаго праздника. Наступило 8 февраля, день университетскаго акта, не разъ уже ознаменовавшагося дикими студенческими выходками, а годъ тому назадъ и небывалыми дотолѣ безпорядками. Наканунѣ этого праздника Ник. Павловичъ былъ извѣщенъ университетскимъ начальствомъ, что въ университетѣ собралась студенческая сходка. Одновременно министромъ внутреннихъ дѣлъ ему были доставлены прокламаціи, ходившія по ру-

камъ учащихся. Въ нихъ студенты приглашались разсмотрѣть дѣйствія правительства во второй половинѣ 1899 года; въ прокламаціяхъ упрекали высшую власть за стѣсненіе свободы профессоровъ въ избраніи метода преподаванія: подъ этимъ стѣсненіемъ подразумѣвалось введеніе обязательныхъ практическихъ занятій на всѣхъ факультетахъ; точно также порицалось распоряженіе, рекомендующее сближеніе профессоровъ со студентами,—опять-таки за стѣсненіе свободы профессоровъ Любопытно, что годъ тому назадъ студенты бранили правительство за то, что оно помѣшало сближенію и общенію профессоровъ со студентами. Были и такія прокламаціи, въ которыхъ осуждалась и порицалась общая дѣятельность правительства. Одна изъ такихъ прокламацій кончалась слѣдующей угрозой: „Если правительство не удовлетворитъ безправныхъ и голодныхъ, то, при повышеніи умственнаго и нравственнаго развитія массъ, оно должно будетъ сойти со сцены“.

На актѣ, въ самый день праздника, студенты вели себя непристойно. Когда ректоръ сталъ читать отчетъ, они свистѣли, пѣли и кричали: „Долой Боголѣпова!“ Ректоръ два раза принимался читать отчетъ, но всякій разъ былъ прерываемъ громкими свистками и дикими криками. Тогда ректоръ закрылъ собранье. Къ счастью, на этотъ разъ студенты ограничились однѣми описанными выходками. По уходѣ ректора и всѣхъ профессоровъ, группа студентовъ человѣкъ въ 500 и съ ними нѣсколько любопытныхъ посѣтителей еще оставались въ университетѣ и часовъ до 5 пополудни шумѣли, плясали и пѣли, а затѣмъ разошлись по домамъ. Такой сравнительно благопріятный исходъ университетскаго праздника все-таки не обошелся для Николая Павловича безъ нѣкоторыхъ

непріятныхъ послѣдствій. Правда, эти непріятности были не крупны и интересны только потому, что характеризуютъ отношенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина (друга Витте) къ Боголѣпову.

Но прежде, чѣмъ говорить объ образѣ дѣйствій Сипягина, надо сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ и о томъ, какъ онъ попалъ въ министры.

Выше уже было говорено, что Сергѣй Юльевичъ давно задался мыслію спихнуть министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина, чтобы сначала поставить на его мѣсто Н. В. Муравьева, а затѣмъ, ловкимъ маневромъ отстранить и Муравьева, самому занять его мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ стать премьеръ-министромъ. Но должно, быть, Муравьевъ въ это время чѣмъ-нибудь ему не угодилъ: только съ лѣта 1899 года стали ходить слухи, что Витте усердно хлопочетъ о замѣщеніи Горемыкина уже Сипягинымъ, главноуправляющимъ комиссіей прошеній. Какъ эта измѣна бѣсила Муравьева, можно было замѣтить по крайне нелестнымъ слухамъ, которые распускалъ послѣдній о Витте въ то время, когда усиленно заговорили о назначеніи Сепягина. Въ концѣ 1899-го года Горемыкинъ сошелъ со сцены и на его мѣсто вступилъ Сипягинъ' который заискивалъ передъ Витте; знакомые и родственники новаго министра называли его даже „cavalier servant“ Сергѣя Юльевича. Понятно, что слуга Витте не могъ быть другомъ Боголѣпова. Близость между министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ сказалась во вмѣшательствѣ послѣдняго въ дѣла университета въ день его акта. Дѣло въ томъ, что наканунѣ акта Ник. Пав-чъ совѣщался съ Сипягинымъ, какими мѣрами предупредить безпорядки. Мужъ настаивалъ на томъ, чтобы актъ совсѣмъ не состоялся, говоря, что тогда не будетъ поводовъ къ безпоряд-

камъ, а Сипягинъ убѣждалъ мужа въ необходимости праздновать актъ. Должно быть, министръ внутреннихъ дѣлъ опасался, что при закрытомъ университетѣ предполагавшіеся безпорядки сосредоточатся на улицахъ, гдѣ усмиреніе студентовъ будетъ лежать на его отвѣтственности. Въ концѣ концовъ Боголѣповъ уступилъ, но при этомъ замѣтилъ: „Я вижу, что вы не желаете нести отвѣтственность одинъ, и беру ее на себя“. Сипягинъ, конечно, сталъ увѣрять мужа, что онъ не думаетъ о себѣ и имѣетъ въ виду только дѣло. Послѣ акта министръ внутреннихъ дѣлъ разсказывалъ Государю и всѣмъ своимъ знакомымъ, что только благодаря ему не было безпорядковъ на улицахъ; но Сипягинъ забылъ, что въ предыдущемъ году и при состоявшемся актѣ на улицахъ происходили страшныя безчинства и безпорядки. Когда мужу повторяли похвальбы Сипягина, онъ отвѣчалъ: „Если бы актъ не состоялся, было бы еще лучше, потому что тогда и въ самомъ университетѣ не было бы безпорядковъ“. Отсутствіе ихъ можно было скорѣе приписать тому, что лицамъ, заинтересованнымъ ранѣе въ возбужденіи студентовъ, т. е. надѣявшимся ловить рыбу въ мутной водѣ, въ этотъ разъ нежелательно было вызвать безпорядки: Витте, конечно, не хотѣлъ поставить Сипягина въ затруднительное положеніе съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. На первомъ, послѣ акта, докладѣ мужа, Государь обратился къ нему со словами, столь часто слышанными всѣми отъ Сипягина: „Слава Богу, соръ не былъ вынесенъ изъ избы: все обошлось домашними безпорядками“. Повидимому, за это время у Государя зародилось въ душѣ нѣкоторое сомнѣніе въ умѣніи Николая Павловича вліять на настроеніе студентовъ и тѣмъ предупреждать безпорядки. Такъ, напр., на

письменномъ докладѣ Боголѣпова обо всемъ происшедшемъ на актѣ, Государь написалъ на поляхъ: „происшедшее еще болѣе доказываетъ необходимость увеличенія инспекціи; иначе высшее университетское начальство всегда будетъ находиться впотьмахъ во всемъ, что касается студентовъ“. Вслѣдъ за этимъ письменнымъ докладомъ Ник. Пав-чъ ѣздилъ на пріемъ къ Его Величеству, чтобы еще обстоятельнѣе и подробнѣе описать университетскій актъ, и опять въ тонѣ Государя замѣтилъ какое-то неудовольствіе. Что касается увеличенія числа студенческихъ инспекторовъ, то мужъ не разъ и ранѣе говорилъ Его Величеству, что необходимо усилить и преобразовать инспекцію; при этомъ онъ указывалъ на несостоятельность тогдашней ея организаціи, на равнодушныя отношенія ея агентовъ къ студенческимъ безпорядкамъ, на ея намѣренное бездѣйствіе и на заискиваніе передъ студентами.

Николаю Павловичу невозможно было безъ поддержки Государя увеличить число инспекторовъ, такъ какъ для этого требовались большія средства, а министръ финансовъ не хотѣлъ ихъ отпускать на министерство народнаго просвѣщенія. Въ этотъ пріемъ Ник. Пав-чъ доказывалъ, что трудно управлять университетомъ при безучастіи и революціонномъ настроеніи инспекторовъ: „Недостаточно“, говорилъ онъ, „увеличить число инспекторовъ, надо вдохнуть въ нихъ больше смѣлости и добросовѣстности“.

Какъ примѣръ профессорскаго настроенія того времени приведу одинъ знаменательный случай, предвѣщавшій настоящее положеніе дѣлъ въ нашихъ университетахъ.

Послѣ студенческихъ безпорядковъ, разыгравшихся въ 1899 году, Государь очень настойчиво требо-

валъ, чтобы Николай Павловичъ уволилъ нѣсколько ненадежныхъ профессоровъ: петербургскаго Н. И. Карѣева, московскаго Ю. С. Гамбарова и нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ петербургскаго университета. Мужъ нѣкоторое время медлилъ исполнить требованіе Государя, потому что прежде хотѣлъ удостовѣриться въ степени виновности названныхъ профессоровъ. Но при ближайшемъ свиданіи Его Величество повторилъ свое требованіе и прибавилъ, что не перестанетъ пилить мужа, пока онъ не уволитъ подозрѣваемыхъ Имъ профессоровъ. Послѣ такихъ словъ Царя, Николай Пав—чъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Прежде всего онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой сообщить ему имѣющіяся у него свѣдѣнія о неблагонадежности упомянутыхъ профессоровъ. На основаніи документальныхъ данныхъ, полученныхъ имъ изъ департамента полиціи, Боголѣповъ сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи Карѣева, Гамбарова и нѣкоторыхъ приватъ-доцентовъ, предложивъ имъ предварительно подать въ отставку. Карѣевъ оказался виновнымъ въ довольно серьезныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ; улики были на лицо[1]). Казалось, вывернуться было невозможно, но онъ не пожелалъ сознаться въ своихъ незаконныхъ поступкахъ и даже разыгралъ роль разобиженной невинности, при чемъ сдѣлалъ

---

[1]) Свѣдѣнія о Карѣевѣ были слѣдующія въ 1894 г онъ говорилъ рѣчь на вечеринкѣ 8-го февраля Въ этой рѣчи онъ доказывалъ необходимость возсоздать научный литературный кружокъ, закрытый въ 1888 году за участіе его главныхъ руководителей въ злодѣяніи перваго марта, затѣмъ, въ качествѣ представителя «Вѣстника Европы», входилъ въ сношеніе съ кассой взаимопомощи (тайное студенческое общество въ Петербургѣ; участвовалъ въ засѣданіи комиссіи протеста противъ перехода комитета грамотности въ министерство народнаго просвѣщенія; въ 1898 году, при посредствѣ эмигранта, революціонера Хаймы Житовскаго, входилъ въ переговоры съ русскими соціалистами, Чернышевскимъ, Лавровымъ и Щапо-

это грубо и не безъ дерзостей по отношенію къ министру народнаго просвѣщенія. Карѣевъ написалъ Николаю Павловичу письмо, въ которомъ выражалъ удивленіе и негодованіе за то, что его уволили, не выслушавъ его объясненій, при чемъ обвинялъ мужа „въ оскорбленіи его чести, такъ какъ ни въ чемъ предосудительномъ не виновенъ“. Далѣе Карѣевъ писалъ, что „хотѣлъ подать жалобу на министра народнаго просвѣщенія, но, къ сожалѣнію, узналъ, что въ подобныхъ случаяхъ не даютъ права жаловаться“. Въ виду этого профессоръ требовалъ свиданія съ Николаемъ Павловичемъ для личныхъ объясненій, но заранѣе отказывался итти въ министерство и выражалъ желаніе свидѣться въ другомъ мѣстѣ. Понятно, что Боголѣповъ считалъ возможнымъ такое свиданіе только въ министерствѣ, какъ въ оффиціальномъ мѣстѣ. Поэтому свиданіе не состоялось. Легко понять, что умиротворить университеты съ подобнаго рода профессорами Николаю Павловичу было невозможно. Теперь мы знаемъ, почему его усилія оставались безплодными. Намъ хорошо извѣстно, что тогда, какъ и въ настоящее время, студентовъ революціонировали тайныя подпольныя общества, и многіе профессора-агенты министра финансовъ. Кромѣ того, одна часть правительства, съ Витте во главѣ, хотя и понимала настоящій смыслъ студенческихъ волненій, но намѣренно обвиняла Николая Павловича въ

вымъ объ изданіи «Библіотеки русскихъ соціологовъ» Лѣтомъ того же года Карѣевъ видѣлся въ Петербургѣ съ пріѣхавшимъ для изученія революціоннаго движенія въ Россіи редакторомъ газеты «Cri du peuple» Антономъ Дукъ и женой его Анжелой, укрывательницей убійцы генерала Селиверстова, наконецъ въ 1899 году, въ засѣданіи историческаго общества, Карѣевъ публично предложилъ его членамъ не записываться болѣе на полученіе «Новаго Времени» за то, что редакторъ въ одной изъ своихъ статей осуждалъ студентовъ за безпорядки.

неумѣніи справляться съ ними и старалась увѣрить въ этомъ Царя, чтобы скорѣе погубить поборника правды и порядка. А другая часть правительства, вмѣстѣ съ легкомысленнымъ, малопросвѣщеннымъ, но зато либерально настроеннымъ обществомъ, не вникала въ настоящія причины событій и порой даже искренно приписывала неудачи Николая Павловича его сухости и безсердечію. Когда же въ нѣкоторыхъ случаяхъ бывали такія столкновенія молодежи съ педагогическимъ начальствомъ, въ которыхъ нельзя было обвинять самого министра народнаго просвѣщенія, тогда порицали всѣхъ русскихъ педагоговъ и неумѣніе министра ихъ выбирать. Мужу и мнѣ приходилось часто слышать отъ многихъ лицъ изъ Петербургскаго общества, что всѣ русскіе педагоги сухи, безсердечны и ограничены. Любопытна въ этомъ отношеніи появившаяся въ 1900 г. въ февральскомъ номерѣ „Гражданина“ статья, написанная издателемъ этой газеты, княземъ Мещерскимъ. Послѣдній высказывалъ въ ней сожалѣніе, что въ комиссію, созванную мужемъ, пригласили однихъ педагоговъ. „Надо было прежде всего“, писалъ онъ, „пригласить людей воспитанныхъ, честныхъ, съ добрымъ сердцемъ и со здравымъ смысломъ. Такіе люди, какую бы должность ни занимали, лучше педагоговъ понимаютъ, какъ воспитывать и учить дѣтей. Имъ же надо ввѣрять и воспитаніе дѣтей. Набирать ихъ можно по указанію предводителей дворянства, губернаторовъ и полковыхъ командировъ“. Почему кн. Мещерскій считалъ перечисленныхъ лицъ наилучшими оцѣнщиками при опредѣленіи сердечности, порядочности и честности педагоговъ,—этого онъ не объяснялъ. Должно быть, распространеніемъ этого взгляда въ высшихъ сферахъ объясняются назначеніе генераловъ П. С. Ван-

новскаго и Г. В. Глазова на постъ министра народн. просв. Государю статья кн. Мещерскаго понравилась, и Онъ далъ ее прочесть мужу со слѣдующими словами: „Вотъ прочтите статью кн. Мещерскаго, затѣмъ поговоримъ о ней“. На ближайшемъ послѣ этого докладѣ Николай Павловичъ заговорилъ съ Государемъ о данной ему статьѣ и сказалъ, что не раздѣляетъ взгляда кн. Мещерскаго на педагоговъ. „При теперешнихъ средствахъ и методахъ обученія“, говорилъ онъ, „опытный педагогъ гораздо скорѣе и легче можетъ добиться успѣховъ въ преподаваніи, чѣмъ неопытный человѣкъ; при массѣ знаній, которыя долженъ пріобрѣсти въ настоящее время юноша, нельзя не считаться съ пріемами преподаванія. Если военное, инженерное, строительное дѣло требуетъ ученыхъ спеціалистовъ, то насколько же болѣе требуетъ опытнаго спеціалиста столь тонкая и сложная организація, какъ сердце и умъ ребенка“... „Въ настоящее время“, прибавилъ Николай Павловичъ, „много толкуютъ о томъ, что будущихъ учителей и педагоговъ надо знакомить съ психологіей: это и понятно: такое знакомство научитъ ихъ успѣшнѣе вліять на душу юноши и ребенка“.

Государь согласился съ доводами мужа и замѣтилъ только, что кн. Мещерскій „слишкомъ сильно выразился“.

Постоянныя постороннія вмѣшательства въ дѣла министерства народнаго просвѣщенія, частыя попытки возстановить Царя противъ начинаній Николая Павловича очень тревожили послѣдняго, потому что внушали ему опасенія за успѣшное проведеніе задуманной имъ реформы. Работая почти безъ отдыха съ утра до позднихъ часовъ ночи, онъ былъ лишенъ бодрящей увѣренности въ поддержкѣ съ стороны

верховной власти и въ сочувствіи и содѣйствіи своихъ сотоварищей-министровъ; но онъ не падалъ духомъ, несмотря на то, что непосильная работа подрывала его и безъ того слабыя физическія силы. Когда я разсказала доктору Мержеевскому (психіатру), какъ мужъ проводилъ день, онъ воскликнулъ: „Никакихъ физическихъ силъ не хватитъ на такую работу“. А Мержеевскій не имѣлъ понятія объ интригахъ и волненіяхъ, которыя приходилось мужу переживать,и которыя вызывали въ немъ нескрываемое негодованіе и нагоняли на него грустное раздумье; такъ, однажды, послѣ какого-то разговора съ однимъ изъ министровъ, онъ сказалъ мнѣ: „Какая у меня бываетъ тошнота, когда я послушаю нѣкоторые разговоры и посмотрю на придворную суету“. И дѣйствительно: какое томленіе духа должно было овладѣть человѣкомъ, беззавѣтно преданнымъ своему дѣлу и пожертвовавшимъ ему своею личною жизнью, при видѣ подвоховъ и препирательствъ правительственныхъ лицъ изъ-за жажды власти и личныхъ выгодъ! Но, повторяю, такое настроеніе овладѣвало имъ не надолго и не могло сломить его несокрушимой энергіи.

Яркимъ примѣромъ недостойныхъ домогательствъ видныхъ правительственныхъ лицъ того времени можетъ служить слѣдующій разговоръ министра юстиціи Муравьева съ мужемъ и дальнѣйшія дѣйствія послѣдняго. Однажды въ Государственномъ Совѣтѣ Муравьевъ подошелъ къ Николаю Павловичу и спросилъ его: „Вы способны быть заговорщикомъ?“ „Плохой я заговорщикъ“, отвѣтилъ Николай Павловичъ.—„Да, я знаю“, возразилъ Муравьевъ, „но мы должны, наконецъ объединиться: вѣдь онъ (Витте) стремится сдѣлаться премьеръ-министромъ. Вы знаете,

какую записку подалъ онъ Государю?“—„Нѣтъ, не знаю“, отвѣтилъ мужъ.—„Какъ же! Записку, въ которой онъ доказываетъ необходимость образовать въ Россіи кабинетъ министровъ, съ премьеромъ во главѣ. Конечно, въ премьеры Сергѣй Юльевичъ прочитъ себя“.—„Объ этомъ можно поговорить“, сказалъ мужъ, „только не здѣсь“. Николай Павловичъ хотѣлъ при возобновленіи разговора сказать Муравьеву, что достойнѣе и полезнѣе было бы объединиться въ открытой борьбѣ съ министромъ финансовъ и въ постоянномъ противодѣйствіи его вредному вліянію на Царя, но разговоръ не былъ возобновленъ. Муравьевъ намѣревался въ теченіе недѣли собрать матерьялъ и затѣмъ зайти къ Николаю Павловичу, но намѣренія своего не исполнилъ. Какъ мы уже говорили выше, съ тои минуты, какъ Витте сталъ хлопотать о назначеніи Сипягина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, Муравьевъ сдѣлался его врагомъ и не пропускалъ случая, очернить министра финансовъ. Правда, возводимыя имъ на него обвиненія были большею частью справедливы, но неблаговидно было то, что ранѣе, когда Витте намѣревался содѣйствовать назначенію Муравьева на тотъ же постъ, послѣдній какъ бы не замѣчалъ властолюбивыхъ замысловъ и низкихъ поступковъ министра финансовъ.

Со своей стороны, Витте не довѣрялъ Муравьеву, и предпочелъ ему Сипягина, который, благодаря своей ограниченности и беззавѣтной преданности Сергѣю Юльевичу, былъ его сторонникомъ. Со времени ухода Горемыкина еще уменьшилось и безъ того незначительное число самостоятельныхъ правительственныхъ лицъ, не подчинявшихся министру финансовъ. Такими лицами были: государственный контро-

леръ Лобко, предсѣдатель совѣта министровъ Плеве, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ. Они увѣренно и безстрашно шли своей дорогой, не озираясь съ подобострастіемъ на министра финансовъ. Что касается Побѣдоносцева, то онъ не позволялъ министру финансовъ вмѣшиваться только въ дѣла своего вѣдомства, но никогда не противодѣйствовалъ ему, когда онъ незаконно вмѣшивался въ дѣла другихъ министровъ, и никогда не поддерживалъ тѣхъ, которые ему сопротивлялись. Такъ было, напр., въ университетской исторіи 1899 года. Понятно, что съ уменьшеніемъ количества людей съ независимыми взглядами и характерами увеличивалось властолюбіе Витте, а съ этимъ и его дерзость и надменность. Дерзокъ и пренебрежителенъ онъ былъ со всѣми—и съ угодливыми друзьями, и съ противниками. Съ первыми онъ даже часто обходился пренебрежительно, разговаривая съ ними свысока и рѣшая безъ ихъ согласія дѣла ихъ вѣдомствъ. Съ Николаемъ Павловичемъ Витте держалъ себя непостоянно, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ того, какъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ было объявлено Высочайшее повелѣніе, обязывающее министровъ основывать въ своихъ вѣдомствахъ высшія учебныя заведенія только съ согласія министра народнаго просвѣщенія, Витте сталъ съ Николаемъ Павловичемъ предупредительно любезенъ, а послѣ нѣсколькихъ отказовъ послѣдняго разрѣшить основаніе политехникума въ вѣдомствѣ министра финансовъ онъ сталъ дерзокъ и заносчивъ. Однажды, по поводу такого отказа, между обоими министрами разыгралась бурная сцена въ Комитетѣ министровъ. Обсуждалась отмѣтка Государя на докладѣ Екатеринославскаго губернатора. Въ докладѣ со-

общалось о многочисленныхъ волненіяхъ рабочихъ на заводахъ въ рудникахъ, и указывалось на одну изъ причинъ безпорядковъ, а именно—на пренебрежительное, подчасъ жестокое обращеніе иностранныхъ техниковъ съ русскими рабочими. Витте, признавая справедливость такого обвиненія, утверждалъ, что враждебныхъ отношеній между техниками и рабочими не бываетъ, когда во главѣ завода стоитъ русскій инженеръ. Слѣдовательно, единственное средство предупреждать столкновенія между иностранными директорами и русскими рабочими это—назначать директорами заводовъ русскихъ, а не иностранныхъ техниковъ. Неотложною необходимостью прекратить эти столкновенія Витте объяснилъ и свое стремленіе основывать новые политехникумы: „Изъ-за этого", говорилъ онъ, „я содѣйствовалъ основанію технологическаго института въ Томскѣ, расширенію существующихъ институтовъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и устройству,—правда, контрабандой, трехъ политехникумовъ въ своемъ вѣдомствѣ". Еще раньше, въ другомъ засѣданіи Комитета министровъ, въ отсутствіе мужа [1]), Витте заявилъ, что думаетъ основать политехникумъ, и что министръ народнаго просвѣщенія далъ на это согласіе. Такого согласія, однако, мужъ не давалъ, потому что не переставалъ утверждать, что всѣ учебныя заведенія должны находиться въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Витте, конечно, сказалъ ложь—съ тѣмъ, чтобы отрѣзать Николаю Павловичу возможность отказа.

Описывая безпорядки на заводахъ и распространяясь безъ нужды о недостаточномъ количествѣ

[1]) Николая Павловича замѣнялъ на этомъ засѣданіи товарищъ министра Звѣревъ

русскихъ инженеровъ, министръ финансовъ опять имѣлъ одну цѣль—добиться желаемаго имъ согласія отъ министра народнаго просвѣщенія. Николай Павловичъ счелъ нужнымъ уничтожить впечатлѣніе произведенное словами Витте и въ отвѣтъ на его лживыя рѣчи объявилъ собранію, что еще годъ тому назадъ министръ финансовъ судилъ о недостаточномъ количествѣ русскихъ инженеровъ совсѣмъ иначе, а именно: когда Николай Павловичъ просилъ его согласиться на отпускъ кредита для основанія новаго политехникума въ Нижнемъ, Сергѣй Юльевичъ отказалъ ему на томъ основаніи, что въ настоящее время русская промышленность не нуждается въ техникахъ съ высшимъ образованіемъ, а нуждается болѣе въ среднихъ и низшихъ; въ поясненіе министръ финансовъ привелъ примѣръ какого-то новаго Бельгійскаго завода, въ которомъ во главѣ предпріятія можно было поставить одного русскаго инженера, между тѣмъ, какъ для увеличенія числа среднихъ и низшихъ техниковъ и мастеровъ пришлось допустить до полуторы тысячи бельгійцевъ. Признавая основательными такіе доводы, Николай Павловичъ не сталъ тогда настаивать на своемъ требованіи, а теперь онъ услыхалъ совершенно противоположное заявленіе. Витте на эти слова мужа нахально отвѣтилъ: „Во-первыхъ, все это невѣрно, а во-вторыхъ—въ Комитетѣ министровъ признано не допускать ссылокъ на частные разговоры: мало ли что въ частныхъ разговорахъ можно говорить? У насъ былъ другой разговоръ: я просилъ согласія министра народнаго просвѣщенія на открытіе политехникума въ Казани, въ моемъ вѣдомствѣ, обѣщаясь отпустить деньги на высшее учебное заведеніе въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія, но этого согласія до сихъ поръ не получалъ“.

Тутъ вмѣшался предсѣдатель Комитета министровъ И. Н. Дурново, прося прекратить споръ, такъ какъ, дѣйствительно, на частные разговоры въ Комитетѣ министровъ не принято ссылаться. Въ виду этого, Николай Павловичъ ограничился только заявленіемъ, что и Сергѣй Юльевичъ передалъ ихъ частный разговоръ; при чемъ добавилъ: „Этотъ разговоръ, дѣйствительно, происходилъ; но происходилъ и тотъ, который я привелъ".

Убѣждаясь все болѣе и болѣе, что борьба одного противъ всѣхъ безплодна, Николай Павловичъ сталъ чаще подумывать объ отставкѣ и рѣшился добиться ея немедленно по проведеніи реформы средней школы. Ожидая отъ послѣдней добрыхъ плодовъ, онъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, готовъ былъ для достиженія своей цѣли работать и бороться безъ устали.

6-го марта 1900 г. закончились занятія комиссіи по переустройству средней школы.

Всѣхъ засѣданій было 32, не считая многочисленныхъ засѣданій подкомиссій, въ которыхъ подготовлялись и разрабатывались отдѣльные вопросы и подробности. Николай Павловичъ и его товарищъ Н. А Звѣревъ съ большою похвалою отзывались о воодушевленіи и усердіи, съ которыми работали члены комиссіи.

Члены комиссіи, съ своей стороны, остались очень довольны своимъ предсѣдателемъ. До насъ доходили ихъ отзывы черезъ постороннихъ лицъ. Они хвалили терпѣніе, спокойствіе и справедливость, съ которыми Николай Павловичъ велъ засѣданія. По ихъ словамъ, самыя крайнія партіи, т. е. и завзятые сторонники классицизма, и ярые противники его, имѣли одинаковое право голоса, и всѣхъ Боголѣповъ выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ.

Всѣ журналы засѣданій комиссіи и труды подко-

миссій были напечатаны въ 8 большихъ томахъ. Въ нихъ собранъ богатый матерьялъ, который даетъ вѣрное и всестороннее представленіе о недостаткахъ средней школы и содержитъ въ себѣ указанія и разсмотрѣнія желаемыхъ преобразованій ея.

На послѣднемъ засѣданіи комиссіи Боголѣповъ обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой благодарилъ присутствовавшихъ за ихъ двухмѣсячную, добросовѣстную, внимательную работу, выяснившую ему многое въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Затѣмъ онъ просилъ членовъ комиссіи, по возвращеніи на мѣста службы, быть сдержанными въ разговорѣ о работахъ собранія, по крайней мѣрѣ — стараться не вовлекать учащихся въ обсужденіе школьнаго вопроса, потому что ихъ собранія прежде всего имѣли въ виду только предварительную разработку вопроса, а не окончальное рѣшеніе его, и, наконецъ, потому что перемѣны, которыя должны послѣдовать, весьма возможно — еще не скоро наступятъ

Генералъ Макаровъ [1]) представитель военнаго вѣдомства, отвѣтилъ Боголѣпову также краткою рѣчью, заключавшею въ себѣ уже переданные отзывы членовъ комиссіи, а именно — онъ говорилъ о свободѣ, данной Николаемъ Павловичемъ, высказывать каждому свое мнѣніе, ни разу не обнаруживъ, куда клонятся его симпатіи, чѣмъ еще болѣе облегчилъ членамъ собранія ихъ задачу. Рѣчь Макарова была встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ; отовсюду кричали: „правда! правда!“

Послѣ этого Николай Павловичъ вторично благодарилъ собраніе:

„Я не упомянулъ“, сказалъ онъ, „отдѣльно пред-

1) Въ комиссіи участвовали представители тѣхъ министровъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились среднія учебныя заведенія.

ставителей всѣхъ вѣдомствъ, потому что въ моемъ представленіи въ эти два мѣсяцаиз гладилось различіе между представителями министерства народнаго просвѣщенія и представителями другихъ вѣдомствъ. Всѣ работали дружно,всѣ были воодушевлены искреннимъ, безкорыстнымъ желаніемъ отыскать истинный путь къ улучшенію преподаванія и воспитанія въ средней школѣ. Я счастливъ убѣдиться въ способности русскихъ искренно воодушевляться работой на общую пользу".

Николай Павловичъ очень сочувственно отнесся къ трудамъ членовъ комиссіи и воспользовался многими, высказанными мнѣніями для пополненія своихъ взглядовъ и для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ. По окончаніи работы комиссіи, Николай Павловичъ составилъ проектъ преобразованія средней школы[1]). 27-го марта 1900 года онъ отвезъ его на разсмотрѣніе Его Величества. Прежде чѣмъ внести проектъ въ Государственный Совѣтъ, надо было знать одобритъ ли Государь его или потребуетъ какихъ-нибудь измѣненій въ немъ. Въ пріемной Боголѣпова встрѣтилъ ген.-адъют. Гессе, который между прочимъ сообщилъ ему, что Юзефовичъ написалъ критику на записку попечителя Харьковскаго учеб. округа, Анрепа, „О реформѣ средней школы". Гессе очень хвалилъ статью Юзефовича, въ которой авторъ доказывалъ, что универсальная школа недопустима. Анрепъ стоялъ за единую среднюю школу, которая должна давать общее среднее образованіе и открывать доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія. Юзефовичъ потому не одобрялъ универсальной школы, что опасался переполненія университетовъ. Онъ предлагалъ двѣ школы — одну дорого стоящую и болѣе

[1]) См. приложеніе № 5

трудную, которая должна была давать доступъ въ университетъ, и другую,—съ болѣе легкимъ курсомъ наукъ, которая должна была подготовлять учениковъ во всѣ остальныя высшія учебныя заведенія.

Свой докладъ Ник. Пав-чъ началъ съ того, что высказалъ свое предположеніе сохранить оба типа существовавшей при немъ школы—гимназію и реальное училище. Государь перебилъ мужа, сказавъ: „Да, ни въ какомъ случаѣ не универсальную“. Изъ этихъ словъ Николай Павловичъ заключилъ, что Гессе уже представилъ Государю статью Юзефовича; далѣе, когда мужъ сталъ докладывать про преобразованіе гимназіи, Его Величество спросилъ: „А что, мы будемъ учиться греческому языку?“ Николай Павловичъ отвѣтилъ, что греческій языкъ будетъ обязательнымъ только для будущихъ филологовъ. Государь на это замѣтилъ, что на первомъ планѣ въ школьномъ дѣлѣ должно поставить изученіе русскихъ предметовъ—отечественной исторіи, географіи родной страны, русскаго языка и русской литературы. Закончивъ изложеніе своего проекта, Ник. Пав-чъ обратился къ государю со словами: „Прошу васъ, Государь, не объ окончательномъ утвержденіи проекта, а только о разрѣшеніи продолжать работу въ начатомъ духѣ“. Окончательное утвержденіе должно было послѣдовать установленнымъ порядкомъ, черезъ Государственный Совѣтъ. —„Не желаете ли, Ваше Величество“, продолжалъ Ник. Пав-чъ, о ставить прокэтъ у себя, чтобы прочесть его еще разъ?“ Государь отвѣтилъ: „Да, конечно, такой вопросъ нельзя рѣшить въ полчаса. Вы хотите, чтобъ я написалъ Вамъ тутъ что-нибудь?“ спросилъ Государь, указывая на полы поданныхъ ему листовъ. — „Какъ Вамъ будетъ угодно, Ваше Величество. Только я еще разъ осмѣливаюсь доло-

лить Вашему Величеству, что прошу не объ окончательномъ рѣшеніи". Тогда Государь, видимо, въ нерѣшительности сказалъ: „Можетъ быть, мы еще повидаемся съ вами, чтобы поговорить о надписи. Я думаю, это можно будетъ сдѣлать еще до моего отъѣзда въ Москву". Царь со всей Августѣйшей семьей собирался ѣхать въ то время въ Москву, по случаю поста и страстной недѣли. По окончаніи доклада, Царь сказалъ мужу, что ѣдетъ въ Москву поговѣть и отдохнуть, что отпуска Онъ не можетъ брать, но тѣмъ не менѣе въ отдыхѣ нуждается. „Вотъ почему я и придумалъ эту поѣздку", добавилъ Государь.

До отъѣзда Царской семьи въ Москву, мужъ не получалъ приглашенія явиться во дворецъ, что его очень огорчало: онъ опасался, что его проэктъ попадетъ въ руки Юзефовичу, который, будучи врагомъ раздѣленія средней школы на классическую и реальную, повліяетъ на Государя въ нежелательномъ смыслѣ.

Въ это свое пребываніе въ Москвѣ, молодой Царь возбудилъ необыкновенный восторгъ и ликованіе ея жителей (большею частью низшихъ классовъ) своею простотою и обходительностью. Такъ, напримѣръ, на Страстной заутрени Онъ и Царица зажигали во время крестнаго хода свои затушенныя свѣчи у простолюдиновъ, тѣснившихся къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Они также часто показывались толпѣ безъ всякой свиты и охраны. Царь, по словамъ его приближенныхъ, тяготился близостью тайной полиціи.

Многіе члены высшаго общества были недовольны простотой, съ которой Государь держался вездѣ и со всѣми. По этому поводу они шипѣли и подсмѣивались, увѣряя, что Царь и Царица зажигали свои свѣчи

у переодѣтыхъ агентовъ тайной полиціи. Нашлись люди, обозвавшіе его „Царемъ муроварцемъ“, потому что онъ присутствовалъ въ Соборѣ на мурованіи.

Но доброта и простота Царя не подлежатъ насмѣшкамъ, потому что они не лицемѣрны. Его горячая любовь къ родинѣ и искреннее, неизмѣнное желаніе всегда дѣйствовать къ ея благу несомнѣнны. Лишь мягкость Его характера мѣшала ему дѣйствовать рѣшительно.

17 апрѣля Его Величество возвратился въ Петербургъ, и въ 20-хъ числахъ того же мѣсяца Боголѣповъ ѣздилъ во дворецъ съ докладомъ и услышалъ отъ Государя радостную вѣсть, что онъ одобряетъ проэктъ реформы средней школы. Царь очень милостиво разговаривалъ съ Николаемъ Павловичемъ и выразилъ сожалѣніе, что послѣдній не былъ съ нимъ въ Москвѣ: „Тамъ было очень хорошо!“— добавилъ Государь. Должно быть, онъ намекалъ на восторгъ, съ которымъ его встрѣтила Первопрестольная. Николай Павловичъ на это отвѣтилъ, что, несомнѣнно, вся Россія раздѣляетъ съ Москвою ея чувство любви къ своимъ царямъ, но Москва сильнѣе ее выражаетъ. Царь замѣтилъ: „Да, она лучше умѣетъ выражать свою любовь“.

Легко себѣ представить какъ обрадовался Николай Павловичъ, когда Государь безъ колебаній разрѣшилъ ему дальнѣйшую работу по реформѣ средней школы въ духѣ поданнаго ему проекта. Оставалось еще одно опасеніе, мучившее мужа: утвердитъ ли Государственный Совѣтъ этотъ проектъ? Николай Павловичъ образовалъ новую, на этотъ разъ немногочисленную комиссію для составленія подробной редакціи проекта. Предсѣдателемъ этой комиссіи онъ назначилъ кав-

казскаго попечителя К. П. Яновскаго. Въ руководство этой комиссіи онъ далъ свой всеподданнѣйшій докладъ и снабжалъ Яновскаго въ продолжительныхъ бесѣдахъ дополнительными указаніями.

VIII.

Успокоенный на время Высочайшимъ разрѣшеніемъ продолжать работу по преобразованію средней школы въ начатомъ направленіи, Боголѣповъ, въ маѣ 1900 г., поѣхалъ ревизовать кіевскій округъ.

Цѣль его была познакомиться съ нѣкоторыми особенностями учебныхъ заведеній этого края и съ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, Вельяминовымъ—Зерновымъ, о которомъ ему говорили, что онъ человѣкъ дряхлѣющій и бездѣятельный.

Русскія школы, начальныя и среднія, на окраинахъ произвели на мужа благопріятное впечатлѣніе: преподаватели оказались не хуже, чѣмъ въ центральныхъ округахъ, а внѣшняя дисциплина учениковъ оказалась даже лучше. Что же касается зданій учебныхъ заведеній, то, благодаря заботливымъ стараніямъ и надзору попечителя Вел.-Зернова, они были превосходны и содержались въ образцовомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, жалобы на его бездѣятельность оказались несправедливыми.

Въ юго-западномъ краѣ особенный интересъ представляли чешскія и нѣмецкія школы: о первыхъ Николаю Павловичу доносили, что успѣхи по русскому языку въ нихъ очень плохи вслѣдствіе нежеланія чеховъ учиться этому языку; вторыя обращали на себя вниманіе тѣмъ, что нѣмецкія колоніи, въ которыхъ онѣ находились, многочисленностью своею и по своему расположенію около главныхъ путей сообщенія, представляли политическую и военную опас-

ность для Россіи. Одно время у насъ въ Россіи подозрѣвали, что германское правительство руководитъ нѣмецкими колоніями въ нашемъ краѣ, разсчитывая на ихъ поддержку въ случаѣ вторженія германскихъ войскъ въ предѣлы Россіи.

Мѣстные нѣмцы и высшее протестантское управленіе въ Петербургѣ настаивали на томъ, чтобы учителями русскаго языка въ нѣмецкихъ школахъ были кистеры [1]), на томъ основаніи, что у колонистовъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы содержать учителя сверхъ кистера, обучавшаго Закону Божію; но попечитель кіевскаго учебнаго округа утверждалъ, что, пока кистеры будутъ обучать русскому языку нѣмецкихъ дѣтей, они никогда, какъ слѣдуетъ, его не усвоятъ, вслѣдствіе чего школа не будетъ служить средствомъ сближенія нѣмцевъ съ русскими. Познакомившись съ нѣсколькими нѣмецкими школами, Николай Павловичъ убѣдился, что учителя изъ нѣмцевъ были не тверды въ русскомъ языкѣ, и ученики, учившіеся у нихъ въ продолженіе двухъ зимъ, очень плохо его усвоили: они читали и разсказывали прочитанное съ трудомъ и вяло. Въ одной нѣмецкой школѣ дѣти оживились только тогда, когда Николай Павловичъ предложилъ имъ пропѣть нѣмецкую молитву.

Послѣ сдѣланныхъ наблюденій, Боголѣповъ согласился съ кіевскимъ попечителемъ, что кистеровъ нельзя ставить учителями русскаго языка, и сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи русскихъ учителей въ нѣмецкія школы.

Что касается чешскихъ школъ, то свѣдѣнія, полученныя мужемъ, оказались не вѣрны. Въ школахъ, которыя онъ посѣтилъ, дѣти очень хорошо читали

[1]) Прислуживающій пастору и церкви — въ родѣ нашего дьячка.

по-русски, разсказывали и писали подъ диктантъ безъ грубыхъ ошибокъ. Учителя изъ чеховъ и православные священники, тоже изъ чеховъ, всѣ прекрасно говорили по-русски. По словамъ попечителя кіевскаго округа, ему удалось сломить сопротивленіе чеховъ.

Описанная поѣздка служила для Николая Павловича нѣкотораго рода отдыхомъ. Объѣхавъ школы юго-западнаго края, онъ отправился на лѣтнее пребываніе въ Теріоки. Тамъ дѣятельность его была столь же напряженною, какъ и въ Петербургѣ. Мы, семейные его, видѣли его лишь короткое время. Такой образъ жизни не прекращался до самой осени, когда Николай Павловичъ уѣзжалъ съ нами въ Крымъ и заграницу. Изъ Теріокъ Николай Павловичъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ недѣлю на пріемы въ свое министерство, на засѣданія въ Государственный Совѣтъ, а также къ нему изъ Петербурга пріѣзжалъ товарищъ Н. А. Звѣревъ. Съ нимъ онъ не только занимался текущими дѣлами, но и работалъ надъ улучшеніемъ и преобразованіями учебнаго дѣла. Его нововведенія касались учебныхъ заведеній разныхъ типовъ.

Я уже описывала преобразованія, предпринятыя Николаемъ Павловичемъ въ средней школѣ и въ университетахъ. Остается мнѣ еще коснуться нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его мѣръ въ области высшаго образованія, затѣмъ изложить все предпринятое имъ для улучшенія и увеличенія числа техническихъ и промышленныхъ училищъ и, наконецъ, для умноженія и улучшенія начальныхъ школъ. Прежде, чѣмъ приступить къ перечисленію его начинаній, я приведу слова редактора швейцарской газеты „Бундъ“ Видмана: „Если вспомнить, что покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія совершилось въ

1901 г. т. е. только 3 года по вступленіи его на эту должность, то нельзя не удивляться, какъ много ума и энергіи онъ проявилъ въ своихъ созиданіяхъ и начинаніяхъ“ [1]).

Начну съ мѣръ, касавшихся университетовъ: 7-го іюля 1890 г. Николай Павловичъ разослалъ циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ съ указаніемъ времени, когда должны были начинаться учебныя занятія въ университетахъ, и опредѣлялась длина учебнаго года. Эта мѣра была вызвана тѣмъ, что учебныя занятія вездѣ начинались значительно позднѣе 1-го сентября, благодаря чему они сильно сокращались.

Имъ были организованы практическія занятія на всѣхъ факультетахъ, а также научные и литературные студенческіе кружки. Исходатайствованы были имъ средства на основаніе студенческихъ общежитій; при немъ были открыты—медицинскій факультетъ въ новороссійскомъ университетѣ и юридическій — въ томскомъ; владивостокская гимназія была преобразована въ Восточный институтъ, и основанъ былъ томскій технологическій институтъ.

Что касается промышленныхъ училищъ, то Николай Павловичъ ревностно старался увеличить ихъ число. Какъ сказано было выше, онъ считалъ нужнымъ давать всѣмъ учащимся возможность выбирать работу и занятія сообразно ихъ силамъ и способностямъ. Кромѣ того, Николай Павловичъ надѣялся основаніемъ многочисленныхъ промышленныхъ училищъ отвлечь отъ университетовъ молодежь, неспо-

[1]) Статья Видмана съ приведеннымъ отзывомъ появилась въ еженедѣльномъ Берлинскомъ изданіи «Die Nation» за 1901 г

[2]) Подробное описаніе преобразованій Николая Павловича можно найти въ книжкѣ «Краткій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время управленія имъ покойнаго министра Боголѣпова».

собную къ чисто ученой дѣятельности. Этимъ устранялось бы и переполненіе университетовъ. Въ трехлѣтнюю министерскую дѣятельность Николая Павловича были учреждены 45 высшихъ и низшихъ техническихъ, промышленныхъ и реальныхъ училищъ. Кромѣ того, 9 школъ были преобразованы въ высшіе типы; при немъ открывались также ремесленные классы при многихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Типы основанныхъ школъ отвѣчали требованіямъ современной практической жизни. Такихъ типовъ появилось два: — четырехклассныя школы, къ которымъ имѣли доступъ ученики, окончившіе курсъ городскихъ училищъ, и восьмиклассныя школы; первыя готовили къ практической дѣятельности, вторыя—для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія. Съ цѣлью ускорить ростъ этихъ училищъ, Николай Павловичъ испросилъ на 5 лѣтъ кредитъ въ 20 милліоновъ руб. Размноженіе восьмиклассныхъ училищъ и постоянно увеличивающееся число желающихъ поступить въ высшія техническія учебныя заведенія, въ свою очередь, побудили Николая Павловича хлопотать объ открытіи въ Томскѣ технологическаго института. Сибирь съ ея богатствами нуждалась въ образованныхъ и умѣлыхъ техникахъ. Добиваясь основанія этого института, мужу пришлось опять убѣдиться, что выдача необходимыхъ средствъ на нужды министерства народнаго просвѣщенія зависитъ отъ каприза Витте. По ходу этого дѣла въ совѣщаніи соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта можно было сначала думать, что министерству народнаго просвѣщенія не удастся отстоять открытіе Томскаго политехникума. Это дѣло обсуждалось въ первый разъ въ отсутствіе Николая Павловича, когда онъ ѣздилъ ревизовать юго-западный край. Его за-

мѣстителемъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ, по обыкновенію, его товарищъ Н. А. Звѣревъ. Послѣ долгихъ преній и препирательствъ, большинство членовъ Государственлаго Совѣта высказалось за устройство въ Томскѣ одного инженерно-строительнаго отдѣла и возражало настойчиво противъ устройства въ немъ горнаго отдѣла. Самымъ горячимъ противникомъ основанія горнаго отдѣла въ Томскѣ былъ министръ земледѣлія Ермоловъ, опасавшійся, что это затормозитъ открытіе горнаго института въ Екатеринославѣ; товарищъ министра финансовъ Коковцевъ и министръ путей сообщенія Хилковъ поддерживали Ермолова. Большое число членовъ Государственнаго Совѣта признавали желательнымъ основаніе горнаго отдѣла въ Томскѣ, но потребовали, чтобы министръ народнаго просвѣщенія и министръ земледѣлія предварительно столковались о томъ, чье учебное заведеніе должно быть устроено раньше. Николай Павловичъ предполагалъ, что возраженія Ермолова были вызваны опасеніями горныхъ и путейскихъ инженеровъ утратить монополію, которою до тѣхъ поръ они пользовались. Предвидѣлось, что они начнутъ агитацію среди членовъ Государственнаго Совѣта и тѣмъ окончательно провалятъ въ общемъ собраніи дѣло объ открытіи горнаго отдѣла въ Томскѣ. По своемъ возвращеніи въ Петербургъ, Николай Павловичъ началъ усердно готовиться къ защитѣ горячо интересовавшаго его дѣла и не мало волновался. Съ помощью своего товарища Н. А. Звѣрева и директора департамента промышленныхъ училищъ И. А. Анопова, Николай Павловичъ собралъ много новаго матерьяла на случай упорныхъ споровъ. Неожиданно всѣ эти волненія и приготовленія оказались излишними. На слѣдующемъ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта полновласт-

ный въ то время хозяинъ русскихъ финансовъ С. Ю. Витте заявилъ, что находитъ нужнымъ отпустить кредитъ на устройство горнаго отдѣленія и въ Томскѣ, и въ Екатеринославѣ—въ виду крайней нужды въ техникахъ съ высшимъ образованіемъ. Лишь только министръ финансовъ высказалъ согласіе, всѣ члены Государственнаго Совѣта отказались отъ своихъ возраженій. Но если всѣ они были убѣждены въ необходимости учрежденія горныхъ отдѣловъ въ обоихъ названныхъ городахъ, не обязаны ли они были, вмѣстѣ съ Боголѣповымъ, настойчиво требовать отъ министра финансовъ выдачи достаточной суммы на открытіе этихъ отдѣловъ, — тѣмъ болѣе, что всѣ члены Государственнаго Совѣта отлично знали, что министръ финансовъ, при выдачѣ денежныхъ средствъ министерствамъ, руководствовался капризомъ: „Кому хочу, тому выдаю“. А хотѣлъ онъ выдавать тому, кто ему угождалъ. Николай Павловичъ спрашивалъ себя, съ какою цѣлью Витте оказалъ ему услугу, согласившись на отпускъ нужныхъ суммъ для устройства Томскаго политехникума. Едва ли безкорыстно! Должно быть, онъ захотѣлъ, въ свою очередь, добиться согласія Николая Павловича на основаніе новаго политехникума въ вѣдомствѣ министерства финансовъ.

Сомнѣнія Николая Павловича станутъ понятны, если принять во вниманіе, какъ упорно и настойчиво министръ финансовъ отказывалъ ему въ средствахъ на расширеніе числа народныхъ школъ. Такъ, въ 1899 году, вмѣсто требуемаго имъ кредита въ 1.000.000 р. на увеличеніе числа начальныхъ школъ, министръ финансовъ выдалъ ему только 500,000 руб.

Перехожу къ преобразованіямъ Николая Павловича въ области начальнаго обученія. Боголѣповъ еже-

годно хлопоталъ объ увеличеніи дополнительнаго кредита на начальныя школы. Въ 1900 году онъ ходатаиствовалъ о выдачѣ 1.500,000 руб., въ дополненіе къ ежегодно отпускавшимся суммамъ на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ. Ходатайства Николая Павловича вносились, какъ водится, въ Государственный Совѣтъ; тѣмъ не менѣе, Витте безпрепятственно и безжалостно урѣзывалъ просимыя суммы, и ходатайство Николая Павловича было удовлетворено опять лишь на 500,000 руб. Въ слѣдующемъ 1901 году Боголѣповъ намѣревался просить дополнительныхъ суммъ въ количествѣ 1.300,000 р., но Витте на этотъ разъ рѣшительно отказалъ исполнить его требованіе по случаю готовившейся китаиской войны.

Несмотря на большую трудность, съ которою Николаю Павловичу приходилось выпрашивать необходимыя для его вѣдомства средства, ему все-таки удалось въ три года управленія министерствомъ увеличить ежегодный бюджетъ послѣдняго на 950,000 р.

Кромѣ увеличенія количества начальныхъ школъ, Николай Павловичъ сдѣлалъ многое по улучшенію въ нихъ преподаванія. Такъ, Боголѣповъ принялъ мѣры для учрежденія новыхъ учительскихъ семинаріи. Конечно, при скудости отпускавшихся учебному вѣдомству средствъ, онъ не могъ увеличить число ихъ до желаемаго предѣла количества и потому сталъ содѣйствовать учрежденію не столь дорого стоящихъ педагогическихъ курсовъ: въ одномъ 1900 году были открыты педагогическіе курсы въ 33-хъ пунктахъ Имперіи.

Чтобы способствовать обмѣну мыслей между учителями и возбудить въ нихъ интересъ къ педагогической дѣятельности, Боголѣповъ содѣйствовалъ

также учрежденію педагогическихъ музеевъ и учительскихъ съѣздовъ. Музеи давали возможность учителямъ знакомиться со всѣми отраслями педагогической науки и съ новѣйшими наглядными пособіями.

Съ тою же цѣлью улучшенія способовъ обученія и для расширенія круга учащихся всѣхъ возрастовъ при Николаѣ Павловичѣ было положено основаніе общедоступнымъ народнымъ курсамъ.

На ряду съ перечисленными мѣрами Николай Павловичъ считалъ необходимымъ въ интересѣ успѣшнаго хода преподаванія въ начальныхъ училищахъ ввести правильный надзоръ за ними и съ этою цѣлью увеличилъ число директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Они должны не только наблюдать за внѣшнимъ благоустройствомъ школъ, но и за подготовкой учителей и за ихъ педагогическими пріемами; при чемъ эти директора и инспектора являются руководителями и совѣтниками учительскаго персонала, Въ 1900 г. Боголѣповымъ были исходатайствованы средства на учрежденіе должности директоровъ для пяти губерній и одной области, а въ 1901 году министерство испросило средства на содержаніе 108 новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и вдобавокъ на концеляріи директоровъ тѣхъ же училищъ.

Съ большою заботливостью отнесся Боголѣповъ къ расширенію и улучшенію школьныхъ помѣщеній и къ равномѣрному распредѣленію школъ въ центральныхъ и пограничныхъ губерніяхъ. Съ самымъ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ также къ стѣсненному положенію педагогическаго персонала. При скудномъ жалованіи учителя и учительницы, въ особенности семейные, должны были постоянно испытывать тяжелую нужду; о какомъ-нибудь сбереженіи

не могло быть и рѣчи. Николай Павловичъ усердно занялся учрежденіемъ пенсіонной кассы для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ этой цѣлью была назначена имъ комиссія, которая выработала проектъ устава пенсіонной кассы на началахъ страховой системы. По уставу, учителя и учительницы должны вносить ежегодно 12% своего жалованія въ страховую кассу при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; при чемъ половину платежей въ кассу беретъ на себя Государственное Казначейство по истеченіи 15 лѣтъ, учитель и учительница получаютъ право на небольшую пенсію [1]). Размѣръ пенсіи поставленъ въ зависимости отъ размѣра жалованья учителя. Съ 5 января 1901 г. эта касса начала дѣйствовать.

Учреждая пенсіонную кассу для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ, Боголѣповъ не забылъ и женскій педагогическій персоналъ гимназій и прогимназій. Въ 1900 году онъ испросилъ кредитъ на усиленіе пенсіи классныхъ дамъ, учительницъ и начальницъ названныхъ учебныхъ заведеній, при чемъ учительницы и классныя дамы должны были получать до 300 руб. въ годъ, начальница прогимназіи до 400 руб., а начальница гимназіи до 500 руб., тогда какъ прежде онѣ получали лишь по 120 и 160 руб. въ годъ.

Тяжелая участь не обезпеченныхъ или мало обезпеченныхъ учителей и въ особенности учительницъ, не способныхъ по болѣзни и старости трудиться, и ранѣе всегда вызывала горячее сочувствіе Николай Павловича. Въ былые годы, когда онъ не

[1]) Если учитель получаетъ 300 руб жалованья, то къ 25 годамъ пенсія дойдетъ до ста рублей слишкомъ въ годъ. Съ теченіемъ времени, при хорошемъ ходѣ дѣлъ кассы, пенсія должна была увеличиться.

былъ еще у власти, онъ всегда старался при первомъ представившемся случаѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, притти на помощь этимъ обездоленнымъ труженицамъ, выхлопатывая имъ денежныя пособія и безплатныя квартиры. Когда же, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, ему удалось испросить кредитъ на усиленіе пенсіи всему гимназическому женскому персоналу, онъ съ большою радостью, какъ бы съ облегченнымъ сердцемъ, сообщилъ намъ объ успѣхѣ своихъ усердныхъ хлопотъ. Этотъ успѣхъ тѣмъ болѣе радовалъ его, что въ это время ему не разъ приходилось выслушивать отъ Витте угрозы, что, по случаю ожидавшейся войны съ Китаемъ, онъ прекратитъ выдачу денежныхъ средствъ всѣмъ министерствамъ. Въ одну изъ своихъ встрѣчъ съ Николаемъ Павловичемъ въ комитетѣ министровъ, Сергѣй Юльевичъ, лишь только поздоровался съ нимъ, обратился къ нему со слѣдующими словами: „Ну, Николай Павловичъ, Вамъ придется теперь повѣсить носъ на квинту!“ Такая грубость ошеломила мужа, но онъ спросилъ только: „Почему?“ Витте отвѣтилъ ему вопросомъ: „а Вы развѣ не получили Царскаго указа?“—„Нѣтъ,“ сказалъ Николай Павловичъ—„Ну, тогда получите еще“. Государь велѣлъ разослать указъ, въ которомъ запрещаетъ, по случаю войны съ Китаемъ, просить, у министра финансовъ новые кредиты. Очень опечаленный и озабоченный этимъ извѣстіемъ, мужъ разговорился объ этомъ съ другими министрами. Они удивили его, объяснивъ ему, что эта обычная уловка Сергѣя Юльевича, который уже нѣсколько разъ, при удобномъ случаѣ вымогалъ у Государя подобный указъ и затѣмъ пользовался имъ, чтобы отказывать въ деньгахъ тѣмъ, кому онъ не хотѣлъ ихъ давать. Это объясненіе еще болѣе огорчило Николая Павло-

вича, потому что изъ словъ Сергѣя Юльевича легко было вывести заключеніе, что онъ не хочетъ давать денегъ именно Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Особенно горько это было слышать Николаю Павловичу въ такое время, когда онъ только что намѣревался испросить усиленный кредитъ для осуществленія предпринятой имъ реформы средней школы.

Прежде всего ему хотѣлось, не откладывая въ долгій ящикъ, увеличить жалованіе учителямъ, безъ чего онъ считалъ невозможнымъ улучшить ихъ составъ. Тревожась опасеніями за участь столь дорогихъ ему начинаній, мужъ, недѣлю спустя послѣ описаннаго разговора, встрѣтившись въ Государственномъ Совѣтѣ съ государственнымъ контролеромъ Лобко, спросилъ его: „что вы будете дѣлать съ нами по случаю Высочайшаго указа, запрещающаго испрашивать новые кредиты, кромѣ самыхъ неотложныхъ?“— „Буду васъ рѣзать“, отвѣчалъ Лобко. „Хорошо, если вы будете рѣзать всѣхъ одинаково“, сказалъ мужъ. „Да, уже, конечно, по справедливости ко всѣмъ одинаково буду относиться“. На это Николай Павловичъ отвѣтилъ, что онъ только на него, Лобко, и надѣется, что министръ финансовъ будетъ пользоваться этимъ указомъ, чтобы однимъ отказывать, другимъ разрѣшать кредиты, и что невозможно услѣдить за такими не одинаковыми отношеніями къ министрамъ до тѣхъ поръ, пока дѣла не будутъ появляться въ Государственномъ Совѣтѣ, а тогда срокъ протестовать будетъ упущенъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу Лобко совѣтовалъ, не взирая на возраженіе министра финансовъ, входить въ Государственный Совѣтъ въ случаѣ разногласія. „Конечно“, добавилъ Государственный контролеръ, „по неотложнымъ кредитамъ“. Мужъ возразилъ, что по дѣламъ Министерства Народнаго Про-

свѣщенія очень трудно доказывать неотложность. „Да, это правда“, сказалъ Лобко, „вотъ графъ Деляновъ все откладывалъ испрашивать кредиты, пока не пошло все рваться по швамъ. Но Вы можете разсчитывать на Государственный Совѣтъ: онъ относится очень благожелательно къ кредитамъ на народное образованіе“. Далѣе Лобко объявилъ, что онъ не можетъ согласиться на отпускъ цѣлаго милліона, который Николай Павловичъ собирался просить на 1901 годъ, въ дополненіе къ ежегодно отпускаемымъ на Министерство Народнаго Просвѣщенія суммамъ, но считаетъ возможнымъ отпустить 500,000 руб. Этотъ разговоръ очень подбодрилъ Николая Павловича. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Государственнаго Совѣта по дѣлу объ утвержденіи проэкта реформы средней школы, Николай Павловичъ сталъ вводить въ преподаваніе среднихъ учебныхъ заведеній тѣ преобразованія, которыя находились въ предѣлахъ министерской власти. Прежде всего Боголѣповъ приступилъ къ изданію новыхъ правилъ для экзаменовъ. Сущность этихъ правилъ заключалась въ отмѣнѣ переходныхъ экзаменовъ. Въ августѣ 1900 г. были изданы 3 циркуляра. Первый отмѣнялъ такъ называемые экстемпораліи на экзаменахъ и на урокахъ въ теченіе года. Въ толстовской гимназіи экстемпораліи составляли центръ классической системы, и на экзаменѣ ученикъ долженъ былъ прежде всего показать свое искусство въ указанныхъ упражненіяхъ. Если онъ въ нихъ мало успѣвалъ, его не переводили въ слѣдующій классъ, хотя бы онъ удовлетворительно понималъ древнихъ авторовъ. Если такихъ не искусныхъ въ классѣ оказывалось много, то и учитель считался плохимъ. Поэтому вся задача преподаванія древнихъ языковъ по толстовской системѣ сводилась

къ тому, чтобы натаскать ученика въ умѣніи одолѣвать всякія грамматическія тонкости.

Цѣль второго циркуляра была отмѣна задаваемыхъ на время каникулъ обязательныхъ работъ, которыя также большею частью состояли изъ письменныхъ упражненій по математикѣ и древнимъ языкамъ. Работы эти не достигали своего назначенія: ученики ими тяготились и, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ, не разспредѣляли заданныя упражненія равномѣрно на каждый день или на нѣсколько дней въ недѣлю въ лѣтнее время, а оставляли ихъ до конца ваканціи и тогда спѣшно кое-какъ ихъ исполняли. Понятно, и учителя не сочувственно относились къ такого рода упражненіямъ. Вмѣсто нихъ учителямъ предлагалось давать совѣты и указанія ученикамъ, какъ вести занятія по тѣмъ предметамъ, которые ихъ интересовали. Особенно рекомендовались прогулки и поѣздки съ образовательною цѣлью. Третій циркуляръ долженъ быть вызвать къ жизни уже давно существовавшій законъ, который во времена Толстого и Делянова не примѣнялся вслѣдствіе министерскихъ же распоряженій. Душа Толстовскаго управленія Георгіевскій очень не любилъ самостоятельности въ преподавателяхъ, и потому во внушенныхъ имъ циркулярахъ, Министерство косвенно давало учителямъ понять, что лучше имъ преподавать по министерскимъ программамъ, а не сочинять свои собственныя. Это убивало въ учителяхъ иниціативу и вносило въ преподаваніе мертвенность. Третій циркуляръ Николая Павловича, наоборотъ, напоминалъ учителямъ о необходимости исполнять пренебрегавшійся дотолѣ законъ. Онъ требовалъ, чтобы каждый преподаватель составлялъ самъ программу преподаваемаго имъ предмета и при этомъ сообразовался съ состояніемъ класса,

т.-е. со степенью подготовленности учениковъ, и сообразно съ этимъ расширялъ или суживалъ свою программу.

IX.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Звѣревъ и правитель канцеляріи Рахмановъ отнеслись не сочувственно къ обнародованію циркуляровъ Николая Павловича и упорно совѣтовали ему не издавать ихъ, предсказывая, что они вызовутъ осужденія и порицанія. Но Боголѣповъ считалъ господствующее преобладаніе экстемпоралій въ преподаваніи древнихъ языковъ вреднымъ и тормозящимъ умственное развитіе учениковъ, и настоялъ на своемъ и потребовалъ, чтобы циркуляры, были немедленно напечатаны въ газетахъ. На дѣлѣ циркуляры, какъ мужъ и ожидалъ, вызвали массу газетныхъ статей, которыя съ большимъ сочувствіемъ отзывались о нихъ. Появлялись и статьи, осуждавшія новыя правила, но онѣ были гораздо малочисленнѣе доброжелательныхъ газетныхъ отзывовъ. Всѣ эти статьи стали появляться въ газетахъ, когда мы были заграницей, куда уѣхали въ началѣ августа. Н. А. Звѣревъ писалъ мужу письма, въ которыхъ радостно сообщалъ ему о появленіи въ газетахъ неожиданныхъ статей, выражавшихъ горячее сочувствіе и одобреніе новоизданнымъ циркуляромъ [1]). Эти статьи высылались намъ заграницу сослуживцами мужа. Но онѣ болѣе не радовали мужа! То было время, когда его осложнившаяся многотруд-

[1]) Приведу выдержку изъ статьи, помѣщенной въ «Новомъ Времени» (6 сент. 1900 г.), подъ заглавіемъ «Формы безъ содержанія» Она была написана въ отвѣтъ на одну статью «Русскаго Вѣстника», враждебно отзывавшуюся о циркулярахъ. Она начиналась такъ «Переживаемое нами время настолько важно для вопросовъ образованія, что, дай Богъ намъ пережить 3 года, какъ можно серьезнѣе Точно, что здѣсь опредѣлится, опредѣлится на нѣсколько десятилѣтій. Система школьнаго обученія, за-

ная дѣятельность, страхъ за судьбу предпринятой имъ реформы и предвидѣвшіеся въ предстоящеи зимѣ студенческіе безпорядки сильно удручали его: онъ становился все сосредоточеннѣе и задумчивѣе. Николай Павловичъ предвидѣлъ ту грозу, которая должна была разбушеваться въ русскихъ университетахъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя по его возвращеніи въ Россію, такъ какъ онъ зналъ, какое негодованіе во всемъ обществѣ и въ особенности въ студенчествѣ вызывали опубликованныя „временныя правила“. Предстоящая необходимость примѣнять эти правила были для него тяжелой обязанностью. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его къ своему брату Леониду Павловичу: „Насчетъ волненій по поводу моихъ служебныхъ дѣлъ, пишетъ онъ, ты, конечно, правъ, рекомендуя мнѣ хладнокровіе. По мѣрѣ силъ я стараюсь объ этомъ и наружно, вѣроятно, не многіе видятъ мое волненіе; но мнѣ еще не удалось смириться внутренно. Особенно мнѣ тяжело, когда надо прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ безумной молодежи, а между тѣмъ я не вижу другихъ средствъ поддержать хоть мало мальски сносный порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеній“. Въ описываемое лѣто Николай Павловичъ въ особенности сталъ грустенъ.

трагивая такое безчисленное множество интересовъ и судебъ, не можетъ ломаться часто, но когда дѣло дошло до того, что не находятъ возможнымъ сохранять долѣе старое, то это не оттого, что считаютъ пріятнымъ и легкимъ дѣломъ предстоящія преобразованія, но оттого, что старое колесо ѣхало по живымъ душамъ, ломая ихъ, а во-вторыхъ, оно не работало, не давало обѣщанныхъ результатовъ Начинанія Боголѣпова, *повидимому*, совершаютъ ломку и разрушеніе, а на самомъ дѣлѣ начинаютъ исключительное созиданіе»

Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ «Огромное утомленіе учениковъ вытекало вовсе не изъ огромности гимназическаго ученія, а изъ монотонности, специализаціи и чрезвычайной односторонности этого труда Представьте себѣ

Мы прожили полтора мѣсяца въ Виши и полтора въ Біаррицѣ. Я ожидала большой пользы отъ этого пребыванія заграницей и надѣялась, что не только здоровье мужа улучшится тамъ, но разсчитывала на разнообразіе и развлеченія, которыми изобилуютъ французскіе курорты. Къ тому же я думала, что заграницей мужа будутъ меньше докучать русскіе просители, столь часто осаждавшіе его въ Крыму. Неблагопріятные тревожные слухи также труднѣе проникали заграницу Однимъ словомъ, я желала, чтобы онъ очутился совсѣмъ въ другой средѣ. Но я жестоко ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Въ Виши одновременно съ нами пріѣхали лѣчиться предсѣдатель комитета министровъ Дурново и министръ юстиціи Муравьевъ, которые при встрѣчахъ и посѣщеніяхъ съ большими подробностями сообщали намъ русскія извѣстія; въ особенности Н. В. Муравьевъ нарушалъ нашъ покой своею необыкновенною словохотливостью, когда заговаривалъ о Витте. Негодующимъ осужденіемъ по адресу послѣдняго и самой несдержанной брани тогда не было конца. Даже на гуляніяхъ, при неожиданныхъ встрѣчахъ онъ послѣ первыхъ словъ привѣтствія находилъ случай разсказать о какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ министра финансовъ. Мужа утомляли и надоѣдали эти постоянныя напоминанія о человѣкѣ, котораго онъ охотно забылъ бы на время,

медика, который не идетъ далѣе анатоміи, представьте юриста, который посаженъ на одно вексельное право, и вы получите гимназиста, который посаженъ на одну грамматику латинскую, греческую, славянскую, французскую и нѣмецкую Медикъ на 9-и годъ одной анатоміи началъ бы медленно сходить съ ума, также и юристъ на 5-й годъ вексельнаго права Такіе медикъ и юристъ всѣхъ національностей закричали бы: «Довольно!» Только одни бѣдные гимназисты почему-то считались способными перенести то, къ чему безсиленъ взрослый Но вотъ, наконецъ, самъ министръ народнаго просвѣщенія сказалъ «Довольно!» и то, что его вздохъ совпалъ со вздохомъ цѣлой Россіи, вызвало дѣйствительную и общую радость».

такъ какъ безсильная злоба Муравьева и его неумолкаемыя осужденія были безцѣльны и безполезны. Николай Павловичъ отлично зналъ, что въ открытую борьбу съ министромъ финансовъ этотъ двуличный человѣкъ никогда не вступитъ, потому что онъ былъ храбрымъ и предпріимчивымъ только на словахъ и только въ отсутствіи министра финансовъ [1]). Самъ Николай Павловичъ смѣло и открыто въ продолженіе 3-хъ лѣтъ боролся съ министромъ финансовъ, но въ описываемое время пришелъ къ горькому сознанію своего полнаго одиночества и невозможности бороться одному противъ сильнаго врага и его многочисленныхъ прислужниковъ. Для себя поддержки онъ болѣе ни отъ кого не ждалъ

Обыкновенно, во время отпуска, въ спокойной домашней обстановкѣ, возвращались веселость и юморъ мужа, и мы 2—3 мѣсяца въ году могли наслаждаться нашей прежней счастливой и мирной жизнью, но въ это послѣднее лѣто Николай Павловичъ рѣдко улыбался; его задумчивые глаза выражали затаенную грусть и вызывали во мнѣ какое-то зловѣщее предчувствіе. Я хорошо знала причину его тихой скорби; я видѣла также, какъ онъ боролся съ нею и какъ старался развлечь себя и меня разнаго рода экскурсіями и совмѣстными чтеніями, но закравшаяся въ

---

[1]) Такъ, весною, когда Муравьевъ хотѣлъ составить заговоръ противъ Витте, онъ нѣсколько дней спустя разсыпался передъ Витте въ любезностяхъ и казался въ восторгѣ, когда тотъ милостиво разговаривалъ съ нимъ. Въ одинъ изъ такихъ дней всѣ министры поѣхали въ Царское Село на обѣдъ къ Царю. Выходя изъ стола, Муравьевъ предложилъ мужу свезти его на вокзалъ въ своей коляскѣ, но черезъ нѣсколько минутъ къ Муравьеву подходитъ Витте, любезно заговариваетъ съ нимъ, и лицо у министра юстиціи распускается въ радостную улыбку, онъ весь сіяетъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ онъ бѣжитъ къ мужу и извиняется, что не можетъ взять его въ свою коляску, потому что пригласилъ Витте сѣсть съ нимъ въ экипажъ, и для мужа мѣста не хватитъ.

немъ увѣренность, что начатая имъ борьба, при разобщенности правительственныхъ лицъ, безплодна— вопреки всему поддерживала его грустное настроеніе; въ особенности, когда къ этой увѣренности присоединилось сомнѣніе въ успѣхѣ предпринятыхъ имъ начинаній.

„Ужасно“, сказалъ онъ мнѣ однажды, „что я не вѣрю въ успѣшный ходъ моей дѣятельности“.

— „Уходи скорѣй“, отвѣтила я ему.—„Нѣтъ“, возразилъ онъ, „я останусь, пока не узнаю судьбу своей реформы. Если мой проектъ будетъ одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ, я проведу реформу и тогда только уйду; если же онъ будетъ отвергнутъ, то я тотчасъ же уйду, выставивъ причиной моего ухода отказъ Государственнаго Совѣта“. Къ сожалѣнію, отзывъ Государственнаго Совѣта мы могли узнать только зимой. Надо сказать, что удрученное состояніе мужа выражалось только въ полномъ отсутствіи веселости; но даже въ это тяжелое время сомнѣній и разочарованій его мощная воля не ослабѣвала, и въ постоянныхъ занятіяхъ онъ искалъ отдыха и успокоенія. Такъ, онъ велъ оживленную переписку со своими сослуживцами и обсуждалъ въ письмахъ текущія дѣла, затѣмъ переписывался дѣятельно съ братомъ; главнымъ содержаніемъ этихъ писемъ были вопросы педагогіи и психологіи. Отдыхомъ и развлеченіемъ были для него чтеніе и прогулки. Послѣ питья водъ, окончивъ свою переписку, онъ садился возлѣ меня и читалъ мнѣ вслухъ. Послѣ чтенія, выпивъ еще разъ лѣчебной воды, уходилъ или ѣздилъ съ дочкой за городъ: повидимому, онъ искалъ уединенія и вечеромъ, вмѣсто того, чтобы итти на музыку, гдѣ вертѣлось много народу и въ особенности много русскихъ, онъ снова углублялся въ чтеніе или зани-

мался съ дочерью русской исторіей, которую дѣвочка съ нимъ очень полюбила.

Воды Виши никакой пользы Николаю Павловичу не принесли, онѣ только утомили его. Французскій докторъ объяснилъ такое дѣйствіе водъ крайнимъ переутомленіемъ нервной системы.

Пребываніе въ Біаррицѣ оказало еще менѣе благотворное дѣйствіе на здоровье мужа. Сперва морской воздухъ подбодрилъ его, но черезъ недѣлю онъ долженъ былъ бросить морскія купанія, потому что они слишкомъ сильно на него дѣйствовали: слабость и безсонница усиливались. Плохое дѣйствіе лѣченія вмѣстѣ съ грустнымъ настроеніемъ моего мужа сильно тревожили меня, и я помню, какъ одинъ пустой случай въ Біаррицѣ испугалъ меня. Мы шли съ мужемъ по берегу моря и, горячо разговорившись, незамѣтно подошли близко къ прибою; вдругъ набѣжала громадная волна (это было время прилива), сбила мужа съ ногъ, облила его всего съ головы до пятъ и повлекла за собой. Я успѣла быстро схватить его за пальто и удержать, но пока я помогала ему подняться со скользкаго песку, неотвязчивая мысль напрашивалась мнѣ и затѣмъ много разъ возвращалась: „Людская злоба точно также сшибетъ его“. И дѣйствительно, 3 мѣсяца спустя, пуля убійцы изъ-за угла уложила его на полу пріемнаго зала, въ зданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Къ довершенію всѣхъ нашихъ неудачъ, въ концѣ нашего пребыванія въ Біаррицѣ, мужъ заболѣлъ тяжелой жабой, и это заболѣваніе уничтожило и ту малую пользу, которую могло ему принести пребываніе заграницей.

Лишь только мужъ оправился отъ жабы, мы стали собираться обратно въ Россію.

Пока мы лѣчились въ Біаррицѣ, С. Ю. Витте находился въ Парижѣ на выставкѣ. Тамъ его очень чествовали и ухаживали за нимъ. Присутствіе министра финансовъ въ Парижѣ объяснялось тѣмъ, что нашъ русскій отдѣлъ на выставкѣ находился въ его вѣдѣніи. Главные инціаторы любезнаго пріема Витте въ Парижѣ были, по тогдашнимъ слухамъ, евреи, которые выражали ему свою благодарность за оказываемое имъ покровительство въ Россіи. Какъ извѣстно, онъ сталъ допускать ихъ до всякихъ финансовыхъ предпріятій; однимъ словомъ далъ имъ полный ходъ.

По случаю болѣзни, задержавшей насъ дольше назначеннаго срока въ Біаррицѣ, мы, къ сожалѣнію, могли остановиться только на два дня въ Парижѣ. Это было 2 послѣднихъ дня жизни выставки. Намъ пришлось очень спѣшно и поверхностно осмотрѣть только нѣкоторые отдѣлы ея. Мы, такъ сказать, присутствовали на ея похоронахъ. Всюду на улицахъ встрѣчались намъ люди съ большими листками въ рукахъ, на которыхъ громадными буквами было написано: „L'exposition agonise“. L'exposition se meurt „Invitation aux obsêqûes de l'exposition.

30 октября изъ Парижа черезъ Берлинъ мы направились въ Россію. Во время переѣзда изъ Берлина въ Петербургъ, мужъ казался еще болѣе озабоченнымъ и нѣсколько разъ выражалъ сожалѣніе, что судьба его реформы неизвѣстна, и что онъ вслѣдствіи этого не можетъ еще уйти въ отставку. Но лишь только Николай Павловичъ вступилъ на Петербургскій вокзалъ, лицо его приняло спокойное выраженіе. Грусти и тоски какъ не бывало. Онъ привѣтливо раскланивался съ пріѣхавшими его встрѣтить сослуживцами, участливо распрашивалъ ихъ о ихъ

семейныхъ дѣлахъ и съ интересомъ выслушивалъ разсказы обо всемъ происшедшемъ за послѣднее время. Глядя на него, вспомнилось мнѣ тогда четверостишіе Хомяковскаго „Труженика“, и казалось мнѣ, что заграницей и въ вагонѣ онъ былъ склоненъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Довольно дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ
Боролся крѣпкой я борьбою
Я утомленъ! я утомленъ!“

А на вокзалѣ, казалось, онъ принялъ другое рѣшеніе:

„Сгибайся же, пахарь, надъ бороздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“

Борьба его была дѣйствительно крѣпка и очень тяжела, потому что онъ боролся одинъ противъ многихъ и къ тому же въ трудныя минуты волненій и сомнѣній не имѣлъ утѣшенія встрѣчать сочувствіе и поддержку отъ единомышленныхъ съ нимъ людей. Даже тѣ, которые теперь навѣрное поддерживали бы его своимъ сочувствіемъ и посильной помощью, тогда еще не знали о его энергическихъ, но одинокихъ усиліяхъ сдержать вздымавшуюся волну безумной освободительной бури, которая спустя нѣсколько времени, разбушевалась по всей Россіи. Буря эта издавна готовилась въ университетахъ среди учащейся молодежи и либеральничавшихъ профессоровъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ приведенные мною уже выше документы студенческаго Союзнаго Совѣта, изъ которыхъ видно, что послѣдній уже въ началѣ 90-хъ годовъ XIX-го столѣтія поставилъ себѣ цѣлью распространять революціонныя идеи въ гимназіяхъ и среди учителей начальныхъ училищъ; о современной намъ пропагандѣ студентовъ среди народа всѣмъ извѣстно.

Люди сочувствующіе освободительному движенію и теперь съ восхищеніемъ отзываются о геройскихъ подвигахъ молодежи, будто указавшей Россіи новые болѣе широкіе и плодотворные пути. Мы видѣли, какія усилія Николай Павловичъ употреблялъ въ теченіе всей своей дѣятельности, чтобы удержать молодежь отъ ея безумныхъ увлеченій. Мы видѣли также, какъ эти усилія стали безплодны въ министерскіе годы Николая Павловича, когда лукавый его противникъ Витте со своими многочисленными приспѣшниками всячески старались парализовать его усилія. Каково было отношеніе большей части русскаго общества къ Николаю Павловичу, также уже извѣстно.

Малое число единомышленниковъ Николая Павловича тогда еще не было сплочено, да и не могло еще предвидѣть той всероссійской драмы, которая должна была разыграться послѣ его смерти и причинить столько горючихъ слезъ и отчаянія.

Можно смѣло сказать, что мужъ во время своей многотрудной послѣдней борьбы встрѣчалъ много ненависти, презрѣнія, насмѣшекъ и осужденія, а сочувствія—только отъ немногихъ близко знавшихъ его друзей и родныхъ. Самыми преданными изъ нихъ, выражавшими ему горячее участіе и смѣло защищавшими его, были прозекторъ Московскаго университета Д. П. Кишенскій, братъ мужа Леонидъ Павловичъ, его сестра Софья Павловна Боголѣпова, моя сестра М. А. Богданова и братъ мой Н. А. Ливенъ. Послѣдній, занимая должность оберъ-прокурора кассаціоннаго Департамента Сената, во всѣхъ случаяхъ нападокъ со стороны сенаторовъ на распоряженіе Николая Павловича горячо и открыто защищалъ его. Въ такихъ случаяхъ онъ былъ безпощаденъ въ сво-

ихъ остроумныхъ и колкихъ замѣчаніяхъ по адресу противниковъ мужа. Когда братъ мой узналъ о грубыхъ выходкахъ нѣкоторыхъ министровъ противъ мужа на одномъ засѣданіи комитета министровъ, онъ написалъ ему трогательную сочувственную записку, такъ какъ самъ по болѣзни не могъ къ нему притти. Объ этой запискѣ Николай Павловичъ написалъ въ своей памятной книжкѣ: „Меня очень тронуло участіе Никиты: онъ взволновался, узнавши о вчерашнемъ нападеніи на меня въ комитетѣ министровъ, и прислалъ мнѣ письмо съ утѣшеніемъ“.

Мы вернулись въ Петербургъ 4-го ноября 1900 г. Еще по дорогѣ въ Берлинъ до насъ дошло извѣстіе, что Государь заболѣлъ въ Крыму брюшнымъ тифомъ. Газетныя извѣстія, получаемыя нами въ Петербургѣ о здоровьѣ Государя, были во все время Его болѣзни не тревожными. Четыре министра были въ Крыму при Государѣ, а именно, министры—иностранныхъ дѣлъ—Ламздорфъ, финансовъ—Витте, военный—Куропаткинъ и внутреннихъ дѣлъ—Сипягинъ. Ихъ присутствіе тамъ было необходимо по причинѣ начавшейся войны съ Китаемъ. Оберъ-Прокуроръ Свят. Синода—Побѣдоносцевъ, министръ юстиціи Муравьевъ, государственный контролеръ Лобко и Боголѣповъ оставались въ Петербургѣ.

Любопытно, что послѣдніе и другія оставшіяся въ Петербургѣ правительственныя лица признавались другъ другу, что никогда еще въ правительственныхъ сферахъ не было такъ спокойно, никогда такъ мирно и единодушно не рѣшались общественныя дѣла, какъ въ это время. Причина такого спокойствія можетъ быть объяснена двояко. съ одной стороны, при отсутствіи Двора, исчезаютъ мелкіе личные расчеты, интриги и домоганія; съ другой стороны,—главный

смутьянъ и беззаконникъ Витте отсутствовалъ. Удивительно, что во все время этого отсутствія члены Государственнаго Совѣта, министры и лица высшаго круга всѣ были необыкновенно любезны съ мужемъ. Эта любезность, какъ и податливость министровъ въ дѣлахъ, касавшихся Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, объясняются тѣмъ же отсутствіемъ Витте: лица, желавшія угождать министру финансовъ боялись при немъ быть любезными съ Николаемъ Павловичемъ. Добрыя отношенія общества и правительственныхъ лицъ чрезвычайно облегчали послѣднему его тяжелую работу, которая съ первыхъ дней его возвращенія въ Россію осложнилась ново-возникшими броженіями студентовъ. Еще въ отсутствіе мужа, въ Петербургскомъ университетѣ начались было волненія, но скоро затихли. По возвращеніи мужа волненія возобновились и на этотъ разъ разыгрались не въ стѣнахъ университета, а на сценѣ Александринскаго театра. Давалась пьеса: „Контрабандисты“, въ которой евреи изображались далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Конечно, жиды ея не взлюбили и подговорили много лицъ учащейся молодежи (а иныхъ подкупили)—устроить скандалъ въ Александринскомъ театрѣ во время представленія названной пьесы. Актерамъ свистали, бросали въ нихъ картофелемъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ ложахъ и въ райкѣ публика такъ шумѣла и кричала, что словъ актеровъ нельзя было разслышать. Актеры не слушались и продолжали свою игру; наконецъ, молодежь до того разбушевалась, что благоразумная часть публики стала роптать, появились полиція и жандармы, которые сперва уговорами старались успокоить бунтовщиковъ, а затѣмъ стали выводить тѣхъ изъ нихъ, которые не унимались. При этомъ происходили забавныя и вмѣ-

стѣ съ тѣмъ печальныя сцены, описанныя очевидцами Жандармы съ большою вѣжливостью просили шумѣвшихъ дѣвицъ успокоиться; послѣднія, конечно, не унимались; тогда жандармы осторожно ихъ брали за талію и пытались выводить изъ ложи, но дѣвицы вступали въ драку и жандармы были принуждены выносить ихъ. Самыя буйныя дѣвицы, сопротивляясь, вытаскивали гребенки изъ волосъ и бороздили ими до крови лица жандармовъ или же вцѣплялись полицейскому въ щеки и царапали ихъ до крови.

Въ Петербургѣ этими вспышками безпорядки окончились, но въ началѣ ноября они возникли въ Кіевѣ въ грандіозныхъ размѣрахъ; поводомъ къ нимъ послужилъ отъѣздъ заграницу профессора князя Трубецкого, пользовавшагося большой популярностью среди студентовъ. На его мѣсто былъ назначенъ профессорь Эйхельманъ. При высокомъ мнѣніи о своемъ умѣніи цѣнить знанія и нравственныя достоинства профессоровъ, студенты признали Эйхельмана не способнымъ читать имъ лекціи и недостаточно нравственнымъ, что бы занимать должность профессора: лекціи его не посѣщались. Университетское начальство напрасно увѣщевало студентовъ слушать лекціи Эйхельмана; студенты упорствовали и преслѣдовали даже тѣхъ не многихъ товарищей, которые посѣщали его лекціи. Къ сожалѣнію, когда студенческія волненія стали достигать крупныхъ размѣровъ въ университетскія дѣла вмѣшался кіевскій генералъ губернаторъ Драгомировъ. Онъ вызвалъ къ себѣ попечителя Учебнаго Округа Вельяминова-Зернова и совершенно неожиданно, но очень рѣшительно велѣлъ ему удовлетворить требованія студентовъ, т.-е. смѣстить Эйхельмана. Нерѣшительный Вельяминовъ-Зерновъ вмѣсто того, чтобы снестись съ своимъ прямымъ

начальствомъ, т.-е. Министромъ Народнаго Просвѣщенія и ждать его приказаній, повиновался генералъ-губернатору, не предупредивъ мужа. Узнавъ о распоряженіи Драгомирова, Николай Павловичъ нашелъ безтактнымъ отмѣнить его приказаніе, разъ оно было уже исполнено, тѣмъ болѣе, что во время безпорядковъ очень опасно возстанавливать противъ себя высшую администрацію, которая въ самую критическую минуту можетъ отказать въ необходимой помощи. Мужъ не имѣлъ даже возможности представить это дѣло на усмотрѣніе Государя, потому что онъ въ то время лежалъ еще больнымъ, и Николаю Павловичу пришлось поневолѣ хотя бы на время примириться съ создавшимся положеніемъ. Конечно, распоряженіе Драгомирова повело къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ тотъ ожидалъ. Спустя 2 мѣсяца Драгомировъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и имѣлъ добросовѣстность извиниться предъ Николаемъ Павловичемъ за сдѣланныя имъ ошибки. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сдѣланная уступка не успокоила студентовъ, напротивъ того, безпорядки продолжались съ возрастающей силой. Когда главные бунтари были присуждены къ карцеру, они отказались повиноваться; тогда судъ университетскаго правленія опредѣлилъ ихъ уволить и выслать изъ Кіева. Высланныхъ на вокзалѣ провожало большое количество студентовъ и дѣвицъ. При прощаніи отъѣзжавшіе студенты настойчиво уговаривали своихъ остающихся товарищей не прекращать безпорядковъ, пока они не добьются возвращенія высылаемыхъ. Съ этого дня начались громадныя сходки, отличавшіяся большой разнузданностью. По распоряженію университетскаго начальства аудиторіи были заперты, чтобы не давать возможности студен-

тамъ собираться въ стѣнахъ университета; тогда послѣдніе выломали двери и силою овладѣли одной изъ аудиторій. Расположившись тамъ они шумѣли, кричали, постановляли добиваться возвращенія высланныхъ товарищей и требовали къ себѣ ректора для переговоровъ. Первоначально ректоръ отказывался итти на зовъ студентовъ и велѣлъ запереть двери университета, чтобы не впускать къ собравшимся на сходку вновь прибывающихъ товарищей; такимъ образомъ, первые оказались запертыми. Нисколько этимъ не смутясь, запертые студенты выломали окно въ своей аудиторіи и въ небольшомъ числѣ отправились за провизіей и за необходимыми предметами для ночевки. Въ концѣ концовъ ректоръ, по настоятельному требованію заключенныхъ, все-таки явился къ нимъ для переговоровъ; но эти переговоры не привели ни къ чему: въ скоромъ времени пришлось арестовать главныхъ зачинщиковъ, и, на основаніи „Временныхъ правилъ“, они должны были отбывать воинскую повинность. Вся эта исторія тяжело отзывалась на мужѣ и ускорила катастрофу, такъ трагично закончившую его самоотверженную дѣятельность.

Являлась необходимость наказать главарей и зачинщиковъ кіевскихъ студенческихъ волненій и примѣнить къ нимъ „Временныя правила“ (объ отдачѣ студентовъ въ солдаты на извѣстный срокъ, смотря по винѣ), узаконенныя лѣтомъ того же 1900 г. Какъ извѣстно, эти „правила“ были предложены Государю министромъ финансовъ. Въ то время Николай Павловичъ недоумѣвалъ, почему такая не либеральная мѣра была предложена столь либеральничающимъ министромъ; когда же эту мѣру пришлось примѣнять, мужъ сталъ догадываться, съ какою коварною цѣлью ея иниціаторъ предложилъ ее Государю:

„Временныя правила“ при ихъ примѣненіи вызвали такое озлобленіе и раздраженіе въ студенческой средѣ и такія негодующія порицанія въ обществѣ, что на Николая Павловича, примѣнявшаго ихъ и считавшагося ихъ вдохновителемъ, должна была обрушиться вся злоба и ненависть недовольныхъ. Того только и желалъ его лукавый врагъ, послѣдовательно столкнувшій впослѣдствіи съ своего пути отважныхъ борцовъ, не желавшихъ итти въ ногу съ нимъ. Несмотря на грозившую ему опасность, онъ не отказался отъ примѣненія „Временныхъ правилъ“. Доказательствомъ того, какъ сознательно и смѣло онъ шелъ на встрѣчу этой опасности, могутъ служить его собственныя слова, спѣшно записанныя въ его памятной книжкѣ. Видно, что въ немъ постепенно росло и крѣпло сознаніе, что Витте съ своими прислужниками приготовили ему западню и общими силами завлекаютъ его въ свои сѣти. „Сегодня“, пишетъ Николай Павловичъ въ своей записной книжкѣ, „я былъ у министра Сипягина; при входѣ онъ со мной поцѣловался, пожелалъ хорошаго новаго года и говорилъ о возможныхъ безпорядкахъ. У него есть свѣдѣнія, что какіе-то 30 человѣкъ студентовъ стараются возбудить всѣ университеты съ тѣмъ, чтобы мстить за наказаніе кіевскихъ товарищей. Сипягинъ уговаривалъ меня не колебаться, если придется примѣнять новый законъ ко многимъ лицамъ. На него и на меня, по его словамъ, могутъ нападать и высокопоставленные лица и даже наши коллеги. „Я очень люблю“, говорилъ онъ, „очень люблю Сергѣя Юльевича, но тѣмъ не менѣе опасаюсь, что и онъ будетъ вмѣшиваться. Намъ надо стоять твердо и стараться поддерживать эту твердость въ Государѣ, который до сихъ поръ высказывался въ томъ смыслѣ, что надо дѣйствовать твердо

и не бояться примѣнять новый законъ (временныя правила)". — Я не могу разобрать, искрененъ ли былъ Сипягинъ, или это какая-нибудь интрига по соглашенію съ Витте, съ цѣлью подставить мнѣ ножку". — Въ другомъ мѣстѣ записокъ читаемъ:

„Какъ бы хотѣлось кончить дѣло реформы средней школы прежде, чѣмъ уйти изъ министерства, а, кажется мнѣ, что жиды, и можетъ быть, Витте готовятъ атаку на меня съ помощью вѣроятныхъ безпорядковъ въ нынѣшнемъ полугодіи". — Послѣдующія событія доказали, какъ вѣрны были предположенія Николая Павловича относительно жидовъ: никто, я думаю, не сомнѣвается теперь, что жиды подстрекали студентовъ въ годы министерства Боголѣпова, какъ они подстрекаютъ всю учащуюся молодежь и теперь, а въ особенности въ годы освободительнаго движенія. Что касается Витте и Сипягина, стоитъ только вспомнить совѣщаніе министровъ, состоявшееся мѣсяцъ спустя послѣ смерти Николая Павловича, чтобы удостовѣриться въ виновности Витте. На этомъ совѣщаніи всѣ министры съ Витте во главѣ обсуждали мѣры для умиротворенія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и единогласно рѣшили отмѣнить „временныя правила". Невольно послѣ этого задашься мыслію—не были ли придуманы эти правила съ цѣлью погубить мужа? Трагическая кончина Николая Павловича, убитаго студентомъ, жидомъ, мстившимъ по его собственному признанію, за примѣненіе „временныхъ правилъ", еще ярче доказываетъ, какъ вѣрно Николай Павловичъ чуялъ сердцемъ и догадывался умомъ, что противъ него ведется атака. Часто возвращается онъ къ этимъ догадкамъ въ своихъ письмахъ и въ короткихъ замѣткахъ въ записной книжкѣ. Нельзя безъ сердечной боли читать

слѣдующее мѣсто его письма къ брату: „Объ отставкѣ я помышляю не потому, чтобы думалъ покинуть министерскій постъ добровольно, а потому, что обстоятельства часто наводятъ на мысль о *невольной* отставкѣ. Я очень хотѣлъ бы провести реформу средней школы прежде, чѣмъ уйти—даже не взирая на большую усталость. Но мнѣ кажется, что ведется атака, которая должна кончиться моимъ уходомъ, потому что ведется она слишкомъ умѣлой рукой. [1]) Я подозрѣваю, что и студенческія волненія нынѣшняго года двигаются ею же—въ связи, конечно, съ жидами. Это дѣлаетъ меня нервнѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ при обыкновенной спокойной работѣ“ — Затѣмъ въ другомъ письмѣ къ тому же брату: „Когда я думаю о своихъ задачахъ по министерству народнаго просвѣщенія, мнѣ жаль оставлять министерство, и, кажется, что слѣдуетъ еще держаться, чтобы завершить хоть одно крупное дѣло. Но когда приходится ежегодно выносить студенческія безпорядки, сталкиваться съ безшабашнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое все требуетъ свободы и не гарантируетъ ничѣмъ отъ злоупотребленія ею, когда и коллеги подставляютъ ножки, тогда у меня является жажда освободиться отъ этого несноснаго министерскаго бремени и вздохнуть свободно. Насколько возможно, сохраняя порядочность, я защищаюсь. Былъ бы очень счастливъ, если бы мои противники нашли быстрое средство столкнуть меня, не мучая долго. Бѣда въ томъ, что безъ предварительныхъ и длинныхъ мученій это не обойдется“.

Компанія велась удачно, и козни ея главаря близились къ желанной цѣли. Наступилъ день, когда Николай Павловичъ долженъ былъ подписать приго-

[1]) Рука Витте

воръ суда правленія Кіевскаго университета. Число студентовъ, которые должны были отбывать воинскую повинность доходило до 396 человѣкъ. Прежде окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы, мужъ предпочелъ самъ обсудить степень виновности студентовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ своимъ товарищемъ Н. А. Звѣревымъ. Для этого онъ пригласилъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе, тамъ, послѣ продолжительныхъ преній было рѣшено присудить къ отбыванію воинской повинности только 170 самыхъ главныхъ зачинщиковъ кіевскихъ безпорядковъ, а остальныхъ 226 приговорили къ болѣе легкимъ наказаніямъ. Николай Павловичъ отлично зналъ, какія будутъ для него послѣдствія подписаннаго имъ приговора. По этому поводу Николай Павловичъ занесъ въ свою записную книжку слѣдующую замѣтку: „Сегодня получилъ“, пишетъ онъ, „протоколъ съ приговоромъ отъ Кіевскаго попечителя. Въ Кіевѣ судили 396 человѣкъ студентовъ за безпорядки въ университетѣ. При бѣгломъ обзорѣ протоколовъ видно, что приговоры были не единогласны. Мнѣ придется рѣшать окончательно. Тяжелая эта задача не потому, что наказаніе сурово, но потому что на мою голову посыплются проклятія отъ всего общества, которое никогда не знаетъ дѣла и судитъ по шаблонамъ“.

Въ описываемое время не одни студенческія безпорядки и необходимость наказывать главныхъ виновниковъ мучили Николая Павловича: ему приходилось еще испытывать большія непріятности и въ другихъ дѣлахъ отъ товарищей министровъ. Со времени возвращенія Сипягина, Витте и Куропаткина изъ Крыма враждебность ихъ выражалось на каждомъ шагу. Всего ярче выступила она въ дѣлѣ о народныхъ чтеніяхъ. Мужъ представилъ въ Комитетъ Министровъ

проэктъ народныхъ чтеній, въ которомъ доказывалась необходимость предоставить разрѣшеніе народныхъ чтеній одному вѣдомству народнаго просвѣщенія. Къ этому проекту большинство членовъ Государственнаго Совѣта отнеслось недоброжелательно. Членъ Государственнаго Совѣта, Фришъ, министръ земледѣлія Ермоловъ, товарищъ министра финансовъ Коковцевъ и Сипягинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, возражали ему враждебно. Послѣдній говорилъ съ нимъ даже грубо. Когда Николай Павловичъ хотѣлъ возражать, предсѣдатель комитета министровъ Дурново не далъ ему слова, ссылаясь на недостатокъ времени. Помню, мужъ пріѣхалъ съ этого засѣданія задумчивымъ и подъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ непріятностей написалъ слѣдующее письмо своему брату Леониду: „Что касается моихъ служебныхъ дѣлъ, то я волнуюсь умѣренно, скорѣе сержусь. Особенно ничего не происходитъ, но походъ противъ меня, ведется и сегодня въ Комитетѣ Министровъ провалили мой проектъ о народныхъ чтеніяхъ, и завѣдываніе ими перенесли въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, оставивъ за министерствомъ Народнаго Просвѣщенія только цензуру книгъ для народнаго чтенія. Возраженія были ведены умышленно въ недружелюбномъ, рѣзкомъ тонѣ. Я тоже немножко поднялъ тонъ. Дѣло это не существенно важно для Министерства Народнаго Просвѣщенія, и потому это пораженіе меня не огорчаетъ, но указываетъ на начавшуюся атаку. Если бы за этимъ послѣдовала атака по болѣе серьезнымъ дѣламъ, я былъ бы радъ, потому что тогда я могъ бы дѣйствовать рѣшительно. Это было бы и веселѣе, и скорѣе бы окончилось. Меня приводитъ въ дурное расположеніе духа неопредѣленность и слякоть. Кое-кому я объяснилъ свое положеніе,

а съ своими противниками держу голову высоко. Жуличъ (Сергѣй Юльевичъ) въ этомъ дѣлѣ спрятался,ославъ за себя товарища, который былъ очень мягокъ".

На вторичномъ обсужденіи этого проекта въ комитетѣ министровъ, Дурново далъ мужу слово въ началѣ засѣданія, и послѣдній рѣшительнымъ тономъ, при общемъ вниманіи, развилъ 2 основныхъ положенія; во первыхъ, что считаетъ опаснымъ разрѣшеніе народныхъ чтеній предоставить всѣмъ вѣдомствамъ, такъ какъ это поведетъ къ ослабленію надзора и затѣмъ къ нежелательной пропагандѣ; во вторыхъ, считаетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія наиболѣе приспособленнымъ къ надзору надъ чтеніями, такъ какъ въ немъ имѣется цѣлая армія лицъ съ литературнымъ образованіемъ. Рѣчъ мужа не измѣнила рѣшенія членовъ комитета: за него никто не сказалъ ни слова; но по крайней мѣрѣ въ этотъ разъ рѣчи противниковъ не носили враждебнаго характера. Николай Павловичъ просилъ занести его мнѣніе въ журналъ. Вѣроятно, выраженное имъ неудовольствіе въ разговорѣ съ Куломзинымъ, которому онъ жаловался на враждебность и грубость членовъ комитета, были переданы кому слѣдуетъ, а, можетъ быть, антагонисты мужа стали мягче на послѣднемъ засѣданіи, потому что были увѣрены въ побѣдѣ. Такъ предполагалъ Николай Павловичъ. Однако, къ удивленію его, на этотъ разъ его противники ошиблись. Наканунѣ вторичнаго обсужденія проекта народныхъ чтеній мужъ ѣздилъ съ докладомъ къ Государю. Передъ докладомъ онъ волновался болѣе обыкновеннаго по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ опасался, что кто-нибудь изъ его противниковъ по дѣлу о народныхъ чтеніяхъ уже успѣлъ повліять на Государя и

возстановить послѣдняго противъ его проекта; во-вторыхъ, его встревожилъ сообщенный Звѣревымъ слухъ, что Витте и Куропаткинъ составили записку къ Государю, въ которой порицали многія дѣйствія мужа. Подана ли была такая записка, это было неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ Николая Павловича волновала возможность очень непріятнаго разговора съ Государемъ. Однако, при докладѣ мужъ не замѣтилъ большой перемѣны въ обращеніи Его Величества. Онъ не былъ очень милостивъ, какъ бывало прежде, но не было признаковъ неудовольствія. Между прочимъ Николай Павловичъ разсказалъ Государю о разногласіи по поводу народныхъ чтеній, на что Его Величество промолчалъ. По поводу описаннаго разговора съ Государемъ Николай Павловичъ пишетъ въ своей памятной книжкѣ: „Хотя я и опасался непріятнаго разговора съ Государемъ, но, несомнѣнно, я предпочелъ бы, чтобы Его Величество высказалъ мнѣ свое рѣшительное неудовольствіе, потому что я могъ бы этимъ воспользоваться, чтобы просить желанной отставки. Вѣроятно, недовольный мною Государь согласился бы на мою отставку. Едва ли мнѣ удастся при такомъ равнодушіи Государя успѣшно бороться съ такими противниками, какъ Витте и его сотрудники“.

Четыре дня спустя послѣ обсужденія вопроса о народныхъ чтеніяхъ, Боголѣповъ, къ своему удивленію, получилъ изъ канцеляріи Комитета Министровъ проектъ резолюціи, который возстановлялъ въ главныхъ чертахъ его проектъ. Присылку подобной резолюціи Николай Павловичъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что Государь въ разговорѣ съ Дурново или Сипягинымъ высказалъ желаніе, чтобы вопросъ о народныхъ чтеніяхъ былъ рѣшенъ согласно желанію министра на-

роднаго просвѣщенія. По всѣмъ вѣроятіямъ, кто-нибудь далъ понять противникамъ мужа, что ихъ затѣя нежелательна Государю. Должно быть Государь, несмотря на проявляющуюся холодность, сочувствовалъ болѣе взгляду Боголѣпова на народныя чтенія, чѣмъ другихъ министровъ.

X.

Нельзя не удивляться, какъ Николай Павловичъ, при слабомъ здоровіи, выносилъ свою тревожную дѣятельность. Кромѣ тревогъ и волненій, подтачивавшихъ его силы, масса самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ дѣлъ требовали ежечасно его зоркаго вниманія и постояннаго энергичнаго содѣйствія. Его письмо къ брату Леониду свидѣльствуетъ о многочисленности неотложныхъ дѣлъ: Отвѣчая на увѣщанія послѣдняго лѣчиться, онъ пишетъ: „Очень уже теперь время неудобное для лѣченія. Бывшія и ожидаемыя студенческія волненія вызываютъ множество совѣщаній и распоряженій. Затѣмъ много всякихъ работъ, по которымъ надо давать членамъ комиссіи указанія по встрѣчающимся вопросамъ и для этого знакомиться съ тѣмъ, что они сдѣлали. Вмѣстѣ съ этимъ текущія дѣла и самый разгаръ дѣлового сезона, и съѣздъ разныхъ служащихъ изъ губерній—все это такъ наполняетъ время, что лѣчиться можно только тогда, когда рѣшишся лечь въ постель“.

Всегда во всю свою дѣятельность Николай Павловичъ много работалъ, всегда онъ весь отдавался дѣлу, а семьѣ удѣлялъ мало времени, но въ его министерскій періодъ и въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы жизни мы его цѣлыми днями не видали. Большею частію только утромъ до десяти часовъ и ночью послѣ часа или двухъ часовъ мужъ успѣвалъ

поговорить со мною о своихъ дѣлахъ и заботахъ. Къ сожалѣнію, онъ въ послѣднее время своей жизни скрывалъ отъ меня многія волненія, потому что съ его большой заботливостью о моемъ здоровіи, боялся растревожить мою болѣзнь печени. Приведенные уже мною отрывки изъ его писемъ и записокъ достаточно свидѣтельствуютъ о его состояніи духа въ описываемое время, а слѣдующая краткая замѣтка той же записной книжки еще ярче рисуетъ, какъ его измученная душа волновалась и страдала: „Вечеромъ поѣхалъ въ первый разъ въ Итальянскую оперу; но у меня на душѣ было такъ тяжело, что музыка только растравляла, а не успокаивала“. И это говорилъ человѣкъ, когда-то забывавшій себя всецѣло при хорошемъ исполненіи лучшихъ композиторовъ и искавшій въ музыкѣ утѣшенія отъ жизненныхъ тревогъ и волненій. Замѣчательно, что никто кромѣ насъ не зналъ о его волненіяхъ; совершенно вѣрно писалъ онъ брату своему, что съ противниками и посторонними онъ держитъ голову высоко. Мы, близкіе, конечно, догадывались о состояніи его души по его грустному сосредоточенному виду, но и въ эти послѣдніе мучительные мѣсяцы, мы никогда не видали его раздражительнымъ и мрачнымъ. Между тѣмъ догадка мужа, что ему придется пострадать отъ интригъ и обидъ со стороны своихъ противниковъ, стала переходить въ худшее предположеніе, а затѣмъ и въ увѣренность, что ему грозитъ опасность быть убитымъ. Такое предположеніе мужа было вызвано большимъ количествомъ угрожающихъ анонимныхъ писемъ. По поводу одного изъ такихъ писемъ и ожидаемыхъ университетскихъ волненій Николай Павловичъ пишетъ своему брату Леониду: „Не знаю, не будетъ ли чего здѣсь завтра въ день университетскаго праздника?

Вѣроятно, будетъ, потому что сейчасъ получилъ анонимное письмо, предупреждающее, будто готовится покушеніе на мою жизнь: я склоненъ думать, что это скорѣе застращиваютъ, но все-таки не люблю получать такія письма, и потому большею частью не вскрываю ихъ и отдаю ихъ Рахманову. По поводу анонима о покушеніи на мою жизнь не пиши мнѣ ничего, а то Катя (я) можетъ узнать и взволноваться, а у нея и такъ уже отъ всѣхъ нашихъ дѣлъ печень начинаетъ болѣть". Не вполнѣ довѣряя анонимамъ, написаннымъ въ угрожающемъ тонѣ, Николай Павловичъ повѣрилъ письму одной учительницы, изъ расположенія къ нему предупреждавшей его о грозившей ему опасности. Она писала ему, что его заботливыя распоряженія, касающіяся улучшенія участи учителей и учительницъ, вызвали въ ней чувство благодарности, что она считаетъ своею обязанностью предупредить его о готовившемся на него покушеніи. Участливымъ предупрежденіямъ нельзя не вѣрить, и мужъ по полученіи этого письма признавался моему брату Никитѣ и своей сестрѣ Софіи Павловнѣ, что, отправляясь въ свое министерство въ дни пріема прошеній, не знаетъ, вернется ли домой. Высказываясь откровенно и сестрѣ и брату, Николай Павловичъ не велѣлъ имъ говорить объ этомъ мнѣ, чтобы не взволновать меня.

Грозное событіе, ожидавшееся мужемъ, осуществилось ранѣе столь горячо желаннаго имъ проведенія его реформы средней школы. Работы подкомиссіи [1]) подъ предсѣдательствомъ Яновскаго, по

[1]) Подкомиссія эта по указаніямъ Николая Павловича составила проэкты новыхъ уставовъ и штатовъ гимназій и реальныхъ училищъ и установила окончательныя предположенія по вопросу о педагогической подготовкѣ преподавателей средней школы См. «Краткій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія».

болѣзни послѣдняго затянулись, вслѣдствіе чего выработанные его законопроекты были разсмотрѣны Николаемъ Павловичемъ, напечатаны и разосланы по учебнымъ округамъ только не задолго до его кончины, которая наступила ранѣе обсужденія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

14 февраля 1901 г. былъ тотъ несчастный день, когда кознями враговъ прервались труды этого самоотверженнаго и преслѣдованнаго современниками дѣятеля. Съ утра этого дня Николай Павловичъ поразилъ меня блѣдностью лица, необычайнымъ выраженіемъ грусти и молчаливостью. Думая, что онъ захворываетъ, я нѣсколько разъ обращалась къ нему съ вопросомъ: Не боленъ ли ты? Почему у тебя такое больное, удрученное выраженіе лица?“ Мужъ отвѣчалъ мнѣ, что чувствуетъ себя прекрасно, что мнѣ это только кажется.

Можетъ быть, какое-нибудь новое предостереженіе дало ему больше увѣренности въ готовившейся ему неминуемой гибели; возможно также, что его тяготило какое-нибудь предчувствіе.

Во всякомъ случаѣ, страхъ за мое здоровье заставилъ его молчать, а я, не зная ничего о предшествовавшихъ анонимныхъ угрозахъ и письмахъ, не настояла достаточно упорно на признаніи съ его стороны. Но его лицо до такой степени разстревожило присущія мнѣ за послѣдніе мѣсяцы опасенія и предчувствія, что я долго послѣ ухода его въ министерство ходила взадъ и впередъ по гостинной, будучи не въ состояніи побѣдить чувство неизъяснимой тоски. Когда же ко мнѣ подошелъ лакей, преданно любившій мужа (какъ и вся прислуга) и спросилъ меня: „Что съ нашимъ бариномъ? Здоровы ли они? На нихъ лица нѣтъ“—моя тоска перешла въ страхъ, и я бук-

вально не находила себѣ мѣста. Вдругъ раздался звонокъ у параднаго входа, и нѣсколько минутъ спустя въ комнату вошелъ товарищъ мужа, Н. А. Звѣревъ. При видѣ его я все поняла и не знаю, какъ у меня хватило и силъ и смѣлости спросить его: „Мужа убили?“—„Нѣтъ“ отвѣтилъ онъ, но онъ внезапно заболѣлъ инфлуенцой и желаетъ Васъ видѣть“.— Конечно, я ему не повѣрила. Тотчасъ же я одѣлась, и мы вдвоемъ поѣхали въ министерство. По дорогѣ Звѣревъ мнѣ разсказалъ всю правду. Мужъ былъ раненъ. Не помню, передавалъ ли мнѣ Звѣревъ, или мнѣ разсказали впослѣдствіи слѣдующія подробности. Въ назначенный день Н. П. вышелъ въ пріемную министерства, гдѣ онъ подходилъ къ каждому просителю, внимательно выслушивая его. Когда онъ подошелъ къ Черниговскому губернатору, раздался выстрѣлъ, и мужъ безъ крика, и стона рухнулъ во весь ростъ на полъ. Нѣсколько изъ стоявшихъ тутъ курьеровъ подняли мужа и понесли въ министерскій кабинетъ. Первыми словами этого мученика героя были: „Если я сейчасъ долженъ умереть, вызовите скорѣе жену, если же есть еще время, уберите меня и омойте отъ крови, чтобы не испугать ее, и тогда поѣзжайте за ней“. Такъ и сдѣлали. Людская злоба преслѣдовала его даже тогда, когда, раненный и безпомощный, онъ лежалъ на диванѣ въ министерскомъ кабинетѣ. Должно быть, присутствовавшіе сослуживцы и подчиненные такъ растерялись, что забыли запереть дверь въ кабинетъ, и вокругъ него столпились всѣ просители изъ пріемной; одинъ изъ нихъ, молодой техникъ, долго злыми, нахальными глазами, вызывающе глядѣлъ на несчастнаго страдальца. Послѣднему, по его собственнымъ словамъ, казалось, что и

этотъ непрошенный посѣтитель собирается въ него стрѣлять.

Когда я вошла къ мужу, онъ видимо намѣренно улыбнулся; когда же я наклонилась надъ нимъ, онъ шопотомъ сталъ меня ободрять: „Не волнуйся: ты знаешь,—я не боюсь смерти“. И это онъ говорилъ въ то время, когда самъ сильно страдалъ: пуля прошла черезъ горло въ шею. Каждый неизбѣжный глотокъ слюны причинялъ ему мучительную боль. Крайне тягостенъ былъ для него переѣздъ изъ министерства на свою квартиру; тѣмъ не менѣе только что его положили на кровать, первой его заботой были опять близкіе, а не его собственныя страданія. Съ трудомъ отъ боли въ горлѣ произнося слова, онъ сказалъ мнѣ едва слышно: „Приготовь Никиту: ты знаешь, у него болѣзнь сердца: не пиши ему тотчасъ правды“. На второй день болѣзни Николай Павловичъ пріобщился Святыхъ Тайнъ. Болѣзненнымъ шопотомъ, но съ твердымъ упованіемъ повторялъ онъ за священникомъ молитвенныя слова: „Помяни меня, Господи, во Царствіи Твоемъ“. На другой день послѣ причастія ему стало лучше; рана въ горлѣ стала заживать: наступило временное улучшеніе, и мы воспрянули духомъ. Въ эти хорошіе дни мужъ передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, отъ которыхъ сердце болѣзненно сжималось. „Войдя въ министерскую пріемную“, говорилъ онъ, „я обратилъ вниманіе на красивую наружность одного изъ просителей, оказавшагося затѣмъ убійцею; къ этому молодому человѣку нѣсколько разъ подходили коротко остриженныя дѣвицы и шептались съ нимъ“. По видимому, у Николая Павловича, предупрежденнаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ о грозящей ему опасности, зародилось зловѣщее подозрѣніе при видѣ шептавшихся дѣвицъ.

Въ тонѣ мужнинаго разсказа не слышалось ни раздраженія, ни злобы. Николай Павловичъ даже пожалѣлъ своего убійцу въ разговорѣ съ моимъ братомъ: „Ты не знаешь“, спросилъ онъ послѣдняго, „почему Карповичъ въ меня стрѣлялъ? я его никогда не видалъ“. „Должно быть, на него палъ жребій“, отвѣтилъ братъ. „Несчастный“, сказалъ мужъ, я по крайней мѣрѣ умираю съ чистой совѣстью, а каково будетъ ему умирать?“

Въ эти дни пріѣзжалъ къ намъ Витте и хотѣлъ меня видѣть, но я не могла побѣдить своего непріязненнаго чувства къ нему и попросила брата Никиту принять его. Витте предложилъ отъ имени Государя вызвать извѣстнаго Берлинскаго хирурга, Бергмана. Мужъ велѣлъ передать Его Величеству свое благодарное согласіе. Государь взялъ расходы на себя. Бергманъ пріѣхалъ на пятый день болѣзни Николая Павловича. Освѣтивъ шею и грудь мужа Рентгеновскими лучами, онъ опредѣлилъ мѣсто нахожденія пули около 4 позвонка, и счелъ это неопаснымъ, но онъ освѣтилъ больного только спереди, а по словамъ нѣкоторыхъ нашихъ хирурговъ надо было освѣтить его и съ боку, чтобы вѣрнѣе узнать, гдѣ засѣла пуля. Дѣйствительно, когда позднѣе освѣтили мужа съ боку, пулю увидали въ седьмомъ позвонкѣ, что при вскрытіи тѣла по смерти оказалось справедливымъ. Бергманъ, будучи увѣренъ въ неопасномъ положеніи пули и, благодаря паденію температуры больного, уѣзжая за границу, подавалъ мнѣ лучшія надежды. 2 дня спустя на 5-й или 6-й день болѣзни температура Николая Павловича стала вдругъ сильно повышаться, при чемъ появились сильнѣйшія боли въ спинѣ. Съ тѣхъ поръ потянулись мрачные дни. Безропотная кротость, съ которою мужъ выносилъ свои

мученія, усугубляла наше горе. Ни разу онъ не разсердился на ухаживающихъ за нимъ, ни одного слова ропота, ни даже стона они отъ него не слыхали. Напротивъ того, за каждую малѣйшую услугу онъ благодарилъ ласковымъ словомъ или улыбкой. Когда я просила его, не сдерживать стоновъ и жалобъ, предполагая, что онъ боялся огорчать и волновать любящихъ его людей, онъ отвѣчалъ: „Все равно, легче не станетъ“. Между тѣмъ отъ мучительной боли въ спинѣ онъ могъ лежать только на одномъ боку. Въ бреду ему чудилось, что вооруженные французы гонятся за нимъ, чтобы убить его. Боясь безпокоить насъ, онъ сдерживался отъ бреда вслухъ.

Даже въ эти дни мучительныхъ страданій, въ часы полнаго сознанія, Николай Павловичъ не переставалъ заботиться объ успѣхѣ дорогихъ ему дѣлъ. Такъ, напримѣръ, онъ вспомнилъ 50-ти лѣтній юбилей Ермоло-Маріинскаго института, въ которомъ онъ нѣкогда состоялъ инспекторомъ классовъ, и поручилъ написать начальницѣ и преподавателямъ училища, что, пользуясь этимъ торжественнымъ днемъ, онъ обратился съ ходатайствомъ въ Вѣдомство Императрицы Маріи о дарованіи пенсіи преподавательскому персоналу.

Заботы о дочери также не покидали его: онъ позволялъ ей ухаживать за собой, говоря, что надо ее пріучать къ уходу за больными и развивать въ ней участливое отношеніе къ ихъ страданіямъ.

Уходъ за нимъ былъ самый тщательный; всѣ его и мои родные съѣхались къ намъ, и каждый умолялъ дать ему возможность ухаживать за Николаемъ Павловичемъ. Кромѣ насъ, его близкихъ, при больномъ дежурили еще врачи. Четырнадцать докторовъ, изъ которыхъ были и знаменитости, лѣчили его и дока-

зали человѣческое безсиліе передъ предопредѣленьемъ Божіимъ.

Когда Николаю Павловичу стало хуже, Его Величество удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. По совѣту врачей, опасавшихся волненій для мужа, я была принуждена просить Государя не входить къ нему. Тогда Государь сталъ говорить со мной. Онъ долго распрашивалъ о ходѣ болѣзни мужа и съ большой сердечностью отзывался о его стойкости и беззавѣтной преданности своему дѣлу. Когда я стала просить Его Величество въ случаѣ выздоровленія мужа согласиться на его отставку, Государь отвѣтилъ: „Я всегда дорожилъ имъ, а теперь дорожу болѣе, чѣмъ когда-либо.—„Но его непремѣнно убьютъ, Ваше Величество“,—возразила я.—„Мы или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ насъ“, замѣтилъ Государь, „всегда подвергаемся той же опасности и, тѣмъ не менѣе, не бросаемъ своихъ обязанностей“.

Много перебывало у насъ народу за это время. Всѣ министры даже недавніе враги мужа, пріѣзжали когда уже было поздно выражать свое сочувствіе и сожалѣніе. Одинъ Побѣдоносцевъ остался вѣренъ себѣ и сказалъ брату моему, принимавшему его: „Я говорилъ Николаю Павловичу, что ему не слѣдуетъ пускать корней въ Петербургѣ“.

Пріѣзжали и добрые друзья съ искреннимъ и трогательныыъ выраженіемъ сочувствія. Получала я также массу писемъ и телеграммъ отъ сослуживцевъ, знакомыхъ и друзей мужа. Всѣ они выражали глубокую скорбь о незаслуженной судьбѣ неповиннаго страдальца. Читая и выслушивая эти выраженія сочувствія, въ душѣ невольно пробуждалось вмѣстѣ съ благодарностью горькое сожалѣніе — зачѣмъ слова любви и одобренія не высказывались этому подвиж-

нику, когда онъ столь одиноко боролся на своемъ трудномъ пути.

Согласно совѣту врачей, мы не говорили мужу обо всѣхъ искреннихъ и лицемѣрныхъ посѣщеніяхъ и обо всѣхъ получаемыхъ выраженіяхъ чувства. Даже пріѣздъ Государя мы отъ него скрыли:—опять таки изъ страха вызвать въ немъ вредное для него волненіе. Послѣдніе дни мужъ безмолвно метался въ жару и часто бывалъ въ забытьи. Но наканунѣ своей смерти онъ сказалъ мнѣ:—„Если я выздоровлю, уѣдемъ подальше въ какой-нибудь уединенный уголокъ Италіи и тамъ хотя бы на время отдохнемъ“.—Всего горестнѣе была для него мысль, что любимое его дѣтище, реформу средней школы ему не удалось провести.

Такъ и ушелъ этотъ герой-мученикъ съ сознаніемъ, что всѣ его усилія принести пользу людямъ вызвали къ нему только ненависть и злобу.

Послѣднія физическія страданія были столь ужасны, что за два часа до смерти ему вспрыснули подъ кожу снотворное лѣкарство, отъ котораго онъ заснулъ и болѣе не просыпался. Но, несмотря на тяжкія мученія, Николай Павловичъ остался вѣренъ до смерти своему мужественному терпѣнію. Силу и бодрость онъ черпалъ въ великихъ завѣтахъ Христа: они поддерживали его въ тяжелыхъ испытаніяхъ его министерской дѣятельности и въ послѣдніе дни его предсмертныхъ мученій. 2-го марта 1901-го года въ половинѣ третьяго дня Николай Павловичъ скончался.

Масса народу, въ томъ числѣ и много учащихся, перебывали на паннихидахъ. На одну изъ нихъ пріѣзжалъ и Государь съ обѣими Императрицами и Наслѣдникомъ. Государь во всю паннихиду не спускалъ своихъ грустныхъ глазъ съ покойнаго и казался искренно огорченнымъ. Объ его огорченіи и искрен-

номъ сочувствіи свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его ко мнѣ въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я благодарила его за присланные мнѣ 5000 руб. на похороны мужа: „Любезная Екатерина Александровна, министръ юстиціи мнѣ переслалъ Ваше письмо. Какъ Вы еще нашли силъ писать мнѣ? Хотѣлось бы выразить словами то участіе, которое испытываешь по отношенію къ Вамъ въ страшномъ горѣ, постигшемъ Васъ.

Я любилъ и глубоко уважалъ Вашего мужа и тоже, повѣрьте, оплакиваю его кончину. Онъ умеръ, исполняя свой долгъ до конца, честно и нелицемѣрно; тѣмъ горше потерять такого помощника въ дѣлахъ.

Вы меня простите, что завтра [1]) я не могу пріѣхать. Молитвы и мысли мои постоянно съ Вами и дочерью Вашей.

Да подкрѣпитъ Васъ Господь милосердный и да поможетъ перенести горе и страданіе, ниспосланные Имъ.

Всей душой уважающій Васъ.

„Николай“.

На похороны Государь не пріѣхалъ, потому что въ то время студенческіе безпорядки достигли такихъ угрожающихъ размѣровъ, что опасались даже покушенія на жизнь Его Величества.

Въ заключеніе очерка дѣятельности Николая Павловича Боголѣпова приведу отрывки изъ проповѣди священника Виноградова, сказанной имъ на похоронахъ мужа.

Проповѣдь начиналась словами: „Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота“ (Апокал. II—X).

---

[1]) На похороны.

Объяснивъ значеніе этихъ великихъ словъ утѣшенія, священникъ продолжалъ:

„Эти слова находятъ себѣ примѣненіе и къ жизни почившаго раба Божія Николая. Его неожиданная и исполненная глубокаго трагизма кончина произвела на всѣхъ знавшихъ и почитавшихъ его, на всѣхъ, у кого еще не замолкъ голосъ совѣсти, страшное, потрясающее впечатлѣніе.

Смущенное и оскорбленное въ своихъ лучшихъ чувствахъ сердце ищетъ ободренія и утѣшенія. Оно готово обратиться къ воспоминаніямъ о жизни почившаго, мужа долга и правды, съ великой честью совершавшаго свое служеніе, чтобы въ лѣтописи его дѣяній найти для себя желательное утѣшеніе и нравственное подкрѣпленіе. Съ поля его многотрудной жизни можно было бы собрать довольно цвѣтовъ для того, чтобѣ сплести вѣнецъ на главу его, достойную вѣнца. И найдетъ, несомнѣнно найдетъ свою оцѣнку все совершенное имъ въ ученой и въ административной, и въ государственной дѣятельности.

Почившій, не обинуясь скажемъ, показалъ вѣрность завѣтамъ Христовымъ не только обычнымъ свойственнымъ христіанину исповѣданіемъ ихъ, но и какъ самоотверженный крестоносецъ, терпѣливо и покорно несшій до послѣдняго вздоха возложенное на него иго. Видѣлъ онъ въ жизни своей и радость и счастіе, заслуженно пользовался вниманіемъ и уваженіемъ среди лицъ ученыхъ, облеченъ довѣріемъ царскимъ; но ни земная слава, ни почетъ людской приблизили его ко Христу, а тѣ муки и страданія, которыя бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше положеніе человѣка. Лишенія и нужды въ годы юности и ученія, первые неувѣренные шаги въ жизни, соединяемые съ тяжкими думами за себя и за близкихъ,

что это, какъ не начало несенія Христова бремени? Расширялась жизнь его, увеличивались задачи, усложнялась дѣятельность, но не облегчалось, а, казалось, увеличивалось крестное иго; жизненный подвигъ становился труднѣе, огорченія обильнѣе. Почившій былъ мужъ высокой честности, правды и неподкупныхъ убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Но не всѣ бываютъ довольны и встрѣчаютъ сочувственно эти качества. Однимъ они кажутся жестокостью, другіе усмотрятъ въ нихъ надменность, инымъ нестерпимы, такъ какъ мѣшаютъ лѣности, нерадѣнію и распущенности.

Злословіе готово воспользоваться всякимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ изъ жизни и дѣятельности преданнаго своему долгу человѣка, чтобы истолковать его въ поводъ къ униженію послѣдняго. Обиды, непріятности, сопровождающіяся нравственными страданіями, приходилось испытывать почившему и тѣмъ болѣе, чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе становилась его дѣятельность. Иногда, даже лучшія его намѣренія и дѣйствія истолковывались въ дурную сторону и обращались въ поводъ къ осужденію его. Людская злоба и ненависть не хотѣли ограничиться клеветой и поношеніемъ преданнаго своему дѣлу дѣятеля, и заставила его перенести тяжкія страданія, во время которыхъ онъ имѣлъ полное право сказать: „я ношу на моемъ тѣлѣ язвы Господа моего“. (Гал. VI, 17). Смѣло смотрѣлъ онъ въ глаза самой смерти и встрѣтилъ ее во всеоружіи, какъ доблестный воинъ Христовъ. Смерть положила конецъ земнымъ страданіямъ и отняла у семьи ея опору, у государства самоотверженнаго, исполненнаго лучшихъ намѣреній дѣятеля, у Государя вѣрнаго и преданнаго слугу. Окончилось

земное крестоношеніе его, и начался путь вѣчной и нескончаемой славы къ побѣдному вѣнцу, обѣщанному Господомъ подвигомъ добрымъ подвизавшимся. Душа его во благихъ водворится и узритъ правду не гонимую и презираемую, какъ на землѣ, а торжествующую въ неизреченномъ сіяніи Божественнаго свѣта и блаженства.

Вознося молитвы объ упокоеніи души безвиннаго страдальца, готовясь предать землѣ бренное тѣло его, что возьмемъ мы отъ его гроба въ напутствіе для себя?

Мы ищемъ утѣшенія въ скорби, постигшей насъ: оно въ христіанскомъ подвигѣ почившаго, приблизившаго его къ Подвигоположнику и Совершителю спасенія нашего. „Побѣждающій“,—говоритъ Господь чрезъ своего Тайнозрителя.—„облечется въ бѣлыя одежды, и не изглажу имени его изъ книги жизни, и исповѣдаю имя его предъ Отцомъ Моимъ и предъ ангелами его“. Найдемъ мы здѣсь у сего гроба и урокъ служить вѣрно, честно тому дѣлу, которое указано намъ Провидѣніемъ, и если бы пришлось страдать за свой долгъ, покорно снести и страданія, такъ какъ тотъ, кто не страдалъ за свое дѣло, тотъ не можетъ и любить его.

Найдемъ, наконецъ, здѣсь и надежду, что торжество принадлежитъ доброму, истинному и праведному. Древніе христіане, противопоставляя насилію и злобѣ нравственное мужество, говорили: „Кровь христіанъ—сѣмя новыхъ христіанъ“. Уповаемъ, что безвинно пролитая кровь почившаго раба Божія Николая будетъ сѣменемъ нашего покаянія и исправленія, сѣменемъ добрыхъ и прочныхъ воспитательныхъ началъ, составляющихъ основу истиннаго просвѣщенія. Аминь“.

Приложеніе № 1.
Къ страницѣ 52.

Когда я вспоминаю мои студенческіе годы, проведенные въ этомъ университетѣ, я очень сожалѣю, что въ это время не было у меня человѣка, который бы ясно указалъ мнѣ, какую цѣль я долженъ преслѣдовать въ тѣ университетскіе курсы, который бы съ отеческой твердостью и благоволеніемъ сказалъ мнѣ: вотъ путь, по которому ты долженъ итти, и вотъ чего ты долженъ избѣгать Вслѣдствіе этого много силъ было потрачено напрасно, много сдѣлано ошибокъ, которыя пришлось поправлять позже съ большими усиліями.

Всѣ вы находитесь въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда находился я и мои товарищи Какъ ректоръ, я считаю моимъ долгомъ не оставить васъ безъ указанія тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ вамъ исполнить въ университетскіе курсы.

По разнымъ историческимъ причинамъ русскимъ университетамъ приходится не только давать студентамъ знаніе и развивать ихъ умъ, но оказывать и воспитательное вліяніе Поэтому, какъ наша, такъ и ваша задача двоякая умственнаго и нравственнаго свойства

Собственно умственную задачу опредѣлить не трудно Въ короткихъ словахъ она состоитъ въ томъ, чтобы 1) пріобрѣсти извѣстную сумму спеціальныхъ знаній, и 2) пріучить умъ къ правильной научной, самостоятельной работѣ Понятно, что изъ университета вы должны вынести существенныя научныя свѣдѣнія по тѣмъ предметамъ, которые вы избрали своей спеціальностью. Это вы получите въ лекціяхъ профессоровъ. Но вы должны заранѣе знать, что въ 4 года или въ 5 лѣтъ вы можете пріобрѣсти очень много фактическихъ знаній, но это пойдетъ въ ущербъ основательности; лучше изучать немного, но основательно. Въ такое короткое время нѣтъ возможности усвоить себѣ цѣлый рядъ наукъ въ полномъ ихъ объемѣ Никакая школа, преслѣдующая цѣль высшаго образованія, не можетъ ставить себѣ такой задачи Пополнять свои научныя познанія вы должны будете сами, по окончаніи курса. Работы, конечно, хватитъ на всю вашу жизнь.

Но для того, чтобы вы могли самостоятельно продолжать ваше научное образованіе, университетъ долженъ вамъ дать, а вы должны постараться усвоить—еще нѣчто, кромѣ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, а именно—умѣнье работать самостоятельно и научно. Это вторая сторона университетскаго образованія, такъ сказать, формальная, такъ же важная, какъ и пріобрѣтеніе знаній. Выучить основательно даже значительное количество учебниковъ по разнымъ наукамъ — дѣло, сравнительно, нетрудное, при усердіи для этого достаточно и половины того времени, которое назначается для университетскаго образованія Но кто ограничится только такой работой, тотъ будетъ похожъ на ремесленника, который выучился дѣлать извѣстныя вещи по извѣстному образцу, и больше этого

вы ничего отъ него требовать не можете, есть, напр, столяры, которые выучились дѣлать стулья извѣстнаго фасона и дѣлаютъ ихъ хорошо, но если вы ему закажете стулъ съ какими-нибудь новыми приспособленіями, онъ не сдѣлаетъ его, потому что его этому не учили

Теперь вы ремесленниковъ встрѣтите много Кто ограничиваетъ свое образованіе пріобрѣтеніемъ извѣстныхъ знаній, хотя бы по очень хорошимъ книгамъ или курсамъ, тотъ есть не больше, какъ ремесленникъ Къ сожалѣнію, такихъ ремесленниковъ очень много, но ихъ нельзя назвать людьми, образованными научно Какъ я уже сказалъ, научное образованіе должно дать уму особую формальную отдѣлку. Это формальное образованіе состоитъ въ слѣдующемъ если вамъ задается какой-нибудь теоретическій или практическій вопросъ для разрѣшенія, вы должны знать, во-1-хъ, какъ приняться за обработку матеріала, съ помощью котораго этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ Напримѣръ, если вы хотите возстановить древнѣйшую исторію римскаго народа, вамъ необходимо совершить довольно сложную формальную работу прежде всего вы должны умѣть *провѣрить подлинность тѣхъ документовъ*, изъ которыхъ вы будете черпать свѣдѣнія по древнѣшей исторіи, затѣмъ, если вы удостовѣритесь, что они подлинны, вы должны умѣть *критически провѣрить, достовѣрны ли тѣ свѣдѣнія*, которыя они сообщаютъ, такъ вы, напримѣръ, можете быть увѣрены, что списки, въ которыхъ до насъ дошло сочиненіе Т Ливія, дѣйствительно представляютъ его сочиненія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что достовѣрно то, что онъ разсказываетъ про древнѣйшихъ римлянъ; пока ученые не знали пріемовъ исторической критики, они принимали за достовѣрные факты все то, что Ливій или Діонисій разсказываютъ о римскихъ царяхъ, между тѣмъ болѣе совершенная историческая критика приводитъ къ убѣжденію, что большая часть этихъ разсказовъ ничего достовѣрнаго не представляетъ Далѣе когда вы наберете достовѣрные факты, ихъ нужно еще *классифицировать* Умѣнье классифицировать есть также формальное знаніе, но безъ него вашъ достовѣрный матеріалъ будетъ грудой камней, а не стройнымъ зданіемъ; изъ безпорядочной массы фактовъ вы не сдѣлаете никакихъ *заключеній*, необходимыхъ вамъ для возстановленія исторіи римскаго народа. Если бы вы захотѣли пойти еще дальше — опредѣлить, какое значеніе имѣетъ исторія римскаго народа въ исторіи человѣчества, вамъ необходимо знать еще новый пріемъ умѣнье сравнивать факты изъ жизни одного народа съ фактами изъ жизни другого, т-е знакомство съ тѣмъ, что называется *сравнительной методой* Вотъ вамъ образчикъ формальнаго образованія въ наукахъ историческихъ умѣнье критиковать документы, критиковать достовѣрность свѣдѣній, классификація, навыкъ дѣлать выводы изъ классифицированныхъ достовѣрныхъ фактовъ, сравнительная метода и навыкъ пользоваться ею для выводовъ Сравните человѣка, который кромѣ историческихъ знаній обладаетъ этимъ формальнымъ образованіемъ, съ человѣкомъ, который выучилъ только массу хорошихъ историческихъ сочиненій и больше ничего, и вы поймете, кто можетъ называться образованнымъ историкомъ

Вы, можетъ быть, скажете, что формальное образованіе необходимо

только для тѣхъ, кто посвящаетъ себя ученой карьерѣ, а для обращающихся къ чисто-практической дѣятельности достаточно пріобрѣсти знанія, добытыя другими. Но это ошибочное мнѣніе Чистому практику, если онъ не желаетъ быть только ремесленникомъ, также необходимо усвоить научные пріемы изслѣдованія

Возьмемъ для примѣра совершенно практическую область — лѣченье людей отъ болѣзней На первый взглядъ можетъ казаться, что практическому врачу достаточно изучить описаніе признаковъ болѣзней, видѣть ихъ въ больницѣ и познакомиться съ тѣмъ, какъ лѣчить эти болѣзни

Къ сожалѣнію, среди студентовъ-медиковъ этотъ взглядъ очень распространенъ. Но представьте себѣ, что такой врачъ встрѣтится съ какою-нибудь новой болѣзнью, которой еще никто никогда не видалъ, о которой въ книжкахъ не написано, и для лѣченія которой средства неизвѣстны, напр, съ Ветлянской чумой Если онъ умѣетъ по даннымъ признакамъ восходить къ причинамъ болѣзней, если онъ умѣетъ изслѣдовать свойства органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, если онъ умѣетъ изслѣдовать дѣйствіе ихъ на организмъ, то у него есть надежда рано или поздно опредѣлить эту новую болѣзнь и отыскать противъ нея средства Но если онъ умѣетъ распознавать и лѣчить только тѣ болѣзни, которымъ его научили, а не обладаетъ формальнымъ медицинскимъ образованіемъ, то онъ будетъ безпомощенъ, т е окажется несостоятельнымъ въ своемъ медицинскомъ призваніи

Надѣюсь, что вамъ теперь достаточно ясна та мысль, что для научнаго образованія необходимо не только усвоить тѣ знанія, которыя уже добыты наукой, но и обладать формальной способностью или иначе развить всѣ умственныя силы для *открытія новыхъ знаній*. Но этимъ формальное образованіе еще не оканчивается Человѣкъ можетъ усвоить себѣ всѣ пріемы научнаго изслѣдованія, но не обладать достаточною *смѣтливостью ума*, чтобы успѣшно примѣнять эти пріемы Военный человѣкъ можетъ быть отличнымъ стрѣлкомъ, отлично владѣть шашкой, обладать большой физической силой, но онъ можетъ быть трусомъ тогда его военное искусство ни къ чему не послужитъ Человѣкъ научно образованный, но не имѣющій смѣлости приступить къ рѣшенію всякаго вопроса, который представляется ему въ его спеціальной области, никуда не годится со всѣмъ своимъ образованіемъ Этой умственной робостью страдаютъ многіе изъ русскихъ образованныхъ людей Отъ этого зависитъ наша, чисто-рабская, зависимость отъ западныхъ народовъ, какъ въ теоретическихъ, такъ и въ практическихъ вопросахъ, когда передъ нами становится истой необходимостью такой вопросъ, мы сейчасъ оглядываемся на Западъ, тамъ ищемъ помощи, вмѣсто того, чтобы смѣло взяться за изученіе матеріала и самостоятельное разрѣшеніе вопроса Вслѣдствіе этого мы иногда пересаживаемъ къ себѣ съ Запада учрежденія, созданныя въ чуждыхъ намъ условіяхъ, даже не имѣя смѣлости измѣнить въ нихъ что-нибудь сообразно особенностямъ нашей жизни. Всѣмъ извѣстно, сколько зла отсюда проистекаетъ Для образованнаго человѣка умственная трусость такъ же постыдна, какъ для военнаго физическая трусость. Поэтому, приготовляясь въ университетѣ къ своей жизненной карьерѣ,

вы должны развить себѣ *мужество ума* Конечно, нѣкоторымъ это свойство дается отъ природы, но оно можетъ быть въ значительной степени развито воспитаніемъ и въ особенности самовоспитаніемъ, такъ же, какъ и физическое мужество При этомъ не надо смѣшивать дерзость или самонадѣянность ума съ мужествомъ ума

Итакъ, пріобрѣтеніе существенныхъ научныхъ знаній, развитіе умственныхъ силъ и умственнаго мужества — вотъ цѣли, къ которымъ вы должны стремиться въ университетѣ Каждый изъ васъ можетъ достигнуть этихъ цѣлей, смотря по степени природныхъ способностей Мимоходомъ замѣчу, что указанныя мною задачи высшаго образованія настолько велики, что человѣку съ очень маленькими природными способностями ихъ не разрѣшить Такимъ людямъ я совѣтую не добиваться университетскаго образованія Если они будутъ лѣнивы, то пребываніе въ университетѣ будетъ напрасно потраченнымъ временемъ, они не получатъ диплома, если они будутъ трудолюбивы, то выйдетъ еще хуже диплома въ большинствѣ случаевъ они не получатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ или надломятъ здоровье или будутъ разбиты нравственно отъ постоянныхъ неудачъ, которымъ они неизбѣжно будутъ подвергаться А между тѣмъ жизнь представляетъ и помимо университета много карьеръ, не требующихъ высшаго образованія, но представляющихъ большія матеріальныя выгоды, а иногда и почетъ. Конечная цѣль всякаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы быть счастливымъ; если другія занятія обѣщаютъ счастіе, а университетскія нѣтъ, зачѣмъ же итти къ нимъ и тѣмъ причинять себѣ страданія? Но я говорю только о людяхъ малоспособныхъ отъ природы. Для людей съ высшими и средними способностями высшее образованіе вполнѣ доступно

Однако, даже и высоко-одаренныя натуры могутъ сдѣлаться дѣйствительно научно-образованными людьми, т.-е. достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя я только что очертилъ передъ вами, лишь при одномъ условіи, о которомъ я теперь и хочу говорить высшее образованіе пріобрѣтается только *правильнымъ и настойчивымъ трудомъ* Впрочемъ, то же должно сказать и о всякомъ солидномъ знаніи Я желалъ бы обратить ваше особенное вниманіе на эту необходимость правильнаго и настойчиваго труда, потому что недостатокъ устойчивости есть коренной недостатокъ русскаго человѣка. Русскіе по справедливости считаются очень даровитымъ народомъ, но всѣ ихъ таланты пропадаютъ напрасно вслѣдствіе того, что они не обладаютъ самымъ главнымъ талантомъ — способностью къ правильной и настойчивой дѣятельности Возьмите любую область дѣятельности теоретической или практической, вы вездѣ увидите одно и то же русскій человѣкъ берется за дѣло страстно, работаетъ безостановочно, но затѣмъ черезъ нѣкоторое время дѣло ему надоѣдаетъ, самъ онъ утомляется и бросаетъ работу Иногда онъ къ ней больше не возвращается, иногда же снова принимается съ тѣмъ же пыломъ, чтобы снова бросить ее. Итакъ все время дѣло идетъ скачками Такая дѣятельность имѣетъ два невыгодныхъ послѣдствія: 1-е Очень часто разъ брошенное дѣло приходится не продолжать, а начинать снова, напр : вы беретесь за ученіе иностраннаго языка, выучиваете много словъ и формъ, и затѣмъ бросаете, въ періодъ бездѣятельности, который къ тому же почти

всегда бываетъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ дѣятельный періодъ, вы забываете многое или все выученное, слѣдовательно, принимаясь второй разъ, не идете впередъ, а повторяете только прежнюю работу. Такимъ образомъ работа скачками почти всегда бываетъ безплодна 2-е. Работа порывами скоро изнуряетъ человѣка. если вы неумѣренно напрягаете свои мускулы или мозгъ, рано или поздно вы поплатитесь за это тѣмъ, что они откажутся работать Такъ обыкновенно и бываетъ: за умственной порывистой дѣятельностью наступаетъ апатія.

Я сказалъ, что неустойчивость въ дѣятельности есть коренной русскій недостатокъ, который проявляется рѣшительно во всѣхъ классахъ общества, во всѣхъ сферахъ дѣятельности и который убиваетъ русскую жизнь Если мы не исправимся въ этомъ отношеніи, рано или поздно мы погибнемъ насъ покорятъ безъ войны народы, которые умѣютъ работать правильно и упорно, они мирнымъ путемъ, путемъ труда, отберутъ у насъ землю и заставятъ насъ работать на нихъ, а въ концѣ концовъ сотрутъ насъ съ лица земли.

Симптомы этого вы можете наблюдать и теперь уже. нѣмцы, евреи, армяне и т. д. разселяются на русской землѣ и вездѣ становятся господами, а не слугами нашими Но этотъ процессъ нашего закабаленія не можетъ совершаться безболѣзненно, не имѣя силъ работать такъ же правильно и упорно, какъ другія національности, мы должны будемъ довольствоваться худшими кусками, ограничивать удовлетвореніе своихъ потребностей, терпѣть лишенія, слѣдовательно — страдать.

Итакъ, если вы хотите быть солидными врачами, юристами, математиками и т д, если вы не хотите уступать мѣста другимъ, то вы должны работать такъ же, какъ и они, т-е. правильно и настойчиво. До сихъ поръ даже образованный классъ русскаго народа не проникся сознаніемъ этой необходимости. Между прочимъ и студенты университетовъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не работаютъ ровно въ теченіе всего года. За короткое время до экзаменовъ начинается обыкновенно работа, работа безумная и изнурительная — день и ночь Къ концу экзаменовъ студентъ ходитъ, какъ высосанный, съ разстроенными нервами. Черезъ мѣсяцъ послѣ экзаменовъ знанія, пріобрѣтенныя наскоро, всѣ вылетаютъ изъ головы. Къ концу университетскаго курса получается слѣдующій результатъ. въ головѣ обрывки знаній, умѣнья научно работать никакого, разстроенные нервы и апатія къ умственному труду Съ этими результатами молодой человѣкъ выступаетъ въ жизнь, и, смотря по своему матеріальному и общественному положенію, или предается свѣтскому ничегонедѣланью, или, вступая въ службу, дѣлается неисправнымъ рутинеромъ, самостоятельно мыслить и работать онъ не можетъ, а потому охотно пристаетъ къ той рутинѣ, которую находитъ въ мѣстѣ своей службы

Ни забота о личномъ счастьѣ, ни долгъ передъ своимъ народомъ не дозволяютъ продолжать такую дѣятельность Вы не должны забывать, что университетскій дипломъ вводитъ васъ формально въ ряды образованныхъ русскихъ людей, которые, въ силу своего образованія, по необходимости дѣлаются руководителями остальныхъ классовъ народа.

Какъ руководители, вы обязаны научить народъ единственному средству, съ помощью котораго онъ можетъ создать себѣ сносную жизнь и выдержать борьбу за существованіе съ другими народами Но учить устоичивости въ трудѣ можетъ только тотъ, кто самъ устоичивъ Вы должны начать съ себя, и университетъ долженъ быть школои, гдѣ вы должны завершить свое воспитаніе въ этомъ отношеніи Работаите круглыи годъ, а не тогда только, когда ждете экзаменовъ Тогда ваши знанія улягутся прочно въ головѣ. Лучше начинайте не очень пылко, но зато аккуратно Каждыи день исполняйте какую-нибудь работу, которая входитъ въ планъ вашихъ занятій Къ концу перваго года вы уже увидите, какіе богатые результаты дастъ такои способъ работы

Приложеніе замѣтки Н. П. Боголѣпова [1]).

Задачи преподаванія

1. Эти задачи желательно опредѣлить не только съ точки зрѣнія субъективныхъ идеаловъ, но и по тому, что требуетъ отъ юридическихъ факультетовъ дѣйствительная жизнь. А она требуетъ двухъ родовъ спеціалистовъ: дѣятелей судебныхъ и административныхъ; ихъ долженъ готовить юридическій факультетъ. Скажутъ: университетъ не можетъ готовить практиковъ; я это признаю, но утверждаю, что университетъ не долженъ готовить только теоретиковъ.

Какъ цѣлое, онъ не имѣетъ своей задачей двигать науку, хотя *отдѣльные* профессора его не могутъ хорошо исполнять своихъ обязанностей, не будучи учеными изслѣдователями. Задача университета научить тѣмъ знаніямъ и пріемамъ, съ помощью которыхъ студентъ можетъ впослѣдствіи сдѣлаться ученымъ, судьей, адвокатомъ, администраторомъ и такъ далѣе, и развить умственныя свои силы, т.-е. такъ вести преподаваніе, чтобъ ученикъ не боялся *самостоятельно* работать умомъ (смѣлость мысли).

2. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія требованія.

а) Сообщать необходимыя свѣдѣнія, т.-е. *факты* въ системѣ. Для ученика нужны только факты *достовѣрные*, а не спорные. Спорные могутъ быть сообщены только въ томъ случаѣ, если они изложены съ доказательствами, что даетъ иллюстрацію пріемамъ ученаго изслѣдованія.

---

[1]) Съ черновыхъ подлинниковъ.

б) Научить *пріемамъ* работы, методамъ: толкованіе законовъ при догматической обработкѣ права и при исторической, требованія политики (для администратора и законодателя) и т. д.

в) Развить *умственныя силы*, развязать умъ ученика. Всякая школа должна стремиться къ этому, а тѣмъ болѣе высшая. Предыдущія задачи (а. б) даютъ ученику то, что сдѣлано его предшественниками; усваивая результаты ихъ работъ, онъ уже до нѣкоторой степени развиваетъ свои умственныя силы. Но профессоръ долженъ ставить себѣ, какъ особую задачу, внушать студентамъ *смѣлость* мысли, т.-е. рѣшимость ставить новыя задачи, искать новыхъ пріемовъ. Безъ этого университеты будутъ выпускать рутинеровъ-ремеслинниковъ, которые будутъ способны повторять только то, что дѣлали и до нихъ. Ни практика, ни наука отъ такихъ учениковъ не выиграетъ ничего.

Реформы.

Лекціи. Прежде всего слѣдуетъ бросить чтеніе съ каѳедры учебниковъ. Лучше совсѣмъ не читать такихъ лекцій, потому что ученикъ ежедневно сбережетъ 3—4 часа. Чѣмъ же замѣнить ихъ? Я не думаю отрицать необходимости живого руководства для студентовъ; но это руководство должно быть на дѣлѣ существенно-необходимымъ для нихъ, такимъ, безъ котораго они одни, самостоятельно, не могутъ пріобрѣсти знаній или умѣній. Лекціи профессора, или лучше занятія съ профессоромъ, будутъ интересны для студентовъ тогда, когда послѣдніе ни откуда больше не могутъ пріобрѣсти свѣдѣній такъ же удобно, какъ отъ профессора. Этого нельзя сказать про теперешнія лекціи. Что же именно долженъ сту-

дентъ искать у профессора и что можетъ сдѣлать одинъ? Это зависитъ отъ свойствъ преподаваемой науки, такъ что нельзя дать одного отвѣта; но такъ какъ большинство юридическихъ наукъ имѣютъ въ виду положительное право, то вообще можно сказать, что у профессора студентъ долженъ искать руководства въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

а) Умѣнье *обрабатывать источники* права и его исторію. У нашихъ студентовъ нѣтъ этого умѣнія. А между тѣмъ, не странно ли это? Если бы кто нибудь предложилъ такъ устроить медицинскій факультетъ, чтобы студенты изучали болѣзни только теоретически, а не на больныхъ, чтобы они знакомились съ аппаратами по книжкамъ, а не самымъ употребленіемъ ихъ и т. д., то всѣ, конечно, признали бы негодность такого устройства. А именно въ такомъ родѣ устроено преподаваніе на нашихъ юридическихъ факультетахъ. Поэтому прежде всего необходимо научить студентовъ-юристовъ обращаться съ источниками, они должны умѣть отыскать подходящія статьи законовъ, примѣнить къ нимъ всѣ выработанныя наукой правила толкованія; если изучается исторія права, то ихъ надо познакомить хотя съ главными источниками ея, научить критикѣ этихъ источниковъ. NB. Когда студентъ исполнитъ эту первую работу подъ руководствомъ профессора, можно перейти къ болѣе тонкимъ пріемамъ обработки, опять имѣя въ виду самодѣятельность учениковъ, научить ихъ систематизаціи добытаго матеріала, юридическимъ конструкціямъ и другимъ догматическимъ пріемамъ; а если изучается исторія какого-нибудь права, то построенію историческихъ гипотезъ, установленію исторической перспективы въ добытыхъ свѣдѣніяхъ, раздѣленію на періоды и т. д. Могутъ спросить: въ

какомъ порядкѣ будетъ профессоръ обучать всѣмъ этимъ пріемамъ; будетъ ли онъ сначала подвергать весь матеріалъ извѣстной науки толкованію или критикѣ, а потомъ начнетъ систематизировать его и распредѣлять по періодамъ и пр.; или же онъ долженъ дать студентамъ выучиться всѣмъ пріемамъ на отдѣльныхъ, только нѣкоторыхъ институтахъ? Это вопросъ второстепенный, который каждымъ преподавателемъ будетъ разрѣшаться, смотря по отведенному ему времени, количеству учениковъ, размѣрамъ преподаваемой науки и т. п. Замѣтимъ только, что согласно цѣли научнаго преподаванія (дать не только свѣдѣнія, но и развить духовныя силы), нѣтъ нужды обрабатывать съ учениками всѣ отдѣлы науки вышеуказаннымъ порядкомъ. Нужно продолжать это до тѣхъ поръ, пока средній студентъ усвоитъ себѣ всѣ главные пріемы обработки права. Если по опыту для этого окажется достаточнымъ нѣсколькихъ отдѣловъ или институтовъ, то прочіе могутъ быть изучены студентомъ по учебнику.

б) Умѣнье прилагать нормы права къ отдѣльнымъ случаямъ права требуется не для эстетическихъ цѣлей, а для практическихъ, для примѣненія къ жизни. Поэтому нельзя считать совершеннымъ юристомъ того, кто ограничился теоритическимъ изученіемъ системы права. Параллель съ медицинскими науками и въ этомъ случаѣ можетъ быть поучительна. Могутъ сказать, что рѣшенію отдѣльныхъ казусовъ студентъ можетъ научиться по окончаніи теоретическаго образованія, какъ это и бываетъ въ настоящее время. Конечно, можетъ, также какъ онъ и теоретическое образованіе можетъ получить по книжкамъ; но если онъ будетъ это дѣлать безъ образованнаго и опытнаго руководителя, то потратитъ

гораздо больше времени и своими опытами причинитъ много вреда тѣмъ, чьи дѣла будетъ вести. Если же онъ будетъ учиться подъ руководствомъ, то это именно то, чего мы желаемъ, съ тою только разницею, что мы находимъ возможнымъ это практическое образованіе перенести въ университетъ. Оно здѣсь выигрываетъ въ научности. Если ученикъ учится примѣненію права въ дѣиствительной практической жизни, то онъ имѣетъ въ виду выигрывать чье-нибудь дѣло; для этого часто ему нужно узнать не наилучшій способъ примѣненія закона, а общепринятый, т. е., другими словами, ему нужно узнать проторенные пути, *рутину*, отчего студенты, по выходѣ изъ университета, большею частью и обращаются въ рутинеровъ. Иногда даже не нужно знать и общепринятаго примѣненія, а нужно узнать, какъ обойти законъ. Профессоръ, обучающій практическому примѣненію права, не имѣетъ интереса вести студентовъ этими путями; онъ можетъ указать на нихъ студентамъ, но его задача—научитъ студентовъ наиболѣе справедливому примѣненію права. Какъ извѣстно, это есть также и очень хорошее средство уяснить и теоретическую сторону дѣла. Для этого, конечно, самъ профессоръ долженъ имѣть и теоретическую и практическую подготовку, что въ настоящее время у насъ не считается обязательнымъ.

Если сказанное справедливо, то мы должны признать, что вторымъ, недоступнымъ для самообразованія предметомъ преподаванія въ университетѣ, будетъ практическое примѣненіе права.

Можно было бы указать и еще на одну сторону обученія, трудно доступную для самообразованія студента: *созданіе новаго права*. Это отдѣлъ столь мало разработанный для преподаванія, что я бы не рѣшился

рекомендовать ввести преподаваніе въ настоящее время, но думаю, что въ болѣе отдаленномъ будущемъ онъ долженъ быть введенъ, а потому скажу о немъ нѣсколько словъ.

Въ ученіи объ источникахъ права обыкновенно указывается, какъ издается законъ, какъ вырабатывается юридическій обычай; но дѣлается это кратко или указываются только формальный порядокъ, соблюдаемый при законодательствѣ, и формальные признаки, по которымъ можно опредѣлить существованіе юридическаго обычая. Между тѣмъ людямъ, посвящающимъ себя судебной и административной дѣятельности, приходится иногда участвовать въ созданіи законовъ, или по крайней мѣрѣ въ сочиненіи проэктовъ законовъ. Никто не станетъ отрицать пользы правилъ, которыя бы указывали, какъ нужно приступать къ этому важному дѣлу. Могутъ сказать: тутъ существуетъ только одно правило—добросовѣстно изучить ту область, для которой создается законъ. Это вѣрно, но такъ неопредѣленно, что такое правило не можетъ служить руководствомъ. Важно указать, какія, кромѣ главной, должны быть изучены смежныя отношенія, въ какой мѣрѣ должно быть уважаемо дѣйствующее право, иными словами, какъ далеко можно итти въ уничтоженіи стараго и введеніи новаго, насколько допустимы заимствованія, какъ формулировать законы, въ какой мѣрѣ доступно вторженіе въ нравственную, частно-хозяйственную область и мног. др.

Важность такихъ правилъ едва ли кто будетъ оспаривать. Но вѣрно то, что въ настоящее время, при невыработанности этого предмета, преподаваніе его можетъ обратиться въ пустословіе. А потому я бы рекомендовалъ большую осторожность. Можно давать студентамъ задачи (подобно техническимъ, по-

строить заводъ, машину и т. д.), сочиненіе закона при точно опредѣленныхъ условіяхъ, т.-е. указать, откуда они могутъ взять матеріалъ для рѣшенія, или предложить провѣрить изданный законъ мотивами.

Во всякомъ случаѣ, если предметъ этотъ будетъ допущенъ въ преподаваніи, то студенты могутъ изучать его только подъ руководствомъ профессора.

4. Одновременно съ обученіемъ вышеуказаннымъ научнымъ пріемамъ, необходимо обучать многихъ студентовъ и чтенію *научныхъ сочиненій*. Можно съ увѣренностью сказать, что огромное большинство студентовъ не умѣетъ читать ученыя книги. Конечно, обученіе тремъ указаннымъ пріемамъ для способнаго студента будетъ достаточнымъ указаніемъ и для чтенія ученыхъ книгъ; но среднему студенту необходимо болѣе близкое руководство профессора: надо пріучить его прежде всего отыскивать главныя и второстепенныя мысли автора. Мой собственный преподавательскій опытъ показалъ мнѣ, что средній студентъ не умѣетъ дѣлать этого. Затѣмъ уже слѣдуетъ научить его провѣрить доказательства. Обыкновенно студентъ склоненъ принимать на вѣру всякое положеніе ученаго автора, или же голословно отвергать его, какъ *несимпатичное* ему, именно въ томъ случаѣ, если онъ увлеченъ какимъ-нибудь ученіемъ философскимъ, экономическимъ или политическимъ. Такъ наз. нижній этажъ въ ученыхъ книгахъ, т.-е. ссылки на источники, большею частью оставляются имъ безъ вниманія. Ему и въ голову не приходитъ провѣрить, правильно ли разсужденіе автора съ логической стороны. Правила логики ему даже большею частью и неизвѣстны.

Подобно тому, какъ при рѣшеніи казусовъ и при руководствѣ чтеніемъ ученыхъ сочиненій профессоръ

будетъ имѣть случай пояснять ученику тѣ же самые пріемы обработки права и догматической и исторической стороны, которые онъ ему показывалъ при непосредствомъ изученіи источниковъ. Такимъ образомъ и чтеніе ученыхъ сочиненій можетъ происходить съ большимъ успѣхомъ подъ руководствомъ профессора. Экономисты и философы укажутъ, вѣроятно, и другія стороны обученія, гдѣ студентъ не можетъ обойтись безъ помощи профессора при изученіи экономическихъ наукъ и философіи права.

Могутъ сказать, что такое преподаваніе совершенно устраняетъ благотворное дѣйствіе живого слова; но мнѣ кажется, что уже изъ предыдущаго видно, какую роль играетъ живое слово при руководствѣ занятіями студентовъ. Я думаю даже, что именно при этомъ руководствѣ слово профессора и дѣлается живымъ, потому что оно вызывается обмѣномъ мыслей между учителемъ и ученикомъ: учитель начинаетъ говорить тогда, когда видитъ, что ученикъ нуждается въ объясненіи, и притомъ говоритъ приноровляясь къ знакомымъ уже людямъ, а не къ безличной массѣ, каковой является въ настоящее время юридическая аудиторія.

Затѣмъ, лекція можетъ понадобиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ признаетъ полезнымъ, послѣ совмѣстной со студентами разработки деталей, свести ихъ къ единству, обобщить. И здѣсь во многихъ случаяхъ лучше бываетъ дать это объединеніе письменно, чтобы студентъ могъ лучше продумать и провѣрить его.

Но это бываетъ не всегда возможно по недостатку времени или по инымъ причинамъ. При лекціяхъ профессору необходимо всегда помнить, что онъ на каѳедрѣ, а не на сценѣ: красота его изложенія должна

быть разсчитана на умъ, а не на чувство; она должна быть не цѣлью, а средствомъ, чтобы какъ можно яснѣе передать свѣдѣнія и вызвать умъ учениковъ къ самодѣятельности.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ многолюдныхъ университетахъ такія реформы преподаванія возможны только въ такомъ случаѣ, если будетъ увеличено число преподавателей.

Пока этого нельзя сдѣлать. можно рекомендовать полумѣру: дѣлить студентовъ на группы, которыя занимались бы указаннымъ способомъ лишь по одному или двумъ предметамъ въ годъ. Или же радикальная мѣра: сократить число обязательныхъ предметовъ (разныя отдѣленія).

Учебники.

Для занятій по выше описанной системѣ необходимо, чтобы студенты были къ нимъ подготовлены, т.-е. предварительно изучили дома учебникъ, въ которомъ должны быть даны всѣ тѣ свѣдѣнія по данной наукѣ, которыя взрослый ученикъ можетъ усвоить и безъ содѣйствія учителя. Въ большинствѣ случаевъ эти свѣдѣнія могутъ быть даны въ систематической формѣ, какъ обыкновенно излагаются учебники. Конечно, вмѣсто учебника можетъ быть прочитанъ въ аудиторіи и элементарный курсъ, какъ это дѣлается въ настоящее время; но едва ли найдется много студентовъ, которые, имѣя выборъ между учебникомъ и лекціями, предпочтутъ послѣднія, на которыхъ они все-таки должны будутъ сидѣть съ перомъ, чтобы впослѣдствіи составить записки для повторенія. Нечего и говорить, что учебникъ долженъ быть составленъ въ расчетѣ на способности и подготовку *средняго* студента, слѣдовательно просто, безъ загроможденія

его учеными терминами и понятіями, но съ важнѣйшими цитатами источниковъ или ссылкой на нихъ. Въ учебникѣ должны излагаться свѣдѣнія по возможности только *достовѣрныя*. Недостовѣрныя могутъ быть допущены только въ такомъ случаѣ, если при ихъ изложеніи могутъ быть хорошо иллюстрированы пріемы построенія гипотезъ или научной критики.

Прежде, чѣмъ допускать студента въ семинаріи и къ практическимъ занятіямъ, необходимо подвергнуть его испытанію въ томъ, насколько онъ усвоилъ себѣ элементарный курсъ или учебникъ. Чтобы вести преподаваніе выше описаннымъ образомъ, необходимы два условія: 1) достаточное количество преподавателей сообразно съ числомъ слушателей и 2) посильное количество работы для студентовъ.

1. Такъ какъ мы ставимъ непремѣннымъ условіемъ успѣха университетскаго преподаванія не только усердное слушаніе лекцій студентами, но и активное участіе въ работахъ, подъ руководствомъ преподавателей, то каждому преподавателю должно быть ввѣрено лишь столько студентовъ, сколько онъ можетъ дѣйствительно руководить. Нормальное число можно опредѣлить въ 30 человѣкъ. Этой нормѣ едва ли удовлетворяетъ какой нибудь Русскій университетъ; да въ этомъ пока и не было нужды при существующемъ способѣ преподаванія. Но если бы мы вмѣсто 30-ти возложили на каждаго преподавателя обязанность заниматься съ 50—60 студентами, то и тогда новый порядокъ преподаванія былъ бы неосуществимъ въ многолюдныхъ университетахъ при теперешнемъ числѣ преподавателей, такъ какъ въ этихъ университетахъ (Московскомъ, Петербургскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ) даже на старшихъ курсахъ число студентовъ считается сотнями, не говоря уже

про младшіе курсы, а преподаватель по каждому предмету почти всегда одинъ, рѣдко два, почти никогда больше, если считать и приватъ-доцентовъ. Чтобы помочь этой бѣдѣ, не прибѣгая къ слишкомъ большому увеличенію числа профессоровъ (что, очевидно, невозможно по многимъ причинамъ), слѣдовало бы практическія занятія со студентами, кромѣ профессоровъ, поручать болѣе молодымъ преподавателямъ, достаточно подготовленнымъ, чтобы вести эти занятія со студентами подъ общимъ надзоромъ профессора. Таковыми могли бы быть приватъ-доценты, оставленные при университетѣ и уже выдержавшіе магистерскій экзаменъ, и другія лица, которыхъ факультетъ призналъ бы достаточно подготовленными, хотя бы они не были при университетѣ. Для *лекціи*, въ теперешнемъ смыслѣ слова, всѣ группы студентовъ одного курса могли бы соединяться, чтобы слушать одного профессора, какъ это дѣлается и теперь.

Вознагражденіе такимъ лицамъ, смотря по ихъ подготовленности, по количеству ихъ работы, по городу, гдѣ находится университетъ и т. д., могло бы быть назначаемо отъ 600 руб. до 1500 руб.

Пока нельзя увеличить число руководителей практическими занятіями, можно рекомендовать полумѣру: обязать каждаго студента вести вышеописанныя практическія занятія по крайней мѣрѣ по одному предмету въ теченіе каждаго года. При равномѣрномъ распредѣленіи студентовъ между всѣми профессорами одного и того же курса, на долю каждаго профессора придется уже только извѣстная часть студентовъ, которая въ нѣкоторыхъ университетахъ можетъ оказаться посильною и для одного профессора.

Если въ многолюдныхъ университетахъ и придется добавлять помощниковъ профессорамъ, то все-

таки эта добавка будетъ незначительна и слѣдовательно не потребуетъ большихъ денегъ. Недостатокъ этой полумѣры настолько очевиденъ, что о немъ нечего распространяться: но достоинство ея, заставляющее предпочесть ее теперешнимъ порядкамъ, заключается въ томъ, что *каждый* студентъ можетъ (или долженъ) по крайней мѣрѣ на одномъ предметѣ въ году (слѣдовательно на четырехъ въ теченіе всего университетскаго курса) познакомиться съ пріемами научной работы, продѣлать все то, что по нашему мнѣнію необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ считаться образованнымъ юристомъ. Тогда и остальные предметы (по которымъ онъ будетъ готовиться, какъ и теперь, только къ экзамену) будутъ усвоены имъ съ большимъ смысломъ, потому что на тѣхъ четырехъ предметахъ онъ научится относиться и къ прочимъ курсамъ съ научными требованіями: будетъ искать доказательствъ теорій и гипотезъ, подмѣтитъ пріемы толкованія источниковъ и т. д. Можно надѣяться, что научный интересъ, возбужденный основательнымъ изученіемъ одного предмета, побудитъ многихъ къ добровольному посѣщенію лекцій по другимъ предметамъ или по крайней мѣрѣ вызоветъ желаніе изучить курсы прочихъ профессоровъ болѣе основательно, слѣдовательно подготовку къ экзаменамъ начать раньше, чѣмъ это дѣлается теперь.

У учителя можетъ возникнуть вопросъ: предлагаю ли я сдѣлать занятія въ году обязательными для студентовъ или предоставить имъ полную свободу учиться какъ и сколько хотятъ? Вопросъ этотъ не стоитъ въ связи съ предлагаемой реформой преподаванія. Если новый порядокъ занятій будетъ примѣняться только къ желающимъ, а остальные студенты могутъ только числиться въ университетѣ, то,

очевидно, на экзаменѣ, организованномъ также по новому, будутъ имѣть надежду на успѣхъ только первые. Если же занятія будутъ признаны обязательными, то и на экзаменѣ будетъ выдерживать значительное большинство. Принудительность или свобода занятій студентовъ имѣетъ значеніе въ вопросѣ о реформѣ преподаванія только въ слѣдующемъ отношеніи: при свободѣ ученья работающихъ правильно въ теченіе всего года будетъ немного, а потому забота о преподавательскомъ персоналѣ на первое время упрощается; даже въ многолюдныхъ университетахъ, гдѣ на одномъ курсѣ бываетъ 400—500 человѣкъ, охотниковъ заниматься правильно въ теченіе всего года будетъ менѣе половины. При обязательныхъ занятіяхъ это увеличеніе необходимо съ самаго начала.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключать, что я склоняюсь въ пользу свободы ученія. Этотъ вопросъ имѣетъ разныя стороны. Подробно разсматривать ихъ здѣсь неумѣстно. Я скажу о нихъ только нѣсколько словъ во избѣжаніе недоразумѣній.

Система свободнаго ученія хороша не потому, что при ней на первыхъ порахъ потребовалось бы меньше преподавателей, а потому, что добровольное ученье всегда неизмѣримо плодотворнѣе подневольнаго. Но не надо упускать изъ виду, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ большинство посылаетъ своихъ дѣтей въ школу не столько для занятій, сколько для „правъ“, система свободы непремѣнно окажется болѣе суровою, скажу даже болѣе жестокою, чѣмъ система принужденія. Большинство студентовъ, не имѣя внутренняго побужденія къ правильному усвоенію знаній, не будетъ работать въ году, слѣдовательно экзамена не выдержитъ. Было бы наивно думать, что одинъ

такой урокъ отрезвитъ не только провалившихся, но и всѣ послѣдующія поколѣнія. Эти массовые провалы будутъ повторяться много лѣтъ подъ рядъ и, конечно, вызовутъ отчаяніе и ропотъ родителей на школу, которая, такъ сказать, заманиваетъ юношей въ свои стѣны и затѣмъ оставляетъ ихъ шататься безъ всякаго призору. Если, несмотря на эти жалобы, профессора и начальство будутъ стойко поддерживать систему, т.-е. воздерживаться отъ принужденій, но за то и не ослаблять основательности экзаменныхъ требованій, то черезъ 20—30 лѣтъ жалобы родителей прекратятся; въ университетахъ образуется убѣжденіе, что туда стоитъ итти только тому, кто намѣренъ работать. Всякій согласится, что этотъ благой результатъ будетъ достигнутъ дорогой цѣной, такъ какъ огромное число молодыхъ людей потеряетъ напрасно по нѣскольку лучшихъ лѣтъ жизни. Однако, зная Русскихъ людей, можно сказать, что исходъ будетъ скорѣе другой: испуганные массовыми провалами и тронутые жалобами родителей и самихъ провалившихся, профессора ослабятъ экзаменныя требованія настолько, чтобы большинство экзаменующихся могло пройти благополучно. Тогда мы придемъ опять къ тому положенію, въ которомъ находимся теперь.

Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить опытъ, сдѣланный при введеніи Университетскаго устава 1884 года. Студентамъ была предоставлена свобода ученія въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Въ 1889 г., когда въ первый разъ они должны были дать отчетъ въ своихъ работахъ, многіе совсѣмъ не приступили къ экзаменамъ, многіе провалились, несмотря на пониженныя требованія. Извѣсто, что это пониженіе сохраняется и до сихъ поръ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что по Русскимъ нравамъ будетъ благоразумнѣе установить за занятіями студентовъ контроль. Свобода занятій должна быть допущена только въ томъ отношеніи, что студентъ не принуждается къ нимъ; но онъ будетъ знать, что если не будетъ правильно работать въ году, то или не будетъ допущенъ до экзамена или будетъ обязанъ явиться къ нему.

Экзамены.

1. Задача экзаменовъ: или педагогическая (выяснить, достаточно ли усвоилъ студентъ предыдущее, чтобы могъ итти далѣе) или правительственная (выяснить, можно ли дать извѣстныя права). Послѣдняя задача можетъ быть чрезвычайно разнообразна, смотря по тому, для какой цѣли устанавливается экзаменъ (выяснить просто, кто образованный юристъ или кто получилъ практическую подготовку). Для насъ важно разсмотрѣть экзамены перваго рода.

2. Въ настоящее время экзаменамъ не указана ясная задача. Всякій экзаменаторъ опредѣляетъ ее самъ, какъ умѣетъ; но вообще въ экзаменахъ можно отмѣтить двѣ общія черты: они производятся поверхностно въ многолюдныхъ университетахъ; экзаменаторъ ограничивается требованіемъ, чтобы студенты осмысленно знали извѣстные факты, теоріи, гипотезы. Даже очень добросовѣстный экзаменаторъ не можетъ итти дальше этого тамъ, гдѣ ему приходится экзаменовать каждаго студента не болѣе 10—20 минутъ. А между тѣмъ можно ли считать такую задачу экзаменовъ достаточной? Вѣдь экзаменъ долженъ соотвѣтствовать задачамъ самаго преподаванія, а эти задачи, по нашему опредѣленію, должны заключаться не только въ усвоеніи извѣстныхъ знаній, но и

пріемовъ научной работы, и вообще въ развитіи умственныхъ силъ. Если экзаменъ стоитъ въ связи съ преподаваніемъ, то его задача опредѣляется совершенно ясно: онъ долженъ быть провѣркою того, достигли ли студенты обѣихъ цѣлей, поставленныхъ для преподаванія.

Руководясь этимъ основнымъ правиломъ, мы можемъ съ увѣренностью рѣшить вопросъ о томъ, какъ практически наилучше устроить экзамены.

Прежде всего для серьезной провѣрки необходимо достаточное время. Такъ какъ трудно увеличить въ скоромъ времени количество экзаменаторовъ, то возникаетъ вопросъ; не слѣдуетъ ли растянуть экзамены на весь учебный годъ подобно тому, какъ это существуетъ на медицинскомъ факультетѣ для докторантовъ и фармацевтовъ и другихъ врачебныхъ званій?

Въ пользу одного срока, именно майскаго, говоритъ то, что профессора могутъ остальное время употребить болѣе производительно на преподаваніе и свои ученыя работы. Если судить по теперешнимъ экзаменамъ, то это соображеніе справедливо, потому что экзамены бываютъ въ высшей степени поверхностны. Они почти ничего не выясняютъ профессору относительно солидности знаній и умственнаго развитія студента, а студенту внушаютъ увѣренность, что при наглости можно и безъ серьезной работы пріобрѣтать огромныя права и улучшить свое общественное положеніе. Поэтому справедливо, что чѣмъ меньше времени употребляется на безплодное и даже вредное занятіе, тѣмъ лучше.

Тамъ, гдѣ число учащихся незначительно, гдѣ слѣдовательно экзаменъ и при новой постановкѣ можетъ быть произведенъ основательно, тамъ можно

остаться при одномъ срокѣ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ экзаменъ является мало полезнымъ по другой причинѣ: профессора, имѣя возможность работать со студентами въ теченіе года, могутъ въ это время узнать степень подготовленности. Но тамъ, гдѣ количество экзаменующихся велико, а число экзаменаторовъ ограничено, одного срока въ году недостаточно, и желательно нѣсколько сроковъ. Чтобы при этомъ сдѣлать такіе частые экзамены менѣе обременительными для профессоровъ, необходимо допускать въ каждый срокъ умѣренное число экзаменующихся, такъ чтобы экзаменаторъ могъ дѣлать свое дѣло спокойно. Ничто такъ не изнуряетъ при экзаменахъ, какъ умственный спѣхъ, какъ сознаніе, что надо дорожить буквально каждою минутой, страхъ, что остается еще огромное число экзаменующихся, съ которыми надо покончить въ теченіе дня.

Если такое состояніе длится дней десять въ маѣ мѣсяцѣ, его еще можно вынести; но если оно будетъ повторяться каждую недѣлю въ теченіе всего учебнаго года, оно сдѣлается невыносимымъ. Не могу скрыть, что въ такихъ многолюдныхъ университетахъ, какъ Московскій и Петербургскій, даже при нѣсколькихъ срокахъ въ году едва ли возможно будетъ вести экзаменъ спокойно, пока не будетъ увеличено количество экзаменаторовъ. Въ ожиданіи же этого увеличенія можно рекомендовать только нѣкоторыя полумѣры.

Изъ нихъ я бы могъ указать такую: совсѣмъ не экзаменовать студента по тѣмъ предметамъ, по которымъ онъ въ теченіе года работалъ подъ руководствомъ профессора. Если только эта работа будетъ поставлена серьезно, то профессоръ можетъ очень хорошо и безъ экзамена опредѣлить степень знанія

и развитія студента. Въ такъ случаѣ экзаменъ могъ бы быть назначаемъ только тѣмъ, кто недоволенъ профессорской оцѣнкой. А затѣмъ студентъ подвергался бы экзамену лишь по предметамъ, по которымъ онъ только *слушалъ* лекціи. Такъ какъ по каждому предмету число такихъ простыхъ слушателей уменьшилось бы значительно, то экзаменъ имъ выигралъ бы въ серьезности. Если теперь на каждаго профессоръ можетъ употребить 8—10 минутъ, то тогда онъ могъ посвящать ему 15—20 минутъ.

Конечно, противъ этой полумѣры можно выставить серьезное возраженіе (отъ того она и есть полумѣра): университетскій экзаменъ не только служитъ для провѣрки знаній и развитія ученика, но онъ рѣшаетъ вопросъ, давать ли ему важныя права по службѣ, а иногда даже и права состоянія. Поэтому нельзя рѣшеніе предоставить одному профессору. Невозможно устранить это возраженіе вполнѣ; но если взять дѣйствительное положеніе, то и теперь въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣшаетъ только одинъ профессоръ и лишь въ случаѣ недовольства экзаменующагося вступаются другіе члены комиссіи, часто отсутствующіе или занятые также экзаменомъ (въ подспорье главному экзаменатору). То же самое я предлагаю сдѣлать и на будущее время; если студентъ недоволенъ годовой отмѣткой, онъ можетъ требовать формальнаго экзамена.

Въ старомъ и новомъ порядкѣ остается безъ гарантіи интересъ общественный: если экзаменаторъ слабъ, то конечно студентъ не будетъ на него жаловаться, а другого контроля нѣтъ.

Трудно разсчитывать при русскомъ благодушіи, или вѣрнѣе слабодушіи, чтобы противъ слабости главнаго экзаменатора стали протестовать другіе члены

экзаменаціонной комиссіи, которые къ тому же большею частью и не участвуютъ въ экзаменѣ. Больше надежды можно возложить на то, что профессоръ при новомъ порядкѣ самъ собою сдѣлается требовательнѣе, такъ какъ съ одной стороны онъ будетъ имѣть больше времени для испытанія учениковъ, а съ другой стороны, если экзаменныхъ сроковъ въ году будетъ нѣсколько, ему легче будетъ сказать студенту: „придите въ другой срокъ“.

Чего требовать на экзаменѣ?

Это чрезвычайно важный вопросъ, въ связи съ которымъ должны рѣшаться всѣ прочіе вопросы, относящіеся до экзамена. А во главѣ всѣхъ требованій слѣдуетъ поставить то, чтобы *экзаменъ соотвѣтствовалъ требованіямъ университетскаго преподаванія*, потому что педагогическій экзаменъ есть не что иное, какъ провѣрка успѣховъ, сдѣланныхъ ученикомъ при прохожденіи университетскихъ курсовъ. Это требованіе не только является необходимымъ слѣдствіемъ самаго понятія экзамена, но вызывается еще и практическимъ соображеніемъ. Если на экзаменѣ будутъ требовать того, чему учатъ въ теченіе года, то студентъ будетъ дорожить руководствомъ профессора и даже искать его, онъ будетъ посѣщать университетъ аккуратно. Въ настоящее время этого соотвѣтствія нѣтъ на юридическихъ факультетахъ: на экзаменѣ спрашиваютъ только то, что студентъ найдетъ въ учебникѣ печатномъ или литографированномъ, вслѣдствіе чего для студента-юриста университетъ не имѣетъ цѣны, какъ мѣсто ученія. Если же на экзаменѣ отъ него потребуютъ, кромѣ учебника, такихъ знаній и умѣній, которыя онъ можетъ добыть только въ университетѣ, то онъ будетъ ходить туда прежде

всего съ цѣлью учиться серьезно, практиковаться, развивать свои умственныя силы. Съ другой стороны, въ этомъ же обстоятельствѣ будетъ заключаться и сдержка для тѣхъ преподавателей, которые наполняютъ лекціи фразерствомъ, посвящаютъ ихъ постороннимъ вопросамъ или не даютъ слушателямъ полнаго курса, за который взялись.

Отсюда вытекаетъ второе требованіе. Такъ какъ преподаваніе преслѣдуетъ двоякую цѣль—сообщить уже извѣстныя научныя истины и научить пріемамъ добыванія новыхъ истинъ; то и на экзаменѣ должны быть поставлены *двоякія* требованія, фактическія и методологическія, т.-е. студенту должно быть предложено исполнить такія задачи, на которыхъ онъ могъ бы обнаружить свою методологическую подготовленность.

Само собой разумѣется, что кромѣ этого должно требовать и извѣстной степени общаго умственнаго развитія, необходимой для правильнаго усвоенія обѣихъ половинъ знанія. Едва ли это можно назвать особымъ требованіемъ, такъ какъ нельзя назвать научно-образованнымъ человѣкомъ того, кто запомнитъ большое количество фактовъ, не понявши ихъ, и можетъ описать пріемы научной работы, но въ дѣйствительности не умѣетъ примѣнять ихъ. Тѣмъ не менѣе необходимо выставить рѣшительно это требованіе общаго развитія. Въ настоящее время экзаменаторы нерѣдко бываютъ въ затрудненіи, какъ оцѣнивать знанія, называемыя на школьномъ языкѣ „зубреніемъ“, т.-е. знанія безъ достаточнаго умственнаго развитія. Если студентъ отбарабанитъ безъ запинки содержаніе доставшихся ему вопросовъ, экзаменаторъ, скрѣпя сердце, ставитъ ему удовлетворительную, а иногда и очень хорошую отмѣтку, хотя и видитъ, что уче-

никъ мало понимаетъ то, что говоритъ. Едва ли есть надобность доказывать, что съ педагогической точки зрѣнія это ошибка. Никто конечно не станетъ утверждать, что знаніе безъ полнаго пониманія дѣлаетъ все-таки человѣка образованнымъ; но могутъ сказать, что экзаменаторъ, ставя удовлетворительный баллъ, оцѣниваетъ трудолюбіе, которое иногда важнѣе знанія. Послѣднее соображеніе само по себѣ справедливо; но дипломъ *высшаго* учебнаго заведенія, особенно университетскій, долженъ даваться во свидѣтельство научной образованности, а не трудолюбія. Дипломъ объ успѣшномъ изученіи юридическихъ наукъ даетъ право на такіе виды общественной дѣятельности, въ которыхъ одно трудолюбіе не имѣетъ значенія. Могутъ еще возразить, что эти соображенія слишкомъ отвлеченны, что если мы будемъ такъ взыскательны на экзамены, то у насъ не будетъ достаточнаго числа дипломированныхъ юристовъ для занятія многочисленныхъ должностей, требующихъ юридической подготовки. Но можно ли считать юридически подготовленнымъ человѣка, который плохо понимаетъ то, что онъ заучилъ? Зачѣмъ такой самообманъ? Несмотря на дипломъ, такой человѣкъ все-таки будетъ плохо исполнять свою обязанность, гораздо хуже того, кто, не имѣя спеціальныхъ юридическихъ знаній, обладаетъ высокимъ общимъ умственнымъ развитіемъ, пріобрѣтеннымъ въ средней или иной высшей школѣ. Если уже становиться на точку зрѣнія практическихъ потребностей въ образованныхъ юристахъ, то можно говорить о сокращеніи числа предметовъ, входящихъ въ составъ экзамена, дабы облегчить людямъ среднихъ способностей пріобрѣтеніе юридическаго образованія. Какъ уже было говорено выше, это вполнѣ возможно и желательно; но ни въ какомъ случаѣ

нельзя отказываться отъ требованія извѣстной, довольно высокой, степени умственнаго развитія, безъ которой немыслимо и самое понятіе высшаго юридическаго образованія.

Говоря объ „умственномъ развитіи“, объ „общемъ умственномъ развитіи“, я, конечно, разумѣю не то „развитіе“, которое состоитъ въ исповѣданіи модныхъ взглядовъ, такъ называемыхъ послѣднихъ словъ науки, а ту зрѣлость и гибкость ума, которая при нѣкоторой природной одаренности пріобрѣтается продолжительнымъ и правильнымъ упражненіемъ, и представляетъ способность правильно наблюдать и анализировать факты, критически относиться къ ученымъ теоріямъ и прилагать выработанные методы къ новымъ явленіямъ.

Въ виду вышеуказанныхъ педагогическихъ цѣлей экзамена, необходимо ограничить его только *существенными* вопросами. Если экзаменъ долженъ выяснить научную подготовленность студента въ области юридическихъ наукъ, то нѣтъ нужды требовать отъ него знанія второстепенныхъ и третьестепенныхъ фактовъ, ибо они свидѣтельствуютъ не о научномъ развитіи, а о хорошей памяти. Къ тому же всѣмъ извѣстно, что подробности всегда легко исчезаютъ изъ памяти даже и при твердомъ заучиваніи ихъ. Иное дѣло экзамены съ практическими цѣлями. Тамъ знаніе подробностей бываетъ необходимо, напримѣръ, при экзаменѣ на званіе нотаріуса или старшаго кандидата на судебныя должности. Что признать за существенное и что за подробность, это чисто-ученый вопросъ, который лучше всего рѣшать въ ученыхъ коллегіяхъ. При этомъ необходима одна оговорка: всякій ученый спеціалистъ склоненъ въ своей спеціальности считать за существенное то, что съ точки

зрѣнія другой спеціальности является третьестепенною подробностью. До сихъ поръ помню, какъ одинъ (нынѣ уже умершій) профессоръ, экзаменуя первокурсниковъ по энциклопедіи права, почти всякому изъ нихъ предлагалъ вопросъ: что такое „левиратъ? и незнаніе его считалъ существеннымъ пробѣломъ.

Поэтому и слѣдовало бы при установленіи того, что считать за существенное, провѣрять заключенія отдѣльныхъ ученыхъ въ ученыхъ коллегіяхъ, которыя въ этомъ случаѣ должны принять активное участіе, а не формальное только. Университетскіе профессора, какъ соединяющіе въ себѣ ученость съ преподавательскимъ опытомъ, являются наиболѣе компетентными судьями въ этомъ вопросѣ.

Если преподаваніе будетъ поставлено согласно вышеуказаннымъ принципамъ, и на экзаменѣ будутъ спрашивать только существенное, то для студентовъ университета *нѣтъ нужды* назначать особое время *для подготовки*. Если студентъ работаетъ подъ руководствомъ профессора въ теченіе всего курса правильно, то эта работа и есть наилучшая подготовка къ экзамену. Правильною работой мы называемъ такую, которая даетъ трудолюбивому студенту возможность усвоить извѣстныя знанія и умѣнья на долгое время, иногда даже на всю жизнь. Если скажутъ, что въ теченіе курса студентъ усваиваетъ себѣ отдѣльныя части предмета, а приготовляясь къ экзамену онъ охватываетъ его въ цѣломъ, то на это слѣдуетъ возразить, что обзоръ цѣлаго предмета обязательно долженъ составлять часть преподаванія, которое, очевидно, было бы неполно, если бы давало студенту возможность усвоить только отдѣльныя части предмета, а установленіе связи между ними представлялось бы исключительно самодѣятельности учениковъ и притомъ

въ такое тровожное для нихъ время, какъ предъ экзаменами. Самодѣятельность учениковъ весьма желательна какъ въ усвоеніи частей, такъ и цѣлаго, но ею долженъ руководить учитель и при томъ въ такое время, которое назначено для ученія, а не для экзаменовъ, которые суть только провѣрка того, что сдѣлано въ учебное время.

Конечно, многіе студенты, по выслушаніи курса и окончаніи работъ у профессора, все-таки будутъ недостаточно тверды въ знаніи предмета и потому будутъ нуждаться въ повтореніи и упражненіяхъ; но и то и другое должно разсматривать, какъ естественное продолженіе преподаванія, а не начало экзамена. Это не есть игра словами. Теоретически это различіе, я полагаю, не подлежитъ сомнѣнію, а практически оно выражается именно въ томъ, что для экзамена не назначается особыхъ подготовительныхъ дней. Это практическое послѣдствіе желательно провести какъ можно рѣшительнѣе еще по одному соображенію. По человѣческой слабости, студентъ, въ надеждѣ на подготовительные дни передъ экзаменомъ, будетъ въ теченіе учебнаго времени кое-что не додѣлывать. Постепенно это недодѣланное будетъ увеличиваться у большинства студентовъ, и экзаменаторы, въ виду этого большинства, вынуждены будутъ увеличивать число дней для подготовки. Кончится это неизбѣжно тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ настоящее время: громадное большинство студентовъ не будетъ ничего дѣлать въ теченіе года въ расчетѣ на большіе промежутки между экзаменами, и такимъ образомъ тратить время безъ пользы для образованія и со вредомъ для здоровья.

Если признать, что на экзаменѣ надо требовать знаній только существенныхъ и научнаго развитія,

то лучше всего экзаменъ каждому студенту производить сразу по всѣмъ предметамъ вообще или по всѣмъ предметамъ извѣстной группы, такъ какъ при курсовомъ экзаменѣ по всей группѣ предметовъ, преподаваемыхъ на курсѣ, а при экзаменѣ въ правительственныхъ комиссіяхъ сразу по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ испытанія. Едва ли нужно подробно доказывать эту мысль. Во-первыхъ присутствіе въ испытательной комиссіи лицъ разныхъ спеціальностей лучше всего будетъ сдерживать отдѣльныхъ экзаменаторовъ отъ увлеченія детальными вопросами его спеціальности. Во-вторыхъ, вопросы по разнымъ предметамъ лучше обнаружатъ, въ какой степени студентъ усвоилъ себѣ связь между этими предметами, а слѣдовательно и его общее научное развитіе. Въ-третьихъ, неудачный отвѣтъ по одному предмету при удачныхъ отвѣтахъ по другимъ не будетъ служить для комиссіи затрудненіемъ при рѣшеніи окончательнаго вопроса о томъ, признать ли студента выдержавшимъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ. Въ-четвертыхъ, экзаменаторы, руководясь своимъ впечатлѣніемъ тотчасъ послѣ отвѣта, легче могутъ обмѣняться своими сужденіями при оцѣнкѣ подготовленности студента, вслѣдствіе чего пристрастное или ошибочное отношеніе одного скорѣе можетъ встрѣтить ограниченіе въ оцѣнкѣ другихъ экзаменаторовъ. Въ настоящее время тоже существуютъ комиссіи при экзаменахъ; но всѣмъ извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ онѣ существуютъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности экзаменуетъ одинъ, прочіе же члены комиссіи или отсутствуютъ или не слушаютъ отвѣтовъ или же помогаютъ экзаменатору экзаменовать по одному и тому же предмету. При экзаменѣ по всѣмъ предметамъ всякій слушаетъ внимательно, потому

что онъ долженъ дать оцѣнку по своей спеціальности. Такимъ образомъ всѣ члены комиссіи дѣйствуютъ. Едва ли можно придумать болѣе совершенную организацію для правильной оцѣнки на экзаменѣ *).

Однако экзаменъ одновременно по всѣмъ предметамъ представляетъ большія затрудненія во многолюдныхъ университетахъ. Каждому преподавателю придется посвящать экзаменамъ гораздо больше времени, чѣмъ при теперешнихъ порядкахъ. Напримѣръ, если экзаменующихся 400 человѣкъ, то на отдѣльный предметъ достаточно назначить 6—8 дней, смотря по размѣрамъ и важности предмета, и полагая, что въ день будетъ экзаменоваться отъ 65 до 50 человѣкъ и что экзаменаторы будутъ ежедневно употреблять часовъ 8, т.-е. 8—10 минутъ на спросъ каждаго студента. Экзаменъ при этомъ можетъ происходить сразу по двумъ предметамъ, отдѣльно каждый (одна половина студентовъ по одному, другая по другому предмету). Если полный экзаменъ состоитъ изъ 5-ти предметовъ, то онъ можетъ быть оконченъ примѣрно въ 20 дней. При экзаменѣ по всѣмъ 5-ти предметамъ сразу на спросъ каждаго экзаменующагося надо положить среднимъ числомъ уже не 8—10 минутъ, а минимумъ 25—30 минутъ, слѣдовательно въ день можетъ быть проэкзаменовано 16—20 человѣкъ. Такимъ образомъ для 400 человѣкъ потребуется 20—25 дней, т.-е. почти столько же, какъ и въ первомъ случаѣ. Но разница будетъ огромная для каждаго отдѣльнаго экзаменатора: въ первомъ случаѣ онъ сидѣлъ бы, какъ экзаменаторъ, 8 дней, и какъ ассистентъ, дней 5, слѣдовательно самое большее дней 13—14, а во второмъ случаѣ онъ долженъ сидѣть

[1]) Напомнимъ, что въ Германіи и Австріи именно такимъ образомъ организованы экзамены на доктора и выпускные экзамены гимназистовъ.

всѣ 20—25 дней. Это затрудненіе при наличномъ составѣ преподавателей неустранимо. Пока существуетъ система гонорара и пока экзаменаторомъ является тотъ самый преподаватель, у котораго экзаменующіеся слушали лекціи, экзаменаторы и не могутъ жаловаться на увеличеніе экзаменаціоннаго труда, потому что вмѣстѣ съ этимъ связано и увеличеніе гонорара. Если гонорарная система будетъ отмѣнена, то необходимо будетъ или увеличить число экзаменаторовъ, что не всегда возможно, по недостатку ихъ, или увеличить вознагражденіе за экзамены, что и возможно и справедливо.

Послѣдній вопросъ, котораго слѣдуетъ коснуться, состоитъ въ томъ: какія экзаменаціонныя комиссіи предпочтительнѣе, университетскія или правительственныя?

Здѣсь нужно еще разъ оговориться, что мы толкуемъ объ экзаменахъ педагогическихъ, т.-е. служащихъ для провѣрки научной подготовленности. Относительно экзаменовъ практическихъ, служащихъ для провѣрки подготовленности къ извѣстнымъ практическимъ профессіямъ, напримѣръ, къ судебной или административной, нотаріальной дѣятельности, то, безспорно, комиссіи должны составляться изъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ, и руководиться программами, установленными тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ контроль за профессіей.

Что же касается экзаменовъ педагогическихъ, то поставленный вопросъ мнѣ кажется несущественнымъ: для этихъ экзаменовъ не имѣетъ значенія, состоитъ ли комиссія изъ университетскихъ профессоровъ, у которыхъ учились экзаменующіеся, или изъ какихъ-нибудь другихъ лицъ, назначенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что и первая ко-

миссія есть также правительственная, потому что профессора назначаются правительствомъ, и комиссія составляется и утверждается также правительственными лицами. Существенно только то, чтобы частныя комиссіи были способны придать экзамену характеръ согласный съ вышеуказанными требованіями. Для этого необходимо, чтобы они были одновременно ученые и педагоги. Таковыми у насъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ только преподаватели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Если членами комиссіи будутъ тѣ самые преподаватели, у которыхъ экзаменующіеся прежде учились, другими словами, если экзаменъ будетъ чисто университетскій, каковыми были прежніе курсовые, а теперь являются полукурсовые экзамены, то такой составъ будетъ имѣть то преимущество передъ такъ называемыми (неправильно) правительственными комиссіями, что экзаменаторы уже раньше знали экзаменующихся, слѣдовательно вѣрнѣе могутъ оцѣнить степень ихъ подготовленности. Недостатокъ же такого состава заключается въ томъ, что центральному правительству труднѣе усмотрѣть, не было ли въ преподаваніи профессоровъ какихъ-нибудь неправильностей, упущеній и даже злоупотребленій. Такъ, напримѣръ, одно изъ большихъ и частыхъ упущеній заключается въ томъ, что профессоръ не дочитываетъ своего курса, иногда даже въ очень значительной части. При составѣ, въ которомъ участвуютъ только свои товарищи, это упущеніе можетъ тянуться десятки лѣтъ, а при постороннихъ экзаменаторахъ оно можетъ вскрыться очень скоро. Преимущества и недостатки комиссій изъ постороннихъ лицъ будутъ въ обратномъ смыслѣ. Посторонніе не будутъ придавать такого крупнаго значенія личнымъ взглядамъ мѣст-

ныхъ университетскихъ преподавателей, какъ естественно склонны дѣлать эти послѣдніе, и въ то же время не въ правѣ будутъ выдвигать впередъ свои личные взгляды. Такимъ образомъ они по необходимости будутъ направлять свои вопросы на существенныя и общепризнанныя знанія. Впрочемъ, та же цѣль достигается, какъ уже выше было замѣчено, одновременнымъ экзаменомъ по всѣмъ предметамъ. Съ другой стороны, посторонніе экзаменаторы могутъ судить о подготовленности экзаменующихся только на основаніи экзамена, который на многихъ дѣйствуетъ удручающимъ образомъ, слѣдовательно лишаетъ часто возможности показать свои знанія. По этой причинѣ оцѣнка такихъ экзаменаторовъ допускаетъ больше ошибокъ. Но и этотъ недостатокъ второстепенный: хорошо подготовленный студентъ даже и при волненіи все-таки обнаружитъ свои знанія, особенно если въ экзаменаторы будутъ назначаться опытные педагоги.

Если бы я долженъ былъ выбрать тотъ или иной составъ комиссіи, я высказался бы за мѣстныхъ преподавателей, потому что они за учебный годъ узнаютъ своихъ учениковъ основательно. А чтобы устранить вышеуказанный недостатокъ такого состава, можно командировать изъ министерства постороннее лицо или для предсѣдательства въ комиссіи, какъ это дѣлается теперь, или ревизора, который свободно переѣзжаетъ изъ одного университета въ другой въ разныя времена учебнаго года. Послѣднее важно въ томъ случаѣ, если экзамены будутъ повторяться нѣсколько разъ въ году.

Приложеніе № 3.
Къ страницѣ 193.

Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества краткій отчетъ о дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за три года 1898-й, 1899-й и 1900-й, считаю своимъ всеподданѣйшимъ долгомъ объяснить, что первые годы моего вступленія въ управленіе Министерствомъ отчасти были мною затрачены на продолжительное путешествіе по Россіи для осмотра, личнаго изученія и ознокомленія въ подробностяхъ съ учебными заведеніями, персоналомъ и нуждами разнородныхъ учебныхъ учрежденій въ различныхъ частяхъ нашего отчества. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ наилучшаго ознакомленія съ положеніемъ у насъ учебнаго дѣла я нѣсколько разъ посылалъ въ разные края Россіи своего товарища, тайнаго совѣтника Звѣрева. Я полагалъ, что лишь путемъ такого личнаго знакомства съ ввѣреннымъ мнѣ дѣломъ, я буду въ состояніи наилучшимъ образомъ слѣдовать предначертаніямъ и указаніямъ Вашего Величества, выполняя ихъ на благо дорогого отечества.

Прежде всего мое вниманіе остановилось на начальныхъ народныхъ школахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ всякаго рода и наименованій. Начальное образованіе повсюду считается основаніемъ просвѣщенія; на немъ зиждется все образованіе народа, и потому увеличеніе количества начальныхъ школъ составляетъ первый долгъ и обязанность вѣдомства, на которомъ лежатъ заботы о народномъ просвѣщеніи.

Къ сожалѣнію, по причинамъ, которыя отъ нашихъ усилій вполнѣ не зависятъ, начальное образо-

ваніе въ Россіи далеко отстало отъ другихъ видовъ просвѣщенія народа, и если наше среднее и высшее образованіе даетъ странѣ спеціалистовъ и ученыхъ, которые нерѣдко могутъ идти въ уровень со спеціалистами другихъ образованныхъ странъ, то въ начальномъ образованіи и распространеніи его въ массѣ народа мы находимся далеко позади всѣхъ народовъ Западной Европы. Самые расходы нашего государства по этому предмету сравнительно незначительны: въ 1897-мъ году (предшествовавшемъ моему вступленію въ Министерство) расходы, назначенные по росписи на среднія учебныя заведенія, въ два раза превосходили расходы на начальныя школы, и даже расходы на одни университеты поглощали около $^1/_5$ той суммы, которая расходовалась на начальное образованіе. Правда, о начальномъ народномъ образованіи у насъ заботятся нѣсколько вѣдомствъ независимо одного отъ другого, но тѣмъ не менѣе лишь малая часть запросовъ народа на начальное образованіе удовлетворяется съ помощью государственныхъ, земскихъ, городскихъ и частныхъ средствъ; большая часть народа по недостатку школъ или мѣста въ нихъ не находитъ доступа къ удовлетворенію столь похвальной потребности, какъ жажда грамотности и просвѣщенія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся на лицо въ годъ моего вступленія въ Министерство, общее число всѣхъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ въ Имперіи ограничивалось цифрою 78.737 при числѣ учащихся въ 3.801.977 человѣкъ. Принимая населеніе Имперіи за за 1897-й годъ (за исключеніемъ Финляндіи) равнымъ 127.000.000 человѣкъ, получимъ, что число учащихся въ начальныхъ училищахъ не составляетъ у насъ полныхъ 3% населенія; но нашъ школьный возрастъ обнимаетъ

четыре категоріи однолѣтокъ отъ 8 до 11-лѣтняго возраста, число коихъ опредѣляется у насъ приблизительно, 9% всего населенія; т. е. другими словами, не менѣе $^2/_3$ дѣтей всего школьнаго возраста въ Имперіи остаются безъ возможности всякаго обученія по самому снисходительному расчету. Такой печальный результатъ получается вовсе не потому, чтобы не было у народа въ настоящее время желанія научиться грамотѣ: какъ правило, огромное большинство школъ переполнено учениками. Значительная часть (до 30.000) училищъ помѣщаются въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, въ которыхъ въ каждой съ трудомъ могли бы обучаться отъ 15—20 учениковъ; между тѣмъ, среднее число учениковъ у насъ—почти 50 человѣкъ на одну школу. Всюду, гдѣ у насъ открываются новыя школы, онѣ обыкновенно сразу наполняются учащимися, порою до такой степени, что отказъ въ пріемѣ за недостаткомъ мѣста начинается съ перваго же года существованія школы; вообще отказы въ начальномъ образованіи за недостаткомъ мѣста являются самой характерной чертой нашего обученія и представляютъ явленіе обычное для всѣхъ мѣстностей Россійской Имперіи отъ Бессарабіи до отдаленнѣйшихъ захолустьевъ Сибири. Мѣстами количество такихъ отказовъ достигаетъ столь значительныхъ размѣровъ, что поступленіе въ начальную школу является счастливою случайностью; даже въ Петербургѣ, съ его относительно-богатыми средствами для образованія, въ 1896 — 97-мъ учебномъ году пришлось отказать въ пріемѣ 5.800 дѣтямъ или почти половинѣ желавшихъ поступить въ училища. Для всей же Петербургской губерніи ежегодно среднимъ числомъ каждое училище, содержимое земствомъ, отказываетъ въ пріемѣ 16-ти ученикамъ,

училище министерское—10-ти, церковно-приходское—11-ти; то же самое повторяется въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ по всему государству; даже въ Сибири, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря Куломзина, отказъ въ образованіи за послѣдніе годы сдѣлался въ жизни многихъ сельскихъ и городскихъ училищъ явленіемъ хроническимъ, несмотря и на то, что свѣдѣнія о многихъ отказахъ ускользаютъ отъ регистраціи. Наиболѣе любопытно, что отъ недостатка средствъ къ образованію больше всего терпитъ коренное Русское православное населеніе, и многіе инородцы гораздо лучше обезпечили свою потребность въ образованіи, нежели Русскіе. Позволю себѣ ограничиться немногими примѣрами: въ Таврической губерніи одна Русская школа приходится на 1200 душъ Русскаго населенія, тогда какъ для Татарскаго имѣется одна школа на 388 Татаръ; въ Херсонской губерніи имѣется 31 пунктъ съ численностью населенія отъ 1000 до 1800 душъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ никакой школы, между тѣмъ какъ Нѣмцы-колонисты и Евреи этой губерніи поголовно грамотны; въ Эриванской губеніи на одну Русскую школу существуетъ три Армянскихъ, въ Бакинской—на одну Русскую—семь Татарскихъ и т. д.

Эта скудость удовлетворенія столь существенной потребности народа въ начальномъ образованіи конечно объясняется недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, находившихся между прочимъ въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, при моихъ предшественникахъ въ 1881—1895 г., то-есть въ теченіе 15 лѣтъ, средства, отпускаемыя на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ оставались почти неизмѣнными, и лишь съ слѣдующаго затѣмъ года начинается ихъ увеличеніе,

но соотвѣтственно въ такой малой степени, что отпускаемыхъ кредитовъ недостаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей дѣла; такъ по смѣтѣ 1897-го года увеличеніе выразилось всего лишь въ цифрѣ 250.000 р., по смѣтѣ на 1898-й годъ (которую мнѣ пришлось выполнить) кредитъ былъ увеличенъ лишь на 200.000 р., и въ виду крайней безотлагательности дѣла я обратилъ особое вниманіе на этотъ вопросъ. Прегрессивное увеличеніе мѣстныхъ ходатайствъ о пособіяхъ на устройство и содержаніе училищъ должно было составить по моему расчету къ 1-му января 1899-го года не менѣе 2.700.000 рублей. Ограничивая до возможности удовлетвореніе ходатайствъ и уменьшая потребныя для того средства, я тѣмъ не менѣе долженъ былъ войти въ Государственный Совѣтъ съ ходатайствомъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на увеличеніе кредита Министерства Народнаго Просвѣщенія по сему предмету, начиная съ 1899 года, всего лишь на 1.000.000 рублей. Предварительно съ симъ я вошелъ въ соглашеніе съ министерствомъ финансовъ, которое однако, въ виду ослабленія въ поступленіи государственныхъ доходовъ, по случаю недорода, предложило ограничиться 500.000 р, и, вслѣдствіе ходатайства моего отъ 18-го сентября 1898-го года, воспослѣдовало это дополнительное ассигнованіе по 500.000 р. въ годъ съ 1899-го года на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, что̀ сдѣлало возможнымъ удовлетвореніе хоть малой части болѣе настоятельныхъ нуждъ по этому отдѣлу народнаго просвѣщенія.

Эта мѣра являлась первымъ моимъ шагомъ въ заботахъ о расширеніи численности училищъ и способовъ удовлетворенія потребности въ народномъ

образованіи. Всего въ теченіе трехъ лѣтъ, кончая 1898 годомъ, текущія потребности начальнаго образованія были исчислены въ суммѣ болѣе 4.500.000 рублей; кредитъ же въ дѣйствительности, былъ увеличенъ за всѣ эти три года въ суммѣ 950.000 руб. Столь значительная неудовлетворенность народныхъ потребностей начальнаго образованія естественно вызвала и продолжаетъ вызывать особое вниманіе министерства къ данному вопросу, и въ слѣдующемъ еще году я предполагалъ ходатайствовать объ отпускѣ изъ казны съ 1900 года, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе народныхъ училищъ суммамъ, по 1.500.000 руб. въ годъ. По предварительному, однако, сношенію съ г. министромъ финансовъ, въ виду невполнѣ благопріятныхъ условій прошлаго хозяйственнаго года, мое ходатайство было въ дѣйствительности удовлетворено лишь на 500.000 р., на коп воспослѣдовало утвержденіе Государственнаго Совѣта и соизволеніе Вашего Императорскаго Величества. Такъ какъ большая часть ассигнованныхъ кредитовъ была скоро истощена, а министерство народнаго просвѣщенія уже въ іюнѣ настоящаго 1900 года имѣло предъ собой множество неудовлетворенныхъ требованій помощи на 2.990.000 руб., то оно рѣшило возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство о новомъ усиленіи кредитовъ, о дополнительномъ отпускѣ въ 1901 году 1.300.000 руб. на устройство и содержаніе начальныхъ и приходскихъ училищъ. Министерство полагало, что потребность въ начальномъ образованіи для страны, гдѣ учится лишь $^1/_3$ дѣтей школьнаго возраста, не принадлежитъ къ числу такихъ, чтобы возможно было ожидать въ будущемъ какого-либо ея ослабленія. Къ сожалѣнію, по сношеніи съ г. министромъ финан-

совъ, министерство народнаго просвѣщенія получило на этотъ разъ, въ виду расходовъ, вызванныхъ затрудненіями на Востокѣ, рѣшительный отказъ въ желательномъ отпускѣ новаго кредита въ 1901 году и предложеніе отложить разрѣшеніе сего вопроса до болѣе благопріятнаго времени.

Другой важной мѣрой, принятой въ области начальнаго образованія, слѣдуетъ считать измѣненіе правилъ о распредѣленіи суммъ на начальное образованіе. По прежнимъ узаконеніямъ еще въ 60-хъ годахъ Государственный Совѣтъ вмѣнилъ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ обязанность открывать преимущественно одноклассныя образцовыя училища, но въ то же время сильно ограничилъ размѣръ ихъ содержанія сравнительно съ двухклассными училищами: въ то время какъ для послѣднихъ отпускъ казенныхъ средствъ опредѣленъ въ 1000 р., для одноклассныхъ всего лишь 226 рублей. При примѣненіи этого закона 1869-го года министерство народнаго просвѣщенія встрѣчало постоянно затрудненія въ дѣлѣ открытія одноклассныхъ образцовыхъ училищъ въ виду ограниченности именно правительственной субсидіи 226 р., выдаваемой земству или инымъ учрежденіямъ, желающимъ открыть у себя одноклассное училище. При этомъ до извѣстной степени затрудненіемъ было также и то обстоятельство, что попечители не имѣли права своей властью назначать вышеуказанное пособіе и должны были въ каждомъ случаѣ ходатайствовать въ министерствѣ. Въ измѣненіе этихъ правилъ я сдѣлалъ представленіе въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно было принято и удостоено высочайшаго утвержденія въ томъ смыслѣ, что попечителямъ предоставлено право собственной властью разрѣшать открытіе какъ одноклас-

сныхъ, такъ и двуклассныхъ училищъ съ отпускомъ изъ ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе на содержаніе народныхъ училищъ кредитовъ: на одноклассныя училища 500 рублей вмѣсто 226 руб., а на двухклассныя до тысячи рублей ежегодно. Мнѣ предоставлено увеличивать собственной властью размѣръ вышеозначенныхъ пособій для первыхъ до 700 руб., для вторыхъ до 1400 руб.; дальнѣйшее же увеличеніе допускается не иначе, какъ по соглашенію съ г. министромъ финансовъ.

Сверхъ сего, въ тѣхъ же видахъ возможнаго увеличенія способовъ къ удовлетворенію потребности въ начальномъ образованіи, министерство обратило вниманіе на нужды городскихъ, уѣздныхъ и окружныхъ училищъ, коихъ находится въ вѣдѣніи министерства 527 городскихъ и 131 уѣздныхъ и окружныхъ. Такъ какъ многія изъ нихъ помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, часто далеко неприспособленныхъ для учебныхъ заведеній, а нерѣдко прямо тѣсныхъ и неудобныхъ, то министерство нашло полезнымъ въ видахъ улучшенія и расширенія помѣщеній образовать при центральномъ управленіи для этого спеціальный капиталъ; эта цѣль достигается путемъ отчисленія для сего четырехъ процентовъ изъ сбора за ученіе въ названныхъ училищахъ, и ходатайство мое по данному предмету было удостоено Вашего Императорскаго Величества соизволенія. Къ вышесказанной мѣрѣ присоединяется отпускъ изъ казны новыхъ кредитовъ на нужды городскихъ училищъ вслѣдствіе моихъ ходатайствъ. Еще въ 1872-мъ году состоялось постановленіе о преобразованіи всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ городскія, но тѣмъ не менѣе даже въ 1899-мъ году оставалось 114 уѣздныхъ училища, гдѣ это преобразованіе не могло обойтись

безъ пособій изъ средствъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ, въ виду крайней важности и полезности этого типа учебныхъ заведеній для потребностей городского населенія, предстоитъ настоятельная необходимость открыть кромѣ того новыя городскія училища, гдѣ ихъ не было совсѣмъ. Ходатайство мое объ отпускѣ на этотъ предметъ новыхъ средствъ по предварительному соглашенію съ г-номъ министромъ финансовъ было удовлетворено, и для данной цѣли ассигновано по § 8 смѣты министерства народнаго просвѣщенія въ 1900-мъ году— 50000 рублей, въ 1901-мъ году 100000 рублей, въ 1902-му году 150000 рублей, въ 1903-мъ году — 200,000 рублей и, начиная съ 1904-го года, ежегодно по 250000 рублей. При этомъ мнѣ предоставлено было право, безъ особаго разрѣшенія Государственнаго Совѣта, не выходя изъ предѣловъ означенныхъ кредитовъ, расходовать таковые по предварительному соглашенію съ г. министромъ финансовъ на открытіе новыхъ и усиленіе средствъ уже существующихъ городскихъ училищъ. Черезъ это достигались одновременно двѣ цѣли: городское населеніе получило новое средство къ удовлетворенію своей потребности въ образованіи въ формѣ новыхъ городскихъ училищъ, а Государственный Совѣтъ избавлялся отъ затрудненія разсматривать сжегодно многочисленные вопросы объ отпускѣ изъ казны множества незначительныхъ по размѣру кредитовъ на ту или иную потребность этого рода, возникавшихъ вслѣдствіе множества ходатайствъ разныхъ городскихъ обществъ.

Вслѣдъ за увеличеніемъ способовъ къ умноженію численности всякаго рода начальныхъ училищъ и облегченія народу доступа къ элементарному образованію, главнѣйшей моей заботой являлось улучше-

ніе самаго преподаванія и его пріемовъ въ начальныхъ школахъ. Такъ, считая весьма важнымъ, ради лучшей постановки учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ, расширять и поддерживать пріобрѣтаемыя народными учителями въ учительскихъ семинаріяхъ познанія, я старался содѣйствовать учрежденію такъ называемыхъ педагогическихъ музеевъ, которые представляютъ возможность желающихъ знакомиться со всѣми отраслями педагогической науки, наглядными учебниками, воспитательными пособіями и новѣйшими лучшими системами. Для этого было мною испрошено черезъ комитетъ министровъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе мнѣ права учреждать собственной властью педагогическіе музеи и утверждать для нихъ въ потребныхъ случаяхъ уставы. Открытіе этихъ музеевъ предполагается производить какъ на средства, состоящія въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, такъ и на суммы, которыя могутъ быть съ этою цѣлью добровольно собираемы среди лицъ, занимающихся преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ виду той пользы, которую долженъ оказать обмѣнъ мыслей преподавателей по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, 26-го ноября 1899-го года выработаны были по моему указанію временныя правила о съѣздахъ учащихъ въ народныхъ училищахъ. Въ сихъ правилахъ изложены, какъ организація самихъ съѣздовъ, такъ и условія ихъ открытія и веденія съ цѣлью обезпечить съѣздамъ возможно наилучшій результатъ ихъ дѣятельности.

Точно такъ же, въ интересахъ облегченія и улучшенія способовъ обученія, въ 1899-мъ году мною

были приняты мѣры по вопросу о выработкѣ положенія и правилъ общедоступныхъ математическихъ курсовъ для народа, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ходатайства объ устройствѣ курсовъ по общеобразовательнымъ и спеціальнымъ предметамъ, по запросамъ постороннихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ, затруднялись часто тѣмъ обстоятельствомъ, что такіе курсы, какъ нѣчто новое, представлялись неподходящими ни подъ одинъ изъ знакомыхъ видовъ распространенія знаній въ народѣ, дозволенныхъ закономъ. Поэтому, признавая желательнымъ подтвердить законодательнымъ порядкомъ положеніе о такихъ общедоступныхъ народныхъ курсахъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія поручило своему Ученому Комитету выработать, въ видахъ устраненія въ будущемъ сказанныхъ затрудненій, какъ положеніе о названныхъ курсахъ, такъ и правила ихъ организаціи и надзора за ними. Положеніе и правила эти съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ образованія и облегченія ихъ устройства были разосланы мною на заключеніе попечителей учебныхъ округовъ съ тѣмъ, чтобы, обсудивъ объстоятельно, поставить данный вопросъ на болѣе твердую почву.

Помимо административно-педагогическихъ мѣръ, въ интересахъ успѣшнаго хода преподаванія въ начальныхъ училищахъ, играетъ также немаловажную роль и правильная постановка школьнаго надзора. Въ этомъ отношеніе замѣчаются еще бо̀льшіе пробѣлы въ существующей организаціи надзора, которые съ давнихъ поръ составляли предметъ постояннаго попеченія центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ совсѣмъ не имѣется столь важнаго органа школьнаго надзора, какъ директоровъ народныхъ училищъ, обя-

занности коихъ возлагались частью на инспекторовъ народныхъ училищъ, или на начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ самое дѣло преподаванія безъ должнаго попеченія и надзора не можетъ вестись достаточно успѣшно и согласно съ видами правительства. Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не только наблюдаютъ за внѣшнимъ, но и за внутреннимъ благоустройствомъ народныхъ училищъ, за ихъ матеріальною обезпеченностью, педагогической компетентностью преподавательскаго персонала, являясь, въ силу возложенныхъ на нихъ обязанностей, часто руководителями и лучшими наставниками и совѣтчиками въ самыхъ пріемахъ и способахъ преподаванія (§ 8 инструкціи директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ); они пекутся о пріисканіи способныхъ и надежныхъ кандитатовъ въ учителя для открывающихся вакансіи и о замѣщеніи оныхъ, наблюдаютъ за наилучшей практической подготовкой этихъ кандидатовъ и вообще заботятся обо всей учебной и нравственной части преподаванія, какъ за объемомъ и содержаніемъ его, такъ и за методомъ и характеромъ прохожденія въ школахъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ, продолжительности учебнаго періода и вакаціоннаго времени (отъ § 10—17-го инструкціи).

Въ виду всѣхъ этихъ многосложныхъ и важныхъ для успѣшности хода преподаванія обязанностей, являются, конечно, значительной помѣхой указанные выше пробѣлы или неимѣніе для нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи нужнаго персонала директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Для этого Министерство Народнаго Просвѣщенія 30-го октября 1899 года представило на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи съ 1-го

іюля 1900 года должности директоровъ народныхъ училищъ для пяти губерній и одной области и 55-ти новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ. Съ начала же, т. е. съ 1-го января 1901 года, министерство ходатайствовало отпускать средства на содержаніе 108 новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и, вдобавокъ, учредить канцеляріи при директорахъ народныхъ училищъ. Установленіемъ этихъ мѣръ лучшаго и болѣе тщательнаго школьнаго надзора министерство народнаго просвѣщенія надѣется обезпечить лучшій ходъ преподаванія въ народныхъ училищахъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, т. е. пріобрѣтенію средствъ для болѣе надежнаго контроля, окажется возможнымъ значительно расширить и самое число начальныхъ народныхъ училищъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ.

Но никакое школьное преподаваніе не можетъ, разумѣется, вестись успѣшно, если учащія лица не обставлены удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи; къ сожалѣнію, учительскій персоналъ начальныхъ, какъ одноклассныхъ, такъ и двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, является далеко недостаточно обезпеченнымъ. Содержаніе учителей и учительницъ въ среднемъ размѣрѣ не превышаетъ 250 рублей въ годъ; поэтому семейный учитель долженъ постоянно испытывать тяжкую нужду; о какомъ-либо сбереженіи на случай старости и инвалидности или обезпеченіи въ будущемъ не можетъ быть и рѣчи. По этой причинѣ многіе изъ учителей начальныхъ школъ бросаютъ свою профессію при первой возможности, какъ только открывается какое-нибудь болѣе выгодное поле дѣятельности; такъ за послѣднія 20 лѣтъ были случаи ухода народныхъ учителей изъ начальныхъ

училищъ на другого рода занятія. Когда вводился институтъ полицейскихъ урядниковъ, многія училища должны были прекратить свою дѣятельность за поступленіемъ учителей въ полицейскіе урядники, и теперь то же самое замѣчается въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится казенная продажа питей, за переходомъ учителей массами въ акцизное вѣдомство. Но если болѣе способные и живые преподаватели начальныхъ школъ покидаютъ въ видахъ улучшенія своего матеріальнаго благосостоянія учебныя занятія, то, конечно, остаются лишь менѣе способные, для которыхъ школа представляется своего рода богадѣльней. Съ такими учителями, разумѣется, народное образованіе не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ. Частыя смѣны преподавателей въ свою очередь представляютъ существенное препятствіе къ успѣшному обученію; чѣмъ больше расширяется дѣло народнаго образованія и увеличивается число училищъ и учащихся, тѣмъ указанное зло становится серьезнѣе и значительнѣе, и устраненіе его должно стать предметомъ государственныхъ соображеній.

Мысль о необходимости обезпечить положеніе учителей народныхъ училищъ возникла почти одновременно съ возникновеніемъ послѣднихъ, но до сихъ поръ она не выходила изъ области предположеній, благихъ пожеланій и неокончательныхъ попытокъ. Въ настоящее время Министерство Народнаго Просвѣщенія вновь обратило вниманіе на этотъ важнѣйшій предметъ. Вступивъ въ февралѣ 1898 года въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, я не могъ не усмотрѣть настоятельной необходимости дать дѣлу объ учрежденіи пенсіонной кассы для учителей Министерства Народнаго Просвѣщенія дальнѣйшее движеніе; съ этою цѣлью была назначена ко-

миссія, и выработанъ проэктъ устава пенсіонной кассы для народныхъ учителей на началахъ страховой системы. Этотъ выработанный комиссіей проэктъ былъ разосланъ на заключеніе заинтересованнымъ вѣдомствамъ, при чемъ министерство финансовъ заявило съ своей стороны, что не встрѣчаетъ препятствій къ отпуску изъ суммъ государственнаго казначейства предположенной субсидіи кассѣ въ размѣрѣ 6% содержанія учителей, а также къ принятію на счетъ казны расходовъ по содержанію управленія кассою. Обязательными участниками новой кассы состоятъ учителя и учительницы училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя вполнѣ или частью содержатся на счетъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи сего министерства. Затѣмъ въ составъ обязательныхъ участниковъ предположено зачислять учителей и учительницъ школъ, содержимыхъ на счетъ казны по смѣтамъ двухъ вѣдомствъ, если по этимъ смѣтамъ будетъ ассигнованъ кредитъ на уплату въ доходъ кассы установленной въ 6% субсидіи, а также учителя и учительницы начальныхъ училищъ, содержимыхъ земскими и городскими учрежденіями и сельскими обществами, если они состоятъ въ вѣдѣніи министерства и обяжутся уплачивать 6% субсидіи. Средства проэктированной кассы главнымъ образомъ состоятъ, слѣдовательно, изъ 6% вычета изъ жалованья участниковъ кассы и 6% субсидіи. Субсидіи эти вносятся за обязательныхъ участниковъ кассы изъ казны или спеціальныхъ капиталовъ, или же земствами, городами и сельскими обществами соотвѣтственно тѣмъ источникамъ, на счетъ которыхъ содержатся училища. Кромѣ того сюда присоединяются, конечно, добровольныя пожертвованія и суммы, завѣщанныя въ пользу кассы. Во

всякомъ случаѣ пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ имѣетъ цѣлью обезпечить участниковъ кассы и ихъ семейства пенсіями независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ имъ слѣдовать на основаніи другихъ уставовъ. Уставъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ представленъ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе, а дѣйствія кассы должны открыться съ 1-го января 1901-го года. Съ того же срока въ составѣ департамента народнаго просвѣщенія устанавливается соотвѣтственное управленіе этой пенсіонной кассы, и тогда же начинается ежегодный отпускъ изъ суммъ государственнаго казначейства по 120,000 руб. въ пособіе кассѣ и по 14,400 руб. на содержаніе управленія кассою. Такимъ образомъ я полагаю, что вышеозначенной мѣрой, т. е. устройствомъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, дѣлается первый шагъ для обезпеченія до нѣкоторой степени участи народныхъ учителей и учительницъ подъ старость, а косвенно, несомнѣнно, обезпечивается бо̀льшая устойчивость и привязанность къ своимъ занятіямъ этихъ столь полезныхъ труженниковъ народнаго просвѣщенія.

Сверхъ того, по данному вопросу улучшенія быта учащаго персонала, за указанные три года исполненія мною обязанностей министра, мною приняты еще двѣ мѣры относительно городскихъ училищъ, а именно 2-го февраля 1898 года высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ силу коего пенсіонный окладъ должностныхъ лицъ городскихъ училищъ, по положенію 31-го мая 1872 года, въ Рижскомъ учебномъ округѣ, рѣшено сравнять съ окладами, присвоенными соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ въ уѣздныхъ училищахъ 1-го разряда.

Тѣмъ же повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всѣмъ вообще помощникамъ учителей городскихъ училищъ присвоены пенсіи по учебной службѣ изъ окладовъ 200 руб. Кромѣ того, радѣя объ интересахъ того же учительскаго персонала, я испросилъ 21-го марта 1900 г. отпускъ кредита для выдачи (согласно статьѣ 231 устава служ. прав. изд. 1896 г.) третного не въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемыхъ на должности учителей и учительницъ приходскихъ училищъ по 20.000 рублей. Беру въ заключеніе смѣлость завѣрить, что преподаваніе въ народныхъ школахъ, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться изъ личныхъ своихъ наблюденій, такъ и товарища моего тайнаго совѣтника Звѣрева, поставлено вполнѣ правильно и ведется въ религіозномъ, патріотическомъ духѣ.

Слѣдующее за начальнымъ образованіемъ болѣе обширное поле дѣятельности для Министерства Народнаго Просвѣщенія представляетъ собою среднее образованіе. По суммѣ затрачиваемыхъ государственныхъ средствъ на среднее образованіе средніе школы обходятся государству (не считая расходовъ на центральную администрацію) въ два раза дороже, чѣмъ расходы на начальныя школы и слишкомъ въ два раза, чѣмъ на высшее образованіе. Хотя и здѣсь потребности въ среднемъ образованіи далеко не удовлетворены въ достаточной степени, но тѣмъ не менѣе острая нужда въ расширеніи численности средняго типа учебныхъ заведеній чувствуется меньше (исключая большихъ городовъ и столицъ, гдѣ въ настоящее время усиліями Министерства Народнаго Просвѣщенія и увеличивается число среднихъ учебныхъ заведеній), чѣмъ въ народныхъ школахъ. Министерство народнаго просвѣщенія полагаетъ, что, удов-

летворяя настоятельной потребности даннаго времени въ профессіональномъ и промышленномъ образованіи и увеличивъ число послѣднихъ школъ, оно можетъ надѣяться на то, что часть учащихся постепенно отъ общихъ среднихъ учебныхъ заведеній должна отливать въ эти профессіональныя, торгово-промышленныя школы, постоянно открываемыя помимо Министерства Народнаго Просвѣщенія и заботами другихъ вѣдомствъ, особенно министерства финансовъ. Въ виду этого соображенія относительно среднихъ учебныхъ заведеній Министерство Народнаго Просвѣщенія ограничилось въ вопросѣ объ расширеніи существующихъ заведеній лишь затратами отчасти въ счетъ кредита 1900 года 60,000 руб. на строительныя надобности нѣкоторыхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ виду означенныхъ соображеній заботы министерства о среднемъ образованіи сосредоточились главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: на мѣрахъ объ улучшеніи самой средней школы какъ по качеству и свойству преподаванія, такъ и на улучшеніе самаго учебнаго персонала въ средней школѣ; во-вторыхъ, заботы министерства о среднемъ образованіи выразились въ видѣ мѣръ о нуждахъ и матеріальномъ обезпеченіи преподавателей. Министерство полагаетъ, что лишь отъ преподавателей, должнымъ образомъ обезпеченныхъ въ своихъ нуждахъ, можно требовать и ожидать должнаго выполненія ихъ обязанностей. Съ улучшеніемъ качествъ преподаванія прекратился бы, вѣроятно, и острый вопросъ о достоинствахъ того или иного типа средней школы.

На первомъ мѣстѣ моихъ заботъ объ улучшеніи качества преподаванія въ средней школѣ слѣдуетъ поставить учрежденіе комиссіи, съ высочайшаго Вашего Величества соизволенія подъ моимъ предсѣда-

тельствомъ, для разсмотрѣнія недостатковъ и неудовольствій въ публикѣ на существующія нынѣ среднія учебныя заведенія.

Возникла необходимость въ учрежденіи такой комиссіи. Уже давно среди педагоговъ и родителей учащихся въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ слышатся жалобы на недостатки этихъ учебныхъ заведеній; указываютъ, напримѣръ, на бюрократическій характеръ средней школы, на сухой формализмъ и мертвенность, тамъ яко бы господствующіе, на ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ, на нежелательную спеціализацію школы въ самыхъ младшихъ классахъ, на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, на излишнее преобладаніе въ гимназіяхъ древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія съ одной стороны и недостатокъ преподаванія Русскаго языка, Русской исторіи, Русской литературы съ другой. Всѣ эти и подобныя имъ жалобы и указанія, не лишенныя извѣстной доли справедливости, давно уже обращали на себя вниманіе многихъ изъ лучшихъ нашихъ опытныхъ и выдающихся педагоговъ, и съ цѣлью ихъ разсмотрѣнія и провѣрки еще лѣтомъ 1899 года я рѣшился созвать въ теченіе предстоявшей зимы въ Петербургѣ особенную съ этой цѣлью комиссію, но предварительно счелъ нужнымъ обратиться съ циркуляромъ къ попечителямъ всѣхъ округовъ съ просьбой объ организаціи необходимыхъ для того предварительныхъ работъ въ видѣ избранія нѣсколькихъ лицъ по каждому округу изъ числа наиболѣе образованныхъ руководителей и преподавателей по возможности обѣихъ общеобразовательныхъ Русскихъ среднихъ школъ (гимназій и реальныхъ училищъ) и

разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ. Въ руководство избраннымъ попечителями лицамъ я счелъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя указанія, которыя предлагалъ дать вновь учреждаемой комиссіи по среднимъ школамъ.

Задача комиссіи должна была состоять въ томъ, чтобы всесторонне обсудить существующій строй средней школы въ тѣхъ двухъ видахъ, въ которыхъ она теперь имѣется налицо и подвергнуть также предварительному разсмотрѣнію видоизмѣненія существующихъ типовъ школы, которыя могутъ возникнуть при обсужденіи перваго вопроса. Во-вторыхъ, я выразилъ желаніе, чтобы заключенія комиссіи являлись въ формѣ мотивированныхъ и разработанныхъ положеній, основанныхъ на наблюденіяхъ образованныхъ педагоговъ, а не представляли собой лишь отвлеченныя разсужденія; въ-третьихъ, я рекомендовалъ комиссіи руководиться соображеніями, что къ цѣли улучшенія существующихъ гимназій и реальныхъ училищъ должно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки; при этомъ указывалось на умноженіе у насъ разнаго рода профессіональныхъ учебныхъ заведеній, какъ на средство возможности болѣе свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся по ихъ призванію и подготовкѣ, тогда какъ нынѣ многія молодыя силы до нѣкоторой степени искусственно привлекаются въ общеобразовательнныя школы какъ среднія, такъ и высшія; въ-четвертыхъ, я рекомендовалъ комиссіи обратить вниманіе на вопросъ о физическомъ воспитаніи учащихся и обсудить для этого мѣры къ наилучшему распредѣленію всѣхъ занятій, возможному устройству физическихъ упражненій и игръ ради сохраненія здоровья, безъ ущерба преподаванію; въ-

пятыхъ, еще большее вниманіе я рекомендовалъ комиссіи обратитъ на нравственное воспитаніе въ широкомъ смыслѣ, употребляя всевозможныя мѣры, дабы развить въ воспитанникахъ волю, управляемую религіозными и нравственными началами и, въ соотвѣтствіи, изучить и обсудить всѣ необходимыя для того условія и мѣры.

Установивъ указаннымъ способомъ предварительныя и подготовительныя работы комиссіи, я исходатайствовалъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, 16-го февраля сего 1900 года, на учрежденіе самой комиссіи, коей выработанныя положенія соотвѣтственно указаніямъ сказаннаго циркуляра и подвергаются нынѣ окончательному разсмотрѣнію новой комиссіи о средней школѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Яновскаго.

Въ настоящее время труды комиссіи напечатаны на правахъ рукописи въ восьми томахъ и, кромѣ протоколовъ всѣхъ засѣданій и особыхъ мнѣній сочленовъ спеціально по главному предмету обсужденія (преподаванію въ средней школѣ), труды эти содержатъ также весьма важный педагогическій матеріалъ отдѣльныхъ подкомиссій, на кои разбилась совмѣстная работа членовъ этого совѣщанія. Такъ въ трудахъ этихъ содержатся многія полезныя данныя и важныя соображенія: объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по вопросу о подготовкѣ учителей средней школы, объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, объ отношеніяхъ семьи и школы, о физическомъ воспитаніи учащихся въ средней школѣ и проч. и проч. Сверхъ того, приложенія къ журналу комиссіи заключаютъ въ себѣ длинный рядъ докладовъ свѣду-

щихъ лицъ по разнымъ вопросамъ, входившимъ въ кругъ разсмотрѣнія комиссіи.

Какъ только работы этой комиссіи докончатся, я буду имѣть счастье повергнуть выводы ея на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Обширныя занятія комиссіи по средней школѣ не могли и не должны были, конечно, остановить моихъ заботъ о другихъ способахъ улучшенія въ пріемахъ преподаванія и его контроля; такъ еще въ 1898 году я разрѣшилъ въ видѣ опыта на три года въ Московскомъ учебномъ округѣ установить въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ правила при извѣстныхъ условіяхъ или удовлетворительныхъ отмѣткахъ переводить безъ испытанія изъ класса въ классъ тѣхъ учениковъ, которые учились успѣшно въ теченіе года.

Находя въ слѣдующемъ затѣмъ 1900-мъ году, что порядокъ этотъ оказался на практикѣ соотвѣтствующимъ учебно-воспитательнымъ цѣлямъ, я обратился 14-го марта того же года къ попечителямъ всѣхъ округовъ съ предложеніемъ примѣнить эту мѣру во всѣхъ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Въ добавленіе къ сему, 5-го апрѣля 1900 г. разрѣшено освобождать воспитанницъ женскихъ гимназій и прогимназій отъ испытаній на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было установлено для мужскихъ гимназій и прогимназій.

Кромѣ того, 21 мая 1899 г., въ виду представленія на мое усмотрѣніе ходатайства отъ начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній одного округа объ измѣненіи существующей системы отмѣтокъ учащихся, я обратился точно также съ запросомъ отзывовъ по этому важному вопросу къ попечителямъ всѣхъ округовъ. Я предложилъ имъ обсудить по данному пред-

мету слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли обычная постановка отмѣтокъ ученикамъ быть признана необязательной; 2) чтобы вмѣсто отмѣтокъ не рѣже одного раза въ двѣ недѣли сообщались родителямъ свѣдѣнія о неуспѣвающихъ ученикахъ на основаніи записи въ особенныхъ журналахъ съ указаніемъ причины порицанія учащихъ и 3) чтобы отмѣтки ставились на прежнихъ основаніяхъ только за первыя три четверти учебнаго года, а вмѣсто четвертой—годовыя. Отзывы мною еще ожидаются.

Кромѣ того, желая, по возможности, облегчить для поступающихъ въ гимназіи и прогимназіи пріемныя испытанія, издано 12-го апрѣля 1900 года распоряженіе допускать дѣтей, желающихъ поступить въ приготовительный классъ гимназій и прогимназій не только въ августѣ, но и до начала лѣтнихъ каникулъ, т.-е. въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ теченіе одного 1898 года мною сдѣланъ рядъ болѣе мелкихъ распоряженій съ цѣлью улучшить преподаваніе тѣхъ или иныхъ предметовъ; такъ 13-го мая за № 11, 745 мною предложено было начальствамъ учебныхъ округовъ принять мѣры къ лучшей постановкѣ физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и выработать проекты нормальнаго списка приборовъ для физическихъ кабинетовъ учебныхъ заведеній. При циркулярномъ предложеніи министерства отъ 6-го іюля 1898 года за № 1700 были разосланы начальствамъ учебныхъ округовъ вновь пересмотрѣнные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, „учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ области женскаго образованія самой важной

мѣрой, которую мнѣ удалось провести, является измѣненіе пенсіонныхъ правилъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. По прежде дѣйствовавшимъ положеніямъ по учебно-воспитательной части, начальницы, главныя надзирательницы, учительницы и т. д., по выслугѣ 25 лѣтъ и выходѣ въ оставку, получали пенсіи въ размѣрѣ всего лишь 125 руб. въ годъ. Находя такой размѣръ слишкомъ незначительнымъ и не могущимъ обезпечить дальнѣйшее ихъ существованіе, а также принимая во вниманіе, что образовательный цензъ лицъ женскаго пола, занимающихъ соотвѣтственныя должности въ женскихъ гимназіяхъ, тотъ же, что преподавателей въ уѣздныхъ училищахъ, я счелъ справедливымъ сравнять этихъ лицъ и въ пенсіонномъ отношеніи. Посему я нашелъ цѣлесообразнымъ установить слѣдующіе новые пенсіонные оклады: для начальницъ, главныхъ надзирательницъ женскихъ гимназій, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы, 500 руб.; главныхъ надзирательницъ прогимназій — 400 руб.; учительницъ, надзирательницъ и воспитательницъ по 300 руб. При этомъ я также предполагалъ справедливымъ, чтобы лица женскаго пола сохраняли лично выслуженныя ими пенсіи какъ при вступленіи въ бракъ, такъ и если онѣ будутъ пользоваться пенсіями за службу ихъ мужей. Представленіе мое было удостоено быть принятымъ Государственнымъ Совѣтомъ и высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества.

Затѣмъ, 10 іюля 1898 года, въ виду недостатка хорошихъ преподавателей французскаго языка, мною сдѣлано распоряженіе по всѣмъ округамъ о возможности допускать къ преподаванію французскаго языка въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній

лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы. Въ тѣхъ же видахъ отчасти улучшить преподаваніе и отчасти улучшить положеніе преподавательницъ, 11-го января 1900 года мною было предложено къ руководству высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о допущеніи лицъ женскаго пола къ испытанію на званіе учительницъ рисованія, а 7-го іюля того же года испрошено высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе о допущеніи къ преподаванію въ приготовительныхъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе учительницъ начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ, женскій трудъ получилъ болѣе широкое для себя примѣненіе въ дѣлѣ преподаванія. Къ сему считаю долгомъ добавить также, что 4-го сентября 1898 года мною разрѣшено было допустить къ поступленію въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ окончившихъ курсъ семи классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія или выдержавшихъ соотвѣтственныя испытанія.

Еще моихъ предшественниковъ озабочивалъ щекотливый вопросъ о правѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній давать частные за плату уроки ученикамъ того заведенія, въ которомъ онъ состоитъ на службѣ. Въ виду того, что такія занятія за плату не разъ вызывали нареканія на злоупотребленія, еще 17-го ноября 1888-го года циркулярнымъ предложеніемъ моего предшественника по министерству была разъяснена необходимость въ этомъ случаѣ для учителей брать на себя частные за плату уроки такого рода лишь съ вѣдома начальства учебнаго заведенія. Въ настоящее время поднятъ былъ тотъ же вопросъ начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ; во-

просъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ попечительномъ совѣтѣ, который постановилъ: рекомендовать преподавателямъ воздерживаться отъ уроковъ за плату своимъ ученикамъ, а начальникамъ заведеній безусловно не давать такихъ уроковъ. Затѣмъ было установлено, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ, возбужденный родителями ученика о репетиторѣ для ихъ сына, долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ классныхъ комиссіяхъ и затѣмъ въ педагогическихъ совѣтахъ; послѣ такого разсмотрѣнія просьбы родителей, дозволяется или отказывается преподавателю въ таковыхъ занятіяхъ или рекомендуется родителямъ обратиться къ другому преподавателю. Вообще за правило принимается необходимость въ этомъ вопросѣ разрѣшенія начальства учебнаго заведенія. Я счелъ необходимымъ объ этомъ постановленіи попечительскаго совѣта сообщить всѣмъ попечителямъ съ просьбой, въ свою очередь, обсудить этотъ вопросъ во ввѣренныхъ ихъ округу попечительскихъ совѣтахъ и, по полученіи таковыхъ отзывовъ, передалъ ихъ своему Ученому Комитету, который въ настоящее время и занятъ окончательнымъ обсужденіемъ по сему предмету.

Весьма важнымъ недостаткомъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія несомнѣнно надо считать, что начинающіе въ нихъ преподаватели приступаютъ къ своему трудному и отвѣтственному дѣлу безъ всякой спеціальной педагогической подготовки; вслѣдствіе этого они въ первые годы своей дѣятельности производятъ опытъ не всегда удачный надъ своими учениками, который, притомъ, большею частію пропадаетъ безъ пользы для будущихъ преподавателей. Съ другой стороны, отсутствіе подготовительной педагогической школы

лишаетъ учебное начальство возможности выяснить сравнительныя достоинства кандидатовъ на учительскія должности, и такіе преподаватели своими неумѣлыми пріемами возбуждаютъ нерѣдко справедливыя сѣтованія родителей. Желая устранить указанное явленіе, я рѣшилъ принять мѣры, которыя бы обезпечили желательную педагогическую подготовку и лучшій выборъ преподавателей; съ этой цѣлью я обратился циркулярно къ начальству всѣхъ округовъ съ просьбой обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ и представить затѣмъ заключенія въ министерство по слѣдующимъ вопросамъ: въ какой формѣ было бы желательно осуществить мысль педагогической подготовки преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній; по какимъ предметамъ, въ какое время? А также сдѣлать указанія на матеріальныя средства, которыя нужны для осуществленія намѣченныхъ предположеній.

Вообще забота объ улучшеніи педагогическаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній налагаетъ на министерство обязанность въ то же время позаботиться объ улучшеніи быта преподавателей съ матеріальной стороны; поэтому въ томъ же циркулярѣ я высказалъ пожеланіе обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ или особыхъ совѣщаніяхъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и формѣ желательно увеличить содержаніе и пенсіи служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе этихъ лицъ, отвѣчающее ихъ общественному положенію, имѣя въ виду также, что было бы желательно избавить преподавателей въ будущемъ отъ необходимости обременять себя непосильнымъ числомъ уроковъ. Когда будутъ получены отзывы на эти вопросы, я постараюсь ими воспользоваться въ

должной мѣрѣ при рѣшеніи столь важнаго для всего средняго образованія вопроса, отъ правильной постановки котораго, съ одной стороны, зависятъ благосостояніе и достоинство учебнаго персонала и съ другой—несомнѣнно самое качество и цѣнность преподаванія. Желая обезпечить нѣсколько судьбу довольно многочисленнаго персонала преподавалей въ частныхъ школахъ, я предложилъ 26 ноября 1899 г. обсудить вопросъ о предоставленіи права на пенсіи содержателямъ, содержательницамъ и учащимъ въ частныхъ заведеніяхъ съ обращеніемъ расхода на капиталъ призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ.

Переходя затѣмъ къ отчету о дѣятельности своей по разряду высшихъ учебныхъ заведеній и во главѣ ихъ университетовъ, считаю долгомъ прежде всего обратить вниманіе на особый характеръ нашихъ учебныхъ заведеній, отличающій ихъ значительно отъ среднихъ и низшихъ. Хотя по возрасту студентъ лишь немного старше гимназиста, но учебное и общественное ихъ положеніе существенно различается. Съ окончаніемъ гимназіи совершается рѣзкій переходъ къ относительно-свободной жизни университета; изъ школьника молодой человѣкъ превращается сразу какъ бы въ взрослаго, ко мнѣнію, доброй волѣ и желаніямъ котораго обращаются какъ профессора, такъ и университетская администрація. Между тѣмъ, требуя такого отношенія къ себѣ, какъ къ взрослому, питомецъ высшихъ учебныхъ заведеній ведетъ себя часто далеко несоотвѣтственно этому отношенію, не признавая нерѣдко законнаго порядка и отрицая всякую дисциплину, безъ которой не можетъ существовать даже никакое разумное соединеніе людей, не говоря о такой сложной и опредѣленой организаціи,

которую должно представлять изъ себя высшее учебное заведеніе.

Печальную страницу въ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній представляютъ собою такъ называемые безпорядки 1899 года, распространившіеся крайне быстро по всей Россіи.

Отвлекая отъ другихъ дѣлъ и заботъ по высшимъ заведеніямъ, эти волненія всецѣло поглотили временно вниманіе министерства. Въ виду разнообразнаго и обширнаго вреда, ими приносимаго, какъ самому юношеству, такъ и всей странѣ, немедленно слѣдовало обсудить мѣры для того, чтобы предупредить случаи повторенія такихъ безпорядковъ въ будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, главный корень этого неустойчиваго теченія нашей университетской жизни заключается въ общей малой культурности нѣкоторыхъ слоевъ русскаго образованнаго общества; лишь большее развитіе въ немъ чувства долга и законности и привычка подчинять свою волю и личныя желанія установленнымъ правиламъ и общественнымъ требованіямъ могутъ ослабить тѣ условія, которыя благопріятствуютъ созданію волненій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но ждать такихъ результатовъ возможно, въ свою очередь, опять таки лишь вслѣдъ за значительнымъ успѣхомъ и подъемомъ всего образованія въ странѣ и его усвоенія большинствомъ народа въ истинномъ внутреннемъ его содержаніи, а не во внѣшнемъ только видѣ, какъ это часто нынѣ имѣетъ мѣсто; пока же приходится довольствоваться лишь палліативами очень, впрочемъ, важными, которые заключаются въ устраненіи ближайшихъ острыхъ поводовъ къ неудовольствію между учащимися и учащими и къ утвержденію началъ, непосредственно способствующихъ мирному теченію всей университетской жизни.

Вашему Императорскому Величеству было благоугодно оказать истинно отеческое милосердіе лицамъ виновнымъ въ сказанныхъ нарушеніяхъ порядка университетской жизни въ 1899 году. Во исполненіе высочайшей воли, выраженной въ правительственномъ сообщеніи 25 мая 1899 года, по совѣщаніи съ попечителями учебныхъ округовъ и начальниками высшихъ учебныхъ заведеній, я призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе всѣмъ участникамъ бывшихъ безпорядковъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ немногихъ лицъ, пребываніе коихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было признано безусловно вреднымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій. Къ числу помилованныхъ такимъ образомъ отнесены даже и тѣ лица, которыя во время безпорядковъ были исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое-нибудь учебное заведеніе, если было признано, что отъ нихъ нельзя ожидать вреднаго вліянія на товарищей и на правильный ходъ учебныхъ занятій. За симъ актомъ милосердія слѣдовало воспользоваться прошлымъ урокомъ и извлечь изъ него путемъ опыта полезные совѣты для будущаго видоизмѣненія и приспособленія университетской жизни къ новымъ требованіямъ времени.

Съ этой послѣдней цѣлью мною созвано было въ іюнѣ 1899 года совѣщаніе изъ попечителей округовъ и начальниковъ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ упорной и настойчивой работы комиссія пересмотрѣла рядъ важнѣйшихъ пунктовъ и вопросовъ, дававшихъ поводы къ университетскимъ безпорядкамъ. Прежде всего совѣщаніе остановилось на инспекціи, какъ въ качествѣ ея, такъ и въ условіяхъ дѣятельности, и высказало здѣсь рядъ категорическихъ пожеланій, которыя подали

поводъ впослѣдствіи къ особому моему въ этомъ случаѣ распоряженію. Затѣмъ совѣщаніе убѣдилось въ недостаткѣ единства дѣйствія, какъ въ разныхъ округахъ во время безпорядковъ, такъ и въ предѣлахъ одного округа. Совѣщаніе разработало нѣсколько мѣръ къ улучшенію какъ взаимной дѣятельности администраціи въ случаѣ повторенія волненій, такъ и отношеній ея къ министерству внутреннихъ дѣлъ и къ самымъ крайнимъ изъ принимаемыхъ мѣръ, въ родѣ обращенія къ полиціи и временнаго закрытія учебнаго заведенія.

Въ послѣднемъ случаѣ совѣщаніе пришло къ единодушному заключенію о томъ, что, при такой крутой и нежелательной мѣрѣ, какъ временное прекращеніе занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, необходимо возмѣщеніе занятій во время каникулъ. Затѣмъ совѣщаніе подробно разсмотрѣло вопросъ о такъ называемой обструкціи или новыхъ формахъ противодѣйствія со стороны агитаторовъ и сторонниковъ безпорядка лицамъ, желающимъ мирнаго продолженія занятій. Совѣщаніе высказалось за рѣшительныя мѣры къ огражденію лицъ, желающихъ заниматься дѣломъ, противъ такихъ покушеній. Такъ какъ одной изъ причинъ, косвенно способствующихъ трудности бороться съ подобными нарушеніями теченія мирной жизни университетовъ, является переполненіе нѣкоторыхъ университетовъ, особенно столичныхъ и Кіевскаго, тогда какъ, наоборотъ, многіе провинціальные, напр., Казанскій, относительно, пустуютъ, то совѣщаніе пришло къ заключенію о необходимости обратить вниманіе на условія пріема студентовъ въ отдѣльные университеты и озаботиться о способахъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію ихъ численности. Предлагаемыя разными лицами мѣры, въ родѣ

установленія комплекта, повѣрочныхъ испытаній и конкурсовъ, были отвергнуты, и совѣщаніе остановилось на болѣе цѣлесообразной и удобной мѣрѣ— на рекомендаціи съ ближайшаго академическаго года при пріемѣ въ университетъ держаться университетовъ своихъ округовъ; тамъ же, гдѣ нѣтъ университета, рекомендовать, точно указывая, нѣкоторые изъ ближайшихъ университетовъ и просить въ то же время ректоровъ университетовъ держаться при пріемѣ численности для первыхъ курсовъ, которая выработана по этому поводу комиссіей. Затѣмъ совѣщаніе подробно разсмотрѣло вопросъ о желательности допущенія подъ ближайшимъ надзоромъ администраціи и профессоровъ различнаго рода курсовыхъ организацій въ университетахъ съ правомъ выборовъ, сходокъ и голосованій. Совѣщаніе пришло по зрѣлому обсужденію цѣлаго ряда доводовъ къ нежелательности допущенія подобныхъ организацій; ибо какъ бы точно ни была опредѣлена дѣятельность университетскихъ организацій, но она всегда въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ рискуетъ выйти изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые ей дозволены, какъ показываетъ это продолжительный опытъ. На практикѣ этотъ переходъ къ недозволеннымъ сужденіямъ и соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ совершается очень быстро: начинаютъ обыкновенно съ вопросовъ объ образованіи студенческихъ кассъ, библіотекъ и кружковъ саморазвитія, далѣе переходятъ къ вопросу о товарищескомъ судѣ и кончаютъ обсужденіемъ случаевъ столкновенія студентовъ съ инспекторами и профессорами и судовъ надъ профессорами и начальствомъ. Примѣровъ такого рода превращеній невинныхъ студенческихъ организацій въ сообщества нежелательныя и вредныя въ педагогическомъ отно-

шеніи можно было бы указать много изъ недавняго прошлаго нашихъ университетовъ. Кромѣ того, по поводу указываемыхъ нѣкоторыми членами совѣщанія трудностей, при отсутствіи такихъ лицъ и организацій, вести студентамъ цѣлымъ курсомъ переговоры съ начальствомъ или профессорами по чисто-учебнымъ предметамъ, при существующемъ правилѣ считать студентовъ отдѣльными посѣтителями, я разъяснилъ имъ, что уставъ, собственно, этого взгляда на студентовъ не устанавливаетъ, что онъ созданъ въ 60-хъ годахъ по необходимости во время именно волненій, и что если представится студентамъ необходимость объясниться съ начальствомъ или профессорами, то никакихъ запрещеній этому въ уставѣ нѣтъ, и устройство отношеній указанныхъ лицъ зависитъ отъ умѣнья и такта начальства.

По тѣсной связи вопроса о карательныхъ мѣрахъ за безпорядки и о несеніи воинской повинности тѣми студентами, которые ей подлежатъ и для которыхъ она отсрочена, поднятъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли вообще ставить условіемъ для обратнаго принятія исключенныхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній обязательное отбываніе воинской повинности всѣми уволенными, не исключая и тѣхъ, кои освобождены отъ нея по семейному положенію или инымъ причинамъ, а главныхъ виновниковъ этихъ безпорядковъ подвергать отбыванію воинской повинности путемъ жеребья. Значительное большинство, однако, членовъ совѣщанія высказалось противъ всякаго рода принудительнаго отбыванія воинской повинности какъ по тому высокому значенію, которое придано этой повинности манифестомъ 1871 года, такъ и по тому, что примѣненіе этой мѣры повело бы ко многимъ несправедливостямъ

и несообразностямъ. По симъ соображеніямъ совѣщаніе признало возможнымъ, при примѣненіи къ уволеннымъ за безпорядки студентамъ отбыванія воинской повинности, довольствоваться въ будущемъ лишь дѣйствующими по сему предмету законоположеніями. Одинаково совѣщаніе отвергло предложенное по иниціативѣ начальства нѣкоторыхъ округовъ учрежденіе особаго при учебномъ округѣ суда въ случаѣ возникновенія массовыхъ безпорядковъ: ибо, согласно университетскому уставу 1884 года, наложеніе взысканій на студентовъ законнымъ способомъ является не въ судебномъ, а въ дисциплинарномъ порядкѣ, а посему и самое взысканіе устанавливается гораздо менѣе въ цѣляхъ кары за проступки, чѣмъ въ цѣляхъ предупрежденія и прекращенія безпорядковъ.

Вмѣсто спеціальныхъ репрессивныхъ мѣръ вниманіе совѣщанія остановилось на всевозможной желательности, во-первыхъ, — сближенія студентовъ со своими преподавателями и профессорами, и во-вторыхъ, на большемъ занятіи студентовъ ихъ непосредственнымъ дѣломъ, полагая, что при соблюденіи этихъ условій могутъ наилучшимъ образомъ отклоняться поводы къ волненіямъ и устраняться необходимая для того почва. Косвеннымъ способомъ для достиженія указанныхъ цѣлей, по мнѣнію совѣщанія, является, во-первыхъ, устройство общежитій при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, примѣръ чему положенъ щедротами Вашего Императорскаго Величества, давшаго средства на устройство такого общежитія при Московскомъ университетѣ. При этомъ совѣщаніе признало возможнымъ рекомендовать гг. попечителямъ учебныхъ округовъ озаботиться, въ виду недостатка средствъ для столь полезной цѣли, обра-

зованіемъ возможно бо̀льшого числа такъ называемыхъ попечительныхъ комитетовъ для сбора этихъ средствъ, подобно существующимъ въ Москвѣ и другихъ городахъ Московскаго округа.

Затѣмъ второй важный способъ предварительныхъ мѣръ къ уменьшенію безпорядковъ, по единогласному мнѣнію совѣщанія, заключается въ необходимости ввести такъ назыв. практическія занятія по читаемымъ наукамъ на тѣхъ факультетахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и усилить тамъ, гдѣ онѣ существуютъ. Выгоды сихъ занятій, по мнѣнію комиссіи, неисчислимы: во-первыхъ, они должны заставить студентовъ болѣе серьезно заниматься; во-вторыхъ,—дают̀ъ, наилучшій контроль и критерій за ихъ занятіями и, въ-третьихъ, практическія занятія могутъ вести именно къ нѣкоторому сближенію профессоровъ съ студентами.

Таковы, въ сущности, важнѣйшіе пункты организаціи университетской жизни, на коихъ остановилось вниманіе совѣщанія или комиссіи, созванной мною для обсужденія возможныхъ мѣръ противъ повторенія нежелательныхъ безпорядковъ. Конечно, совѣщаніе не могло установить или выдумать никакихъ особенныхъ новыхъ мѣръ къ прекращенію и предупрежденію безпорядковъ, но оно дало возможность путемъ личнаго обмѣна мыслей лицамъ, состоящимъ во главѣ округовъ и высшихъ заведеній, условиться между собой и примѣнять, въ случаѣ надобности, однообразные способы дѣйствія; наконецъ, совѣщаніе своимъ единомыслiемъ подтвердило правильность того пути, которому министерство полагало необходимымъ слѣдовать въ дальнѣйшихъ общихъ мѣрахъ къ поднятію и улучшенію высшаго

образованія и быта учащихся при дѣйствіи настоящихъ законоположеній.

Но это двѣ важныя цѣли, разумѣется, могутъ съ успѣхомъ преслѣдоваться лишь при условіи мирной, непрерываемой волненіями, жизни высшихъ учебныхъ заведеній. Неисчислимый и разнообразный вредъ всѣхъ безпорядковъ въ педагогическомъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ, превосходитъ по своей важности всякія другія несчастія и даже бѣдствія, которыя могутъ имѣть мѣсто въ жизни учебныхъ заведеній, какъ и цѣлой человѣческой жизни. Если, напр., сгоритъ учебное заведеніе, на постройку котораго затрачены большія средства, это, разумѣется, составляетъ великое зло, можетъ быть, возмѣщаемое не сразу, и пройдетъ нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ найдутся средства выстроить новое, достойное для него помѣщеніе; но временно это учебное учрежденіе можно помѣстить, наконецъ, въ другомъ зданіи и этимъ частью ослабить вредные результаты даннаго несчастія. Если, съ другой стороны, напр. въ данномъ типѣ заведеній замѣчается недостатокъ хорошихъ преподавателей, злу можно помочь содѣйствіемъ къ созданію со стороны государства новыхъ, болѣе искусныхъ или достойныхъ преподавателей и въ нѣсколько лѣтъ исправить замѣченное зло. Но что̀ сдѣлать съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ мирное и правильное теченіе учебной жизни нарушается горстью лицъ, не желающихъ учиться и преслѣдующихъ часто совсѣмъ постороннія его назначенію цѣли? Всякій подобный, 1899 года, безпорядокъ прежде всего вноситъ важную потерю для всего ученія; при всѣхъ усиліяхъ со стороны учащаго персонала, многое изъ того, что должно быть сдѣлано или прочитано, по той или

иной наукѣ, не дѣлается или не успѣвается прочитать, многое усвояется плохо, а это отражается непосредственно на качествѣ послѣдующаго преподаванія и успѣшности усвоенія знаній. Далѣе,—болѣе или менѣе долгія волненія, отвлекающія отъ обычнаго и нормальнаго труда, развиваютъ непремѣнно у молодежи привычку къ бездѣлью, отучаютъ отъ регулярной работы, и картины каждодневнаго на глазахъ у всѣхъ нарушенія тѣхъ или иныхъ правилъ или порядковъ еще болѣе притупляютъ чувство законности и необходимости дисциплины, этого важнаго условія для правильнаго существованія каждаго человѣческаго учрежденія! Наконецъ, не надо забывать и важныя для всей страны экономическія потери, которыя влекутъ за собой эти безпорядки. Содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній стоитъ государству цѣлые милліоны; подобно фабрикамъ, гдѣ затрата значительныхъ средствъ на ихъ оборудованіе естественно вынуждаетъ производителя утилизировать всю силу, наличныя средства и механизмы наивозможно большее время, университеты также, конечно, одинаково заинтересованы непрерывнымъ продолженіемъ занятій все время, для нихъ предназначенное. Всякій насильственный и вызванный внѣшними причинами перерывъ занятій означаетъ собой болѣе или менѣе крупную потерю въ матеріальныхъ средствахъ, которыя уже затрачены и продолжаютъ затрачиваться на ихъ содержаніе и поддержку; такой перерывъ равенъ какъ бы уничтоженію многихъ сотенъ тысячъ, ассигнованныхъ государствомъ изъ средствъ, собранныхъ съ плательщиковъ налоговъ на благое дѣло народнаго просвѣщенія. Согласно отчету государственнаго контроля за 1898 годъ, на университеты, въ тѣсномъ смыслѣ, всего израсходовано 3.795.364 рубля, т.-е.

при числѣ всѣхъ учащихся (студентовъ и сторонних слушателей) на 16.582 человѣка, не говоря уже объ огромномъ капиталѣ, который вложенъ въ самыя постройки и всю обстановку университетовъ и дорого стоящее въ теченіе многихъ лѣтъ приготовленіе института преподавателей. Если взять только указанный текущій расходъ, то каждый студентъ стоитъ въ годъ Русскому государству почти 229 рублей. Между тѣмъ на народныя школы расходуется всего въ годъ (лишь относительно малая часть отъ государства, остальное—отъ земства, городовъ и частныхъ пожертвованій)—22.973.238 руб.; принимая число учащихся въ 2.318.138 человѣкъ, каждый школьникъ обходится въ $9,_9$—почти 10 рублей въ годъ, т.-е. въ 22 раза дешевле нежели студентъ.

Но между тѣмъ, какъ многіе милліоны дѣтей въ Россіи тщетно стремятся сдѣлаться учащимися въ народныхъ училищахъ и, какъ мы видѣли, не находятъ себѣ ни мѣста, ни школы, по недостатку средствъ, учащіеся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, участвовавшіе въ безпорядкахъ болѣе или менѣе продолжительное время, чуть не каждогодно прекращаютъ или вынуждаются прекращать ученіе.

За крупные безпорядки 1899 года, какъ извѣстно, ученіе во всѣхъ университетахъ сильно пострадало, хотя и невозможно точно сказать, на сколько именно дней оно прерывалось, такъ какъ прекращалось обыкновенно по частямъ и затѣмъ нѣсколько разъ возстанавливалось; совершенно прекращены были занятія, можно сказать, отъ двухъ недѣль и до мѣсяца, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если считать послѣдній срокъ, какъ дѣйствительное время, потерянное для занятій (а это въ нѣсколько разъ ниже, на-

вѣрное, настоящей потери), то, окажется, что прекращеніе занятій въ университетахъ въ 1899 году, даже считая его на одинъ лишь мѣсяцъ, обошлось Россіи въ 315.058 руб., то-есть, если эту сумму раздѣлить на стоимость годового обученія одного школьника, то на эти, безплодно потраченныя, государствомъ средства, могло бы обучаться въ Россіи въ теченіе года и сдѣлаться, можетъ быть, грамотными за это время 31.824 человѣка дѣтей!!! Но число это увеличится значительно, если годовую стоимость потери времени раздѣлить (какъ бы это слѣдовало), не на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, а на число собственно-учебныхъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ всегда происходятъ безпорядки. Если принять за цифру дѣйствительнаго учебнаго времени въ университетахъ лишь семь мѣсяцевъ (какъ оно въ дѣйствительность и имѣло до сихъ поръ мѣсто), то въ результатѣ расчета оказалась бы экономическая потеря для страны еще большая, и на утраченныя безполезно деньги могло бы обучаться свыше 40.000 Русскихъ людей въ годъ.

Обращаясь за симъ къ мѣропріятіямъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній, вызваннымъ въ свѣтъ вышеозначеннымъ совѣщаніемъ или комиссіею, считаю долгомъ перечислить тѣ распоряженія, которыя сдѣланы въ ближайшее затѣмъ время

Какъ выяснилось это на совѣщаніи изъ обмѣна наблюденій, что представители инспекціи далеко не отвѣчаютъ своему назначенію (это особенно наглядно сказывается во время волненій) и что, справляясь болѣе или менѣе удовлетворительно съ задачей поддержанія порядка въ спокойное время, инспекція не имѣетъ, однако, достаточно авторитета среди учащейся молодежи, чтобы оказать надлежащее вліяніе,

коль скоро мирное теченіе академической жизни чѣмъ либо нарушено. Посему я нахожу желательнымъ, чтобы въ будущемъ представители инспекціи не ограничивались заботами о внѣшнемъ порядкѣ, а приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь всѣми способами и средствами, какими только можетъ располагать инспекція. Въ этихъ же видахъ я призналъ необходимымъ обратить особое вниманіе на осмотрительный выборъ помощниковъ инспектора, назначая ихъ изъ лицъ высшаго образованія и при томъ спеціальности того факультета, на который данный помощникъ назначается. Точно также я обратилъ вниманіе на низшихъ служителей инспекціи, на которыхъ въ послѣднее время высказывались не всегда безосновательныя жалобы и воспретилъ инспекціи возлагать на нихъ какія-либо отвѣтственныя и деликатныя порученія, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ служебному положенію и могутъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ.

Затѣмъ, руководствуясь выводами того же совѣщанія по важному вопросу о разобщенности студентовъ между собою, профессорами и учебнымъ начальствомъ, я обратился къ мѣрамъ, могущимъ по возможности постараться смягчить этотъ недостатокъ университетской жизни, и для того остановился на слѣдующихъ мѣропріятіяхъ.

Во-первыхъ, развитіе общенія между студентами и профессорами. Несомнѣнно, такое общеніе можетъ и должно происходить на почвѣ ученыхъ потребностей. Способствуя правильному развитію образованія молодыхъ людей и поддерживая въ преподавателяхъ энергію и интересъ къ ихъ трудному дѣлу, такое общеніе облегчаетъ въ то же время и разрѣшеніе прак-

тическихъ вопросовъ разнаго рода, вызываемыхъ учеными потребностями. Учебное начальство должно содѣйствовать всѣми зависящими отъ него способами развитію и укрѣпленію такого общенія на почвѣ учебныхъ занятій, и лучшимъ для того способомъ я считаю широкую организацію практическихъ занятій, насколько то дозволяютъ существующія условія; особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на ихъ развитіе на многолюдныхъ юридическихъ ѳакультетахъ, на коихъ они почти не существовали раньше. Занятія эти должны сдѣлаться обязательными для всѣхъ студентовъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія должно озаботиться доставленіемъ необходимыхъ средствъ для веденія сихъ занятій во всѣхъ университетахъ. При этомъ я выразилъ въ циркулярѣ по этому предмету, т.-е. по вопросу о практическихъ занятіяхъ, свою увѣренность, что преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ навстрѣчу сближенія съ ними, и что тотъ преподаватель, который ограничитъ свою дѣятельность лишь чтеніемъ лекцій въ положенные часы и не входитъ въ интересы и нужды учащихся, въ дѣйствительности исполняетъ лишь малую долю своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него высокимъ призваніемъ профессора.

Вторымъ способомъ того же желательнаго содѣйствія къ общенію студентовъ между собою и съ профессорами является учрежденіе, подъ непремѣннымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ коихъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Къ категоріи такихъ же средствъ принадлежитъ учрежде-

ніе студентами хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой.

Третьимъ средствомъ для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ является устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Снимая заботу съ молодыхъ людей, покидающихъ семью, о квартирѣ и столѣ и ограждая ихъ въ то же время отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ, общежитіе въ то же время, при надлежащей организаціи, даетъ широкій просторъ одинаково какъ для научныхъ занятій, такъ и для взаимнаго сближенія учащихъ и учащихся.

Вотъ тѣ мѣры, о развитіи которыхъ я озаботился прежде всего въ интересахъ поднятія и улучшенія быта всей учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, направляя на этотъ вопросъ вниманіе мѣстнаго начальства. Уже при всѣхъ университетахъ въ настоящее время примѣнены практическія занятія, вновь устроенныя большею частью на юридическомъ факультетѣ. Затѣмъ въ нѣсколькихъ университетахъ уже существуютъ общежитія, и приняты мѣры къ ихъ дальнѣйшему развитію путемъ, между прочимъ, поощренія частныхъ пожертвованій для данной похвальной цѣли. Точно также, въ исполненіе моего вышеприведеннаго предложенія, послѣдовали просьбы и соотвѣтственныя разрѣшенія на устройство научно-образовательныхъ кружковъ при Новороссійскомъ, Томскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, и для нѣкоторыхъ типовъ кружковъ даже выработаны образцовыя правила.

Къ мѣрамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ интересамъ преподаванія, слѣдуетъ, отнести также мое циркулярное распоряженіе г.г. попечителямъ

учебныхъ округовъ отъ 7-го іюля 1899 года относительно начала занятій и длины учебнаго года. Какъ извѣстно, кромѣ Юрьевскаго и Варшавскаго университетовъ, гдѣ существуютъ свои спеціальные сроки для начала учебнаго полугодія, по дѣйствующему уставу занятія должны продолжаться отъ 20-го августа до 20 декабря одно полугодіе и съ 20 января по 20-е мая другое; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности учебныя занятія начинаются вездѣ несравненно позднѣе, и учебный годъ, благодаря этому, искусственно сильно сокращается. Обративъ вниманіе на этотъ серьезный вопросъ, я рекомендовалъ попечителямъ округовъ сдѣлать по этому предмету соотвѣтственныя распоряженія и принять мѣры къ тому, чтобы чтеніе лекцій и занятія во ввѣренныхъ ихъ пепеченію университетахъ начинались никоимъ образомъ не позже 1-го сентября.

Изъ заботъ министерства о расширеніи самаго высшаго образованія въ Россіи и равно и объ увеличеніи профессорскаго персонала слѣдуетъ прежде всего указать на старанія министерства добыть необходимыя средства къ должному оставленію достойныхъ молодыхъ людей при университетахъ и къ посылкѣ ихъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Къ сожалѣнію, средства, которыя имѣются по этому поводу въ рукахъ министерства, крайне ограничены, составляя по статьѣ 1-й § 14-го дѣйствующей расходной смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1898 г. всего лишь 66000 руб. Министерство не разъ и само, и побуждаемое просьбами мѣстныхъ начальствъ, стремилось къ увеличенію кредита для сей важной цѣли, значеніе которой при томъ поднялось съ вышеуказаннымъ устройствомъ практическихъ занятій на юридическомъ факультетѣ,

требующихъ большаго количества подготовленныхъ молодыхъ людей. Въ такой матеріальной поддержкѣ министерство финансовъ отказывало нѣсколько лѣтъ подъ рядъ оставленнымъ при университетахъ и командированнымъ за границу лицамъ за недостаткомъ кредита: въ 1894 году отказано 4-мъ, въ 1895 году—7, въ 1896 году—15, въ 1897 г.—25, въ 1898 г.—13.

Въ первый же годъ моего министерства я сносился съ министромъ финансовъ объ увеличеніи съ 1-го января 1899 года кредита на 10000 рублей въ годъ для приготовленія профессоровъ и учителей; но, къ сожалѣнію, къ нынѣ отпускаемымъ на упомянутый предметъ средствамъ мнѣ было прибавлено лишь 5000 рублей въ годъ, и нужда министерства въ столь важныхъ цѣляхъ остается попрежнему весьма значительной. Особенно это выразилось въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр.. Кіевскомъ, гдѣ потребность и нужда въ усиленіи преподавательскаго персонала, частью за уходомъ многихъ профессоровъ уже въ отставку, частью вслѣдствіе спеціализаціи предметовъ и нужды въ лицахъ для завѣдыванія практическими занятіями, растетъ и увеличивается замѣтнымъ образомъ ежегодно.

Расширяя и увеличивая область высшаго образованія тамъ, гдѣ это вызывалось мѣстными нуждами и потребностями, я долженъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ учреждать особыя каѳедры, для существованія которыхъ приводились основательныя соображенія, какъ. напр., каѳедру Византійской филологіи въ Новороссійскомъ университетѣ съ 1-го февраля 1900-го года, такъ и цѣлые факультеты. При мнѣ открыты: медицинскій факультетъ въ томъ же Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ и юридическій факультетъ въ Томскомъ университетѣ, починъ и первоначаль-

ныя хлопоты объ учрежденіи которыхъ принадлежатъ моимъ предшественникамъ. Сверхъ того въ 1898 году пришлось приступить къ преобразованію Владивостокской гимназіи въ Восточный Институтъ. Великія и важныя экономическія перемѣны на далекихъ окраинахъ Сибири вызвали необходимость къ созданію этого послѣдняго учебнаго заведенія, а проведеніе великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и постоянно усиливающееся распространеніе русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ обусловили нужду въ людяхъ практически хорошо знакомыхъ съ языками прилегающихъ восточныхъ государствъ, а также изучившихъ экономическія условія жизни и правовыя отношенія этихъ государствъ.

Восточный Институтъ, такъ гласитъ его Положеніе, есть высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью доставлять учащимся въ немъ спеціальное образованіе, подготовляющее къ службѣ въ административныхъ и торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ Восточно-Азіатской Россіи и прилегающихъ къ ней государствахъ. Курсъ Института продолжается четыре года, а со второго курса имѣетъ четыре отдѣленія, смотря по тѣмъ языкамъ, которые въ отдѣленіи являются важнѣйшимъ предметомъ для изученія: Китайско-Японское, Китайско-Корейское, Китайско-Монгольское и Китайско-Манджурское. Съ цѣлью привлеченія наибольшаго количества слушателей для этого практически-необходимаго учрежденія, доступъ въ Восточный Институтъ открытъ безъ испытанія для всѣхъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и вѣдомствъ.

Въ заключеніе о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ считаю долгомъ добавить, что какъ мои собственные разъѣзды по Россіи, такъ и моего товарища, т. с.

Звѣрева выяснили, что въ близкомъ будущемъ для наилучшаго веденія преподаванія въ университетахъ предстоятъ еще большіе расходы, безъ которыхъ невозможно обойтись и упорядочить у насъ общую постановку дѣла высшаго образованія.

Ни одна область образованія не привлекаетъ до такой степени общаго вниманія, какъ образованіе промышленное въ широкомъ смыслѣ, то-есть имѣющее въ виду наилучшее приспособленіе книжнаго образованія къ цѣлямъ утилитарнымъ въ области промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и другихъ видовъ экономической жизни. Связь образованія съ полезными отъ него результатами для означенной дѣятельности несомнѣнна и сказывается довольно рѣзко. Всякій трудъ можно считать до нѣкоторой степени плодомъ умственной работы или требующимъ отъ человѣка извѣстной доли умственнаго развитія, какъ бы этотъ трудъ ни былъ простъ и несложенъ; поэтому развитіе въ странѣ общаго образованія непремѣнно сказывается въ благотворныхъ послѣдствіяхъ прямо для поднятія умственнаго роста народа, а косвенно для улучшенія свойствъ и качества его труда или всей экономической дѣятельности. Съ другой стороны, образованіе промышленное въ широкомъ смыслѣ ведетъ или къ ловкости рукъ вообще, или къ спеціальному техническому знанію той или иной отрасли промышленности; благодаря ему, всѣ способности человѣка, нужныя для производства, развиваются и улучшаются, при чемъ самое образованіе находитъ себѣ почву въ разнаго рода типахъ промышленныхъ и профессіональныхъ училищъ. Каждый типъ долженъ содѣйствовать мѣстнымъ потребностямъ, трудамъ и особеннымъ требованіямъ времени. Въ виду перечисленныхъ соображеній, на первомъ планѣ дѣятель-

ности Министерства Народнаго Просвѣщенія должно стоять возможное содѣйствіе промышленному образованію въ смыслѣ его наибольшаго расширенія или открытія новыхъ училищъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ и высшихъ. Къ этому Министерство Народнаго Просвѣщенія настойчиво и стремится, насколько позволяютъ ограниченныя средства, отпускаемыя въ его распоряженіе.

Въ теченіе 1898 года Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учреждено 11-ть низшихъ промышленныхъ училищъ разнаго типа и названій и 2 среднихъ. Въ 1899 году и 1900-мъ—девять низшихъ и пять среднихъ. Открыто еще одно высшее промышленное учебное заведеніе, а именно, учреждено Техническое училище въ г. Томскѣ, Лодзинское высшее ремесленное училище преобразовано въ семиклассное мануфактурно-промышленное, и Брянское низшее механико-техническое училище преобразовано въ семиклассное техническое съ низшей при семъ ремесленной школой. Кромѣ того, въ тѣхъ же видахъ возможнаго расширенія промышленнаго образованія и съ цѣлью скорѣйшаго удовлетворенія ходатайствъ на открытіе ремесленныхъ школъ, было испрошено высочайшее соизволеніе на ежегодный отпускъ изъ казны 20.000 р. для устройства низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ. Въ тѣхъ же видахъ былъ выработанъ и утвержденъ нормальный уставъ организаціи ремесленныхъ училищъ, и г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ были сообщены соображенія Министерства Народнаго Просвѣщенія объ условіяхъ и порядкѣ открытія также новыхъ промышленныхъ училищъ различныхъ типовъ.

Помимо основанія новыхъ учебныхъ заведеній промышленнаго характера министерствомъ были при-

няты разнородныя мѣры къ увеличенію путемъ перестройки и расширенія разныхъ вспомогательныхъ учрежденій въ существующихъ уже разнаго рода техническихъ и промышленныхъ заведеніяхъ. Такъ расширена дѣятельность Гатчинскаго женскаго двухкласснаго городского училища учрежденіемъ спеціальнаго ремесленнаго класса, Томскаго ремесленнаго училища—открытіемъ литейной мастерской, Глазовскаго городского училища—открытіемъ ремесленнаго отдѣленія и т. д. Съ цѣлью возможнаго увеличенія пріема учащихся въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, согласно высочайшему повелѣнію 4-го іюня 1898 г., было ассигновано изъ казны 1.570.000 руб. на расширеніе зданій Технологическихъ институтовъ въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ и Императорскаго Московскаго Техническаго Училища; сверхъ того испрошенъ кредитъ на постройку химической лабораторіи Рижскаго Политехническаго Института, на перестройку зданія Оренбургскаго ремесленнаго училища, на оборудованіе Иваново-Вознесенской школы колористовъ и на другія строительныя надобности промышленныхъ училищъ.

Въ заключеніе дѣятельности отдѣленія промышленныхъ училищъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесенъ въ Государственный Совѣтъ цѣлый рядъ представленій, пока еще не разрѣшенныхъ, какъ-то (отъ 30 сентября сего года) объ отпускѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1901 года, по 10.000 руб. на приготовленіе профессоровъ и преподавателей для Томскаго Технологическаго Института и, кромѣ того, возбужденъ вопросъ вообще о порядкѣ приготовленія профессоровъ для высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія; сдѣлано также представленіе объ отпускѣ изъ казны въ

1901 году 5000 рублей на содержаніе и вознагражденіе лицъ, предназначенныхъ на должность начальниковъ открываемыхъ въ настоящемъ году промышленныхъ училищъ. Затѣмъ возбужденъ вопросъ объ образованіи въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія особаго строительнаго капитала промышленныхъ училищъ, путемъ отчисленія 3% или 4% изъ спеціальныхъ средствъ среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Наконецъ, по сношенію съ министромъ финансовъ, возбуждены вопросы объ открытіи цѣлаго ряда новыхъ ремесленныхъ школъ. Заслуживаетъ замѣчанія, что въ составѣ отдѣленія Ученаго Комитета по техническому и промышленному образованію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ интересахъ улучшенія и поднятія спеціально женскихъ промышленныхъ училищъ, въ 1900 году учрежденъ особый отдѣлъ по женскому профессіональному образованію.

Въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями находятся различныя ученыя учрежденія, которымъ частно были посвящены мои заботы главнымъ образомъ въ видѣ исходатайствованія пособій новыхъ штатовъ и средствъ на удовлетвореніе нуждъ и запросовъ науки. Первое мѣсто занимаетъ высшее ученое учрежденіе имперіи, Императорская Академія Наукъ, и въ интересахъ удовлетворенія представленныхъ ходатайствъ, я имѣлъ счастье нѣсколько разъ испрашивать разрѣшеніе и утвержденіе Вашего Императорскаго Величества на отпускъ суммъ на различныя ученыя цѣли. Такъ въ 1898 году учреждена была особая комиссія для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Константиновича, и отпущено 100.000 руб. на снаряженіе экспедиціи

для производства этихъ измѣреній; затѣмъ въ томъ же году были утверждены новые штаты Геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ и музея по антропологіи и этнографіи; въ слѣдующемъ 1899 г. высочайше утверждены были новый штатъ Азіатскаго музея и новый штатъ Ботаническаго музея. Кромѣ того, Академіи Наукъ отпущены суммы на изданіе архивныхъ документовъ XVI и XVII вѣковъ и разрѣшенъ отпускъ суммъ на окончательное устройство зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ. Празднованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина, какъ извѣстно, вызвало учрежденіе при отдѣленіи русскаго языка и словесности въ Императорской Академіи Наукъ особаго разряда изящной словесности, въ члены котораго избраны были многіе наши писатели и художники.

15-го декабря 1898 года высочайше было утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій; въ 1898 году отпущены суммы на расходы по международному метеорологическому конгрессу и приняты мѣры къ увеличенію средствъ различныхъ метеорологическихъ и физическихъ учрежденій; такъ 6-го декабря 1899 года утверждены новые штаты Иркутской и Екатеринбургской магнитно-метеорологическихъ обсерваторій и отпущено 10.785 руб. на устройство и содержаніе метеорологическихъ станцій на линіи Сибирской желѣзной дороги; учреждено Одесское отдѣленіе Николаевской главной астрономической обсерваторіи и отпущено 58.000 руб. на постройки при Константиновской метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ.

Сверхъ того, исходатайствованы значительныя суммы на дальнѣйшее приведеніе въ порядокъ новаго

зданія нашего важнѣйшаго книгохранилища, Императорской Публичной Библіотеки, и отпущено 110.000 рублей на обмеблированіе ея новаго зданія и 35.000 руб. на облицовку песчаникомъ сего зданія. По моему представленію удостоился утвержденія Вашего Величества отпускъ на устроенный при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III-го 200000 руб. Точно также отпущены суммы на постройки и другія цѣли Императорскаго Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны и 78.704 руб. на капитальный ремонтъ зданій Московскаго Публичнаго Румянцевскаго музея, давно требовавшаго и нуждавшагося въ перестройкѣ. Не говоря о другихъ болѣе мелкихъ пособіяхъ, исходатайствованныхъ мною для пользы науки и разныхъ ученыхъ учрежденій, кромѣ пріисканія необходимыхъ средствъ, дѣятельность моя относительно сихъ учрежденій выразилась также въ утвержденіи различныхъ Положеній и Уставовъ ученыхъ обществъ въ разныхъ городахъ Россіи; такъ 2-го іюня 1899 г. утверждены Новое Положеніе и штаты С.-Петербургскаго Археологическаго Института; исходатайствованъ отпускъ суммъ на изданіе „Указателя Русской литературы по математикѣ и естественнымъ наукамъ“, разрѣшенъ во время настоящихъ рождественскихъ каникулъ въ Москвѣ съѣздъ преподавателей физико-химическихъ наукъ; утвержденъ уставъ Варшавскаго кружка преподавателей физики и математики; уставъ Общества Любителей Русской словесности въ память Пушкина при Казанскомъ Университетѣ, уставъ Костромского Кружка любителей естествознанія; Педагогическаго Общества при Казанскомъ университетѣ; Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ

университетѣ, Русскаго Библіографическаго Общества и нѣсколькихъ другихъ обществъ.

Имѣя счастье представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества вышеприведенные факты отчета о моей трехлѣтней дѣятельности, считаю въ заключеніе всеподданнѣйшимъ долгомъ добавить, что этотъ отчетъ представляетъ собой лишь самый бѣглый обзоръ наиважнѣйшихъ событій, которыя я считалъ достойными утрудить вниманіе Вашего Величества. Вышеприведенныя данныя о моей дѣятельности, представляющія собой лишь строгое выполненіе воли и указаній Вашего Величества, никоимъ образомъ не обнимаютъ всего сдѣланнаго даже за этотъ періодъ времени; ибо многія важныя данныя въ области народнаго образованія еще находятся въ движеніи или не успѣли подвинуться дальше предварительнаго разсмотрѣнія, при чемъ мною употребляются всѣ мѣры, смотря по важности дѣла, чтобы двигать ихъ съ необходимой для того энергіей. Не смѣю умолчать о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляются налицо въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Въ то время, когда въ другихъ частяхъ государственнаго управленія постепенное увеличеніе народонаселенія съ ходомъ времени является вообще факторомъ благопріятнымъ, министерству народнаго просвѣщенія это естественное явленіе приноситъ лишь новыя заботы о необходимости умноженія новыхъ школъ и измѣненія типа старыхъ, уже существующихъ. Между тѣмъ средства Министерства Народнаго Просвѣщенія и бюджетъ его растутъ далеко не параллельно съ этимъ естественнымъ ходомъ вещей и скорѣе отстаютъ отъ него. Если увеличеніе сѣтей желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія уменьшаетъ, напримѣръ, нужду про-

веденія новыхъ путей въ странѣ, или дѣлаетъ ее менѣе настоятельной: въ заботахъ о народномъ просвѣщеніи удовлетвореніе одной категоріи потребностей, напр., въ начальныхъ училищахъ, нисколько, не умаляетъ насущной нужды открытія школъ среднихъ и высшихъ. Обратно съ прежде указаннымъ примѣромъ, удовлетвореніе одной потребности въ народномъ просвѣщеніи увеличиваетъ потребности другія, а не уменьшаетъ ихъ: размножая школы, напримѣръ, приходится заботиться и о размноженіи библіотекъ; увеличивая въ странѣ количество лицъ, напр., съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, министерство обязано заботиться въ большихъ размѣрахъ о попеченіи и содѣйствіи разнаго рода чисто-ученымъ учрежденіямъ, которыя естественно должны скорѣе при вышеозначенномъ условіи множиться и развиваться. Точно также, заботясь объ общемъ образованіи, министерство практическими запросами жизни наталкивается все чаще и чаще на необходимость въ удовлетвореніи потребности въ профессіональномъ и промышленномъ образованіи страны. Вообще всякій новый шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія родитъ непремѣнно и новую болѣе настоятельную заботу и потребность для того въ средствахъ. Эти особенности, заключающіяся въ самомъ существѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, естественно увеличиваютъ его трудъ и отвѣтственность; но въ то же время министерство находитъ тутъ и свою высшую награду въ нравственномъ сознаніи величія и благотворности народнаго просвѣщенія, которое покоится на патріотическихъ и нравственныхъ основаніяхъ. Распространеніе и развитіе такого образованія сторицею окупаетъ всѣ жертвы, приносимыя государствомъ и дѣлаетъ даже желательными новыя усилія на пользу

народнаго образованія. Поднятіемъ и возвеличеніемъ, благодаря просвѣщенію, духовной и матеріальной жизни народа несомнѣнно умножается сила Россіи, направляемая державной волею исключительно на благо и миръ всего человѣчества.

Приложеніе № 4.
Къ страницѣ 196.

[1]) Прилагаю циркуляръ, который былъ изданъ и разосланъ позднѣе, только 8 іюля 1899 г.

Г-ну Попечителю Учебнаго Округа

Среди педагоговъ и родителей учащихся въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ давно слышатся жалобы на разные недостатки этихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, напримѣръ, на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ, на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснить ихъ природныя способности и склонности, на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ; на несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними, на недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера; на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія, несмотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ; на недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназіи, что препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ занятій, на неудовлетворительную подготовку прошедшихъ курсъ реальныхъ училищъ для обученія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще на слабую постановку преподаванія предметовъ въ этихъ училищахъ. Указываютъ и на многія другія слабыя стороны средней школы, но перечислять ихъ было бы излишне.

Хотя въ жалобахъ на наши среднія учебныя заведенія многое преувеличивается, а многое вызывается ошибочнымъ представленіемъ о всесильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ той совокупности жизненныхъ условій, въ какія она поставлена, я тѣмъ не менѣе не могу не признать въ этихъ жалобахъ извѣстной доли справедливости.

Однако, прежде принятія какихъ-либо мѣръ къ устраненію существующихъ недостатковъ средней школы, я считаю необходимымъ ознакомиться съ сужденіями по возбужденному вопросу наиболѣе опытныхъ и выдающихся педагоговъ.

Съ этою цѣлью я предполагаю зимой текущаго года созвать въ С.-Петербургѣ особую коммиссію. Желая имѣть въ ея средѣ представителей отъ ввѣреннаго Вашему Превосходительству округа, покорнѣйше прошу Васъ заблаговременно избрать 2—3 лицъ изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей средней школы, стараясь, по

возможности, чтобы они являлись выразителями потребностей обѣихъ общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназіи и реальнаго училища) и разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ ввѣреннаго Вамъ округа.

Въ руководство избраннымъ Вами лицамъ при ихъ подготовительныхъ работахъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сообщить слѣдующія указанія, которыя будутъ, между прочимъ, даны предполагаемой коммиссіи.

1) Задача коммиссіи должна будетъ состоять въ томъ, чтобы а) обсудить всесторонне существующій строй средней школы съ цѣлью выяснить его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназіи и реальнаго училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи, и б) если бы при обсужденіи перваго вопроса возникли предположенія о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого-либо новаго типа, то подвергнуть разсмотрѣнію и эти предположенія, но отдѣльно отъ перваго вопроса

2) Заключенія коммиссіи не только должны быть выражены въ формѣ общихъ положеній, основательно мотивированныхъ, но и соединены съ подробною разработкою этихъ положеній, которая давала бы ясное представленіе о возможномъ ихъ практическомъ осуществленіи. Необходимо при этомъ, чтобы ожидаемыя заключенія были основаны не столько на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, сколько на наблюденіяхъ образованныхъ и опытныхъ педагоговъ надъ дѣйствительной жизнью нашей средней школы.

3) Обсуждая желательныя перемѣны въ существующемъ строѣ классической гимназіи и реальнаго училища, коммиссія должна руководиться соображеніемъ, что къ этой цѣли нужно итти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки. Слѣдуя этой точкѣ зрѣнія, необходимо при этомъ имѣть въ виду, что современныя условія русской жизни настоятельно требуютъ умноженія разнаго рода профессіональныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ своихъ воспитанниковъ непосредственно къ практической дѣятельности Этотъ путь постепеннаго улучшенія классической и реальной школы и возможно большаго распространенія профессіональнаго образованія въ нашемъ отечествѣ откроетъ широкую возможность свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся, по ихъ призванію, подготовкѣ и условіямъ жизни, между различными видами учебныхъ заведеній и дастъ естественное направленіе тѣмъ молодымъ силамъ, которыя нынѣ, за отсутствіемъ или трудностью иного выхода, искусственно привлекаются въ среднія образовательныя и высшія школы, не имѣя къ тому соотвѣтственныхъ склонностей.

4) Среди другихъ вопросовъ особое вниманіе должно быть удѣлено коммиссіею вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся. Въ виду этого коммиссіи предстоитъ обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять съ указанной цѣлью и, въ частности, какъ можно достигнуть такого распредѣленія занятій, которое давало бы возможность ученикамъ, смотря по ихъ возрасту, употреблять на отдыхъ между уроками, на физическія упражненія и игры больше времени, чѣмъ это допускается теперь. Основательное выясненіе вопроса о физическомъ воспитаніи учащихся я считаю одной

изъ самыхъ важныхъ задачъ коммиссіи Если бы было признано, что эту задачу нельзя разрѣшить безъ сокращенія учебныхъ программъ, то я нахожу такое сокращеніе меньшимъ зломъ, чѣмъ пренебреженіе физической стороной воспитанія, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствующихъ нынѣ программахъ найдется не мало второстепенныхъ вопросовъ, которыми можно пожертвовать ради сохраненія здоровья учащихся безъ ущерба для главной цѣли — достиженія извѣстной степени умственной зрѣлости и усвоенія основныхъ свѣдѣній по преподаваемымъ наукамъ. Необходимо только, чтобы вопросъ о сокращеніяхъ рѣшался не одними спеціалистами, которые естественно склонны придавать первостепенное значеніе такимъ свѣдѣніямъ, которыя съ педагогической точки зрѣнія нерѣдко оказываются второстепенными

5) Еще большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи въ широкомъ смыслѣ Хотя именно въ этой сторонѣ своей жизни школа больше всего находится въ зависимости отъ нравственнаго уровня семьи и общества, она тѣмъ не менѣе должна сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы развивать въ своихъ воспитанникахъ волю, направляемую религіозными и нравственными началами Поэтому коммиссія должна обсудить, какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ искренняго религіознаго чувства, искренней привязанности и преданности своему Государю и Отечеству, чувства долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т д, имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній, но и мѣры, проникающія повседневную жизнь школы

Министръ Народнаго Просвѣщенія Боголѣповъ

Директоръ департамента Рахмановъ.

Приложеніе № 5.
Къ страницѣ 307.

[1]) Привожу здѣсь проектъ въ полности Разрѣшенная Вашимъ Императорскимъ Величествомъ комиссія, по улучшенію среднихъ учебныхъ заведеній, закончила свои занятія, а нынѣ я приемлю долгъ повергнуть на благовоззрѣніе Вашего Величества тѣ выводы, къ которымъ привели меня продожительныя и тщательныя работы этой комиссіи, состоявшеи изъ выдающихся педагоговъ всѣхъ учебныхъ округовъ Европеиской Россіи, представителеи всѣхъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ есть среднія школы, и изъ врачеи, знакомыхъ съ школьнымъ дѣломъ или дѣтскимъ организмомъ

Прежде всего, работы комиссіи подтвердили общія жалобы на различные недостатки современной общеобразовательной средней школы и настоятельную необходимость возможно скораго исправленія ихъ Что же касается того, какъ исправлять ихъ, то я осмѣлюсь представить планъ нижеслѣдующихъ мѣръ

1) *Подготовка учителей и улучшеніе ихъ матеріальнаго и служебнаго положенія* Въ комиссіи единогласно признано, что многіе недостатки средней школы проистекаютъ отъ того, что къ обученію допускаются люди, не ознакомившіеся ни съ теоріей, ни съ практикой педагогическаго дѣла, и вынужденные вслѣдствіе этого, для своего назиданія, въ теченіе многихъ лѣтъ производить опыты надъ ввѣренными имъ дѣтьми Необходимо, прежде допущенія къ преподаванію и воспитанію, дать молодымъ людямъ, окончившимъ свое образованіе въ университетѣ, возможность ознакомиться теоретически съ педагогическими науками и практиковаться въ преподаваніи и воспитаніи подъ руководствомъ опытныхъ и образованныхъ педагоговъ Для этой цѣли я полагалъ бы на первыхъ порахъ учредить при округахъ, гдѣ есть университеты, особые педагогическіе курсы и затѣмъ особыя испытанія для кандидатовъ на учительскія мѣста.

Но комиссія также единодушно признала, что множество серьезныхъ недостатковъ средней школы проистекаетъ отъ того, что преподаватели ея получаютъ слишкомъ скудное содержаніе, а потому должны искать дополнительнаго заработка на сторонѣ и, слѣдовательно, не только не могутъ вполнѣ отдаться школѣ, но вынуждены вести въ ней свою работу поверхностно и часто только формально. Отсюда возникаетъ жалоба на формализмъ и сухость учителей.

Я считаю своимъ долгомъ заявить Вашему Императорскому Величеству, что безъ улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей, на что потребуется отъ 7 — 10 милліоновъ руб. въ годъ, никакія улучшенія въ организаціи средней школы не дадутъ замѣтныхъ результатовъ Необходимо также повысить и служебное положеніе по крайней мѣрѣ болѣе заслуженныхъ преподавателей, которые нынѣ, оставаясь всю жизнь въ учительскомъ званіи, не имѣютъ въ виду никакой надежды на почетныя отличія, которыхъ добиваются ихъ сверстники, въ другихъ родахъ службы

Если бы министерству народнаго просвѣщенія удалось, улучшая матеріальное и служебное положеніе преподавателей и воспитателей, привлечь въ ихъ ряды побольше даровитыхъ людей и затѣмъ дать имъ

надлежащую педагогическую подготовку, то можно съ увѣренностью сказать, что главная задача по улучшенію средней школы была бы рѣшена, потому что мы имѣли бы хорошихъ и неутомленныхъ учителей, а только хорошій и бодрый учитель можетъ достигнуть главной цѣли школы — пріучить умъ ученика къ самостоятельной, отчетливой и настойчивой работѣ Какъ скоро эта цѣль будетъ достигнута, то теряетъ свою остроту и вопросъ о томъ, какіе предметы надо класть въ основу преподаванія—древніе ли языки или естественныя науки, или математику и пр Хорошій учитель будетъ на всякомъ предметѣ достигать желанной цѣли.

2) Но и при хорошихъ учителяхъ, а тѣмъ болѣе при неудовлетворительныхъ, имѣетъ важное значеніе вопросъ объ организаціи средней школы Многіе изъ предметовъ, относящихся къ этому вопросу, не возбуждаютъ серьезныхъ разногласій; напр, всѣ признаютъ, что школѣ долженъ быть данъ болѣе національный характеръ, что надо обратить большее вниманіе на нравственное и физическое воспитаніе и т д Точно такъе всѣ были согласны, что слѣдуетъ сохранить оба типа школы, т-е и классическую гимназію и реальное училище. Но разногласія возникли по вопросу о томъ, нужно ли сохранить преподаваніе древнихъ языковъ, и если нужно, то въ какой степени, нужно ли вводить въ гимназіи естественныя науки и въ какихъ размѣрахъ, нужно ли допускать реалистовъ въ университетъ Взвѣсивъ различныя мнѣнія, я пришелъ къ слѣдующему заключенію· слѣдуетъ сохранить оба типа школы — классическую гимназію и реальное училище, придавъ и этому послѣднему характеръ общеобразовательной средней школы Но относительно гимназіи слѣдуетъ признать, что древніе языки (именно латинскій) должно начинать не ранѣе третьяго класса Въ комиссіи значительное большинство педагоговъ и врачей признавало чрезвычайно вреднымъ одновременно начинать изученіе нѣсколькихъ языковъ, такъ какъ при этомъ въ умѣ ребенка создается путаница, а потому рекомендовало въ двухъ младшихъ классахъ ограничиться изученіемъ родного языка и одного изъ новыхъ, иностранныхъ Другой древній языкъ, греческій, слѣдуетъ начинать не ранѣе четвертаго или даже пятаго класса, чтобы дать ученикамъ достаточно укрѣпиться въ латинскомъ языкѣ, прежде чѣмъ перейти къ греческому Я находилъ бы возможнымъ, согласно съ мнѣніемъ многихъ членовъ комиссіи, ограничиться обязательнымъ изученіемъ только одного языка, именно латинскаго, сохранивши обязательность греческаго языка лишь для тѣхъ, кто хочетъ поступить на историко-филологическій факультетъ. Практически это можно было бы осуществить такимъ образомъ, что въ каждой гимназіи были бы преподаватели того и другого языка, но ученики съ 4 или 5 класса, по желанію родителей, распредѣлялись бы на два отдѣленія. латинское и греко-латинское. И то и другое отдѣленіе должно давать право поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія и на всѣ факультеты университета, съ тѣмъ, однако, что выпущенные на историко-филологическій факультетъ будутъ обязаны выдержать дополнительный экзаменъ по греческому языку

Допущеніе отдѣленія съ однимъ латинскимъ языкомъ, по моему убѣжденію, не лишитъ гимназію классическаго характера Сторонники клас-

сической системы обыкновенно оправдываютъ ее двумя доводами во-первыхъ, изученіе тонко развитыхъ грамматическихъ формъ древнихъ языковъ, особенно латинскаго, даетъ уму формальное образованіе, и, во-вторыхъ, изученіе римской и греческой литературы знакомитъ ученика съ древней цивилизацией, которая лежитъ въ основѣ цивилизаціи современной Но въ дѣйствительности, по общему признанію, не только русскіе, но даже и нѣмецкіе гимназисты не достигаютъ даже въ послѣднемъ классѣ такого знанія древнихъ языковъ, чтобы свободно читать древнихъ авторовъ, а потому и не знакомятся съ древней литературой Самое большее, чего достигаетъ средній ученикъ, это умѣнье перевести съ помощью словаря какое-нибудь мѣсто древняго писателя Въ классахъ же за 8 или за 9 лѣтъ прочитывается лишь нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ отрывковъ греческихъ и латинскихъ авторовъ Такіе скромные успѣхи огромнаго большинства учениковъ не даютъ имъ возможности познакомиться съ древней цивилизацией Остается только другое оправданіе — формальное образованіе. Всѣ признаютъ, что въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ важно изученіе латинскаго языка. Поэтому-то я и полагаю, что имъ однимъ можно достигнуть того, что дѣйствительно достижимо при классической системѣ Къ тому же, латинскій языкъ, кромѣ педагогическаго значенія, имѣетъ и практическое, напримѣръ, онъ облегчаетъ изученіе романскихъ языковъ, даетъ возможность легче усвоивать терминологію многихъ наукъ, знакомиться со многими капитальными сочиненіями среднихъ вѣковъ и новаго времени Съ другой стороны, съ устраненіемъ греческаго языка освободится время для изученія естественныхъ наукъ и расширенія познаній по русской литературѣ, исторіи и географіи и, наконецъ, для физическихъ упражненій. Для небольшого числа родителей, которые пожелали бы непремѣнно, чтобы дѣти ихъ начинали изученіе древнихъ языковъ съ самыхъ первыхъ классовъ, можно было бы въ столицахъ оставить по одной гимназіи въ теперешнемъ видѣ Предполагаемыя измѣненія въ организаціи гимназій не потребуютъ никакой крупной ломки въ теперешнихъ гимназіяхъ, а между тѣмъ они дадутъ въ результатѣ болѣе осмысленное изученіе древнихъ языковъ и больше времени для отдыха, для здоровья, игръ и для болѣе основательнаго усвоенія другихъ предметовъ. Если прибавить къ этому, что будутъ введены и нѣкоторыя существенныя улучшенія въ способахъ преподаванія, экзаменахъ и воспитательныхъ пріемахъ, то я осмѣливаюсь думать, что черезъ нѣсколько лѣтъ наши гимназіи оживутъ и будутъ выпускать юношей болѣе бодрыхъ умственно и физически, и все русское образованное общество испытаетъ чувство удовлетворенія.

3) Перемѣны въ реальномъ училищѣ были приняты въ комиссіи довольно единодушно. Главныя изъ нихъ, которыя я считалъ бы желательными, заключаются въ слѣдующемъ а) необходимо добавить восьмой классъ для того, чтобы можно было тщательнѣе, безъ спѣха, выполнять программы преподаванія и по нѣкоторымъ общеобразовательнымъ предметамъ, сравнять эти программы съ гимназическими. б) Преподаваніе новыхъ иностранныхъ языковъ поставить такимъ образомъ, чтобы оно, находясь въ рукахъ образованныхъ филологовъ, не только давало практи-

ческое знаніе языка, но и достигало той же педагогической цѣли, какъ ставится для древнихъ языковъ, т.-е давало формальное развитіе ума путемъ сопоставленія формъ языка русскаго съ иностраннымъ. Я, подобно многимъ членамъ комиссіи, не сомнѣваюсь, что новые языки, особенно французскій и нѣмецкій, могутъ съ успѣхомъ сыграть роль древнихъ въ указанномъ отношеніи, конечно, если учитель будетъ образованъ филологически и педагогически Это признаютъ даже нѣкоторые классики, напр, теперешній попечитель рижскаго учебнаго округа Шварцъ, бывшій профессоръ древнихъ языковъ, в) допустить реалистовъ въ университетъ на медицинскій и физико-математическій факультеты Я бы считалъ такое допущеніе вполнѣ возможнымъ въ виду того, что при указанныхъ преобразованіяхъ реальныя училища сравниваются съ гимназіями и по объему программъ и по степени умственнаго развитія ихъ выпущенниковъ. Я бы считалъ только необходимымъ требовать отъ реалистовъ дополнительнаго экзамена по латинскому языку въ небольшихъ размѣрахъ, такъ какъ и медикамъ, и естественникамъ, и математикамъ приходится нерѣдко, въ учебныхъ сочиненіяхъ, встрѣчать латинскіе термины и цитаты. Нѣтъ основанія опасаться, что открытіе реалистамъ доступа въ университетъ поведетъ къ еще большему переполненію послѣднихъ, потому что теперь въ университетахъ установленъ комплектъ. Да и вообще, изъ реальныхъ училищъ пойдутъ лишь тѣ немногіе, которые почувствуютъ неодолимое влеченіе къ чистой отвлеченной наукѣ, тогда какъ огромное большинство предпочтетъ спеціальныя техническія училища, которыя открываютъ болѣе выгодную и блестящую дорогу.

4) Изъ сужденій комиссіи выяснилась также потребность въ устройствѣ такъ называемыхъ общихъ прогимназій, т.-е въ устройствѣ низшихъ классовъ гимназіи и реальнаго училища такимъ образомъ, чтобы они были по возможности сходны по программамъ и по пріемамъ преподаванія Это не только облегчило бы переходъ изъ одного заведенія въ другое, но дало бы возможность устраивать эти прогимназіи въ маленькихъ городахъ, вслѣдствіе чего ученики были бы ближе къ своимъ родителямъ въ тотъ нѣжный возрастъ, когда ребенокъ особенно нуждается въ заботахъ и ласкахъ.

5) Всѣ признаютъ, что обученіе и воспитаніе въ школѣ тогда только можетъ быть удовлетворительно, когда наставникъ можетъ изучать особенности каждаго ученика и приноравливаться къ нимъ Это важное требованіе, однако, не можетъ быть выполнено въ очень многихъ среднихъ школахъ особенно въ столицахъ и большихъ губернскихъ городахъ, вслѣдствіе того, что классы въ нихъ до крайности многолюдны (часто доходятъ до 50—60 человѣкъ): всѣ наисовершеннѣйшія реформы разобьются объ эту переполненность классовъ. Необходимо поэтому ввести требованіе, чтобы въ каждомъ классѣ было не болѣе 30 человѣкъ Но для этого необходимо въ сравнительно короткое время открыть нѣсколько новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ, не для увеличенія числа учащихся, а для правильнаго распредѣленія наличныхъ учениковъ Конечно, это нельзя сдѣлать въ одинъ-два года, но это необходимо сдѣлать въ ближайшія 5 лѣтъ

6) Въ комиссіи почти единогласно признали, что безжизненность и формализмъ теперешней школы въ значительной степени зависитъ отъ того, что директора, преподаватели и педагогическій составъ опутаны множествомъ мелкихъ предписаній Сдѣлано это съ цѣлью установить тщательный контроль за ними Но такая регламентація убила въ нихъ живой интересъ къ дѣлу и личный починъ Поэтому я считаю необходимымъ ослабить регламентацію и бумажный контроль и предоставить личному почину преподавателя, директора и педагогическаго совѣта больше простора. Но такая система заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ установить болѣе дѣятельный фактическій надзоръ министерства и попечителей учебныхъ округовъ. У послѣднихъ органомъ такого фактическаго надзора служатъ окружные инспектора. Число ихъ, однако, крайне недостаточно и при теперешнемъ бумажномъ контролѣ, а при фактическомъ надзорѣ необходимо будетъ увеличить это число Для этого понадобится новый кредитъ на содержаніе и на разъѣзды инспекторовъ .

8) Наконецъ было бы желательно открыть обществамъ и частнымъ лицамъ возможность создавать среднія школы новыхъ типовъ Конечно, и правительство должно дѣлать опыты въ малыхъ размѣрахъ, чтобы отыскать лучшую организацію школы, но нѣтъ причины отказывать въ томъ же и частнымъ лицамъ, если министерство народнаго просвѣщенія предварительно одобритъ проектъ новой школы Конечно, чтобы такой опытъ могъ быть предпринятъ, необходимо такой новой частной школѣ предоставить нѣкоторыя права

Такимъ образомъ предполагаемыя мною нововведенія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ

1) Для улучшенія преподавателей и воспитателей устроить педагогическіе курсы въ университетскихъ округахъ и повысить матеріальное и служебное положеніе учебнаго персонала

2) Въ гимназіяхъ, сохраняя оба древніе языка, сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учениковъ одинъ латинскій языкъ, а греческій языкъ лишь для поступающихъ на историко-филологическій факультетъ Начинать латинскій языкъ не ранѣе 3-го класса, а греческій 1 или 2 годами позже.

3) Въ реальныхъ училищахъ прибавить 8-й классъ, улучшивъ программы преподаваемыхъ предметовъ. Окончившихъ полный курсъ допускать на физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ, но съ дополнительнымъ экзаменомъ изъ латинскаго языка въ небольшихъ размѣрахъ.

4) На отдаленныхъ окраинахъ имперіи допускать, ради экономіи, соединеніе гимназіи съ реальнымъ училищемъ въ одномъ заведеніи.

5) Низшіе классы гимназіи и реальнаго училища организовать одинаково, чтобы облегчить переходъ изъ одного училища въ другое и устройство первыхъ въ небольшихъ городахъ.

6) Увеличить число гимназій и реальныхъ училищъ не ввиду увеличенія числа мѣстъ, а для уменьшенія переполненности существующихъ учебныхъ заведеній.

7) Предоставить больше почина педагогическимъ совѣтамъ и уменьшить бумажный контроль, замѣнивъ его фактическимъ, для чего увеличить число должностей окружныхъ инспекторовъ.

8) Предоставить большую возможность обществамъ и частнымъ лицамъ дѣлать опыты съ новыми типами среднихъ школъ.

Всѣ эти предположенія должны быть разработаны въ видѣ уставовъ, инструкцій и т. п и внесены въ Государственный Совѣтъ прежде, чѣмъ будутъ повергнуты на окончательное утвержденіе Вашего Императорскаго Величества. Но для этого потребовалось бы употребить много времени и силы, и денежныхъ средствъ. Эти траты были бы излишни, если Ваше Величество уже теперь соизволили бы высказаться противъ самого существа задуманныхъ мною требованій Вслѣдствіе сего я пріемлю долгъ испрашивать указаній Вашихъ, Государь благоугодно ли будетъ разрѣшить мнѣ продолжать работу по преобразованію средней школы въ вышеуказанномъ направленіи съ тѣмъ, чтобы на окончательное Высочайшее утвержденіе мои предположенія были повергнуты установленнымъ порядкомъ, т-е. черезъ Государственный Совѣтъ»

